

Российское Философское Общество
Восьмой Российский Философский Конгресс
«Философия в полицентричном мире»
Сборник научных статей

Главный редактор - академик РАН Смирнов Андрей Вадимович
Научный редактор - доктор философских науки Антоновский А.Ю.

Редсовет:

Смирнов А.В. (ИФ РАН); Гусейнов А.А. (ИФ РАН); Лекторский В.А. (ИФ РАН); Миронов В.В. (МГУ)
Антоновский А.Ю. (ИФ РАН); Бельский В.Ю. (Ун-т МВД); Бернюкевич Т.В. (МГСУ); Вархотов А.Ю. (МГУ); Диев В.С. (НГУ); Докучаев И.И. (РГГУ им. А.И. Герцена); Дудник С.И. (СПбГУ); Кирабаев Н.С. (РУДН); Козырев Т.А. (МГУ); Колотуша В.В.; Марков Б.В. (СПбГУ); Покровская Т.П. (МГУ); Пружинин Б.И. (ИФ РАН); Резник Ю.М. (ИФ РАН); Синеокая Ю.В. (ИФ РАН); Чубаров И.М. (ТюмГУ); Шевченко В.Н. (ИФ РАН).

Редколлегия:

Вострикова Е.В. (к.филос.н), Гавриленко С.М., (к.филос.н.) Тухватулина Л.А., (к.филос.н.), Куслий П.С. (с.н.с., к.филос.н.), Соколова Т.Д. (к.филос.н.), Погожина Н.Н. (к.филос.н.), Цуркан Е.Г. (к.филос.н.),
Ответственный секретарь Новожилов М.А.

Оргкомитет Конгресса:

Председатель Оргкомитета:

Садовничий В.А. — Академик РАН, ректор МГУ имени М.В. Ломоносова

Сопредседатели Оргкомитета:

Смирнов А.В. — Академик РАН, директор Института философии РАН, Президент Российского философского общества (далее – РФО)

Козырев А.П. — Доцент, и.о. декана философского факультета МГУ

Миронов В.В. — Член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, вице-президент РФО

Заместители сопредседателей Оргкомитета:

Резник Ю.М. — Главный научный сотрудник ИФ РАН, профессор, вице-президент РФО

Антоновский А.Ю. — Ведущий научный сотрудник ИФ РАН, профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Вархотов Т.А. — Доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ученый секретарь Оргкомитета:

Королев А.Д. — Старший научный сотрудник ИФ РАН, главный ученый секретарь РФО

Программный комитет Конгресса:

Председатель Программного комитета:

Гусейнов А.А. — Академик РАН, научный руководитель Института философии РАН

Сопредседатели Программного комитета:

Лекторский В.А. — Академик РАН, главный научный сотрудник ИФ РАН,;

Кирабаев Н.С. — Профессор, проректор по научной работе Российского Университета Дружбы Народов

Заместители сопредседателей Программного комитета:

Диев В.С. — Профессор, директор Институт философии и права Новосибирского государственного университета;

Дудник С.И. — Профессор, директор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;

Рабош В.А. — Профессор, проректор РПГУ имени А.И. Герцена,

Синеокая Ю.В. — член-корреспондент РАН

Щелкунов М.Д. — Профессор, директор Института социально-философских наук и массовых коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета

Ученый секретарь Программного комитета — Чижков Н.С., Институт философии РАН, м. н. с.
(info@rpcongress.ru)

Российское Философское Общество

**Восьмой Российский Философский
Конгресс**
- «Философия в полицентричном мире» -
Дополнения и Стеновые доклады ^(V)
(Сборник научных статей)

Российское философское общество - Институт философии РАН - МГУ им. М.В.
Ломоносова
Издательство «Логос»
Москва 2021

Восьмой Российский Философский Конгресс - «Философия в полицентричном мире».
Дополнения и Стеновые доклады (том V: Дополнения (А-Я) & Addenda).

Сборник научных статей

М.: РФО - ИФРАН - МГУ.

Издательство «Логос», ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2021. – 1008 стр. (+20 стр.)

Аннотация:

Сборник включает научные статьи, представленные на Восьмом Российском Философском Конгрессе, организованный Российским Философским Обществом при участии философского факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова и Института философии Российской академии наук.

Историческая миссия философа связана со способностью к универсальному обобщающему высказыванию. Эта компетенция, придающая философии статус универсального медиатора, способного говорить на одном языке в равной мере с экспертами и с неспециалистами, обязывает философское сообщество к выполнению особой просвещенческой и мировоззренческой миссии.

Со времен эпохи Просвещения, возведшей знание и образование в ранг вечных общечеловеческих ценностей и, одновременно отождествившей их с конкретным цивилизационным проектом, европейской наукой и европейской системой образования, мир сильно изменился. Мы живем в эпоху растущей культурной сложности, выражающейся в утрате Европейским культурным проектом безоговорочного лидерства и фрагментации всех социальных полей, включая и традиционное для философа поле интеллектуальной культуры. Мир становится сложнее, утрачивая простоту и однозначность эпистемических критериев и ценностных ориентиров, но обогащаясь новыми центрами и растущим многообразием дискурсивных практик.

В условиях полицентричного мира возможность универсального обобщающего высказывания, на первый взгляд, оказывается под вопросом. Однако фрагментированное социальное пространство и растущее многообразие дискурсивных практик не снимают вопрос о поиске универсалий, а лишь повышают его значимость. В условиях полицентричного мира философия должна стать универсальным медиатором, способным строить мосты и способствовать трансферу знаний и ценностей между различными центрами и связанными с ними культурами.

*Печатается по решению Президиума Российского Философского Общества
Все материалы прошли рецензирование и отбор*

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-6045241-5-2 (серия 'congressus'.05)

© Оформление, серия 'congressus' – издательство «Логос» (Москва), проект letterra.org .

РФК-2020

ДОПОЛНЕНИЯ ^(А-Я)

Дизайн и национальные традиции

Абдуллаева Н. Б.

Национальный университет Узбекистана. Доктор философских наук

nasiba.abdullayeva.1969@mail.ru

Аннотация: В данной статье исследуется проявление творческой сущности дизайнера, влияние на национальную культуру. Анализируются особенности национального дизайна, проявление в быту, в культурном пространстве.

Ключевые слова: Дизайн, культура, традиции, культурное пространство, эстетика быта, интерьер, функционально-эстетические особенности.

Design and national traditions.

Abdullayeva Nasiba

National University of Uzbekistan

Abstract: In article are investigated a design role in improvement of esthetic culture of the personality, it is analyzed its features and opportunity in modern conditions.

Keywords: Design, interior design, esthetic culture, national value, national traditions.

Самое важное и любимое место в жизни каждого из нас – наш дом. Именно здесь мы полностью расслабляемся и чувствуем себя теми, кто мы есть. И очень точно подмечено: если хочешь лучше узнать человека – побывай у него дома. Для каждого из нас очень важен комфорт и уют собственного жилья, но помимо этого интерьер дома или квартиры всегда отражает нашу индивидуальность, наши вкусы и характер, наш уровень и стиль жизни. Проектирование интерьера – занятие не только увлекательное, но и необходимое. Ведь красивый интерьер создается не только при помощи богатой фантазии, но и с учетом технических возможностей реализации того или иного замысла. Композиционно-планировочные нормы жилых домов обусловлены целым комплексом социальных, культурных, природно-климатических условий и факторов [1, с. 14]. Это особенно проявляется в жилых домах, построенных в XIX-XX веках в Узбекистане. Благодаря расположению жилых комнат вокруг замощенного двора, они были изолированы от уличного шума и пыли. Также это помогало сохранить прохладу в жару. В интерьере таких домов было характерно использование раздвижных стен и ставней, декоративных стеновых ниш, расписных потолков и резьбы по ганчу. Интерьер такого жилища был прост, но все в нем было самобытно и рационально.

Своеобразие архитектурного дизайна узбекского дома заключается в его разделении на внутреннюю и внешнюю часть. Об этом писал в своем произведении «Минувшие дни» узбекский писатель А. Кадыри: «Первое, что бросится в глаза во дворе, это дом с террасой, вытянувшийся с востока на запад. Если он не представляет собой произведения искусства, то, во всяком случае, это один из лучших домов в городе. На площадке перед домом, да и в помещении за ней, в этот час дня не видно никого, из чего можно заключить, что это наружный двор михманхана» [2, с.28]. Это описание дает представление об архитектурном дизайне узбекского дома, а также внимании, уделявшемся женщине, заботе о ней, о бытовых условиях. В предназначенной для женщин внутренней части дома создавались удобства и уют.

При создании интерьера узбекского дома учитывались такие качества народа, как гостеприимство, многодетность, то, что узбекские семьи, как правило, большие семьи, состоящие из нескольких поколений. Узбекское гостеприимство - это не просто обычай, это нравственный закон, пришедший к нам из глубины веков. Законы гостеприимства дошли и

до наших дней, превратившись в добрую традицию. Дизайн, естественно, имеет отражение местных традиций. Можно много говорить, например, об узбекском дизайне. Далеко на юге, в знойном Узбекистане - свои характеры, свои темы, свои традиции. И дизайн там имеет свои местные признаки. Интерьер узбекского дома был непосредственно связан с народным прикладным искусством, традиционными ремеслами. Ребёнок в узбекском доме с первых дней рождения знакомился с прикладным искусством. Ярким примером этому можно служить бешик (колыбель). «Бешик – это дом ребенка, где он находится, пока не встанет самостоятельно на ноги... В одном прочном, удобном и красивом бешике может вырасти не одно поколение детей. У узбеков и таджиков есть дети и внуки, выросшие в бешике отца и деда. Молодые матери предпочитают растить своих детей в таких древних, приносящих счастье бешиках. Поэтому узбеки считают бешик святыми, если даже у них нет новорожденного, никогда не выбрасывают его. Они всегда хранят его в своей семье» [3, с.8] Бешики на протяжении веков оформлялись различными узорами. Бешик с цветными курпачами и красивым покрывалом служил ребенку маленьким миром, призывающим к красоте, изяществу, удобству и был символом связи поколений, уверенности в будущем.

Привлекающей внимание частью дома была гостиная, в которой особенно важно было достичь гармонии функциональности и красоты. Составной частью традиционного интерьера гостиной узбекского дома были ниши в стенах, встроенная мебель — тахмон, предназначенные для курпачей и посуды, в связи с чем они несколько отличались друг от друга по размерам и оформлению. Обычаи, традиции, ценности каждой области нашли отражение в дизайне интерьера. Например, основу интерьера в Сурхандарьинского региона составляют художественная вышивка, курок (лоскутное шитье) и ковры. Комната молодой невестки украшается вышитыми ее руками сюзане, паляком (гобеленом), ковриками для молитвы. Тематическими узорами сюзане темы космоса, природы, счастья, любви. Как правило, в центре большой круг, символизирующий солнце, луну, на сюзане размещаются от одного до восьми таких кругов, которые называются луной. Они подразделяются на «катта ой» (большая луна), и «кичик ой» (малая луна). Ширина сюзане бывают 1,5-2 м, длина до 2-4м, по краям выполняются вышивка, отображавшая мир в представлении вышивальщиц. Вкус, эстетическая культура невест проявляются в рисунках курпачей, и в том, как они складывались на сундуке. Так же считаются обязательным, чтобы в приданом невесты были вышитые подушки и скатерть, лоскутный дастархан. Они символизируют продолжение рода, достаток и изобилие в семье. Оформление жилого пространства объединяется идея, гармония в сочетании всех элементов декора интерьера, цельный образ, соответствующий духу хозяина дома. Для современной Сурхандарьинской вышивки характерно многообразие самобытных, удивительно красочных и ярких орнаментов, наделённых древним магическим смыслом. Сурхандарьинский стиль вышивки богат растительными орнаментами со всевозможными цветочными вариациями: «эгизгуль» (цветокблизнец), «лолагуль» (цветоктюльпан), «пахтагуль» (цветокхлопок), «ойгуль» (цветоклуна) и многие другие. Мастерицы Сурхандарьи сумели сохранить практически все виды традиционных мотивов в оформлении всевозможных изделий, таких как Байсунские тубетейки, бельбоги (поясные платки), ойна-хальта (мешочки для зеркал), сюзане (настенные матерчатые перегородки), бугджома (покрывала для хранения вещей). Вышивка по сей день является наиболее распространенным видом рукоделия узбекских женщин. Предметно-культурная среда пространства жилого дома, улицы, парка, все разнообразные предметы обихода способствуют формированию у человека эстетического вкуса, эстетической культуры. Они с помощью дизайна выполняют не только утилитарную, но и художественно-эстетическую функции.

Дизайн – это социальное явление, воплощающее в себе техническое, научное и художественное творчество, он является основным фактором формирования культурного пространства, обладая имманентной особенностью - гармонией функциональности и художественности, удобства и комфорта. Дизайн становится проводником достижений человеческой культуры [4 с.40]. Он проникает во все сферы жизни и деятельности людей.

Живущий в таком пространстве чувствует труд, талант, мастерство человека, осознаёт, что в этих предметах проявляется нравственно-эстетическая культура народа и бережёт их.

В целом в дизайне современного узбекского интерьера можно отметить следующие аспекты культурного наследия:

во-первых, функциональные особенности предметов, то есть соответствие форм и размеров ковров, сундуков или полок параметрам помещения и их востребованность в удовлетворении утилитарных потребностей человека;

во-вторых, узоры, цвет, оформление изделий и артефактов (например, ковров, сундуков, полок) в функциональном плане не имеют значения, но красотой и изяществом создают хорошее настроение человеку и являются своеобразным украшением помещения;

в-третьих, эти предметы и артефакты экологически безопасны, качественные, прочны и могут служить последующим поколениям;

в-четвертых, они служат показателем художественно-эстетического вкуса, уровня культуры и образа жизни хозяина дома.

Литература

1. Убайдуллаева Х. М. Инагамова М.М. Основы проектирование жилых и общественных зданий Т. Ворис. 2009, - 384
2. А. Кадири. Минувшие дни. Ташкент.: Шарк, 2007, С. 238
3. Махмуд Саттаров. Узбекские обычаи. Ташкент: Маънавият, 2003, С48
4. О.И. Генисаретский: Дизайн как он есть. М.: Издательство «Европа», 2006. 320 с.

Цивилизации как субъекты истории XXI века

Абросимова И.А.

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., доцент.

Кандидат философских наук

abrosimovaia@yandex.ru

Аннотация. Развитие современного глобального сообщества происходит по сценарию атлантизма, который предусматривает сохранение различных форм социального, расового, религиозного и культурного неравенства. Цивилизационная методология в понимании истории позволяет нормативно закрепить идею многополярного мира и право народов на реализацию собственных, сформированных культурных смыслов и ценностных систем. Культурно-цивилизационная миссия России состоит в том, что она выступает центром интеграции народов, отстаивающих идею многополярного мира. Автор обосновывает идею сохранения несколько ведущих, конкурирующих цивилизаций, бросающих вызов друг другу. Поддерживается позиция, согласно которой фактическими субъектами истории в XXI веке являются не только западная цивилизация и североамериканская, но и российская, исламская, китайская цивилизации. Российская цивилизация после постсоветского кризиса рубежа XX-XXI веков укрепила статус субъекта глобального развития и дальнейшее развитие возможно с опорой на цивилизационную идеологию. Предлагаются основные идеи и принципы цивилизационной идеологии.

Ключевые слова: цивилизация, субъект истории, глобализация, цивилизационная идеология, религия, культура, многополярный мир.

Civilizations as subjects of 21st century history.

Abrosimova I.

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Abstract. The development of the modern global community takes place according to the scenario of Atlanticism. This scenario provides for the preservation of various forms of social, racial, religious and cultural inequality. The author relies on a civilization methodology in understanding history. This methodology allows us to normatively consolidate the idea of a multipolar world and the right of peoples to implement their own, formed cultural meanings and value systems. Russia, as the center of integration of peoples defending the idea of a multipolar world, is the cultural and civilization mission of Russia. The author substantiates the idea of preserving several leading, competing civilizations that challenge each other. After the post-Soviet crisis of the turn of the XX-XXI centuries, Russian civilization strengthened the status of a subject of global development. Further development of Russia is possible based on civilization ideology. The basic ideas and principles of civilization ideology are proposed.

Keywords: civilization, subject of history, globalization, civilization ideology, religion, culture, multipolar world.

Развитие современного общества в социальной науке представляется как глобальный процесс. Трансформации, происходящие за последние десятилетия, привели к доминированию глобализации по сценарию атлантизма, при ведущей роли США. Отсутствуют прямые военные столкновения между ведущими субъектами мировой политики, однако надежды на гуманизацию мировой политики, снятие проблемы войн не оправдались. Более того, в рамках мирового сообщества возникают новые формы религиозного, расового и культурного неравенства. В качестве альтернативы может быть предложен противоположный сценарий глобализма, предполагающий наличие нескольких ведущих конкурирующих цивилизаций, базирующихся на основании «стержневых» государств. В такой концепции глобализации Россия начинает выступать на мировой арене

не только мощным многонациональным субъектом-государством, но и ведущей цивилизацией.

Интересно, в этой связи, позиция современного мыслителя А.Г. Дугина. По его мнению, полноценным субъектом современной истории выступает только западная цивилизация. Все остальные «пребывают пока в потенциальном состоянии, но вместе с тем, у каждой из этих цивилизаций есть серьезные внушительные основания для того, чтобы двигаться в сторону интеграции и становления полноценными субъектами истории XXI в.» [1, с. 111].

Цивилизации выступают реальными субъектами истории, когда несут универсальную, общечеловеческую идею. Российское общество в качестве цивилизации смогло оформиться на основе восточного христианства, базирующегося одновременно и на особенностях православия, и на наднациональных, вселенских началах христианской культуры. В этой связи, советский этап развития российского общества может рассматриваться как форма поиска идеи коммюнитарности (Н.Бердяев), противостоящей идее индивидуализма Запада и реализующейся на цивилизационном уровне, в котором идея коммунизма из универсальной превратилась в цивилизационную.

Оригинальность и универсализм цивилизационной идеи – обязательное условие становления и развития цивилизации. Универсализм может распространяться либо только на однотипную национальную группу народов, как это проявляется в Китае или в Индии, либо на сообщество, включающее различные народы и базирующееся на одной религиозной основе (цивилизация Запада), либо объединять группы народов, имеющие различные национальные и религиозные корни, но сходную ментальность, схожие представления о соотношении мира и человека, общую духовную и политическую культуру, а также волю к объединению перед опасностью поглощения чуждыми сообществами.

Цивилизации гибнут, если они уже не могут дать ответы на вызовы современности, представить миру собственную высокую миссию и идею. Универсальная миссия может распространяться на отдельные регионы или глобальный мир в целом. Так произошло с идеей индивидуализма, свободного человека и рыночного общества. Однако в случае глобальных катаклизмов она может снова стать локальной. Например, по мнению Д.И.Зарова, сейчас «над западным сообществом возникла угроза не только быть загнанным в собственные национальные границы, но и потери религиозной и цивилизационной идентичности.» [2, с. 32]. Потеря любой цивилизационной системы – величайшая катастрофа для глобального сообщества именно потому, что исчезает субъект взаимодействия, способный не только предложить свой самобытный путь развития, но и разумно ограничить одиозные последствия действий других субъектов.

Современная Россия, пережив катаклизмы разрушения советской империи как результат цивилизационных столкновений, возвращает субъектность на глобальном уровне в качестве полноценного игрока исторического процесса. Попытки отказа, отмежевания от языческого или советского периодов развития, представив их как некое «отклонение» от стратегического русла развития, являются результатом произвола в выборе методологии анализа общества. Методология цивилизационного подхода включает в себя историко-генетический принцип, заключающийся в обязательном учете преемственности развития цивилизации и идей, на которых они строились. К таким идеям относится идея единства индоевропейских народов, отраженная в концепции евразийской цивилизации А.Дугина, идея России как православного мира, выраженная в представлениях Святейшего Патриарха Кирилла, идея общества социальных гарантий и социальной справедливости, реализованная в советской субцивилизации, представленной А.Зиновьевым как достаточно удачная, но не завершенная попытка показать миру альтернативный проект цивилизационного развития и одновременно как реализовавшаяся социальная утопия [3, с. 258]. Данные идеи в оптимальной форме возможно выразить в разработанной цивилизационной идеологии.

Классовая идеология советского общества возникла в рамках формационной теории и выражала интересы определенного класса, ядро которого составляла политическая партия;

государственная идеология любого общества стоит на страже интересов правящих классов в государстве. Цивилизационная идеология может быть предназначена для обоснования интересов суперэтноса, специфики, места и роли российского общества как субъекта глобального развития [4, с. 116]. В ней могут быть заложены, кроме названных «генетических» идей, следующие принципы.

Интеграция в евразийском пространстве с культурами индоевропейских, тюркских и других народов.

Сохранение роли православия в уже построенном комплиментарном взаимодействии с другими конфессиями.

Реализация платонической реальности в социальных проектах, опирающихся на различные, в том числе и коллективистские, формы собственности, а также моральные нормы и идеи социальной справедливости.

Опора на идею многополярного мира и право народов на реализации самобытных культурных особенностей и ценностей.

Цивилизационная идеология дает определенность во взаимоотношениях цивилизаций и очерчивает возможность настаивать на своих интересах. Разработчиками цивилизационной идеологии могут не только представители власти, но прежде всего нравственная и интеллектуальная элита общества.

Мировые религии, часть политических идеологий, а также идеологии, базирующиеся на научных концепциях (например, теория ноосферы), несут в себе зачатки цивилизационных идеологий. В китайской и исламской цивилизациях проходит мощная идеологическая обработка сознания в направлении цивилизационной специфики данных обществ. Такая обработка нередко имеет тенденцию формирования национализма или религиозной нетерпимости. Избежать этого возможно только путем диалога и взаимодействия, в том числе экономического и культурного.

Объясняя успехи Китая, В.Н.Шевченко использует понятие государства-цивилизации и связывает данные успехи с возвращением Китая на собственный цивилизационный путь развития, использование традиционных институтов китайской цивилизации и создание особенной идеологии. Он отмечает возрастание роли государств-цивилизаций в современном мире, относя к ним, кроме Китая, Индию, Россию, Иран, Турцию и Бразилию: «В России на протяжении столетий каждый конкретно-исторический тип государства (русское централизованное государство, Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация) воспроизводит в главном одну и ту же матрицу государственности.»[5, с. 113]. Такая позиция достойна внимания, если различать культурные и культурно-цивилизационные особенности обществ, иначе каждое государственное образование может быть названо цивилизацией.

Следует отметить, что отдельная национальная или религиозная идея не могут выступать интегрирующим стержнем для цивилизационной интеграции и цивилизационной идеологии, хотя являются важными ее факторами. Цивилизации, построенные на той или иной религии, обладают рядом недостатков, в них зачастую исчезает установка на фундаментальную ценность индивидуальной свободы человека и от политической власти, и от религии, и от морального насилия. Человек должен иметь возможность свободного вероисповедания. Чтобы быть свободно верующим, человек должен быть в какой-то мере отчужден от религии, например, в политическом плане. Русская идея как идеологический концепт также не подходит для идеологического обоснования стратегии развития цивилизации, поскольку ориентируются на один этнос и уже показала свою ограниченность, как и любая национальная идея в многонациональном обществе.

В каждом из современных обществ, западного и не-западного типа, к настоящему времени сложилось и развивается своя политическая культура и собственный вариант демократического устройства, копировать которые не представляется возможным. По мере развития, они могут перерасти в специфические цивилизационные особенности. С другой

стороны, сегодня и исламские, и христианские тексты начинают трактовать и реализовывать на практике не духовные лица, а политические фигуры, в том числе и радикальные. Поэтому стратегически важными становятся межцивилизационные диалоги. Например, сейчас исламская цивилизационная система активно развивается и очерчивает собственные границы; ей необходимо помочь отсечь элементы экстремизма и фундаментализма. Особенно актуальными становятся встречи с исламскими идеологами, чтобы можно было вести диалог на приемлемых для развития глобального сообщества основаниях. Это особенно важно, пока в военном, политическом и технологическом отношениях западная, российская и североамериканская цивилизация имеют существенные преимущества.

Современная Западная Европа смогла создать свою цивилизационную систему. Эта система себя четко обнаружила в противостоянии с другими субъектом, – частью бывшего Западного мира – Соединенными Штатами Америки, ставшими в основании Североамериканской цивилизационной системы. Ранее это противоречие не обнаружилось; оно стало особенно заметным с активным проявлением субъектности не только государства США, но и западноевропейского Сверхгосударства (А.Зиновьев) – отдельной цивилизации. Последнее стало возможным с распадом Советского Союза и обнаружением того, что особенности российского общества на самом деле являются не политическими, а цивилизационными.

Таким образом, если в течение всей истории в качестве полноценных цивилизаций выступали только отдельные общества, расширяющие свои границы через государственную экспансию, то в начале XXI века в явном виде проявили свою реальную субъектность и вышли на арену истории одновременно несколько цивилизаций. Весь мир разделился на цивилизационные континенты, в каждом из которых интегрированы различные народы, религии и культуры. Для каждого из них оптимально наличие универсальных цивилизационных идей, которые возможно артикулировать в цивилизационные идеологии при сохранении широкого выбора идентичности каждого народа. Только на этом основании возможен полноценный диалог между цивилизациями.

Литература

1. Дугин А.Г. «Цивилизация» как идеологический концепт // Цивилизация: Вызовы современности: Сб. статей / под ред. М.С. Уварова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2009. – С. 94-112.
2. Заров Д.И. Ценности и социокоды в пространстве столкновения цивилизаций // Цивилизация-общество-человек. 2018. №6-7. С. 29-32.
3. Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2008. 608 с.
4. Абросимова И.А. Цивилизационная идея в эпоху цивилизационных рисков // Межрегиональные Пименовские чтения. 2015. № 12. С. 116-121.
5. Шевченко В.Н. Возвращение Китая на национальный путь развития в эпоху глобализации: значимость и выводы для России // Век глобализации. 2018. №3 (27). С. 106-119.
6. Гринин Л.Е. Исламизм и глобализация // Век глобализации. 2019. №1 (29). С. 18-34.

***Актуальные проблемы истории и теории философии:
Философия экономики***

Авакян-Форер Армина

*Воронежский государственный университет, факультет философии и психологии,
преподаватель
philVSU@mail.ru*

Философия экономики – это философское осмысление мировоззренческих и научных основ, знаний об экономике, ее места в мире природы, общества и человеческой культуры.

Цель экономики нельзя установить в отрыве от человека. В сфере экономики производятся необходимые средства для существования человека, создаются ценности земной жизни людей. Экономика существует, поскольку существует человечество, она немыслима без человека. Поэтому никакая экономическая система не может быть абстрагирована от реальных человеческих потребностей, желаний, надежд и прочих обязательных условий и предпосылок хозяйствования. Можно утверждать, что философия экономики соединяет философию и экономику через человека. Экономика – это объективная реальность, с которой мы постоянно имеем дело в повседневности, это непреходящий атрибут нашего бытия. Как отмечал Г. Гегель (1770-1831гг.) именно экономика является фундаментом гражданского общества.

Двойственность человека рождает вопрос о том, чем нужно руководствоваться в принятии решений: нравственными идеалами или экономическими целями, нормами морали или материальной выгодой? Возможно ли включение нравственных ценностей в экономическую сферу, или нравственность и экономика - это области, которые должны существовать отдельно друг от друга? На эти вопросы пытается дать ответ философия экономики. Она способна ответить на «вызовы современности, т.е. на крупные методологические проблемы, которые предлагает ей современность. Но почему же в России так мало внимание уделяют философии экономики. В статье проводится философский анализ данной проблематики.

Идея теоретической и практической логики у Аристотеля

Агапов Е.П.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), профессор кафедры философии и культурологии. Доктор философских наук

march10@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме соотношения формальной и содержательной логики, которая получила детальное развитие в трудах представителей немецкой классической философии и философии марксизма, но продолжает привлекать внимание современных исследователей. Отмечая существование различных трактовок этой проблемы, автор считает возможным представить её как проблему взаимосвязи логики и теории аргументации. Теоретическая логика формулирует принципы правильного вывода, независимо от того, где они используются. В нем отвлекается от контекста использования умозаключений, игнорируя вопрос о том, являются ли наши предположения действительно верными или нет, но на практике мы не можем игнорировать его. Особенности использования умозаключений в доказательствах, дискуссиях и спорах рассматриваются в практической логике, которую обычно называют теорией аргументации.

Ключевые слова: логика, теория аргументации, теоретическая логика, практическая логика, формальная логика, содержательная логика.

The idea of theoretical and practical logic in Aristotle.

Agapov E.P.

Rostov State Economic University (RINH)

Abstract: The article is devoted to the problem of the correlation between formal and substantive logics, which received detailed elaboration in the works of the representatives of German classical philosophy and the philosophy of Marxism, but continues to attract the attention of modern researchers. Noting the existence of various interpretations of this problem, the author considers it possible to present it as a problem of the relationship between logic and the theory of argumentation. Theoretical logic formulates the principles of correct inference, irrespective of where they are used. Distraction from the contexts of using inferences is carried out in it by ignoring the question whether our assumptions are actually true or not, but in practice we can not ignore it. The peculiarities of using inferences in evidence, discussions and disputes are considered in practical logic, which is usually called the theory of argumentation.

Keywords: logic, theory of argumentation, theoretical logic, practical logic, formal logic, substantive logic.

В работах советских философов большое внимание уделялось проблеме соотношения двух логик – формальной, основы которой были заложены Аристотелем, и содержательной, получившей детальную разработку в трудах Гегеля и других представителей немецкой классической философии. Эта проблема решалась в рамках диалектической традиции, наиболее выдающимися представителями которой считались Гегель и классики марксизма-ленинизма. Согласно этой традиции, формальная логика основное внимание уделяет исследованию структуры готового знания, тогда как диалектика в своей логической функции изучает становление и развитие форм мышления, рассматривая знание как процесс отражения реальности, которая постоянно изменяется.

Лишившись идеологического налёта, соотношение формальной и содержательной логики не потеряло статуса важной научной проблемы. Эта проблема продолжает привлекать внимание исследователей, которые предлагают различные способы её интерпретации. Она по-прежнему находится в центре внимания диалектической традиции,

которая в 60–70-х годах интенсивно развивалась целым рядом отечественных философов, а в настоящее время поддерживается их идейными последователями. Со второй половины прошлого столетия среди специалистов стали приобретать известность логика времени, логика изменения, логика направленности и другие теоретические построения, которые были призваны решить проблему непротиворечивого описания изменяющегося бытия, восходящую еще к апориям Зенона. По нашему мнению, проблема соотношения формальной и содержательной логики может быть представлена как проблема соотношения логики и теории аргументации.

Для того чтобы обосновать свою точку зрения, обратимся к истории логики и теории аргументации. Логика является одной из древнейших дисциплин, которая была создана Аристотелем в 4 в. до н. э. Её возникновение связано с потребностями развития тех сфер общественной жизни Древней Греции, в которых существенную роль играло обоснование принимаемых положений, т.е. выведение их из ранее принятых положений. Обосновывать принимаемые положения приходилось прежде всего математикам и философам, а также тем, кто был связан с публичной политикой и правом, ставшими важнейшими сферами жизни в условиях древнегреческой демократии.

Обосновать какое-либо положение – значит правильно вывести его из тех положений, которые уже приняты. Математик доказывает новые теоремы, используя аксиомы и определения, а также ранее доказанные теоремы. Философ обосновывает свои представления о структуре бытия и природе человека с помощью правдоподобных положений, которые не должны вызывать серьезных возражений у его оппонентов. К таким же положениям апеллирует и человек, выступающий в народном собрании или суде. Обращаясь к структуре обоснования, Аристотель выделил в ней два элемента: во-первых, принимаемые положения (которые могут быть истинными или правдоподобными), а во-вторых, выведение из них обосновываемого положения. Такое выведение, называемое умозаключением, может быть правильным или неправильным, т. е. действительно иметь место или нет. Сделав умозаключение предметом специального исследования, Аристотель и положил начало логике как науке. Он был первым, кто осознал необходимость науки об умозаключениях, названной впоследствии логикой.

Как и логика, теория аргументации уходит своими корнями во времена античности. Искусство аргументации, помогавшее человеку достичь успеха в политике, выиграть дело в суде или произвести благоприятное впечатление на окружающих, в Древней Греции ценилось чрезвычайно высоко. Нечестным аргументаторам, легко поступающим истиной ради выгоды, Платон в своих диалогах противопоставлял Сократа, который считал, что красноречие должно служить справедливости. Для него идеальным аргументатором является человек, который бескорыстно предан истине и потому в ходе аргументации заботится о предмете речи, а не о том, какое впечатление произведёт он на слушателей. Идеальный аргументатор Аристотеля также стремится к истине, однако установление её возможно не во всех сферах человеческой деятельности. Во многих случаях люди рассуждают на основании не истинных, а лишь правдоподобных положений.

С середины прошлого столетия специалисты говорят о становлении новой теории аргументации, которая складывается на стыке герменевтики, лингвистики, логики, психологии, риторики, философии, эристики и других областей знания. Актуальной задачей они считают построение общей теории аргументации, отвечающей на такие фундаментальные вопросы, как природа и границы аргументации, способы аргументации, своеобразие аргументации в различных областях познания и практической деятельности, а также изменение стиля аргументации в связи с изменением культуры той или иной эпохи. Во второй половине прошлого столетия наметились общие контуры новой теории аргументации, которая пыталась восстановить позитивное содержание античной риторики и поэтому получила название новой риторики. Аргументация представляет собой человеческую деятельность, протекающую в определённом контексте и имеющую своей целью не знание само по себе, а убеждение в приемлемости тех или иных положений. Эти

положения не сводятся к описаниям реальности, а могут включать в себя декларации, клятвы, обещания и т.д.

После того как теория аргументации приобрела статус относительно самостоятельной области научных исследований, возник вопрос о её соотношении с логикой. Этот вопрос может быть сформулирован следующим образом: является теория аргументации частью логики или нет? С одной стороны, учебные планы ряда специальностей включают в себя не только логику, но и теорию аргументации. Поэтому можно сделать вывод, что для их составителей теория аргументации не является частью логики. С другой стороны, авторы многих учебников логики традиционно включают в них проблемы, относящиеся к теории аргументации. Для того чтобы ответить на сформулированный нами вопрос, обратимся к логическому учению Аристотеля, представленному прежде всего в «Первой аналитике» и других трактатах «Органона».

Центральное положение в логике Аристотеля отводится понятию силлогизма, представляющему собой разновидность умозаключения. Это понятие рассматривается Аристотелем в «Первой аналитике», которая на самом деле написана им позже, чем «Вторая аналитика», а также «Топика» и «О софистических опровержениях». «Вторая аналитика» касается умозаключений в доказательствах, «Топика» – умозаключений в дискуссиях, а «О софистических опровержениях» – умозаключений в спорах. Сопоставляя доказывающие, диалектические и эристические умозаключения, Аристотель столкнулся со следующим вопросом: имеется ли что-то общее между ними? Ответ на этот вопрос, положивший начало логике как науке, был дан им в «Первой аналитике»: «Отличается же доказывающая посылка от диалектической тем, что доказывающая есть принятие одного из членов противоречия (ибо тот, кто доказывает, не спрашивает [о нём], а принимает [его]), диалектическая же есть вопрос относительно [того или другого члена] противоречия. Однако в образовании силлогизма они ничем не отличаются друг от друга, ибо и тот, кто доказывает, и тот, кто спрашивает, [одинаково] умозаключают, принимая, что нечто чему-то присуще или не присуще, так что силлогистическая посылка есть вообще утверждение или отрицание чего-то относительно чего-то по указанному способу; и доказывающей она будет, если она истинна и получена из первых [положений]; диалектическая же посылка – это для выводывающего вопрос относительно [того или другого члена] противоречия, а для умозаключающего – принятие того, что кажется, и того, что правдоподобно, как об этом сказано в «Топике»» [1, с. 119–120]. Что касается эристического умозаключения, то оно «исходит из [положений], которые кажутся правдоподобными, но на деле не таковы, или оно кажется исходящим из правдоподобных или кажущихся правдоподобными [положений]. Ведь не всё правдоподобно, что кажется таковым, и то, о чем говорится как о правдоподобном, вовсе не представляется таковым уже на первый взгляд, как это бывает у начал эристических доводов, ибо их ложность сразу же и обычно очевидна даже для людей малопонятливых. Таким образом, пусть первый из указанных [видов] эристических умозаключений называется и умозаключением, другой же – эристическим умозаключением, а не [просто] умозаключением, потому что здесь только кажется, что выводится заключение, а на деле оно не выводится» [2, с. 349–350].

Таким образом, в «Первой аналитике» Аристотель рассматривает чистые формы умозаключений, а во «Второй аналитике», «Топике» и «О софистических опровержениях» – контексты, в которых они используются. Этими контекстами являются доказательство, дискуссия и спор. Для доказательства характерно то, что используемые в нем допущения должны быть истинными. В отличие от доказательства, дискуссия и спор предполагают использование не истинных, а правдоподобных допущений. Что касается различия между ними, то его следует искать в их целях. Если целью дискуссии является достижение единогласия по обсуждаемому вопросу, то целью спора – достижение победы над противной стороной. Мы полагаем, что в учении Аристотеля можно найти поддержку развиваемой нами идеи. Эта идея сводится к тому, что логика распадается на две части, которые могут быть названы теоретической (или формальной) и практической (или содержательной) логикой.

Теоретическая логика формулирует принципы правильного умозаключения безотносительно к тому, где они используются. Отвлечение от контекстов использования умозаключений осуществляется в ней посредством игнорирования вопроса о том, являются принимаемые нами допущения фактически истинными или нет, однако на практике мы не можем его игнорировать. Особенности использования умозаключений в доказательствах, дискуссиях и спорах рассматриваются как раз в практической логике, которая обычно называется теорией аргументации.

Литература

1. Аристотель. Первая аналитика // Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 117-254.
2. Аристотель. Топика // Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 347-531.

Философские аспекты развития ноосферного учения В. И. Вернадского

Адамов А.К.

*Российская академия медико-технических наук, член-корреспондент, профессор.
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, профессор кафедры философии.
Доктор медицинских наук
adamovnoosfera@yandex.ru*

Аннотация. В XXI веке научно обосновано только учение гениального русского ученого академика В.И. Вернадского о возможности строительства справедливого государства ноосферы, осуществляя геологические изменения экологических условий для улучшения жизни людей посредством научной мысли и труда на принципах демократии. Но он не разработал стадии его образования и не сформулировал ноосферные принципы справедливых взаимоотношений людей. В 1944 году В.И. Вернадский установил, что в СССР инициативные прогрессивные граждане стихийно начали распространять его идеи. В тезисах рассмотрены предназначение людей в природе, смысл и цель их бытия на планете Земля, сформулированы ноосферные идеалы справедливости и благоденствия, научные принципы организации справедливой жизни посредством оптимизации труда и распределения зарплаты. Обоснована целесообразность всем слоям общества устанавливать ориентировочные величины зарплат с таким расчетом, чтобы они служили стимулом для хорошей работы.

Ключевые слова: сознание, труд, цель, смысл бытия, идеалы, алгоритм, зарплата, справедливость.

Philosophical Aspects of the Development of Noospheric Doctrine by V.I. Vernadsky. *Adamov A.K.*

Russian Academy of Medical-Technical Sciences Stolypin Povolzhsky Institute of Management

Abstract. In the XXI century only the doctrine of a genius Russian researcher, academician, V.I. Vernadsky, on the possibility of creating a just state of noosphere through geological changes of ecological conditions for the improvement of people's lives, scientific thought and labor that are based on democracy principles, is scientifically substantiated. But he did not elaborate the stages of creation and did not formulate noospheric principles of fair interactions between people. In 1944, V.I. Vernadsky observed that in the USSR, initiative and progressive citizens started to massively communicate his ideas. This article covers the issues of human purpose in nature, objective and meaning of their Being on the planet Earth. It frames noospheric ideals of justice and prosperity, scientific principles of organizing an equitable world through optimization of labor environment and distribution of earnings. Defined is the rationale for establishing some tentative salary levels for all the strata of society in such a way that the earnings serve the stimuli for good work.

Keywords: consciousness, labor, purpose, meaning, ideals, algorithm, earnings, justice.

Развивая учение В.И. Вернадского об эпохе ноосферы в ноосферной философии [1] было доказано, что, не зная некоторых особенностей организма человека, его разума, его способностей изобретать законы движения реальностей, его предназначения в природе, его смысла и цели жизни, его трудовых возможностей в природопользовании, невозможно построить справедливое общество. Эти способности раскрыты при изучении строения тела и психологии людей. С помощью философских методов установлено: предназначение людей в природе [2], смысл и цель их бытия на планете Земля [3], ноосферные идеалы справедливости и благоденствия [4], научные принципы организации справедливой жизни посредством оптимизации труда и распределения зарплаты [5]. Представлены доказательства, что сознание людей определяет их бытие и управляет их жизнедеятельностью. Это новое положение подтвердили А. Артнер и Т. Краус (2013) [6].

Именно для осуществления эволюционных процессов у человека образованы органы чувств, мозг, формирующий сознание, органы физического труда руки и язык. Свой разум и свое индивидуальное сознание, управляющее своим организмом и бытием, образуют талантливые люди, формируя посредством мышления использования новых открытых синергетических законов и изобретенных интеллектуальных законов движения и развития реальностей, новые геномные матрицы сознания человека (ГМРПСЧ), создающие коды новых более совершенных условий жизнедеятельности.

Талантливые ученые, изобретатели, новаторы, создав (изобретя) новшества: новые системы взаимодействия людей, новые сооружения или явления, или технологии производства новых предметов, чтобы их эффективно реализовывать формируют посредством своего разума свое новое индивидуальное сознание, организующее более высокий уровень человеческого бытия.

Свое новое индивидуальное сознание талантливые ученые или изобретатели с помощью новаторов формируют у сограждан и в обществе, организуя новые общественные отношения и новые лучшие условия их жизнедеятельности. Большинство философов, основываясь на знании многовековой жизнедеятельности людей, в течение которой они (люди), углубляя свои знания, совершенствовали орудия труда, осваивали профессии добывания и производства продуктов питания, предметов или механизмов, создающих комфорт, строительства жилья, а также, развивая культуру и свое бытие, организовывали свою жизнедеятельность, сделали вывод, что люди на планете образовались, чтобы, самосовершенствуясь и саморазвиваясь, жить в биосфере. И. Кант (1788) [7, с.7-9], К. Маркс (1848) [8], Ф. Энгельс (1934) [9, с.524], В. И Ленин (1918) [10], доказывали и И.М. Борзенко с соавт. (2002) [11], Бобков А. (2005) [12], Пидказистый П.И. (2011) [13], Нуркова В.В., Березанская Н.Б. (2011) подтверждают [14] невозможность установить предназначение людей в природе, а также общую цель и смысл их бытия. В ноосферной философии обосновано, что индивидуальные и общие цели и смысл бытия (жизнедеятельности) людей существуют и реализуются [4].

Цель жизни каждого человека состоит в создании себе эволюционным трудом условий благоденствия и выполнении своего предназначения на планете Земля.

Общая цель бытия людей (всего человечества) на планете Земля, состоит в организации по закону всеобщего бытия человечества мирного сотрудничества существующих на планете государств, чтобы выполнять свое предназначение в природе, заключающееся в сохранении всех видов живых организмов (генофонда) на планете Земля, в обеспечении, рациональной свободы бытия человека, в разработке способов ремонта планеты после ураганов, смерчей, землетрясений, извержений вулканов, наводнений, цунами, в организации управления защитой жизни и планеты от различных опасностей, в изобретении технологий эволюции реальностей, чтобы быть готовыми противостоять в будущем космическим катастрофам (столкновениям с астероидами, выгоранию солнца и др.).

Смысл жизни каждого человека заключается в реализации эволюционным трудом по выбранной специальности своих способностей, чтобы зарабатывать средства для обеспечения своей жизни и выполнения своей части (доли) человеческого эволюционного предназначения на планете Земля и участия в освоении Космоса. Смысл жизни человечества общий, но выбор профессии свободный, индивидуальный. Труд является основой жизни людей (их главной функцией, потребностью и обязанностью), посредством которого они в течение многих веков под управлением сознания (мышления) приобретают знания, изобретают новые знания, осваивают профессии: производства продуктов питания, предметов или механизмов, строительства жилья и различных сооружений, а также материальных и духовных реальностей. В своей жизнедеятельности люди, изобретая и изготавливая новые объекты, строя новые сооружения, улучшая условия своего бытия, осуществляют развитие (эволюцию) природы, так как изготовленные ими новые объекты и явления есть новшества на планете Земля и в Космосе (где находится Земля), которые по синергетическим законам природа без людей создать не может. И эти новшества

способствуют разработке способов защиты планеты Земля от космических угроз и освоению Космоса.

Идеалами типичного антропологически зрелого представителя вида *Homo sapiens* являются: общие идеалы ноосферной эпохи человечества и индивидуальные идеалы человеческого бытия.

Общими идеалами человечества ноосферной эпохи (за исключением граждан архетипа *H. sapiens demolitor*) являются: 1) естественная рациональная свобода людей; 2) строительство ноосферной эпохи человечества; 3) управление ноосферной республикой учеными, изобретателями и новаторами, избранными в учреждения власти на принципах ноосферной демократии; 4) народная власть разума (синонимы: разумократия, ноократия); 5) ноосферное интеллектуально организованное цифровизированное бытие человечества по законам ноосферной демократии на ноосферных принципах справедливости и благоденствия; 6) освоение других планет.

Индивидуальными идеалами человеческого бытия являются: 1) достижение ноосферного идеала духовно-материального благоденствия творческого человека, заключается в создании себе духовных и материальных условий комфортной жизнедеятельности, способствующих выполнению им своего предназначения в природе; 2) достижение ноосферного идеала благоденствия человека исполнительского труда, состоящего в создании себе условий духовно-материальных условий комфортной жизнедеятельности, обеспечивающих выполнение им своего предназначения в природе

Благоденствие есть ноосферное духовно – материальное благоденствие людей, состоящее в создании доступности каждому человеку: образования, приобретения профессии, работы по специальности, возможности научной деятельности и получение зарплаты в соответствии с качеством, количеством и наукоемкостью труда, способствующей удовлетворению потребностей разных архетипов людей: *H. sapiens inventor*, *H. sapiens scientia*, *H. sapiens naturans*, *H. sapiens faber*, *H. sapiens victoris* в комфортном бытии (жилище, питании, одежде, занятии спортом, культурном отдыхе), а также выполнению им человеческого трудового эволюционного предназначения на планете Земля.

Самой сложной человеческой проблемой явилось создание справедливых условий своего бытия, которое до настоящего времени не решено. В строительстве ноосферной республики необходимо участие граждан всех архетипов: умеющих познавать природу, изобретать новшества, развивать образование, науку, инженерию, культуру, медицину, производить изделия, управлять транспортом, финансами, накапливать финансы (делать деньги, создавать богатство), управлять республикой, способствуя образованию слоев граждан богатых, среднего и нормального достатка [15][16][17].

Справедливость в республике может быть достигнута только при управлении жизнедеятельностью граждан из единого центра компетентным правительством.

Правительство для справедливого центрального управления организует Комиссию управления трудом, доходами и зарплатой населения (КНУТДЗН), в состав которой избираются представители: ученых академии наук, парламента ноосферной республики, профсоюзов, предпринимателей, банкиров, деятелей культуры, военных, общественных организаций и политических партий. Комиссия (КНУТДЗН) функционирует, используя систему индустриальных и цифровизированных технологий, справедливый алгоритм центрального правительственного управления трудом, доходами и зарплатой населения республики «АЦУТДЗН - 5».

Комиссия, устанавливает ориентировочные величины зарплаты граждан разных групп архетипов, работающих в государственных и частных организациях (владельцам предприятий, офисов, банков, сельхозпредприятий и работающему в них наемному персоналу), которые, не подавляя их стремления к зарабатыванию больших доходов, поддерживают эффективное справедливое функционирование «социального лифта».

Научно обоснованное четкое управление распределением зарплаты населения, оптимизирующее потребление и способствующее экономии ресурсов, необходимо для

устойчивого развития человечества, психологической оптимизации его бытия и защиты ресурсов от истощения.

Идеалы, успех и благоденствие человека достигаются не величиной получаемых доходов, не размером накопленного капитала, а полнотой справедливой реализации своих способностей или талантов.

В ноосферной философии доказано, что строительство ноосферной эпохи бытия людей, есть единственная научно обоснованная стадия прогресса человеческих сообществ. Другого научно обоснованного пути нет. Если ноосферные идеалы не будут психологически усвоены населением, если справедливое управление распределением зарплаты населения и потреблением ресурсов не будет организовано, то к концу XXI в. большая часть ресурсов планеты Земля будет исчерпана и возникнет планетарная катастрофа.

Литература

1. Адамов А. К. Основы философии ноосферы. – Саратов: Изд. СГУ, 1996. 155 с.;
2. Адамов А. К. Ноосферная философия. – Саратов: Саратовский источник, 2000. 126 с.
3. Адамов А. К. Ноосферная философия (Издание 3-е, переработанное). Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. 342 с.
4. Адамов А. К. Основы ноосферной философии (Изд. 2-е, переработанное). Саратов: Саратовский источник, 2013. 411 с.
5. Адамов А. К. Психологические аспекты развития управления бытием человечества // Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия: Сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции «Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия» (Саратов, 20-21 февраля 2018 г.) / Под ред. В.Л. Чепляева. Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, 2018. С. 93 – 103.
6. Артнер А., Краус Т. Каждое действие начинается с мысли. // Мир перемен. 2013. № 1. С. 153 – 156.
7. Кант И. Критика практического разума. Соч. в 6 томах. М.: Мысль, 1963. т. 4. ч. 2. С. 7–9.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Критика Готской программы. Собр. соч. М.: Политиздат, 1989. т. 19. С. 1 – 32.
9. Энгельс Ф. Диалектика природы. (6-е изд.). М.: Партиздат. 1934. 304 с.
10. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм / Полное собрание сочинений. Издание 5. М.: Издательство политической литературы, 1968. т. 18. 521 с.
11. Борзенко И.М., Кувакин В.А., Кудишина А.А. Основы современного гуманизма: Учебное пособие для вузов / Под ред. В.А. Кувакина и А.Г. Круглова. – М.: Российское гуманистическое общество, 2002. 389 с.
12. Бобков А. Доктрина высшего смысла бытия // Наука и религия. 2005. № 8. С. 8–9.
13. Психология и педагогика / под ред. П.И. Пидкасистого. М.: Изд-во Юрайт, 2011. 714 с.
14. Нуркова В.В., Березанская Н.Б. Психология. М.: Изд-во Юрайт, 2011. 575 с.
15. Адамов А.К. Ноосферные идеалы организации жизнедеятельности граждан // Консервативные традиции и либеральные ценности в постсоциалистической России: сб. науч. статей. Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2016. С. 179 – 182
16. Адамов А.К. Начала общей философии. Саратов: Саратовский источник, 2017. 271 с.
17. Адамов А.К. Ноосферные принципы справедливого управления человеческими обществами // Современные технологии эффективного управления / Под ред. В.Л. Чепляева. Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХ и ГС, 2018. С. 4-10.

Гуманистическая революция в век высоких технологий

Алейник Р.М.

Российский химико-технологического университет им. Д.И. Менделеева, профессор кафедры философии гуманитарного факультета. Доктор философских наук

Аннотация: доклад посвящен оценке влияния новейших биотехнологий на природу человека.

Выявляются два подхода к оценке перспектив их влияния: трансгуманизм с идеей выхода за пределы человеческих возможностей и биоконсерватизм, призывающий серьезно отнестись к этому проекту, рассматривающий природу человека как ценность, нуждающуюся в защите.

Ключевые слова: биоинженерия, киборг-инженерия, инженерия неорганических существ, природа человека, ценности, Homo Deus.

Сегодняшнее время непредставимо без искусственного интеллекта, спекулятивных криптоэкономик, без биотехнологических интервенций. Развитие современных технологий существенно изменяет взаимоотношение человека с миром. Складывается представление, что человек стал определять будущее направление эволюции [1, p.13], что грядет переход к новой форме человеческого бытия. Появляется вопрос о границе между человеком и «постчеловеком»? Ныне существует масса трансгуманистических проектов: иммортализм, создание нейропротезов, ноотропов и пр. [2]. Трансгуманизм – во многом продукт человеческих ожиданий.

Кроме трансгуманизма существует иная ценностная ориентация в отношении природы человека. Ее выразили философ Ф. Фукуяма, психолингвист С. Пинкер, историк Ю. Харари. По его мнению, «апгрейд людей в богов может идти одним из трех путей: биоинженерии, киборг-инженерии и инженерии неорганических существ» [3, с. 55]. На протяжении четырех миллиардов лет мы из амёб через рептилию и млекопитающих превратились в Человека Разумного. Небольших изменений в генах, гормонах и нейронах было достаточно, чтоб обратить Человека Прямоходящего в Человека Разумного, создателя космического корабля и компьютера. Никому не ведомо, каков будет результат еще нескольких изменений в нашей ДНК, гормональной системе или структуре мозга. Биоинженерам не хочется ждать, пока естественный отбор снова сотворит чудо. Они возьмут тело Человека Разумного и сами переписут его генетический код, перемонтируют нейронные цепочки, изменят биохимический баланс и могут вырастить новые органы.

Киборг-инженерия сделает еще один шаг, соединив органическое тело с неорганическими механизмами, такими как, искусственные глаза, бионические руки или множество нанороботов, снующим по нашим сосудам, выявляя наши хвори и устраняя неполадки. Киборг может присутствовать одновременно всюду: нужна только высокоскоростная интернет-связь и несколько пар бионических рук и глаз. И это уже реальность: появились люди с металлическими конечностями, управляемыми сенсорами. В медицине киборгизация – давно инструмент. Парализованным пациентам предлагается двигать бионическими конечностями и управлять компьютером только с помощью мысли. Можно дистанционно управлять домашними электроприборами, используя читающий мысли шлем, распознающий электрические импульсы, проходящие через вашу голову. Но люди могут превратиться в генетических мутантов. В будущем можно отказаться от своего биологического существования и спроецировать сознание в виртуальный мир.

Но киборг-инженерия оставляет командно-контрольную функцию за органическим мозгом. И появляются более смелые идеи – сконструировать целиком неорганическое существо, у которого нейронные сети будут полностью заменены умным «софтом», не скованным органической химией. Это позволит неорганическому искусственному интеллекту прорваться за пределы нашей планеты. и колонизировать другие планеты.

На протяжении всей истории Землю сотрясали технологические, экономические, социальные и политические трансформации. Неизменным оставалось само человечество с глубинными структурами мозга, поэтому нам понятны тексты Библии, Корана, греческие трагедии. Но как только технологии позволят нам реконструировать мозг человека, то Человек Разумный исчезнет, история человечества завершится. Настанет новый, недоступный нашему пониманию процесс. Нет ясных ответов на вопрос: «Как будут пользоваться биотехнологиями существа с другим типом сознания?» По мнению Харари, «мы учимся реконструировать тела и мозги прежде всего для того, чтобы избежать старости, смерти и страданий, но, когда мы этим навыком овладеем, кто знает, на что еще нам вздумается его употребить? Так что мы вполне можем свести нашу новую повестку дня к одному проекту (со множеством ответвлений): достижению божественности» [3, с. 59].

Современная культура не верит в небесный замысел. Это значит, что никакая небесная сила, в случае наших злоключений, нам не поможет, не наполнит смыслом наши мучения. Преведняя культура была основана на убеждении, что человек – уникальная личность со своим внутренним голосом, с неповторимыми переживаниями. В начале XXI в. основными продуктами экономики нового века станут тела, мозги и интеллект, и пропасть между теми, кто научился создавать тела, мозги и умы, и теми, кто этому не научится, будет шире, чем между сапиенсами и неандертальцами. Новые технологии влияют на деятельность сложившихся социальных институтов.

В прошлом основные достижения в сфере науки и техники были обретением веры в человека. Сегодня науки о жизни способны подорвать основы либерализма, утверждая, что свободная личность – лишь фикция, результат взаимодействия комплекса биохимических алгоритмов. Гуманистическая цивилизация захочет одарить людей максимальны долголетием, благоденствием и могуществом. Однако попытка осуществить эту мечту подорвет ее собственные основы, высвободив новые постгуманистические технологии. Если мир держится на человеческом опыте переживаний, что будет, когда эти переживания станут еще одним продуктом с заранее заданными свойствами?

Средневековые крестоносцы верили, что их жизнь Бог наполнил смыслом. А либералы полагают, что – свободный выбор. Раньше признание ценности каждого приносило экономическую и военную выгоду. Со временем люди будут утрачивать свою экономическую и военную полезность, и политико-экономическая система перестанет ими дорожить. Рынок труда за 30 лет станет волатильным. Роботы постепенно заменят людей. С развитием технологий исчезнут целые профессии и отрасли. Это будет касаться специальностей, связанных с промышленным производством, офисным трудом, работой по дому. Зато будут пользоваться спросом работы, связанные с робототехникой, расширением использования блокчейна, с творческим трудом. Если не удастся взнудать новые технологии, люди разделятся на биологические касты и большинство станет ненужной кастой.

Социальное и экономическое неравенство может достичь беспрецедентного уровня. Харари утверждает, что алгоритмы Google, Facebook элементарно могут превратиться в посредников, а потом и в правителей. Именно биология пришла к выводу, что организмы суть алгоритмы, превратила компьютерную революцию в катаклизм. И личность тихо разложится на биохимические подсистемы изнутри скорее, чем будет разрушена усилиями извне. Реальностью окажется сеть биохимических и электронных алгоритмов. Великие проекты человечества XX в. – борьба с голодом, эпидемиями и войной ставили задачу гарантировать нормы благосостояния, здоровья и мира для всех. В XXI в. проекты – обретение бессмертия, счастья и божественности, направлены на то, чтобы превзойти норму, могут содействовать появлению новой касты сверхлюдей, элиты. Техногуманизм видит выход в том, чтобы с помощью технологий создать более совершенную модель человека.

Семьдесят тысяч лет назад произошла первая когнитивная революция, превратившая африканских приматов во властителей мира. Sapiens возник в результате легкой перенастройки их мозга. Достаточно еще одной перенастройки мозга, чтобы запустить

вторую когнитивную революцию, благодаря чему Homo Deus может превратиться в повелителя галактики. Этого можно достичь с помощью генной инженерии, нанотехнологий и нейрокомпьютерных интерфейсов. Мы сможем успешно модернизировать наши тела и мозги и терять в этом процессе наш разум. Техногуманизм может упростить человека. Согласно гуманизму, лишь человеческие желания наполняют жизнь смыслом. Техногуманизм считает волю человека самым важным, что есть на свете. Изобретение искусственного интеллекта и биотехнологий не предписывает единственного детерминированного исхода. Все это лишь вероятностный ход событий.

С точки зрения развития, налицо констатация опасного разрыва, дисбаланса между естественными и гуманитарными науками в познании человека, их самоизолированности. «Человеку необходимо выработать ориентиры, без которых будет попросту невозможно жить в этом мире новых, едва ли не сказочных возможностей» [4, с. 401]. Речь идет не только о прорыве в биотехнологиях, но и о новом этапе в познании человека как биологического вида. Этот этап означает «возникновение новой базы для реального (а не декларативного, бумажного, формального) интегрального подхода к самопознанию человека, к взаимодействию на новой, строго материалистической основе двух ветвей науки – естественной и гуманитарной» [5, с. 7]. Единая наука нуждается и в ценностном фундаменте: каждый, кто занимается проблемами технологий, связанных с человеком, должен предъявлять, эксплицировать свои ценности.

Литература

1. Huxley J. Transhumanism // New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. P. 13-17.
2. <http://www.transhumanism-russia.ru>. (дата обращения: 01.09.2021)
3. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. [пер. с англ. А. Андреева]. М.: Синдбад, 2019. 496 с.
4. Юдин Б.Г. Человек: выход за пределы. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 472 с.
5. Киселев Л.Л. От редуccionизма к интегратизму // Человек. 2003. № 4. С.5-11.

Феномен «низкой явки» на выборах муниципального и регионального уровня

Александров Г. К.

Российский Государственный Социальный Университет, студент
grishec01@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины роста интереса к политике в современном российском обществе. Приводятся статистические данные по различным выборам муниципального и регионального уровня, которые сравниваются с явкой на выборы федерального уровня и на выборах в аналогичные органы власти в странах Европы. Описывается история изменения избирательной системы России, раскрываются причины, по которым они происходили. Разбирается аспект низкой явки на выборах различного уровня, выясняются ее причины и выгодоприобретатели. Изучаются разнообразные варианты влияния власти на выборы и, в частности, явку на них. Предлагаются варианты решения данной проблемы.

Ключевые слова: избирательная система, выборы, избиратель, кандидаты, явка, власть, партии, фильтры, абсентеизм.

The phenomenon of "Low turnout" in municipal and regional elections. **Alexandrov Grigory**

Russian State Social University

Annotation. The article discusses the reasons for the growth of interest in politics in modern Russian society. Statistical data on various municipal and regional elections are presented, which are compared with the turnout at the Federal level and at elections to similar authorities in European countries. The article describes the history of changes in the electoral system of Russia, reveals the reasons why they occurred. The aspect of low turnout at elections of various levels is analyzed, its reasons and beneficiaries are found out. Various options of influence of the power on elections and, in particular, turnout on them are studied. Options for solving this problem are offered.

Keywords: electoral system, elections, voters, candidates, voter turnout, government, party, filters, absenteeism.

В современной России интерес к политике выходит на качественно новый уровень. Благодаря интернету каждый человек в любое время может поинтересоваться, что происходит в стране и, в частности, в его регионе. Также растет новое поколение Z, которое полностью развивается в цифровом и информационном обществе, что, несомненно, влияет на их заинтересованность в политическом представительстве. Появляются новые формальные и неформальные лидеры в различных сетевых социальных движениях, что также приводит к популяризации политики среди молодежи [16]. Глобализация, которая навевает западные ценности, где демократия является главным инструментом влияния на власть в стране, также заставляет людей задумываться о своем положении и политическом представительстве. Различные инструменты прямой демократии, вроде сервиса «Активный гражданин», улучшают избирательную культуру граждан, позволяя влиять на бытовые решения в рамках города, района или двора. Данные тезисы более полно раскрыты в работе Отюцкого Г. П. и Никипорец-Такигавы Г. Ю. [17].

Имея все это, может показаться, что выборы в России с каждым годом должны быть популярнее и интересовать все большее количество людей. Но на самом деле растет только заинтересованность в политике, однако непосредственное участие в волеизъявлении на участках голосования с каждым годом либо падает, либо очень медленно растет [8].

На муниципальных выборах в Москве в 2017 году явка составила 14.8% [21], что, безусловно, очень мало. На выборах Президента России в 2018 году явка по Москве была 60%, на выборах в 2012 - 58% [9], что говорит о слабой вовлеченности москвичей в выборы муниципального уровня.

Аналогичная ситуация была на выборах в Московскую городскую Думу в 2019 году – 21,6% [23]. Учитывая весь резонанс, который приобрели данные выборы в ходе кампании, явка все равно осталась прежней по сравнению с 2014 годом, когда она составляла 21% [3].

Если обратиться к таблице 1, то можно увидеть, что явка на выборах в Мосгордуму с годами либо не росла, либо вообще падала [4].

Таблица 1. Явка на выборах в Мосгордуму в разные годы

Год выборов	Процент явки на выборах
2005 год	35%
2009 год	35%
2014 год	21%
2019 год	21,6%

Для наглядности, можно сравнить вовлеченность на подобные выборы в ведущих европейских странах. Разумеется, полномочия и статус муниципалитетов различаются, но в данном сравнении это можно опустить. Во Франции, в Париже на муниципальных выборах в 2014 году явка составила 65% в первом туре, что для них рекордно низко [13]. В Германии, в Берлине явка в 2011 году была 60%, а в 2016 около 67% [24]. Это показывает, насколько наши выборы непопулярны по сравнению с выборами в столицах стран Европы.

Несомненно, наша демократическая система очень молода в сравнении со странами Запада, где развиты традиции местного самоуправления и локальных объединений, формировавшиеся веками, что позволяет им иметь достаточно высокую явку на выборах, но все же это далеко не главная причина нашей проблемы [20].

Попробуем разобраться, какие факторы влияют на низкую явку и каким образом можно изменить нынешнюю ситуацию. Начнем с истории изменения российского избирательного законодательства, в которое власти вносили поправки, чтобы создать ограничения для потенциальных оппозиционных кандидатов. В 2005 году запретили избирательные блоки, после этого партии только в одиночку могут выдвигать кандидатов и списки кандидатов на выборах (ФЗ от 21.07.2005 N 93-ФЗ). Альтернативный вариант – самовыдвижение.

В 2006 году произошли изменения, по которым выборы в Госдуму стали проходить только по партийным спискам. Отменили выборы губернаторов и минимальный порог явки, а также убрали из бюллетеней графу «против всех» (ФЗ от 12.07.2006 N 107-ФЗ). Эти изменения очень серьезно ударили по выборной культуре населения, ведь около 6 лет люди не имели возможности влиять на губернаторов, которые назначались Президентом. Вдобавок отсутствие графы «против всех» лишило возможности критично настроенных к кандидатам избирателей выразить свое мнение на участках голосования, что отрицательно повлияло на явку.

Новая избирательная реформа в 2012 году вернула прямые губернаторские выборы. Госдума вновь стала формироваться наполовину из одномандатников. Но главный инструмент, ограничивающий доступ кандидатам, – это фильтры, которые применяются на выборах различного уровня. Чтобы стать кандидатом в губернаторы, надо набрать от 5 до 10% подписей муниципальных депутатов или глав органов местного самоуправления из не менее чем трех четвертей муниципальных районов и городских округов региона [14]. Для участия в выборах мэра Москвы в 2018 году было необходимо собрать от 110 до 115 подписей муниципальных депутатов в поддержку своего выдвижения [5]. В условиях, при которых Единая Россия контролирует большинство муниципалитетов, оппозиционным или несогласованным с властью кандидатам почти невозможно преодолеть этот барьер. На

выборах в Мосгордуму в 2019 году присутствовал фильтр, по которому кандидатам для регистрации было необходимо набрать в свою поддержку 3% подписей от всех избирателей округа (от 4500 до 5500 подписей) [4]. Этот барьер не позволил оппозиционным кандидатам принять участие в выборах [6]. Однако кандидатам от партий, которые представлены в Госдуме, нет необходимости преодолевать данный фильтр - их регистрируют без этого.

К тому же существует «криминальный фильтр», который ужесточают с годами. Он не позволяет избираться осужденным по тяжким и особо тяжким статьям. Именно из-за этого фильтра Алексея Навального не зарегистрировали на выборах Президента в 2018 году, ведь в 2012 году ему дали условный срок по делу «Кировлеса». В 2013 году ввели запрет на владение иностранными финансовыми инструментами и зарубежными счетами, что стало очередным барьером для возможных кандидатов [14].

Благодаря политике недопуска опасных для власти кандидатов избиратели постепенно разочаровываются в институте региональных и муниципальных выборов, что приводит к снижению явки и возможности без труда избраться или переизбраться провластным кандидатам [18]. Больше трети россиян считают выборы 8 сентября 2019 года в единый день голосования нечестными, они не удовлетворены их результатами [7].

Можно предположить, что именно власти выгодна низкая явка, потому что все ограничительные меры, барьеры, которые она выстраивает на выборах различного уровня, на это и направлены. Также отсутствуют дебаты и интересная агитация. Все это негативно отражается на желании избирателей прийти и проголосовать за какого-либо кандидата. Главное, что при низкой явке легче проводить фальсификации, а при пропорциональной системе на выборах увеличивается доля победившей партии, которой зачастую является Единая Россия. Благодаря различным организованным группам (работники бюджетных организаций, госслужащие, военные и сотрудники правоохранительных органов), которые централизованно приезжают на участки и голосуют за определенного кандидата или партию, получается консолидировать голоса и избрать нужного кандидата, потому что, чем ниже явка, тем больше вес каждого голоса [18].

Выборы губернатора Хабаровского края в 2018 году, на которых явка в первом туре составила 36%, а во втором поднялась до 47% [10], являются наглядным примером. Избиратели почувствовали состязательность выборов. Они осознали, что могут серьезно повлиять на ситуацию и вместо кандидата от партии власти - Единой России, проголосовали за кандидата от системной оппозиции – Сергея Фургала. В первом туре Сергей Иванович набрал 35% голосов, а во втором уже 70%. Из этого можно сделать вывод, что на участки пришли оппозиционно настроенные избиратели, которые скептически относились к выборам и не приходили ранее.

Существует множество вариантов, как власть может влиять на результат выборов – это фальсификации на участках УИК и «мобилизация» работников бюджетных организаций для голосования за определенного кандидата [11]. Также могут «вбрасывать» бюллетени и проводить массовые «карусели» [2] - все эти механизмы пагубно влияют на доверие избирателей к выборам, что закономерно отражается на явке.

События 2011 – 2012 года после выборов в Государственную Думу 6 созыва являются ярким примером проявления недоверия результатам выборов и недовольства ими. Также они показывают, что активность и интерес масс к выборам имеется, но из-за различных факторов мотивация избирателей к голосованию серьезно снижается. В Москве выходили на митинги десятки тысяч человек, которые были не согласны с результатами выборов из-за массовых фальсификаций и недопуска оппозиционных кандидатов [19]. Итогом этих событий стали изменения в законодательстве, по которым партийный барьер на выборах снизился с 7% до 5%, и Государственная Дума начала формироваться по смешанной системе, а не по пропорциональной, как было раньше [18].

Данную проблему можно решить различными способами. Самое главное – перестать нарушать права избирателей и начать проводить полноценно демократические выборы. Это добавит в них состязательность и вернет доверие граждан. Необходимо реформировать

избирательное законодательство - ввести прямые выборы мэра во всех городах России, убрать или ослабить заградительные фильтры для кандидатов. Ужесточить наказание за «вбрасывание» и фальсификацию бюллетеней. Например, в таких больших городах как Екатеринбург, Красноярск и Краснодар отсутствуют прямые выборы мэров. Это однозначно негативно сказывается на выборной культуре горожан, так как они не могут напрямую влиять на правительство своего города.

Также изменение системы регистрации партий в Минюсте РФ на более простую, открытую и дешевую приведет к формированию различных политических сил в стране, что увеличит спектр мнений, идеологий и взглядов в российской политике, даст возможность большего выбора для избирателей, повысит их представительство и желание проголосовать за своего кандидата или партию. В 2012 году уже была проведена партийная реформа, которая серьезно облегчила систему регистрации партий. Однако, судя по тому, что политическим весом обладают около пяти партий на всю страну, этого недостаточно. Партии, представители которых входят в Госдуму РФ, представляют интересы чуть больше половины избирателей [1]. Это является проблемой, так как другая часть избирателей просто не представлена в нижней палате Федерального собрания. Возможно, снижение требуемого количества региональных отделений партии с 43 регионов до меньшего дало бы дополнительный толчок для регистрации и популяризации новых партий.

С помощью электронного голосования можно привлечь больше молодежи на выборы, дать более удобную возможность голосования для лиц с ограниченными физическими возможностями. Также уменьшение нагрузки на избирательные участки позволит людям не ждать в очередях возможности отдать свой голос [12].

Однако недавний опыт с электронным голосованием на выборах в Мосгордуму показал, что над этой системой ещё нужно работать, делать её более прозрачной и понятной для избирателей и кандидатов [22].

Необходимо заниматься просвещением граждан в области их избирательных прав и более качественно рекламировать предстоящие выборы в различные органы власти.

Увеличение полномочий и влияния муниципалитетов, региональных парламентов также пойдет на пользу выборному процессу и российской политике, экономике в целом. Дополнительные полномочия повысят значимость этих органов и выборов в них.

Механизмы прямой демократии также положительно влияют на выборную культуру граждан и приобщают их к избирательному процессу. Сервис «Активный гражданин» позволяет проводить онлайн-голосования по вопросам городского развития среди различных групп москвичей, что повышает их заинтересованность в муниципальной политике.

Таким образом у нас получится вернуть доверие граждан к выборам, разнообразить политическое поле России представителями системной и несистемной оппозиции, а также повысить легитимность избирательного процесса и результат выборов.

Литература

1. Возможное голосование за партии // levada.ru: исследовательская организация "Левада-Центр" URL: <https://www.levada.ru/2019/08/14/vozmozhnoe-golosovanie-za-partii/> (дата обращения: 18.10.2019).
2. В подмосковном городе Рошаль восемь избирательных участков. На скольких из них фальсифицировали явку во время выборов? (Спойлер: вы угадали) // meduza.io: ежедн. интернет-изд. "Meduza" URL: <https://meduza.io/feature/2019/02/14/v-podmoskovnom-gorode-roshal-vosem-izbiratelnyh-uchastkov-naskolkih-iz-nih-falsifitsirovali-yavku-vo-vremya-vyborov-spyler-vy-ugadali> (дата обращения: 18.10.2019).
3. Выборы в Мосгордуму прошли при рекордно низкой явке // rbc.ru: ежедн. интернет- изд. Телеканал "РБК" URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/09/2014/5704222a9a794760d3d417b0> (дата обращения: 15.10.2019).
4. Выборы в Московскую городскую думу (2019) // ru.wikipedia.org: интернет- энциклопедия со свободным контентом "Википедия" URL: <https://clck.ru/JuKRT> (дата обращения: 17.10.2019).
5. Выборы мэра Москвы (2018) // ru.wikipedia.org: интернет-энциклопедия со свободным контентом "Википедия" URL: <https://clck.ru/JuKPs> (дата обращения: 16.10.2019).
6. Гудкова и Соболь не пускают на выборы в Мосгордуму // vedomosti.ru: ежедн. интернет-изд. Газета "Ведомости" URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/07/14/806505-gudkova-sobol> (дата обращения: 17.10.2019).

7. Единый день голосования // levada.ru: исследовательская организация "Левада- Центр" URL: <https://www.levada.ru/2019/10/09/edinyj-den-golosovaniya-3/> (дата обращения: 17.10.2019).
8. Ильин В. А., Морев М. В. Региональные выборы 2018-2019 гг.: доверие избирателей к органам власти продолжает снижаться // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. №5. С. 9-24.
9. Как голосовала Москва на выборах Президента России // msk.kp.ru: ежедн. интернет- изд. "Комсомольская правда" URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26808/3843988> (дата обращения: 15.10.2019).
10. Как действующий губернатор-единоросс проиграл выборы в Хабаровском крае // rbc.ru: ежедн. интернет-изд. Телеканал "РБК" URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2018/5ba79f5b9a794754285256c7> (дата обращения: 18.10.2019).
11. Как фальсифицировать выборы, чтобы потом не было проблем // meduza.io: ежедн. интернет-изд. "Meduza" URL: <https://meduza.io/feature/2019/09/06/kak-falsifitsirovat-vybory- chtoby-potom-ne-bylo-problem> (дата обращения: 18.10.2019).
12. Крицкая А. И. Е-выборы в России 2019 года: "за" и "против" // Игошина Ю.В. Молодёжь и выборы. Киров: ООО "Издательство "Радуга-ПРЕСС", 2019. С. 40-46.
13. Муниципальные выборы во Франции (2014) // wiki2.org: интернет-энциклопедия "WIKI 2" URL: <https://clck.ru/JuKPG> (дата обращения: 16.10.2019).
14. Мутация российских выборов: как граждан довели до уличных протестов // mk.ru: ежедн. интернет-изд. Газета "Московский комсомолец" URL: <https://www.mk.ru/politics/2019/10/01/mutaciya-rossiyskikh-vyborov-kak-grazhdan-doveli-do-ulichnykh-protestov.html> (дата обращения: 16.10.2019).
15. На выборы россияне ходят по привычке // levada.ru: исследовательская организация "Левада-Центр" URL: <https://www.levada.ru/2016/07/12/na-vybory-rossiyane-hodyat-po-privyчке/> (дата обращения: 17.10.2019).
16. Никопорев-Такигава Г. Ю. О лидерстве в сетевых социальных движениях // Politbook. 2016. №3. С. 50-56.
17. Никопорев-Такигава Г. Ю., Отюцкий Г. П. Политическое, социально-культурное и правовое пространство России и мира. М.: Российский государственный социальный университет (Москва), 2017.
18. Политолог Екатерина Шульман — о том, зачем идти на выборы // the-village.ru: ежедн. интернет-изд. Журнал "The Village" URL: <https://www.the-village.ru/village/people/city-news/245465-vibory> (дата обращения: 23.10.2019).
19. Протестное движение в России (2011—2013) // ru.wikipedia.org: интернет- энциклопедия со свободным контентом "Википедия" URL <https://clck.ru/JuMhm> (дата обращения: 19.10.2019).
20. Семенов В. А. Проблема абсентеизма и первичного политического вовлечения в условиях современного информационного общества // Медиафера: тенденции и перспективы развития. СПб.: Изд-во СПб. гос. эконо. ун-та, 2017. С. 16-19.
21. Электоральные показатели московских муниципальных выборов 2017 года // livejournal.com: сервис онлайн-дневников "Живой Журнал" URL: <https://abuzin.livejournal.com/166395.html> (дата обращения: 15.10.2019).
22. Электронное голосование на выборах в Мосгордуму станет поводом для судебных разбирательств // vedomosti.ru: ежедн. Интернет-изд. Газета "Ведомости" URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/09/10/810968-elektronnoe-golosovanie> (дата обращения: 20.10.2019).
23. Явка на выборах в Мосгордуму составила 21,66% // interfax.ru: ежедн. интернет-изд. "Интерфакс" URL: <https://www.interfax.ru/moscow/675683> (дата обращения: 15.10.2019).
24. Wahl zum Abgeordnetenhaus von Berlin // de.wikipedia.org: интернет-энциклопедия со свободным контентом "Википедия" URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Wahl_zum_Abgeordnetenhaus_von_Berlin#Wahlergebnisse_seit_199_0 (дата обращения: 15.10.2019).

Использование результатов научных исследований в образовательном процессе: эτικο-юридические аспекты

Алексеева Д.А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет, доцент кафедры онтологии и теории познания

alexdaralex@gmail.com

Аннотация: Использование результатов научных исследований в учебном процессе – одна из важных составляющих проблемы доступа к научным знаниям. Экономические аспекты - например, высокая стоимость подписки на зарубежные научные журналы (электронные версии), - и организационно-технические аспекты тесно связаны с эτικο-правовыми и должны рассматриваться в едином комплексе с последними. Утилитаристский подход в эτικο-юридических обоснованиях права интеллектуальной собственности (включая авторское право) провозглашает в качестве цели правового регулирования развитие культуры, науки и техники, которое должно достигаться благодаря балансу интересов авторов, ретрансляторов и общества. На деле же во многих случаях действующие правовые нормы создают излишние препятствия обмену информацией и доступу к информации, на что справедливо указывают критики утилитаристского подхода. Представляется, однако, что проблема состоит не в пороках утилитаризма и не в институте авторского права как таковом, а в нехватке необходимых законодательных новаций и организационных механизмов, отвечающих запросам современного общества.

Ключевые слова: образование, интеллектуальная собственность, авторское право, утилитаризм в этике, открытый доступ.

Using results of scientific research in education. Ethical and legal aspects.

Alekseeva D. A.

Lomonosov Moscow State University, Philosophical Faculty

Abstract. Using the results of scientific research in the educational process is one of the important components of the problem of access to scientific knowledge. Economic aspects (for example, the high cost of subscribing to electronic versions of foreign scientific journals) as well as technological aspects are closely related to ethical and legal aspects. From the point of utilitarianism, the goal of intellectual property rights is proclaimed as legal regulation of the development of culture, science and technology, that should be achieved by balancing the interests of authors, repeaters and society. In fact, in many cases, existing legal norms create serious obstacles to the exchange of information and access to information. Critics of the utilitarianism rightly point it out. It seems, however, that the problem is not in the vices of utilitarianism and not in the institution of copyright as such, but in the lack of necessary legislative innovations and organizational mechanisms that meet the needs of modern society.

Keywords: education, intellectual property, copyright, utilitarianism in ethics, open access.

Проблема доступа образовательных учреждений ступени высшего образования к научным знаниям в России стоит остро. Основной формой, в которой фиксируются результаты научных исследований, сегодня является статья, а монографии, диссертации, отчеты о НИР, выступления на конференциях занимают второстепенное положение. Высокая стоимость подписки на электронные версии иностранных журналов, наполнение электронных библиотечных систем в основном учебной литературой, слабое распространение практики препринтов осложняют процесс доступа или способствуют тому, что доступ осуществляется с нарушением законодательства об авторском праве (в том числе самими авторами).

Результаты научных исследований, получившие объективную публичную форму, являются объектами права интеллектуальной собственности и авторского права, в частности. В образовании именно авторское право формирует набор возможных (законных) ходов участников образовательного процесса для доступа к знаниям, конституируя тем самым образовательный процесс как вид деятельности. Это позволяет считать авторское право социальной технологией в сфере образования.

Для этической легитимации права интеллектуальной собственности (и авторского права, в частности) многие исследователи обращаются к сформулированным в XVII веке теориям собственности, среди которых наибольшей популярностью пользуются:

утилитаристский подход,

трудовая теория собственности,

трактовка собственности как объективации человеческой субъективности.

В рамках утилитаристского подхода, доминирующего в юридикто-бюрократических обоснованиях, целью права интеллектуальной собственности провозглашается культурное и научное развитие, возможность которого обеспечивается достигаемым с помощью действия этого права балансом интересов авторов, ретрансляторов и общества.

Однако сегодня право интеллектуальной собственности как социальная технология, предназначенная для стимулирования интеллектуальной деятельности, все чаще критикуется как препятствие к интеллектуальному (а, следовательно, социальному и экономическому) развитию общества. В частности, авторское право рассматривается как препятствие для обмена научной информацией.

Например, критики утилитаристского взгляда на защиту интеллектуальной собственности как государственной поддержки интеллектуального труда и, следовательно, как двигателя социального прогресса указывают, что существующие механизмы защищают монополии, препятствуя социально-экономическому развитию [1].

), создавая искусственный дефицит и лишая людей свободы выбора [2].

На мой взгляд, основным источником невыполнения системой права интеллектуальной собственности декларируемых в юридических текстах этических и прагматических функций, в образовательном процессе является не система защиты прав авторов, а социальные практики, сложившиеся в научном сообществе.

Во-первых, сама по себе устоявшаяся система авторского права допускает корректировку без изменения фундаментальных предпосылок и не является препятствием для обмена научной информацией. Нельзя утверждать, что законодатели целиком идут на поводу у лоббистов традиционной издательской индустрии. Так, в последнее десятилетие:

(1) во Франции в 2012 г. был принят закон об оцифровке недоступных книг XX века, который де-факто вывел из-под действия Бернской конвенции произведения французских авторов, опубликованные в XX в. и более не представленные на коммерческом рынке. Закон № 2012-287 от 1 марта 2012 г. «Об электронном использовании недоступных книг XX века» [3] предполагает создание механизма, в результате которого все эти книги будут оцифрованы и возвращены в коммерческий оборот в принудительном порядке.

(2) Евросоюз разрешил проблему использования так называемых сиротских произведений (произведений, обладатели прав на которые не известны или не доступны для контакта). Принятая в 2012 г. и вступившая в силу директива требует от государств-членов ЕС в течение трех лет внести изменения в национальные законы об авторском праве, которые бы допускали использование сиротских произведений в рамках четкой юридической процедуры [4].

Во-вторых, существуют возможности обеспечить доступ к научной информации без выхода за пределы правового поля. Это журналы открытого доступа и открытые электронные научные библиотеки (репозитории). Открытый доступ (OpenAccess) — это бесплатный доступ к полным текстам научных и учебных материалов, без каких-либо финансовых, правовых или же технических ограничений (например, без необходимости регистрации для скачивания), ориентированный на любого пользователя глобальной

информационной сети. Модель OpenAccess начала развиваться в Соединённых Штатах Америки как реакция на высокие подписные цены научных журналов. Термин был закреплён в 2002 году Будапештской декларацией и уточнён Берлинской декларацией об открытом доступе к научным и гуманитарным знаниям в 2003 году.

Так, Берлинская Декларация гласит: «В соответствии с духом Будапештской Инициативы (BudapestOpenAccessInitiative), Хартии ЕСНО (EuropeanCulturalHeritageOnline) и Заявления об Открытом Доступе к Публикациям, принятого в г. Бетесда (BethesdaStatementonOpenAccessPublishing), мы составили настоящую Берлинскую Декларацию, целью которой является поддержка развития сети Интернет как функционального инструмента глобального распространения научного знания и человеческой рефлексии, а также формулировка необходимых мероприятий, перед задачей рассмотрения которых будут стоять носители политического решения, научно-исследовательские организации, фонды поддержки и развития, библиотеки, архивы и музеи» [5]. В мире открытый доступ имеет поддержку как на государственном уровне (взять, к примеру, США, Великобританию, Австралию и многие европейские страны), так и на общественном (так, фонд Билла Гейтса обязывает своих грантополучателей с 2017 года публиковать результаты исследований в открытом доступе).

Создать полноценную национальную инфраструктуру невозможно без участия государства. Ещё одно тому доказательство — совместное заявление еврокомиссаров по науке, инновациям и энергетике, сделанное на проходящей в Брюсселе конференции «Openinguptoan ERA ofInnovation» в 2015 году [6]. В нём утверждается, что открытая наука и открытый доступ — это необходимое условие инновационного развития. Там же говорится о необходимости перефокусировать науку с принципа «publishorperish» на модель обмена знаниями и подчёркивается, что финансируемые государством исследования должны стать общедоступными.

Правовые проблемы в этом случае преодолеваются одним из видов лицензионного договора по модели CreativeCommons (включающей договор свободной лицензии) — договором, допускающим по крайней мере свободное некоммерческое использование произведения. Авторы, применяющие лицензии CC, разрешают использование своих произведений указанными в тексте лицензии способами любому желающему без какого-либо дополнительного согласия правообладателя, выплаты ему вознаграждения, и без каких-либо ограничений по территории и срокам. Свободные лицензии используются в более чем 70 странах, в том числе в России (с 2014 года).

Если, как я старалась показать выше, юридические проблемы, связанные с ограничениями оборота научной информации в образовательном процессе, легко преодолеваются, проблемы другого рода остаются.

Публикация в журналах свободного доступа является платной для авторов или представляющих их организаций. Это снижает мотивацию автора к публикации результатов исследования таким способом. Ещё одна проблема — недостаточно высокий уровень научного реферирования большинства подобных журналов. Необходимо отметить, что система контроля качества открытой научной информации развивается. Так, все журналы, отвечающие требованиям научного реферирования, регистрируются в специальном каталоге, созданном сотрудниками Шведской национальной библиотеки и Королевской библиотеки в Стокгольме — Directory of Open Access Journals (DOAJ).

Все эти недостатки журналов открытого доступа и открытых библиотек очевидным образом связаны с проблемой их финансирования. Если в случае с классическим журналом расходы ложатся на плечи читателя (потребителя), то в рассматриваемом случае они ложатся на плечи автора (производителя), и электронный издатель (посредник) от потребителя, ориентированного на качественный продукт, напрямую более не зависит.

Необходима система ранжирования электронных журналов по качеству научными организациями, формирование их репутации некоммерческими исследовательскими учреждениями, государственными научными институтами. Кроме того, источником

финансирования открытых журналов и библиотек не должен быть автор исследования. Авторское право является лишь инструментом, позволяющим регулировать доступ к знаниям, а не причиной возникающих сегодня в сферах науки и образования проблем.

Литература

1. Boldrin M., Levine D.K. *Against Intellectual Monopoly*, N.-Y.: Cambridge UP, 2008. 298 p.
2. Kinsella S. *Against Intellectual Property*, Auburn: Ludwig von Mises Institute, 2008. Online: <http://mises.org/resources/3582>.
3. Закон № 2012-287 от 1 марта 2012 г. «Об электронном использовании недоступных книг XX века»: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=?cidTexte=JORFTEXT000025422700&dateTexte=&oldAction=rechJO&categorieLien=id>
4. Директива ЕС от 25 октября 2012 года 2012/28/EU об определенных случаях разрешенного использования сиротских произведений: <http://lexdigital.ru/2012/070/>.
5. https://openaccess.mpg.de/67987/BerlinDeclaration_rus.pdf.
6. «Opening up to an ERA of Innovation». https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_15_5243.

Аталычество или о духовной культуре народов Дагестана

Алиханова З.-Б. Т.

*Дагестанский государственный университет, преподаватель. Магистр философии
sasa76_76@mail.ru*

Пашнин Т. Д.

*МГМУ имени И.М. Сеченова; Дагестанский государственный университет ФПиФ, студент
pashnin.t@mail.ru*

Аннотация: В данной статье рассматривается обычай «аталычество», который был выявлен у некоторых народов во всем мире, в том числе и у дагестанцев. Аталычество относится к категории обычаев универсалий так как практикуется у народов с разной национальной и конфессиональной принадлежностью и имеет схожие признаки. Обычай аталычество имеет практику уходить в небытие и возрождаться, возможен для существования в феодальном, раздробленном обществе, а также в обществе с рыночными отношениями, где носит видоизмененный характер. Авторами выявлен новый вид «аталычество по принуждению» введенный Николаем II во время русско-кавказской войны. Статья затрагивает основные проблемы в философии: «человек и общество», «отцы и дети», которые рассматриваются в аспекте обычая «аталычество».

Ключевые слова: обычай, аталычество, воспитание, временное усыновление, искусственное родство, молочное родство.

В данной статье речь пойдет о обычае, который возник в эпоху раннего Средневековья у различных народностей. По историческим данным зафиксировано у кельтов, скифов, аборигенов с островов, славян и тюркских народов, данная традиция сохранилась в разных уголках мира по сей день. Наиболее часто оно практиковалось у тюркских народов, на территории Дагестана прекратила свое существование в начале XX века, со сменой общественно-экономической формации т.е. приходом к власти коммунистов и свержением знати.

Этимология тюркского слова «аталычество» (тюрк. аталык - отцовство, от ата - отец), в переводе означает «как бы отец» [7], дополнение как бы не случайно, так как под «аталычеством» понимается передача ребенка в семью на воспитание, где «аталык» на определенный период становится ребенку отцом.

Понятие «аталычество» использует этнографы, однако данную проблему временной передачи или усыновления можно рассмотреть, как проблему «человека и общества», «отцов и детей» в философии. До появления аталычества был обычай под названием «адопция», который дал начало практикующемуся в Дагестане обычаю под названием - аталычество.

Е.А. Тюгашев и Т.В. Попкова в учебном пособии по семействоведению выделяет такое понятие искусственного родства как «адопция» (от лат. adoptio – усыновление, установление искусственного родства), которая, как и аталычество происходила, между людьми разных сословий, разных наций, с некоторыми отличительными особенностями среди которых можно выявить способы установления родства, так:

«Все вступающие выпивали из общей чаши, куда добавлялись капли крови присутствующих.

Клятва на оружии или обмен оружием.

Родство по матери, где один из них притрагивался губами к груди матери или жены другого» [8, с.12].

«Бездетные семьи усыновляли детей многодетных родственников или посторонних людей (бывало даже, что детей крали), семьи же, имевшие детей, - сирот из семей близкой родни.

Кровная месть прекращается, если убийца похищает сына убитого, становится его приемным отцом и воспитывает его. Об этом писал и Штедер: «Кровная месть прекращается, если убийца похищает сына убитого, становится его приемным отцом и воспитывает его. С помощью такого средства примиряются самые мстительные семьи» [2].

Чужак, чтобы обеспечить себе безопасность еще более полную, чем та, которой пользовался кунак, просил, чтобы его усыновили.

Усыновление с целью установления отношений патроната-клиентеллы или сюзеренитета-вассалитета: сильный и богатый усыновлял того, кто был послабее и победнее» [8, с.12].

М.Б.Гимбатова и М.К.Мусаева в своем исследовании аталычества у народов Дагестана в XIX-XX веках выявили важный фактор в формировании экономических, социальных, политических и духовных связей, происходящих благодаря данной традиции.

Я. С. Смирнова утверждает, что «аталычество» как «обязательная передача ребенка на воспитание в другие семьи» [6, с.217] является традицией лишь у тех народов, где произошел переход к феодальным отношениям, что на наш взгляд объясняется тем, что феодал передает своего ребенка в бедную, находящуюся в его власти семью, в которой ребенок воспитывался на обозначенном устном договоре между феодалом и «аталыком», нигде мы не нашли информации о денежном вознаграждении, но есть информация о получении различных благ «аталыком» в виде скота, пахотных угодий, одежды, тканей и многого другого. Здесь наглядно просматривается экономическое и социальное взаимодействие народов Кавказа, о котором писали М.Б.Гимбатова и М.К.Мусаева.

М.О.Косвин о культуре аталычества пишет следующее «Дети знатных родителей передавались в семьи вассалов или слуг на воспитание. Был распространён среди тюркских народов (карачаевцев, балкарцев, кумыков), и других народов. Возвращение, воспитанника в родную семью происходило по достижении им определенного возраста в торжественной обстановке и сопровождалось обменом подарками между воспитателем и родителями. Для девочек этот возраст варьировался до 13-13 лет, а для мальчика до 8-13, но бывали случаи, когда ребенок находился в доме своих воспитателей и до 17-18 лет» [5].

Так Р.Р.Аветисян в своей диссертации выводит, что «воспитанник оставался у аталыка до совершеннолетия. В течение этого периода родители навещали своего сына или дочь 1-2 раза. По обычаю, они не имели права проявлять к ним нежность или ласку. Аталык пользовался большим влиянием на своего воспитанника. Воспитатель принимал участие во всех вопросах его жизни. Закончив воспитание молодого горца, аталык должен был вооружить его, одеть прилично, подарить коня и привести его домой в сопровождении членов семьи» [1]. В данном фрагменте отчетливо просматривается процесс воспитания времен феодализма в Дагестане. Интересным и актуальным для нашего времени является взаимодействие родителя и воспитателя, имея власть над воспитателем родитель не смел вмешиваться в процесс воспитания дабы не испортить достигнутого.

В процессе написания статьи выявлен факт того, что аталычество может носить принудительный, стихийный и заложнический характер. Данный вывод сделан на основе чтения книги Лесли Бланч «Сабли рая», в которой описание осады Ахульго во времена русско-кавказской войны и выдача сына Шамиля Джамалудина как шага к капитуляции горцев оказалась в последствии актом аталычества со стороны Николая II, который взял в заложники сына своего врага- Шамиля, отправил в Петербург и отдал своему подданному на воспитание, сказав при этом следующие напутствующие слова Джамалудину «Я уверен, что тебе, Джамалутдин, будет у нас хорошо,-продолжал царь.-Выучишь русский язык, познакомишься с западной культурой, поступишь в Пажеский корпус, затем в военную академию, и я, царь, позабочусь о том, чтобы, ты нашёл себе коня в царской конюшне» [3, с.30], данный факт показывает, что Николаю 2 были не чужды обычаи горцев и славян, а

также тот факт что после его воспитания ему дарован будет конь и он отправлен будет к своему отцу, Иمامу Шамилю. «Николай II дал своему подданному следующие указания «Ему нужно жить в семье, где есть дети, - ровесники и обязательно няни», - сказал царь. Джамалутдин стал членом доброй семьи в большом, удобном доме, а няня открыла ему свое доброе сердце» [3, с.30], что также подтверждает обычай аталычество, в котором знать отдает более низкому по сословию, подданному ребенка на воспитание.

Аталычество, как обычай служит нравственно-этической нормой поведения формируя между народами, вступившими в искусственное родство толерантность, взаимопонимание, взаимодействие, взаимопомощь и укрепление мирных отношений (где одна социальная группа протягивает руку взаимопомощи и поднимает другую группу на одну или несколько ступеней социальной лестницы выше).

Прививая моральные принципы подрастающему поколению, регулируя поведение воспитанника во всех сферах общественной жизни, поддерживая и санкционируя определенные общественные устои мы заблаговременно готовим почву для позитивной не одинокой старости своей и своих детей. Ведь нравы, прививаемые нашим детям, транслируются последующим поколениям.

На наш взгляд обычай аталычества в современном Дагестане трансформировался, но возродился. Переход к рыночным отношениям, расслоение общества на бедных и богатых диктует новые формы аталычества на современном этапе, где детей не отдают на воспитание бедным слоям населения по причине того, что нет знати, ханов и подданных, но есть финансово обеспеченные слои населения, которые так же, как и в далеком прошлом приглашают к себе кормилиц, обслуживающий персонал, который получает дополнительные блага для себя и своей семьи в виде подарков, помощи в трудоустройстве и т.д.

Литература

1. Аветисян Р.Р. Аталычество как система воспитания горских народов Северного Кавказа. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/atalychestvo-kak-sistema-vozpitaniya-gorskikh-narodov-severnogo-kavkaza> дата обращения (09.02.2020)
2. Адагы народов Кавказ. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://fca.narod.ru/forum-kavkaza-adat.html> дата обращения (11.02.2020)
3. Бланч Л. Саблы рая / перевод А. Давыдова. Махачкала: МРИП «Юпитер». 1991. 140с.
4. Гимбатова М.Б., Мусаева М.К. // Научный диалог. 2018. № 12. С. 222
5. Косвен М. О., Аталычество, "Советская этнография", 1935. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.endic.ru/enc_sie/Atalchestvo-2434.html дата обращения (10.02.2020)
6. Смирнова Я. С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция / Я. С. Смирнова // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. Н. Г. Волкова, В. К. Гарданов. Москва: Наука, 1989. Вып. 9. С. 217.
7. Советская историческая энциклопедия. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/1271/%D0%90%> дата обращения (09.02.2020)
8. Тюгашев Е.А., Попкова Т.В. Семьеведение: учебное пособие. Новосибирск. 2003. С.12 Семьеведение: Учебное пособие. Новосибирск: СибУПК, 2002.

Перспективы рассмотрения культурной травмы в свете экзистенциального подхода

Ананьина Д. А.

Забайкальский государственный университет, кафедра философии, доцент.

Кандидат философских наук

Ananina_1989@mail.ru

Аннотация: Всестороннее рассмотрение феномена культурной травмы на сегодняшний день опосредовано процессом всепроникающей интеграции, затронувшим различные сферы знания, что предполагает междисциплинарность и слияние различных подходов. Так, например, исследование данного вопроса становится уже областью научной деятельности не только специалистов гуманитарного профиля (социологов, философов, этнологов, этнопсихологов и т.д.), но и медицинского. Такие авторы, как Сукиасян С.Г., Шутценбергер А. и др. рассматривают культурную травму сквозь призму психиатрии; синтез философской парадигмы с методами клинической психиатрии позволяют не только расширить онтологические основания воздействия культурной травмы на индивида, но и предполагает выработку эффективного способа снижения ее фрустрирующего влияния. Примером такого междисциплинарного синтеза является экзистенциальный подход, изначально сформировавшийся в рамках философии, но вместе с тем вошедший в рабочий инструментарий практикующих психотерапевтов. В этой связи, экзистенциальный подход, направленный на раскрытие внутренних детерминантов культурной травмы, а также анализ ее свойства межпоколенной передачи способен обогатить потенциальный исследовательский арсенал, что, таким образом, позволяет осуществить попытку объяснения существующих на сегодняшний день межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: культурная травма, этнофоры, фрустрация, экзистенциальный подход, идентичность, Я-концепция.

Prospects for considering cultural trauma in the light of the existential approach.

Ananyina D. A.

Transbaikal State University, Department of Philosophy

Abstract: A comprehensive review of the phenomenon of cultural trauma today is mediated by a process of pervasive integration that has affected various areas of knowledge, which suggests interdisciplinarity and the merging of different approaches. So, for example, the study of this issue is already becoming the field of scientific activity not only of humanitarian specialists (sociologists, philosophers, ethnologists, ethnopsychologists, etc.), but also medical. Authors such as Sukiasyan S.G., Shutzenberger A. et al. Consider cultural trauma through the prism of psychiatry; the synthesis of the philosophical paradigm with the methods of clinical psychiatry allows not only to expand the ontological basis of the impact of cultural trauma on the individual, but also involves the development of an effective way to reduce its frustrating effect. An example of such an interdisciplinary synthesis is the existential approach, which was originally formed within the framework of philosophy, but at the same time was included in the working tools of practicing psychotherapists. In this regard, the existential approach aimed at revealing the internal determinants of cultural trauma, as well as analyzing its properties of intergenerational transmission, can enrich the potential research arsenal, which, thus, allows an attempt to explain the current ethnic conflicts.

Keywords: cultural trauma, ethnophores, frustration, existential approach, identity, self-concept.

Междисциплинарный характер экзистенциального подхода обусловлен, в том числе, активным процессом сближения философии, психологии и психиатрии. Так в настоящее время обилие междисциплинарных исследований на границе психиатрии и философии

привело к выделению новых областей знания — философии психиатрии, философии медицины, клинической философии [1, с.23]. Экзистенциальный подход, вышедший из философского поля, с успехом применяется в психотерапии, терапевтический эффект которого обусловлен погружением индивида в свое собственное Я, поиском ответов на вопросы о смысле своего существования и, таким образом, переориентация на созидательную деятельность и самоактуализацию исходя из внутренних интенций индивида. Экзистенциализм, как одно из идеалистических направлений акцентируется на субъективном состоянии индивида и детерминирует внешнее проявление его жизни внутренними процессами. Правомерность рассмотрения такого явления, как культурная травма с точки зрения экзистенциального подхода обусловлена следующими факторами:

Так как культурная травма представляет собой удар по одной из базовых основ идентичности личности, а именно по этнокультурному ее уровню, то отражение в формировании соответствующего ответа со стороны психики, является закономерным следствием этого воздействия. Данный процесс сродни экзистенциальному опыту, подводящему человека к необходимости поиска своего Я, которое претерпело расщепление ввиду массивной атаки культурной травмы. Внутреннее благополучие индивида имеет одним из важнейших своих критериев непротиворечивость Я-концепции, которая достигается, в том числе, путем утверждения положительного образа своей идентичности, которая как раз и становится объектом культурной травмы. Удар по идентичности индивида, а именно по соотносительности с определенной группой распространяется, как следствие, на индивидуальном уровне в виде различных реактивных состояний. Так, например, посттравматическое стрессовое расстройство диагностируется у 47% эмигрантов. В группу риска попадают люди, которые имеют травматичный опыт, связанный с переездом в другую страну: расовая дискриминация, жестокое обращение сотрудников правоохранительных органов, принудительное выселение, разлучение с семьей, задержание, депортация. Эмигранты подвержены повышенному риску развития шизофрении и других неаффективных психических расстройств (НПР). Один из главных факторов, отрицательно влияющих на психическое здоровье, — опыт дискриминации. Мигранты, проживающие в районах с низкой этнической плотностью, подвергаются повышенному риску развития психоза. Чаще всего это происходит в наименее благополучных и наиболее дискриминируемых группах. [2]

Экспликация культурной травмы с экзистенциальной травмой несет в себе возможность определения степени и характера влияния травматического воздействия на психику индивида. Экзистенциальную травму принято связывать с ситуацией угрозы жизни индивида, вызывающей страх смерти, который преследует человека, вследствие чего развиваются различные параноидальные состояния, невротические расстройства, приводящие в наиболее тяжелых случаях к суициду как способу избавления от этого самого страха. В то же время переживание экзистенциальной травмы может стать для человека трамплином, скачком в личностном развитии, в результате которого он приходит к принятию смерти, как экзистенциальной данности бытия, отрицание и/или борьба с которым лишь истощает психические силы индивида и не приносит при этом сколько-нибудь удовлетворительного результата. В фокусе воздействия культурной травмы, в отличие от экзистенциальной, находится не физическое тело индивида, а идентичность — социокультурное тело. Экспликация двух видов травм заключается как раз в том, чтобы продемонстрировать глубину и силу их травмирующего влияния. Ввиду того, что человек мыслится не только как представитель биологического вида с определенными физиологическими потребностями, но и как существо социальное (человек, по Аристотелю, это общественное животное), то социальная жизнь человека и функционирование его в качестве социальной единицы является важнейшим проявлением себя в мире. Самоактуализация как высшая потребность человека, по Маслоу, возможна только в социальном контексте. Таким образом, сверхзначимость социального контекста определяет глубину и силу влияния культурной травмы на индивида. По мнению Е. Мазур, разрушительная сила психической травмы зависит от индивидуальной значимости, которое

травмирующее событие имеет для человека, степени его психологической защищенности и способности к саморегуляции. [3, с.31] Угроза существованию биологического тела соотносится с угрозой существованию идентичности и представляет собой две стороны одного сущностного или экзистенциального вопроса – бытия или небытия.

Ввиду интенсификации конфликтов, протекающих в пространстве взаимодействия различных этносов и культур, сложности их исследования, а тем более урегулирования, актуализируется вопрос о поиске методологии, учитывающей динамику разворачивания конфликта. Обоснованность применения экзистенциального подхода заключается в том, что он направлен на раскрытие истинного, подлинного Я, свободного от гнетущего влияния социума в данном случае, с одной стороны, предполагает освобождение личности от необходимости «приносить себя в жертву» в межэтнической борьбе, но с другой, проявляет «свободную волю» через эту самую борьбу. Очевидно, что, в этой связи, экзистенциальный подход не способен дать универсального решения межэтнического конфликта для вовлеченных в него сообществ, потому как достижение единства и непротиворечивости в ходе раскрытия экзистенции, понимаемой как глубинной сущности индивида возможно на индивидуальном уровне, в то время как достижение гомогенного и непротиворечивого состояния социума представляется невозможным. Однако он способен создать почву для межкультурного, международного и наконец, межкультурного диалога, предметом которого является «право другого быть другим». Усиливающаяся в индустриальную и постиндустриальную эпохи тенденция к доминированию одной расы, нации, культуры, идеологии, цивилизации над другой имела и продолжает иметь своим следствием эскалацию локальных конфликтов, усиление антагонизма, стремление к сепарации и сегрегации, и, наконец, отчуждение человека от человека.

Таким образом, возникший после череды кровавых событий XX века кризис фундаментальных онтологических оснований человеческого бытия констатирует тотальный релятивизм и отсутствие универсальных категорий, служащих до недавнего времени человеку точкой опоры на его жизненном пути. Постмодернизм, пришедший на смену традиционной онтологии, провозглашает плюрализм во всех сферах жизни общества, в том числе, плюрализм идентичностей. Экзистенциализм, таким образом, как подход, возникший в эпоху постмодернизма, исходит из фундаментального положения о том, что человек является субъектом своего развития и свободен в выборе собственного жизненного пути, сопряженного вместе с тем и с ответственностью за этот выбор [3, с. 113]. Свобода, постулируемая в экзистенциализме, имеет четкие границы и заканчивается ровно там, где начинается свобода другого. Эта же логика справедлива в отношении вопросов идентичности. Потому как процессы, происходящие сегодня в рамках отдельных этнических и национальных общностей, могут характеризоваться как напряженные, конфликтные, актуализируется вопрос о существовании этноса как сообщества, обладающего коллективной идентичностью, утрата которой в определенном смысле может означать смерть «социокультурного тела» отдельного его представителя – индивида. История человечества пестрит подобными примерами, демонстрирующими результаты шовинистского «черно-белого» восприятия, бесперспективность и деструктивность которого обсуждается на политических площадках различного уровня, однако данный вопрос все еще не теряет своей актуальности, что демонстрирует, тем самым, неспособность принятия принципа плюрализма идентичностей в практику мировой политики, а, следовательно, свидетельствует в пользу продолжения «межидентичностных» войн.

Литература

1. Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 640 с.
2. Изменяя родине: как эмигрантов сводит с ума когнитивный диссонанс <https://knife.media/poor-immigrants/> (дата обращения: 01.09.2021)

3. Каримова Т. С., Подлиняев О. Л. Экзистенциальный подход и возможность использования его положений в образовательном пространстве ВУЗа правоохранительного профиля // Вестник Восточно- Сибирского института МВД России. 2016. № 2 (77). С. 112-118;
4. Мазур Е. С. Психическая травма и психотерапия // Московский психотерапевтический журнал. 2003. №1. С. 31-52.

Виртуальность: экзистенциальный аспект

Анашкин Е.С.

Уральский Федеральный университет

egor_anaskin@mail.ru

Аннотация. В современной философии понятие виртуальности как некоторой «сущности» обходится – вместо этого используется понятие «виртуального» для обозначения структуры в её постструктуралистском понимании, структуры как «виртуальной множественности». В этом отношении виртуальное не противопоставляется реальному и не является, вопреки этимологии, «возможным» - отражением актуального, наложенного на будущее. Виртуальное – это принципиально недействительное реальное, в котором действительное определяется. Оно похоже на «бытие» в онтологическом различии. Но тут возникает проблема в определении того, как виртуальное может переживаться, поскольку в этом контексте само виртуальное не может быть «актуализовано» в переживании (экзистенции). Доступ к виртуальному закрыт в том смысле, в каком закрыт доступ к бытию (не-сущему). В этом отношении невозможно даже подлинное «присутствие» - вопреки Хайдеггеру. Но если виртуальное не может быть пережито – то вообще, где оно? Сохраняет ли оно после этого какую-либо реальность? В данной работе осуществляется реактуализация вопроса об экзистенциальном значении виртуального, исследуется его соотношение с ностальгией, бытием, временностью, действительностью, смыслообразованием и самим собой.

Ключевые слова: виртуальность, ностальгия, временность, действительность, смыслообразование, онтико-онтологическое различие, экзистенция, самосоответствие.

Virtuality: existential aspect.

Anashkin E.S.

Ural Federal University

Abstract. Modern philosophy does not consider the concept of virtuality as an “essence” but there is such a thing as “virtual” to define the structure in its post-structuralism understanding, that is the structure as “virtual multiplicity”. Virtuality is not contrasted with reality and is used as “possible”, namely a reflection of relevance in future in this regard. Virtuality is fundamentally non-valid reality in which “valid” is defined. It is like “being” under the ontological difference. But there is a problem of defining how virtuality can be experienced because virtuality itself is not actualized in existence. Access to virtuality is closed as well as access to being. The real “presence” is not possible, contrary to M. Heidegger. Where is virtuality if it cannot be experienced? Does it save a reality? A revival of existence concept of virtuality is implemented, and relationship to nostalgia, being, temporality, reality and sense creation is also studied in this work.

Keywords: virtuality, nostalgia, temporality, actuality, sense formation, ontic-ontological difference, existence, self-correspondence.

*Ты верен весь одной струне
И не задет другим недугом, Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.
И. Гете, «Фауст»¹*

¹ Гете И. Фауст. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/POEZIQ/GETE/faust.txt>

Введение: виртуальность и ностальгия

М. Хайдеггер в своей статье «Основные понятия метафизики» цитирует определение Новалиса: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома». Конечно, дело здесь не ограничивается философией, но мы сейчас принялись философствовать, поэтому это определение должно быть нам полезно. О какой именно ностальгии говорит автор? Кажется, если мы обратимся к культуре, то обнаружим целый фонтан подобных настроений. Можно было бы даже рискнуть и сказать, что вся культура – плод этого настроения. По крайней мере, на это нам намекает слово: *cultura* — «возделывание», которое в собственном смысле немыслимо без стремления к некоей гармонии, к единству с миром, к оседлости. Для нас это важно постольку, поскольку человек как таковой, как кажется, немыслим без культуры.

И все же культура – только плод, только следствие рассматриваемой нами ностальгии. Такое же следствие, как и «безкультурье». Алкоголь и наркотики – не самые разрушительные его примеры. Наиболее полно же оно проявляется в периоды масштабных социальных конфликтов и переломов. Для обозначения состояния человека в эти периоды существует такой термин, как *лиминальность* («пограничность»). Такая неукорененность не столько пропитана ностальгией, сколько является её предметом. В самом деле, если поселиться на границе, то дом будет везде. М. Бланшо так пишет о «красном мае» во Франции: «Май 68-го доказал, что без всякого умысла, безо всякого заговора, в обстановке случайной и счастливой встречи, этакого праздника, расшатывающего принятые или чаемые социальные формы, может самоутвердиться (по ту сторону обиходных видов утверждения) взрывное сообщество, позволяющее каждому, невзирая на класс, пол, возраст и культуру, завязать дружеские отношения с первым встречным как с давно любимым существом, именно потому что он является знакомым незнакомцем»¹. Не это ли и есть «потерянный рай»? Не такими ли были Адам и Ева до грехопадения и до того, как земля стала «проклята» за Адама и её стало нужно возделывать?

Нетрудно догадаться, что такой путь сам по себе в конечном счете ведет к гибели. Помимо обычной праздности, история знает насилие, произвол, несправедливость и невежество, которые сопровождают такой наступивший «потерянный рай». Чего стоит только «классовое чутье» как юридическое основание для расправы в 20-е годы XX в. в России. Те же явления сопровождают и стремление воплотить это «потерянный рай» раз и навсегда (того же рода причастность к мечте, но отложенная в долгий ящик). Негативность этих явлений может быть оспорена, она не априорна. Но является ли возделывание лишь досадной необходимостью, неизбежным рабством, унижительным ярмом, накинутым на человека его смертностью? Нам представляется, что нет. Держаться перед ничто и утверждать жизнь вопреки (благодаря) метафизическим отчаянию и одиночеству – благороднее, чем утвердить жизнь в гибели. И потерянный рай ценнее настоящего рая. Вероятно, об этом говорит А. Камю, утверждая, что, «вместо того чтобы убивать и умирать во имя созидания бытия, каковым мы не являемся, мы должны жить и животворить ради созидания того, чем мы являемся»².

Причем здесь виртуальность? Если мы признаем, что потерянный рай ценнее настоящего рая, то мы признаем, что сама ностальгия ценнее того, на что она направлена. И коль скоро этой ностальгией, как мы выше отметили, определяется вся человеческая деятельность, то мы уже говорим о ностальгии не только как о специфическом чувстве, но и как об онтологическом понятии. Раз так, то нужно дать ему определение. Слово «ностальгия» происходит от др.-греч. *νόστος* — «возвращение на родину» и *ἄλγος* «боль». Если мы говорим о предельной общей родине, то это та родина, которую мы смогли назвать

1 Бланшо М. Неопишемое сообщество. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.ru/INPROZ//BLANSHO/soobshestvo.txt>

2 Камю А. Бунтующий человек. [Электронный ресурс] URL: https://imwerden.de/pdf/camus_buntuyushhy_chelovek_1990.pdf

только потому, что вырваны из неё, и которая сама по себе лежит за пределами нашего опыта. Поэтому нам представляется справедливым определить ностальгию как негативное переживание трансцендентного. Негативность в нашем определении связана с греческим *άλγος*. Но сама эта боль означает довольно многое. Она знак того, что человек отчужден от родины и все же связан с ней. Но также и знак того, что он обладает собственной природой, которая отчуждена. Тем не менее, родина (то, что ближе ко мне, чем я), явленная болью, – это то, что меня творит, это моя потенция, это мой *virtus*. Это скрытый, возможно, только надуманный, но подлинный источник моего бытия. И он по своей природе онтологически не закреплен, чтобы оставаться способным порождать меня. Явленный через ностальгию, он представлен как виртуальный, как то, что не вполне существует. Но если мы пойдем дальше, то обнаружим, что в понятии виртуального истока есть что-то странное, как если бы мы допустили ущемляющее нас ограничение. Что бы это ни был за исток (Благо; Бог; Дао; мир в том, что он есть...), он не насытит мою душу так, как то, что делает его для меня ценным, то, что позволяет ему выступать предметом ностальгии, – а это виртуальность как таковая. Поэтому она нас и интересует. Но здесь мы сталкиваемся с серьезными трудностями в схватывании рассматриваемого нами понятия. Однако мы пока рассматриваем его в связи с ностальгией. И если ностальгия – это негативное переживание трансцендентного, то виртуальность – это онтологическая негативность как экзистенция. Понять, как это переживается, может помочь следующее хокку:

*Поскольку всё в этом мире —
Всего лишь кукольное представление,
Путь искренности — это смерть! 1*

Здесь слово «смерть» употребляется иначе, чем мы употребляли ранее; смерть как «ничто из всего» (и задающее всему смысл). В этом отношении переживаемую виртуальность можно сравнить со свободой.

Если так, то проблема виртуальности – это проблема переживания жизни. Но пока нами почти ничего не сказано. Ниже мы рассмотрим явления и структуры, которые должны позволить нам лучше понять феномен виртуальности и его экзистенциальное значение. И в первую очередь жизнь постольку, поскольку мы можем её назвать, переживается в событии смыслообразования.

Виртуальность и событие

Зачем мы все это начали? Не в этой главе, не в этой статье, а еще раньше, в самом начале? В какой момент мы заподозрили, что то, что мы ценим или ненавидим, то, составляет нашу жизнь и то, что мы из себя представляем – неоднозначно? Была найдена трещина – и Вселенная сломалась. Что позволило нам заметить эту трещину? Что позволило нам её почувствовать? Мы уже отвечали на это вопрос. Бремя травмы – это сама собственность отчужденной природы как её качество. Но мы еще ничего не сказали о смысле этого разлада.

До сих пор мы исходили только из фактичности отчуждения от трансцендентного истока. Но откуда оно взялось, что оно означает? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам потребуется анализ последовательности фаз экзистенциальной действительности бытия.

Фаза 1: Бытие как не-собственность.

Таким является бытие ребенка в утробе матери, бытие во сне, бытие животных, бытие любовников и вообще любой «потерянный рай». Нам нужно выявить его онтологический смысл. Для этого нужно ввести определяющую оппозицию. Пускай этой оппозицией будет

бытие и время, где бытие неопределимо, а время – событийность действительности бытия (означающее бытия и бытие означающего). Если так, то на этой фазе бытие будет имманентно времени: «Счастливые часов не наблюдают». Западные (апофатическая молитва) и восточные (отождествление Атмана и Брахмана) медитации как раз характеризуются ощущением вневременности. Так, написано: «Когда [человек] погрузился в сон, всецело успокоившись и не видя сновидений, то это Атман, – сказал он, – это бессмертный, бесстрашный, это Брахман»¹. Раз так, то здесь не может идти речи ни о смысле, ни об ответственности, ни о власти. Суть бытия как не-собственности в том, что оно не знает о своих границах, существует только в-себе и, как сказано, не имеет к себе отношения.

Фаза 2: Оппозиция собственно-несобственного бытия или желание.

Никто не помнит этот момент (конечно, его и нельзя помнить). Момент, когда одновременно возникли событие, значение, дистанция, предпочитаемое, собственное, сильное и, конечно, большее. Большее – ужасное слово, ужасный смысл. Как можно было его увидеть? Что оно вообще значит?

Большее – результат самосоотношения бытия. Так выходит с тем, что называют осмыслением. Герой одного из романов Ф. Достоевского пишет об этом: «Я перечел теперь то, что сейчас написал, и вижу, что я гораздо умнее написанного. Как это так выходит, что у человека умного высказанное им гораздо глупее того, что в нем остается?»² В самом деле, как так получается?

В бытии как не-собственности изначально заложена возможность самосоотношения постольку, поскольку это бытие существует, хотя изначально это существование внешне бытию. В этом случае самосоотношение бытия некоторым образом детерминировано, хотя конкретнее сказать нельзя (будь мы компетентнее, мы бы сказали, что оно детерминировано надеждой). В самосоотношении путем самосоответствия происходит установление предела бытия как первичного означающего, которое является временем. Днем бодрствуем – ночью спим. Однако смысл бытия еще не появился, потому что нет означаемого, только цепи означающих (и выходит, что означающее ничего не значит). Дело в том, что вторая фаза разбивается на две перекрестные подфазы.

Подфаза 1: Возникновение несвоевременности.

Самосоответствие, задавшее бытию предел, и сводит и разводит бытие с самим собой. Полагаясь как первовыявление времени, оно не вписывается во время и представляется вечным. Однако дело обстоит так, что в момент полагания предела существование бытия меняется. Этот предел имманентизируется (усваивается), тогда как измененная вследствие этого временность бытия вновь становится внешней ему. Однако бытие уже не деградирует на первую фазу. Имманентная временность как цепь означающих всегда соотносится с моментом самосоответствия таким образом, что первичное означающее становится предельным означаемым. С расхождением временности на имманентную и трансцендентную каждое звено цепи означающего страдает дефицитом смысла, поскольку самосоответствие прекращено. И раз так, то рано или поздно, опираясь на «устаревшие» в момент своего утверждения (антисодержательные) отношения означающих (например, «счастливый злодей»), бытие восходит к первичному означающему в его негативном, антисодержательном, потустороннем аспекте, который позволяет характеризовать его как предельное означаемое – и означающее, раскрывающее доселе внешнюю новую временность. Так вновь происходит самосоответствие, так достигается Большее. Но в этот же миг бытие расходится и цикл начинает повторяться. Поскольку в начале второй фазы

¹ Чхандогья-упанишада. [Электронный ресурс] URL: <http://scriptures.ru/chhandog.htm>

² Достоевский Ф. Подросток. [Электронный ресурс] URL: <http://homlib.com/read/dostoevskiy-fm-1/podrostok>

бытие установило себе предел, оно установило себе и предельность как необходимость самопреодоления для сохранения отношения к самому себе, собственного смысла, ответственности за себя и власти над собой. Таков смысл возвращения узника в платоновском мифе о пещере. Разомкнутый цикл к Большему становится структурой бытия (и в некотором смысле его ловушкой).

Подфаза 2: Возникновение несодетствительности.

О недалеком человеке говорят, что он сначала делает, а потом думает. Но этот недалекий подобен Богу: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы»¹. Однако можно ли вообще что-то делать, не подумав? Видимо да, такова действительность бытия в первой фазе. И в самом деле, безумцев когда-то считали блаженными и близкими к Богу. Но что происходит во второй фазе? Чем в этом аспекте она отличается от первой?

Предполагается, что о действии можно говорить постольку, поскольку оно обладает действительностью, или смыслом. Собственно, действие – это осмысленное бытие. Но тогда у действия как минимум двойная действительность: действительность действующего и действительность действующего («хотелось, как лучше, а получилось, как всегда»). Нужно определить эти две формы.

Действительность действующего или трагикомическая действительность – выявление антисодержательного аспекта означающих и их отношений - и его преобразование в потенцию к смыслу (стремление бытия к самосоответствию). Иными словами – решение проблем. Трагикомическая действительность всегда противоречит своей имманентной временности, а потому, принадлежа ей, может иметь только неопределенно деструктивное значение. Принадлежа же трансцендентной временности, трагикомическая действительность не может иметь содержательного значения, но в соотношении с собой под знаком имманентной временности определяется как чистое желание (Большого).

Действительность действующего или обыденная действительность – содержательность означающих и их отношений. Это результат и упразднение трагикомической действительности.

Строго говоря, обыденная действительность не является действительностью в собственном смысле слова (как и положено у действующего), поскольку содержательность означающих и их отношений не относится к предельному означаемому - и не имеет значения. Однако только она имеет видимую определенность (конкретность) значения. Обыденная действительность – это есть само собой разумеющееся. Иными словами, она выражает квазифункционирование имманентной временности и представляет из себя только условие собственного сохранения.

Подчеркнем, что указанные аспекты характерны для любого действия. Не бывает «хороших» или «плохих» действий.

Для понимания смысла амбивалентности временности и действительности необходимо проанализировать момент самосоответствия бытия. Самосоответствие как выявление и установление предела бытия есть также установление определенного отношения между бытием и ничто. Бытие и ничто сами по себе не имеют значения и обретают его в подмоментах самосоответствия, выражающих смысловую динамику его структурных онтологических позиций.

Подмомент 1: Онтологическая препозиция.

В онтологической препозиции бытие и ничто не противопоставлены друг другу, не различены (до противопоставления), но все же предполагаются. Эта препозиция есть также

¹ Библия. [Электронный ресурс] URL: <https://lib.pravmir.ru/data/files/Bible.pdf>

препозиция сама по себе или как таковая. Она почти ничего не значит, а когда значит, то все это значение сводится к приставке пре-. Но сама эта приставка все же может нам что-то сказать. В первую очередь, она обозначает некоторое пред-различие. Во времени это является различием между тем, что есть, и тем, что будет. Но здесь имеется ввиду различие до выявления различия между бытием и ничто – то есть первичного различия. Пред-различие и первичное различие - как будто разные различия. И все же первое немислимо без пред-первого. Пред-различие в препозиции не только предваряет различие бытия и ничто – или их диспозицию – но и является им как вектор к нему. Как это помыслить? Как именно пред-различие становится различием? Похоже на то, что сразу. Пред-различие амбивалентно в том смысле, что обозначает различие между от-сутствием и при-сутствием различия – и одновременно само различие. Неспроста для обозначения этих двух вещей используется одно и то же слово. Кто-то назовет пред-различие верой (в феноменологическом смысле, как «то, что до мысли»). Мы же перейдем к следующему подмоменту.

Подмомент 2: Онтологическая диспозиция.

Онтологическая диспозиция – это различие между бытием и ничто до их противопоставления. Или же различие до противопоставления само по себе.

В жизни сложно представить различие без оппозиции. Даже когда на столе стоят два как будто одинаковых предмета, содержание их различия относительно друг друга заключается во взаимном противопоставлении их возможного пространственного положения. Однако в онтологической диспозиции нет никакого противопоставления.

Различие между бытием и ничто расщепляет бытие, равно как бытие расщепляет и различие как таковое. Онтологическая диспозиция приводит к тому, что бытие и ничто образуют бесконечную вневременную несоотносимую множественность. Точнее говоря, бытие и ничто в целостном явлении собственного взаимозамещения (в результате отсутствия противопоставления) образуют завершенную в отношении к себе самой гипермножественность (непрерывность различия), характерной чертой которой оказывается невозможность выявления элементов этой множественности. Так, например, если по Гейзенбергу электрон действительно может быть в двух местах одновременно, то нельзя говорить о том, что это один и тот же электрон.

Еще одним аспектом онтологической диспозиции является диспозиция самих тождества и различия как базовых онтологических категорий. Они также становятся различимы, но не противопоставлены. И тождество может быть различием, и различие может быть тождеством. Из-за этого гипермножественность дробится еще больше. Разумеется, остальные онтологические категории также претерпевают диспозицию. Примером диспозиции тождества и различия, который приводил Витгенштейн, может служить «зеленое зеленое». Или же парадокс лжеца.

Наконец, онтологическая диспозиция существует между первым и вторым подмоментами самосоответствия. Единство онтологической препозиции и онтологической диспозиции и есть то, что мы называем виртуальным. К этому мы вернемся, а пока рассмотрим решающую онтологическую позицию.

Подмомент 3: Онтологическая оппозиция.

Онтологическая оппозиция – довольно загадочное явление. Собственно, в ней и выражается предел между бытием и ничто. Но вопрос в том, как она возникает. Для этого надо проанализировать, что означает сама оп-позиция.

Приставка против- в противопоставлении обозначает присутствие в запредельном при сохранении предела – или негативное включение запредельного в предел. Если в онтологической диспозиции бытие присутствует там, где его нет, то в онтологической оппозиции бытие присутствует там, где его быть не может. Различие между бытием в

запредельном и запредельном в бытии, являющееся противопоставлением, есть необходимая интенсификация диспозиционного различия, без которого оно остается безразличным. Диспозиция содержит оппозицию в своей собственной смысловой динамике, тогда как оппозиция содержит диспозицию лишь генетически, поэтому оппозиция – это некоторая жертва различия в пользу него самого. Гипермножественность в своем пределе составляет единство, но как только гипермножественность и единство становятся диспозиционно различены – единое уже не может вернуться ко множественности, поскольку разделение было абсолютным и касалось самой диспозиции.

Было сказано, что оппозиция – негативное включение запредельного в предел. Но включение запредельного – это также включение беспредельного и самой беспредельности. А включение беспредельности в предел есть по существу своему беспредел. Раз так, то любой предел между бытием и ничто, любой предел бытия и любая временность несут в себе травму собственного рождения. Во-первых, бытие не самодостаточно, так как его предел зависит от присутствия в запредельном, негативного вмещения запредельного – и самого запредельного. Без запредельного предел теряет смысл. Во-вторых, ввиду того, что установление предела – беспредел, то предел между бытием и ничто никогда не является адекватным. Эти два момента должны объяснять амбивалентность временности и действительности. Помимо этого, оппозиция между бытием и ничто – это также оппозиция как таковая, а раз так, то амбивалентность неизбежна.

Мы проанализировали момент самоответствия, но, кажется, пока это ничего нам не дало. Проведенный анализ нуждается в экзистенциальной интерпретации.

Фаза 3: Виртуальное бытие и бытие собственное.

В том, что мы успели написать, есть два отрывка, в которых как будто пишется о «потерянном рае». Во-первых – это бытие как не-собственность, предполагаемая первая фаза экзистенциальной действительности. Во-вторых – это первые два подмомента самоответствия. Не думаю, что тут есть противоречие. Кажется довольно справедливым, что как только бытие выходит на свою границу, оно открывает возможность отказаться от себя (как собственности). Скорее даже, что оно вынуждено от себя отказаться, ведь нельзя быть на границе и принадлежать ей.

В начале мы писали, что ностальгия – главное настроение философии и культуры. Однако жажда нового имеет в жизни вряд ли меньшее значение. Как ни странно, эти настроения часто совпадают. Для рассудка, берущегося понять их, такое совпадение кажется издевательским. Как будто покинуть дом и возвращаться к нему – одно и то же. Но мы это противоречие разрешили сразу, сказав, что подлинная ностальгия не должна иметь предмета (виртуальность как таковая).

Что заставляет нас покинуть дом и является причиной ностальгии? Только сейчас мы приходим к тому, что этот вопрос не может быть поставлен.

Все дело в том, что то, что мы назвали препозицией или чистым ожиданием, содержит в себе оппозицию нынешнего и ожидаемого. Раз так, что в ходе своей смысловой эволюции различие только возвращается к себе. Различие, базовая смысловая структура.

Вопрос о том, что заставляет нас покинуть дом, не может быть поставлен потому, что содержит иллюзию, будто мгновенный, неуловимый, но все же предполагающий линейность времени, исторический акт, возможен (возникновение истории – тоже история). Но время никогда не линейно, а мы никогда не были дома. Вся суть в том, что мы на самом деле дома только тогда, когда тоскуем по нему. Приближаясь к нему, от него удаляемся, останавливаясь в нем, его теряем. Так что мы могли покинуть дом только в поисках дома. Нет никакого начала и никакой родины. Они просто не успевают появиться. Но виртуальное бытие и бытие собственное – совпадают. Осознание этого и есть третья фаза экзистенциальной действительности бытия.

Заключение

Что же в итоге можно сказать о самой виртуальности в её экзистенциальном аспекте? Исходя из написанного, можно обозначить это в трех пунктах – соответственно подмоментам, в которых образуется смысл.

Во-первых, виртуальность – это чистое ожидание. Это базовый экзистенциал, тут трудно что-то добавить. Суть этого ожидания в чистом риске, действительность которого исключает действие как явление какой-либо субъектности, как часть плана.

Во-вторых, виртуальность – это онтологическая негативность как экзистенция, диспозиционная абсолютизация ожидания (ожидание без ожидаемого). В философии обычно пишется об этом как о выходе к смертности, к ничто. С этим выходом открывается то, что мы назвали гипермножественностью – или свобода.

В-третьих, виртуальность – это онтологическая щедрость, или оппозиционная абсолютизация онтологической негативности. Нет смысла в свободе, если она не воплощается в действии. Это довольно очевидно, свобода не существует сама по себе. Но с действием как раз свобода утрачивается, поскольку оно неизбежно содержит в себе определенность, границу как результат свободного выбора. И более того, в состоянии свободы никогда нельзя выбрать лучшее или худшее действие, потому что для свободы любое действие оказывается худшим, поскольку требует согласия на её утрату. Но это согласие – парадоксальное следствие свободы. В самом деле, свобода свободна от себя отказаться.

Однако действие, актуальное - виртуально в том смысле, что не осуществляется для себя самого. Свобода отказывается от себя в действии ради самой себя, а не ради действия. Отказ свободы от самой себя – её самоуглубление. Свобода самоуглубляется в действии, выражающем ожидание её собственной сущности.

Литература

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/102012/18102012-03a.html>
2. Бланшо М. Неписуемое сообщество. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.ru/INPROZ//BLANSHO/soobshestwo.txt>
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. [Электронный ресурс] URL: <http://w2.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/951/3/vit.pdf>
4. Гете И. Фауст. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/POEZIQ/GETE/faust.txt>
5. Делез Ж. Платон и симулякр. [Электронный ресурс] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000174/index.shtml>
6. Достоевский Ф. Подросток. [Электронный ресурс] URL: <http://homlib.com/read/dostoevskiy-fm-1/podrostok>
7. Камю А. Бунтующий человек. [Электронный ресурс] URL: https://imwerden.de/pdf/camus_buntuyushhy_chelovek_1990.pdf
8. Платон. Диалоги. [Электронный ресурс] URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/index.htm>
9. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. [Электронный ресурс] URL: http://www.bibikhin.ru/osnovnie_ponyatiya_metafiziki
10. Цунэтомо Я. Хагакуре. [Электронный ресурс] URL: http://www.iaido.kg/sites/default/files/yamamoto_cunyetomo_hagakurye_0.pdf
11. Экхарт И. Проповеди и рассуждения. [Электронный ресурс] URL: <http://psylib.org.ua/books/ekhar01/index.htm>
12. Библия. [Электронный ресурс] URL: <https://lib.pravmir.ru/data/files/Bible.pdf>
13. Теоретическая виртуалистика: новые проблемы, подходы и решения/Ин-т философии РАН. – М.: Наука, 2008, 316 с.
14. Чхандогья-упанишада. [Электронный ресурс] URL: <http://scriptures.ru/chhandog.htm>

Методология производства события

Андренов Н. Б.

Липецкий государственный технический университет, кафедра философии, профессор

Аннотация. Законы воспроизводства события разные. Нас интересует, как они проявляются в жизни общества.

Ключевые слова: событие, механизмы, законы.

Во взаимоотношениях системы и фактора есть много неясного. Как возникает событие? И как реализует система, и что происходит, когда к событию присоединяются новые факторы? Для этого нужна идеология и структура, которая «усваивает» фактор. То есть, сам по себе фактор еще ничего не значит. Важно его окружение и механизмы, которые обрабатывают фактор. Главное структура, идеология, то есть система. Фактор может усиливать систему, может менять характеристики системы в ту или иную сторону. Итак, главное сознание или управление.

Далее существует такой феномен, что система должна создавать ситуацию, напряжение. Это относится к духовным составляющим. Особенно это видно в спорте. Команда, чтобы победить, должна создавать духовное напряжение. То есть система должна создавать новые факторы.

Как, по каким законам влияют факторы друг на друга и на систему? В.И. Ленин писал: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Почему он и другие считали, что наука и техника может решить все социальные проблемы? История показала, что этого не происходит. Почему?

Нравственное поле проигрывает в истории силе и жестокости. Но оно никуда не исчезает и постоянно давит, в виде мягкой силы. Рай невозможен в силу того, что основной закон Бытия — это напряжение и преодоление. И время, когда на человека сыплется манна небесная, проявляется эпизодами, а основное в жизни есть борьба. Поэтому основным двигателем экономики является концентрация мощи в виде богатства, со всеми негативными последствиями.

Так что В.И. Ленин ошибался, когда он один доминирующий принцип решил заменить другим. Ошибался он и в том плане, что хотел построить райское общество. В этом он не виноват, виноваты законы мышления, которые могут заменять один фактор другими, причем человек не замечает, что он заменяет существенный фактор несущественным. Притом с этим мифологическим фактором он работает неистово.

Любое событие на любом уровне управляется обобщающей тенденцией. Тенденция, которая находится наверху, управляет через ряд опосредствующих этапов, может определять конкретное событие. Так первая мировая война привела Россию к небывалому экономическому и политическому кризису, в том числе и к Октябрьскому перевороту. А конкретная тенденция в свою очередь определяет судьбы конкретных людей. То есть, историческое событие можно представить как взаимовлияние и взаимодействие самых разных тенденций, где человек приобщается к одной из них и может в определенных пределах влиять на них.

Каковы пределы влияния какой-либо тенденции? И какие связи можно выделить? Можно ли сказать, что в актёра входит божество? Можно ли создать, скажем, глобальную кинокартину? Как понимать такое выражение: «Внутри каждого человека есть пространство: у кого-то внутри лифт или кладовка... А если Собор?»

Исследователи пишут: «Вселенский масштаб – это то, что и стало знаковым в картине «Война и мир». Именно как к вселенной истории подходит Сергей Федорович к этой работе. Как и в какой степени можно изобразить все эти связи?

Выше мы отмечали, какие тенденции привели к Октябрьскому перевороту, но факторы включаются не сразу, а постепенно. Такой фактор или тенденция как народ и определил победу большевиков, люди на свою голову стали на их сторону в гражданской войне.

С точки зрения изображения исторического события зачем, например, А.С. Пушкин написал «Бориса Годунова»? Чтобы дать работу своему творческому механизму? Ведь никакую общественную проблему решить окончательно нельзя, может он хотел защитить одну из версий? Любое произведение, кроме всего прочего, приближается к вечности. Дальше всех пошел В. Шекспир в этом отношении. У Александра Сергеевича была, видимо, и эта задумка. Но более всего он, видимо, полагался на силу своего художественного метода, пусть он осознавал это несколько иначе.

Отдельные исследователи смотрят на событие с точки зрения теории факторов. Дополнительный фактор может менять характер и содержание течение события. В настоящем, посредством сознания факторы соединяются и по-новому осмысливаются. Сознание осмысливает факторы события, мы не раз отмечали это, не полностью. Но почему нам кажется, что мы видим событие полностью, что за иллюзия, создаваемая сознанием? Ведь соединяются в сознании частичные факторы, но складывается система. Почему? Это свойство понятия? Возникающее понятие имеет характер прогноза, оно направлено в будущее.

Рассмотрим с точки зрения теории факторов войну. В войну включаются разные факторы, артиллерия, авиация, танковые войска и т.д. Но вот такой фактор как пехота. Какое значение имеет один солдат или несколько? Как объект пехота должна включать в себя большие массы людей, где малые массы почти незаметны. Но можно ли учесть роль одного солдата?

Представления о событии содержат в себе множество тенденций. Все они содержат истину, как бы сказать, неподтвержденную. Здесь стоит вспомнить практику К. Маркса и Ф. Энгельса. Если данная тенденция встречается с реальностью, жизнью, направляет ее и управляет ею, она становится подтвержденной и более полной.

Человеку нужно исходить из того, что общественные законы, они выражаются каким-либо доминирующим фактором, работают определенное время, затем сменяются другими. Но действие этих законов специфично, их действие далеко не безусловно, здесь можно говорить о влиянии, которое только может менять направление движения, интенсифицировать процессы. Исследователи часто говорят о влиянии факторов далеко отсутствующих друг от друга, например, влияние парада на Красной площади 7 ноября 1941 года на ход Великой Отечественной войны. Это похоже на действие или проявление общественного закона. То есть, в обществе на ход процессов влияют тайные «невидимые» факторы. Они проявляются через массовое сознание.

В истории цивилизаций известны факты, когда наблюдается ускорение или интенсификация общественного процесса. Имеется в виду сознание величественных сооружений – построение египетских пирамид, создание грандиозных храмовых комплексов в Камбодже, создание Великой китайской стены, создание величайшей гробницы в Древнем Китае императору Цинь-Ши-Хуанди, монгольские завоевания в XIII веке, создание пирамид ацтеками в Мексике и др. Эти вспышки, например, Лев Гумилев объясняет проявлением какой-то пассионарной энергии. Здесь, по всей видимости, в интенсификации проявлений массового сознания. такой фактор, как патриотизм через внутренние механизмы включаются и усиливаются в войне. То есть в обществе действует совокупность системных факторов, которая самонастраивается, саморегулируется и, сидящий в глубине фактор может усиливать свое проявление.

Чтобы, например, создать величайшую гробницу в Древнем Китае, был необходим какой-то культурологический потенциал, не знаем, как и назвать его. Этот потенциал, накопленный веками, делает возможным самопланирование этого грандиозного сооружения. Источник этого явления опять же возможность перенастройки факторов. Но почему заявленный стимул построения пирамид не исчезает в течение столетий? На это нет

осознанного ответа. Итак, совокупность факторов перестраивается и определяет ускорение или стагнацию общественных законов, их проявление. Вопрос о стимулах, определяющих ускорение, остается открытым. Мы показали механизм цивилизационного процесса.

В событиях закон и детерминизм преобладают. Случайность проявляется, но эпизодически. В массовом сознании формируются потребности, интерес, цели.

Вот в сражении сталкиваются два воина. Возникает вопрос – кто победит? Очевидно все зависит от физической силы одного из противников. А что будет, если сталкиваются десять воинов, сто и многие тысячи? Тут уже в действие включаются кроме физической силы, другие факторы. Они имеют характер тенденций или общественных законов. Эти факторы включаются последовательно. Мы имеем в виду стойкость, дисциплину, военнначальники, обладающие основами техники и стратегии т.д.

Наполеон в Египте. Один на один египетский мамелюк побеждал французского солдата. Но как отмечал сам Наполеон, если выступят три солдата против трех мамелюков, то победу одержат французы потому, что начинают работать факторы дисциплины.

Но не подумайте, что войска и армии разных эпох можно как-то сравнивать – это разные вещи.

Особняком среди армий стоит монгольская конница. В результате неповторимого процесса монгольская конница приобрела такие качества, которых не было ни в одной армии тогдашнего мира. Были выработаны такие свойства в управлении войском, как необычайная стойкость и дисциплина, самоуправление во время сражения, подчинение войска уровням стратегического порядка, что дает новые возможности для совершенствования армии и управления. Поэтому монгольская армия была непобедима. Но эти качества не вечны они постепенно утрачиваются.

Спустя два, три века после завоевания Руси, монгольская армия в Орде была уже не та. Наполеон при нападении на Россию, обладал стратегической мощью. Были выработаны передовые основы тактики и стратегии, где всегда приносили успех расположение артиллерии и нападение непрекращающимися волнами. При втором генеральном сражении русская армия могла не выдержать удара. Гений М.И. Кутузов все это понимал, а ведь были люди, которые не понимали. Надо было лишить Наполеона этого преимущества, и Кутузов придумал гениальный ход, о котором вы знаете – это планомерное отступление.

Когда меняются характер и масштабы войны меняются и законы, управляющие процессом. Возьмем первую и вторую мировые войны. Можно задать вопросы – почему Германия во 2-ой мировой войне поставила Россию на первых порах на грань катастрофы и почему, после Курской битвы Германия не была способна осуществить ни одно стратегическое наступление? Какие законы работают при этом? Это возможность всеобщего давления, которое действует преимущественно через массовое сознание. Это давление не может уже обеспечить соединения и взаимодействия многих автономных процессов. Совокупность этих процессов и порождает то, что мы называем общественным законом. Это взаимодействие тенденций и создает эффект давления всеобщего – эти общественные законы можно называть по-разному. Итак, надстройки, образовавшиеся в результате взаимодействия совокупности факторов можно называть законом. Какой характер имеет эта надстройка? Она может меняться в зависимости от условий. В качестве доминирующего, могут выступать различные факторы.

Во второй период войны возможности проявления законы у немцев суживалась, а у Советского Союза увеличивалась за счет привлечения новых факторов.

Кому-то трудно представить, что совсем молодой человек, чуть за двадцать, с ограниченным уровнем образования, мог бы написать такой зрелый и глубокий текст – одно из величайших произведений мировой литературы? Это пишут о М.А. Шолохове. Другой русский гений С.Ф. Бондарчук сказал по этому поводу – А.И. Солженицын позавидовал Шолохову. Имеется в виду, что Солженицын начал выдумывать теорию двух авторов. Он позавидовал его художественной силе, потому что у Солженицына преобладает

публицистика и он смог громадный материал «Красного леса» преобразовать в художественную форму.

Чтобы так изобразить современную ему действительность, надо родиться гением, с особым творческим подсознанием. Поневоле задумаешься, откуда берется материал для художественных и психологических открытий. Так написать о любви Григория и Аксиньи, что они чернели и худели на глазах у людей, для этого нужна способность к громадному обобщению. Откуда это у него? Откуда берется материал для художественного обобщения – чудо. Существует другой роман об этом времени. Мы имеем в виду роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». Но по силе художественного обобщения они несравнимы. Правда Б. Пастернак поэт – там он, по общепринятому мнению, силен и гениален.

Когда и откуда у нас пошла мода – объявлять модернистов гениями? Среди них можно назвать К. Муратову, А. Сокурова, А. Тарковского. Что они делают? Они искажают реальность с целью получения нового смысла, с этой же целью соединяют несоединимое. Правда, они сами не знают, зачем они это делают. Одна из версий найти выход к вечным темам. Пытаются донести до зрителя какую-то мысль заумными средствами. А. Тарковский как-то говорил, что в центре фильма стоит образ. Но образ связан с реалистическим подходом. Режиссер пытается изобразить в фильме какую-то мысль. Некоторые авторы говорят, что можно изобразить медитацию. Как? Непонятно. Кончается это тем, что режиссер что-то изображает, но его мысль остается тайной за семью печатями. А зритель всегда за этим глубокомыслеищет находит какие-то свои смыслы. Так происходит их взаимное сотворчество и взаимопонимание. Режиссер не рискует перейти к бессмысленным абстракциям, он сохраняет элементы реализма. И зритель по этим элементам создает в своем воображении свои представления.

Можно высказать такую мысль – появление рабства вызвано неэффективностью производства. Этой же закономерностью можно объяснить появление крепостного права на Руси. Но возникает вопрос – как эта надстройка объясняет решения управленцев или власти? Вот вопрос вопросов.

У пауков плетение паутины запрограммировано, у муравьев их поведение тоже запрограммировано. Но на каком уровне? На уровне генетики? Мутации все определяют? По всей видимости, надо говорить о таком феномене эволюции, как закрепление активности в наследственности. За счет каких механизмов? Только ли за счет мутации? Возникает вопрос о пределах действия того, что мы называем мутациями. Может, существуют другие формы наследования?

Как фиксируется и закрепляется то, что мы называем давлением всеобщего с высоты? Наблюдения за животными показывают, что у них развиваются сложные формы поведения, которые, по всей видимости, не запрограммированы на уровне генетики. Что происходит? Надстройка? Что это такое? Эти отношения воспроизводятся каждый раз с новым поколением.

Возникает вопрос – как управляет внешняя среда? Например, модель хищники-жертвы? Они направляют мутации? Можно сказать, у динозавров конечности совершенствуются и передаются млекопитающим. Как? Каковы механизмы? Какую роль играет фон, на котором происходят мутации? Как создание паутины записано в наследственности? В результате взаимодействия каких механизмов, оно возникло?

Подходы к раскрытию этих явлений могут быть разными. Во-первых, можно предположить, что границы действия мутации очень обширны и касаются природного окружения. Во-вторых, можно предположить, что движение происходит в каком-то единстве организма и среды. Далее можно предположить, что внешние факторы (социальность) давят и как-то могут закрепляться. Здесь можно изобретать разные механизмы.

У муравьев наблюдается встреча разных областей жизни – генетической наследственности и социального (коллективного образа жизни). Как они соприкасаются и взаимодействуют. Как происходит запись социальности? Непонятно. Как здесь реализуется давление среды? Можно ставить такие вопросы?

Питер Томпкинс написал книгу «Тайны великой пирамиды». Загадки двух тысячелетий, где рассмотрел основные теории происхождения пирамид. Нам кажется, на первый взгляд, слишком уж научными. Английский исследователь Джон Тейлор решил найти из структуры пирамиды математические и геометрические формулы. Можно подойти и с этой точки стороны, но не слишком ли абстрактны такие подходы? Другой ученый Пьянци Смит решил доказать то, что Великая пирамида была построена с использованием такой единицы измерения, как духовный локоть. Могли ли древние египтяне иметь высокоразвитые познания в геометрии, геодезии, астрономии и использовать их в строительстве? Может ли существовать ключ к разрядке математического и геометрического секрета Великой пирамиды? Или можно ли найти в ней пропорции золотого сечения? Подробное рассмотрение всех этих теорий мы относим к вышеуказанной книге. Также авторы теорий ищут связь между Великой пирамидой и тем, что мы понимаем под древними тайнами и мистериями. Могли ли древние египтяне использовать при строительстве последовательность Фибоначчи, равно как и функции чисел? Многие исследователи относятся скептически к этим подходам, что, используя их, можно будет отворить дверь к новым секретам строительства пирамид. Мы тоже относимся скептически к данным подходам.

Давайте подойдем к строительству этих великих сооружений с позиций истории цивилизаций. Секрет появления пирамид лежит в самой жизни, а ее полностью разгадать нельзя. Это проявление мощи, энергии самой жизни. Можно говорить вслед за К. Марксом о силе простой кооперации. Но это просто попытки ответить на вопросы. Может ли наше мышление сводиться к попыткам объяснения, а не к самому объяснению. Но человек странным образом удовлетворяется этими неполными объяснениями. Что странно, их можно привести бесчисленное множество и ни одно не будет окончательным. Это такие странности нашего мышления. Но почему мы удовлетворяемся скольжением по реальности?

Всегда будет задаваться вопрос – почему это стало возможным? Откуда духовный потенциал? И как он реализуется? И где находятся источники? На этих вопросах исследователи не акцентируют внимание. Откуда берется материал? Как формируется технология строительства каменных зданий? Как и почему глиняные кирпичи заменялись крупными блоками из известняка? Почему высшим компонентом в развитии строительства стало создание великой пирамиды Хеопса в Гизе? Пирамида Хеопса состояла из двух миллионов блоков известняка, некоторые из которых весили по пятнадцать тонн каждый. Как стали возможны эти огромные работы? Как была достигнута такая необычайная строгость, сочетающаяся с точностью пропорций? Как достигалась точность реализации погребальной концепции? Откуда возник огромный поток рабочей силы и материальных ресурсов? И все это было в сознании строителей? Но, как и почему это могло воплотиться? Эти вопросы, повторяем, могут и будут задаваться вновь и вновь с каждой эпохой.

Польский писатель Болеслав Прус в своем романе «Фараон» поставил вопрос - почему и как могла быть исполнена воля фараона. Писателю вопрос поставить можно, но отвечать представители других наук.

Человек мышлением схватывает часть, но остальное в тумане, где ничего неясно, видны только неопределенные очертания. Где здесь находится смысл? Часть смысла понятия связана с туманом и выходит на него. Выявление смысла связано с этим туманом, где определяется новое пространство – уточнения масштаба, размеров и т.д. Вот это и называется смыслом.

Аристотель исследовал точные, фиксированные понятия. Он еще не знал о проблеме развития понятия, когда оно протянуто в прошлое и будущее. Здесь то, что мы называем смыслом, принимает характер облака, затем из этого облака проявляется такая работа сознания, когда из неопределенности вырастают явления с более четкими очертаниями. Это бесконечная работа сознания называется выявлением смысла.

Тенденцию собирает и управляет ей то, что стоит выше, что-то вроде идеологии. Это мы говорим о законах существования массового сознания. историки, например, и не

подозревают, что факторами истории могут управлять тенденции, которые скрыты от непосредственного наблюдателя. Какова, например, причина появления крепостничества? Причин много. Незрелость производительных сил, но не осознаваемое, что привело к стихийному принуждению к труду, которое оформлялось законами. Те, кто принимал эти законы, вряд ли осознавал более отдаленные, невидимые, можно сказать, плавающие факторы, которые могут то исчезать, то проявляться, скорее всего, без осознания. Что это за факторы? Они примыкают к всеобщему давлению при утверждении крепостничества, сознательно учитывались интересы нового класса – дворянства.

Как живут и функционируют эти скрытые факторы? Они каким-то непостижимым образом прикрепляются к осознанным факторам и сопровождают их. Мы говорим о комплексе факторов. Мы имеем в виду неожиданный результат. Многие факторы необязательно осознавать? Или фактор может приводить к неожиданным результатам. Мы это относим к потенциалу скрытых факторов, которые действуют через цепочку опосредствующих факторов.

Пространство как духовно-экзистенциальная модель мироздания в фокусе представлений монгольских этносов¹

Антонов В. И.

*Восточно-Сибирский государственный университет, кафедра философии, истории и культурологии, профессор. Доктор философских наук
wlanto50@mail.ru*

Очирова О. А.

*Восточно-Сибирский государственный университет, кафедра социальных технологий, профессор. Доктор социологических наук
sociologm@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются значение и роль категории пространства в мировосприятии монгольских этносов. В этом контексте в качестве важного методологического посыла дается аргументированное определение социокультурного пространства, где именно активизируется деятельность человека как социокультурного субъекта и в то же время как своеобразного микрокосма Вселенной. В работе обосновывается категоризация пространства в культуре монгольских этносов в ракурсе его двуединого измерения: космизм пространства как высшая духовная субстанция и освоенное пространство как экзистенциально-функциональная основа жизнедеятельности монголов. В этой связи как яркий пример подтверждения такого понимания пространства анализируется традиционное монгольское жилище, т.е. юрта, которая широко востребована и в современной жизни монголов. В статье юрта показывается как некая микромодель мироздания, как подлинный микрокосм кочевника, константно ориентированный на небесный мир, космическое пространство.

Ключевые слова: пространство, социокультурное пространство, духовно- экзистенциальная модель мироздания, юрта.

Space as a spiritual and existential model of the universe in the focus of representations of Mongolian ethnic groups.

Antonov Vladimir; Ochirova Oiuuna

*East Siberian state University - Department of philosophy, history and cultural studies;
Department of social technologies*

Abstract. The article discusses the meaning and role of the category of space in the worldview of Mongolian ethnic groups. In this context, as an important methodological message, a reasoned definition of the socio-cultural space is given, where human activity is activated as a socio-cultural subject and at the same time as a kind of microcosm of the Universe. The paper substantiates the categorization of space in the culture of Mongolian ethnic groups in the perspective of its two-dimensional dimension: the cosmism of space as the highest spiritual substance and the developed space as the existential and functional basis of the life of the Mongols. In this regard, as a vivid example of confirmation of this understanding of space, the traditional Mongolian dwelling, i.e. the Yurt, which is widely in demand in the modern life of the Mongols, is analyzed. In the article, the Yurt is shown as a kind of micro-model of the universe, as a true microcosm of the nomad, constantly oriented to the heavenly world, outer space.

Keywords: space, socio-cultural space, spiritual and existential model of the universe, Yurt.

¹ Категоризация пространства в философии как одного из важнейших, обретших в ее рамках статус всеобщности, понятий, безусловно, не подлежит никакому сомнению: она давно состоялась и устоялась. Тем не менее, данная категория постоянно подвержена процессам сциентификации. Современная наука, открывая в своем развитии ранее неизведанные свойства и факты, касающиеся в основном физического (в том числе космического) и биологического пространства, способствует беспрестанному насыщению и обогащению этой философской категории новыми параметрами, новым видением ее конкретных аспектов. Но это представляет собой в большей степени естественнонаучные характеристики пространства.

Особым, во многом иным уровнем осмысления и утверждения данной категории выступает социокультурное пространство. На этом уровне возникает и исторически развивается такой тип пространственных отношений, в котором воспроизводится и реализуется деятельность человека как социокультурного субъекта, т.е. как активного и созидательного порождения общества и культуры, в то же время как своеобразного микрокосма Вселенной, космического пространства. Поэтому социокультурное пространство, вписанное в пространственные структуры биосферы и космоса, всегда наделено особым человеческим смыслом. Оно в социокультурной реальности человека может быть функционально расчлененным на соответствующий ряд подпространств. При этом характер каждого из них и взаимосвязь между ними по мере развития общества и культуры подвержены историческим изменениям.

Хотя освоенное человеком, т.е. «человеченное», социализированное, окультуренное, и неосвоенное пространство окружающей среды с точки зрения природных свойств особо не различаются, но в социокультурном плане их различие является существенным. Это различие определялось отношениями самого человека к миру, историческим складывавшимися особенностями воспроизводства способов социокультурной деятельности и поведения человека. Поэтому характерные черты и особенности социокультурного пространства так или иначе, но всегда находят отражение в мировоззрении человека той или иной эпохи, времени, того или иного общества и культуры. Это свидетельствовало о том, что философские, включая мифологические, представления о пространстве с самого начала своего зарождения и формирования отличались все же некоторой полицентричностью. Каждое общество, культура, каждый народ и этнос в соответствии с природно-климатическими условиями, типом хозяйствования, укладом жизни, традициями вносили свое понимание и видение в представление о пространстве.

Категоризация пространства в культуре монгольских этносов осуществляется как бы в двуедином измерении. В своем высшем измерении это – вселенная (по-монгольски – ертэнц, по-бурятски – юртэмсэ, замбуулин), космическое пространство (по-монгольски – сансрын огторгуй, по-бурятски – сансарын огторгой). Пространство у монголов даже на обыденном уровне восприятия означает небо, небосвод (огторгуй, огторгой), целую страну (орон). В этом смысле пространство для монголов издревле имеет духовное начало, олицетворяет собой духовную субстанцию. Отсюда во многом проистекает мифологизация пространства, несущего в себе высшую сущность.

«Мифологические характеристики пространства следующие: одухотворенность, конкретность (насыщенность материальными предметами), неразрывная слитность со временем, организованность, т.е. членение на составляющие, основанное на двоичной классификации (север – юг, правое – левое, верх – низ и др.), взаимосвязанность с числом, идентичность его освоенной части вселенной (космосу) и противостояние неосвоенному пространству (хаосу); оно осмысливается как территория первотворения, на которой совершают свои поступки, деяния, создают разные вещи первые боги, первые люди...» [1, с. 75].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44006.

Категория пространства в своем двуединстве имеет и другую имманентную сторону измерения, связанную непосредственно с экзистенциальной основой жизнедеятельности монголов, т.е. с тем, как возможно их существование в пространстве окружающего мира. Речь идет об историческом способе их выживания в природной среде, о традиционных формах и моделях обустройства, обживания ими пространства. В этих экзистенциальных условиях закономерными становятся процессы «приземления», «одомашнивания» монголами внешнего мира в границах освоенной ими конкретной части пространства. Строительство экзистенциальной модели пространства, очерчиваемой границами реальных (реализуемых) возможностей в жизнедеятельности монголов, осуществляется в строгом соответствии с их представлениями и пониманием того особого пространства, что задано свыше, т.е. Вселенной, космосом, которые как раз несут для них сакральный смысл и, следовательно, имеют духовно-мифологическое значение. Отсюда экзистенциальная основа жизни и быта монгольских этносов не только неразрывно связана, но и жестко детерминирована пространственной структурой (строением) мироздания, космоса. Поэтому духовно-сакральный характер последнего в немалой степени экстраполируется на сам быт и жизнь монголов. Ярчайшим тому подтверждением служит жилище монголов - юрта (по-монгольски - гэр, по-бурятски – һэеы гэр, т.е. войлочная юрта), которое до сих пор остается не только актуальным в функционально-экзистенциальном плане, но и не менее востребованным в духовно-культурном аспекте.

Юрта в мировосприятии монголов выступает, прежде всего, как микромодель Вселенной. Это настоящий микрокосм кочевника, строго ориентированный на само мироздание, космическое пространство. Причем в установлении связи между представлением о мироздании и выбором места расположения и установки юрты нередко срабатывал фактор спонтанной геометризации, требовавший от монгольского кочевника всегда быстроты и оперативности в силу климатических, временных и иных обстоятельств и условий. Поэтому юрту кочевник в соответствии со своим (традиционным) мировоззрением выносил в некий центр обживаемого пространства. А остальной окружающий мир он «складывал» несколькими орбитальными кругами вокруг этого центра. Центральный круг олицетворяла собой сама юрта; второй по значимости круг ассоциировался с хозяйственно-бытовым пространством; третий, четвертый круги следовали уже за пределами коновязи, в более отдаленных (пастбищном, охотничьем) пространствах. В таком пространственном рассредоточении основных объектов жизнедеятельности монголов несложно усмотреть некоторые характерные черты нашей солнечно-планетарной системы. Отсюда становится вполне понятной соответствующая сакрализация (наряду с повседневным экзистенциально-практическим отношением) юрты в монгольском мирознании.

Определенную сопричастность юрты к универсуму можно обнаружить и в другом отношении. Если, восседая в юрте, посмотреть вверх, то благодаря ее куполообразному строению создается естественное ощущение образа небосвода (огторгуй), связанного с космическим пространством. Такого рода восприятие визуально усиливается внутри деревянной юрты (модон гэр), которая как жилище в большей степени характерна для западных (предбайкальских) бурят-монголов.

Юрта, будучи микромоделью мира, на своем внутреннем небосводе смыкается в сердцевинной точке, называемой тооно, дымовым отверстием. Через него проходит ее внутриосевое направление от очага (голомт, гуламта) через дым (утаа) к небу (огторгуй), к космосу (ертэнц, юртэмсэ). В этом, по традиционному представлению монголов, также заложена важная символическая связь с внешним небесным миром.

Юрта внутренне, по внутреннему убранству строго согласована по горизонтали и вертикали, статусному положению, гендерным началам. Поэтому она четко подразделена на соответствующие семантически-функциональные сегменты: правый – левый, северный – южный, верх – низ, почетный – непочетный, мужской – женский и т.п. В этой связи интересным представляется мнение одного из авторов относительно традиционной ориентированности юрты по сторонам света: монгольская юрта на самом деле строго «не

смотрит» на юг; это обусловлено неточностью перевода; истина в представлении монголов заключается в том, что «урд означает не юг, а юго-восток, баруун – не запад, а юго-запад, зуун – не восток, а северо-восток, хойт – северо-запад» [2, с. 319-320]. Такая точка зрения, безусловно, заслуживает понимания, поскольку на ментальном уровне у монголов, бурят все же имеет место (по крайней мере - допустимо) некоторое (несущественное) смещение географических направлений в указанные выше стороны. В бурят-монгольском мироощущении уместен и такой, вполне работающий в повседневной жизни вариант обозначения сторон света, непосредственно связанный с указанием географических направлений: юг/восток выступает как переднее направление (урда зуг), север/запад – заднее направление (хойто зуг), запад/юг – правое направление (баруун зуг), восток/север – (зуун зуг) [3, с. 41-45].

Сакральность юрты как модельной микроконцентрации мироздания у монгольских этносов всегда поддерживается за счет ряда предметов, которым внутри нее полагается занимать строго определенные места и выполнять четко предписанные функции. К ним могут быть отнесены следующие вещи: голомт, гуламта (очаг); ууд, уудэн и босго, боного (дверь и порог); тооно (дымовое отверстие) и функционально связанные с последним и в целом придающие юрте должную устойчивость чагтага, шагтага, хилгааһан аргамжа (волосяная веревка) и багана, бахана (длинный и крепкий столбец). Также в юрте обязательны изображение духа-хранителя юрты и семьи, живущей в ней (сахюус, хахюуһан), и алтарь с образами буддийских божеств, священными книгами и другими ритуальными вещами (бурханы ширээ).

По-особому сакрализованным центром в юрте выступает очаг. Он символизирует пристанище богини Ут-гал и бога Утхан-галхан, т.е. хозяйки дыма и огня и хозяина (хана) дыма и огня. Оба они, т.е. огонь и дым неразделимы, один дает жизненную энергию, одухотворяющую силу, второй служит важнейшим проводником между землей и небом, между микропространством юрты и небесным, космическим пространством.

Таковы вкратце особенности традиционного восприятия и представления монголов о пространстве.

Литература

1. Жуковская Н.Л. Традиции монгольской культуры в контексте представлений о пространстве и времени // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура) / Ред. коллегия: Ю.В. Кузьмин, В.А. Василенко и др. Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 75-91.
2. Тыхеева Ю.Ц. Восприятие пространства монгольского мира // Россия - Монголия: самобытность и взаимовлияние культур в условиях глобализации / Ред. В. М. Дианова, К. Ю. Солонин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 319-320.
3. Содномпилова М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов / Ред. Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.

Юго-Западная Сибирь как важнейший центр диалога культур

Апёнышева Л. Г.

Алтайского государственного аграрного университета, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Кандидат философских наук

apen-000@mail.ru

Аннотация. В докладе анализируются традиции межкультурного диалога в регионе Юго-Западной Сибири и особенно на Алтае. Здесь сходятся границы четырех крупнейших государств Азии: России, Китая, Казахстана и Монголии. Показывается, что исторические традиции мирного сосуществования и сотрудничества местных народов получают новый импульс к развитию. Культурный диалог разворачивается на уровне региональных органов власти, научных и общественных организаций, рядовых граждан. Это можно рассматривать как один из важных факторов стабильности межэтнических отношений в Алтайском крае и в Республике Алтай.

Ключевые слова. Юго-Западная Сибирь, Алтай, диалог культур, региональные органы власти, научные организации, народная дипломатия

The South-western Siberia as an important centre of dialogue of cultures.

Apyonysheva L.

Altai State Agricultural University, assistant professor

Abstract. The report analyzes the traditions of intercultural dialogue in the region of South-Western Siberia and especially in the Altai. Here the borders of the four largest Asian States converge: Russia, China, Kazakhstan and Mongolia. It is shown that the historical traditions of peaceful coexistence and cooperation of local peoples receive a new impetus to development. Cultural dialogue takes place at the level of regional authorities, scientific and public organizations, and ordinary citizens. This can be considered as one of the important factors of stability of interethnic relations in the Altai territory and in the Altai Republic

Keywords. South-Western Siberia, Altai, dialogue of cultures, regional authorities, scientific organizations, people's diplomacy.

Современная мировая ситуация все больше напоминает времена холодной войны, когда диалог различных культур испытывал колоссальное давление со стороны враждующих идеологических и политических систем, заставлял забывать историю или, наоборот, принуждал обращаться к тенденциозным ее интерпретациям, разобщающим народы. Нынешняя ситуация даже критичнее, ибо в условиях глобализованного медиапространства доступными для миллионов людей становятся откровенно лживые или идеологически предвзятые взгляды и мнения, манипулирующие массовым сознанием. Научные аргументы и рациональная критика культурных и исторических мифологем оказываются бессильными перед нескончаемым потоком бездоказательных и агрессивных мнений. Недаром все активнее, в том числе и в гуманитарных науках, начинает использоваться словосочетание «эпоха постправды». Не удивительно, что вчера еще братские народы оказываются по разные стороны политических баррикад, а культуры, веками мирно взаимодействовавшие между собой, встают на путь жесткой идейной конфронтации. Нынешние взаимоотношения между Россией и Украиной – наглядное тому подтверждение.

В этих условиях особую значимость и культурную ценность приобретают те регионы Земли, где в течение многих столетий разные народы находились в состоянии перманентного культурного диалога и обмена ценностями, где силы мира перевешивали силы вражды и ксенофобии и где, что особенно важно, исторические традиции мирного сотрудничества и

взаимопонимания продолжают в настоящем. Одним из таких регионов является Юго-Западная Сибирь, куда в первую очередь относятся Алтайский край, Республика Алтай, Тыва и Хакассия. Здесь сегодня сходятся границы четырех крупнейших государств Азии: России, Казахстана, Монголии и Китая. Этот регион веками представлял собой место встречи этносов Сибири и Центральной Азии, земледельческих и кочевых культур, леса и степи, славянских, монгольских и тюркских народов. Здесь соприкоснулись и установили мирные приграничные отношения две непохожих друг на друга великих империи – российская и китайская. На юге Западной Сибири, и особенно зримо опять-таки в Алтайском регионе, впервые непосредственно соприкоснулись все мировые религии – буддизм, ислам и христианство. Отношения между ними далеко не всегда были мирными, однако вокруг Алтайских гор, в конце концов, смогли мирно ужиться и достаточно органично вписаться друг в друга православно-христианский, буддийский и мусульманский миры. Их представляют русское, монгольское и казахстанское население. Здесь также до сих пор существует шаманизм, носителями которого выступают алтайцы и тувинцы.

К сожалению, в самое последнее время резко обострились этноконфессиональные взаимоотношения между мусульманами уйгурами и китайцами-ханьцами в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, граничащем с Республикой Алтай. Остается надеяться, что народы Синьцзяна вернуться к традициям тех времен, когда через территории Джунгарии и Кашгарии проходили мирные караванные пути, связывающие Запад с Востоком (Великий шелковый путь) и Север с Югом Евразии (Великий чайный путь). Важно отметить, что издревле, со скифского времени, существовало несколько торгово-паломнических путей, связывающих юг Сибири и северную Индию. Один шел на северо-восток через Тибет в Монголию и потом отклонялся к северу, к Алтаю и Саянам. Второй уходил от Гималаев строго на север и через хребет Каракорум и пустынный Синьцзян приводил к Алтаю. Индийские бронзовые зеркала и рубашка из шелка дикого индийского шелкопряда были обнаружены в скифских могилах на Алтае 7-4 в до н.э., а соболиные сибирские меха украшали одежды гималайских раджей. Когда первый европеец-англичанин попал в Тибет, то с удивлением обнаружил, что высшие чины тибетского буддийского духовенства прекрасно осведомлены о том, что происходит за тысячи километров к северу на российско-китайской границе [1, с.190].

Древний торгово-паломнический путь, связывавший две великие горные системы Алтая и Гималаев, Сибирь и Индию, как выясняется, действовал вплоть до середины прошлого века и был прерван лишь после оккупации Тибета Китаем. Междисциплинарные совместные российско-индийские исследования, проведенные алтайскими и гималайскими учеными в 2010-2016 годах, показали наличие зримых параллелей между культурами алтайских и гималайских народов, в том числе и за счет прямых культурных контактов, несмотря на значительные расстояния, отделяющие эти горные регионы друг от друга. Возобновление сибирско-индийского культурного диалога на новом уровне – важная задача, которая стоит между учеными двух стран [2,3].

Возвращаясь к современному опыту межкультурного диалога в регионе Юго-Западной Сибири, и особенно на Алтае, полезно выделить несколько базовых условий, способствующих его продуктивному осуществлению.

Во-первых, в активный межкультурный международный диалог оказалась вовлеченной региональная государственная власть, сумевшая вовремя откликнуться на инициативы, идущие снизу. Так, в 2002 году на Алтае был создан Международный координационный Совет «Наш общий дом Алтай», объединяющий представителей местных государственных органов, ученых и общественных организаций шести субъектов регионального алтайского сотрудничества – Алтайского края и Республики Алтай (Россия), Синьцзян-Уйгурского автономного района (Китай), Восточно-Казахстанской области (Казахстан), Ховдского и Баян-Ульгийского аймаков (Монголия). Под патронажем Международного Координационного Совета в настоящее время реализуется несколько культурных и научных проектов, в частности, ежегодная Международная летняя школа молодых ученых «Большого

Алтая». Раз в два года проходят спортивные игры на открытом воздухе, где присутствуют национальные виды спорта народов Алтайского региона. Каждый раз игры принимает новая приграничная Алтайская территория. Стороны международного сотрудничества также регулярно обмениваются художественными выставками, гастролями творческих коллективов и т.д.

Во-вторых, главным инициатором многоуровневого культурного и научного сотрудничества на Алтае выступила вузовская общественность. Сегодня налажены довольно устойчивые научные и педагогические контакты между университетами Алтайского края, Республики Алтай, Восточного Казахстана и Западной Монголии. Действует совет ректоров «Большого Алтая». На базе Алтайского государственного технического университета издается международный электронный журнал «Наука, культура и образование Большого Алтая». Принципиально важно, что в основание регионального сотрудничества на Алтае по инициативе именно ученых были положены два фундаментальных принципа: необходимости совместного сохранения уникальной природы Алтая и уникальных культурных традиций проживающих здесь народов [4]. Именно учеными на одной из международных конференций была сформулирована одна из важных этических максим межкультурного взаимодействия: «Народы умирают поодиночке, а выживают и встают на путь процветания только сообща».

В-третьих, деятельность государственных, научных и общественных субъектов межкультурного диалога в Алтайском регионе создали благоприятные условия для развития трансграничного туризма, налаживания контактов между молодежью и школьниками России, Казахстана и Монголии (к сожалению, в гораздо меньшей степени Китая), способствовали укреплению межличностных дружеских связей между простыми гражданами региона. Сегодня в результате долгой работы всех субъектов алтайского международного сотрудничества осуществляется безвизовое перемещение граждан по иностранным паспортам между монгольским, русским и казахстанским Алтаем.

Таким образом, можно говорить о складывании многоуровневого культурного диалога в регионе Юго-Западной Сибири, который разворачивается на трех уровнях: а) государственных органов; б) научно-образовательных, культурных и общественных организаций; в) простых граждан, т.е. на уровне народной дипломатии.

Как показывают современные социологические замеры, именно в Алтайском крае и в Республике Алтай степень этнической напряженности и конфликтности на этнокультурной почве являются наименьшими в Сибири [5]. Есть все основания предположить, что немаловажным фактором подобной стабильности как раз и являются уходящие вглубь истории и продолжающиеся сегодня традиции регионального межкультурного диалога.

Литература

1. Постников А.В. Первое путешествие просвещенного европейца в Тибет (1763-1769 годы) // 80 лет Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха: Материалы Междунар. научно-обществ. конф. 2008. – М.: Междунар. Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2009. – 592 с.
2. Алтай-Гималаи: два устоя Евразии. – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2012. – 325 с.
3. Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные территории Евразии.– Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017.– 336 с.
4. Ротанова И.Н., Иванов А.В., Журавлева С.М., Ефремов Г.А. Большой Алтай: биосферно-культурная уникальность как потенциал межгосударственного сотрудничества // Развитие территорий. – 2016. – № 1(4). – С. 93. - 106.
5. Попков Ю.В. Этносоциальные проблемы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики // Электронный журнал: Новые исследования Тувы. – №2. – 2016. Режим электронного доступа: <http://www.tuva.asia>

Что есть искусство на примере творчества Наринэ Абгарян

Арапова Е. Д.

Музей истории МГУ имени М. В. Ломоносова, научный сотрудник. Кандидат исторических наук

hiztoricbetzy777@yandex.ru

Аннотация. В наши дни, также как и в 17 столетии, и в античной древности, важно знать то, о чём рассказываешь языком искусства. Сейчас иногда зыбко понимание, того, что есть произведение искусства. Арт-комедия может вызвать мощную волну интереса, однако долго удержать понимание публики под силу классическому искусству, где есть синтез знаний, навыков и внимания к инструментарию, как у рассматриваемой нами Наринэ Абгарян.

Ключевые слова: современное искусство, Наринэ Абгарян, литература, художник.

What is art on the example of Narine Abgaryan's creativity.

Arapova Elizaveta

Museum of history of Moscow state

Abstract. In our days, as well as in the 17th century, and in ancient times, it is important to know what you tell about in the language of art. Now sometimes the understanding of what is a work of art is shaky. Art Comedy can cause a powerful wave of interest, but for a long time to keep the audience's understanding of classical art, where there is a synthesis of knowledge, skills and attention to tools, as in the case of Narine Abgaryan.

Keywords: contemporary art, Narine Abgaryan, literature, artist.

В современном нам XXI веке, как и ранее, актуально представлять понятие и значение мастерства и специальных умений, навыков, знаний для арт-творца. Надо ли что-то особенно уметь, чтобы делать искусство? Совсем недавно художник Дэвид Датуна на выставке Art Basel в Майами съел банан из инсталляции другого художника Маурицио Каттеллана «Комедиант» («Комик») – два банана, прикрепленные светлым скотчем к стене. Владелица арт-объекта не изъявила претензий к Датуне, тем более что по паспорту бананы можно менять по степени испорченности на свежие, арт-продукт остаётся значимым. Стоимость «Комедианта» на сегодня составляет 120 000 \$. «Комедиант» продан в трёх одинаковых версиях трём разным покупателям. Что действительно продано? Искусство как вещь или происшествие, эмоция, арт-ситуация? Или еда как симулякр, подмена классического искусства? [1]

Тревожно, что вообще является искусством в наш дни? Так, московский искусствовед, декан Факультета искусств МГУ, профессор МГУ А.П. Лободанов говорит об особых сферах мира искусства, а именно о танце, музыке, архитектуре, живописи, видеоарте, граффити, скульптуре и др. Интересно, что речь идёт о зыбкости, живости, продолжающегося свежести впечатлений индивидуума от артефактов изобразительного искусства: «Чувственные обобщённые образы (представления) содержат в себе движение как основной компонент восприятия предметного мира, они отражают объект в его многообразных связях и опосредованиях. Это значит, что никакое чувственное знание не является застывшим проекционным отпечатком.» - [2, с. 209]

Директор же Государственного Эрмитажа, академик РАХ, академик РАН М.Б. Пиотровский говорит об искусстве, что «считал всегда, что искусство должно успокаивать души, но понимаю, что оно должно и кричать...» [3] Классическое искусство, по Михаилу Пиотровскому, актуально современнику и высокопрофессионально обозначено: «Я вообще

считаю, что современного искусства не существует. Есть искусство сегодняшнего дня, которое останется или не останется в истории. А из того, что останется, выстраивается прямая линия истории искусства.

В связи с этим и иными информационными событиями нам важно на примере современного русскоязычного прозаика этнической представительницы армянского этноса по происхождению советской школьницы Наринэ Абгарян проследить, что есть искусство (и есть ли оно в современном мире) в литературе.

На наш взгляд, то, что господин Архипов метко отмечает о Кафке, а именно «В своём словесном явлении тексты Кафки... по древнему принципу «катарсиса» достигают преобразования уродливой правды в прекрасные, дарующие читателю избавительное «облегчение» формы, воздействующие... и на какое-то неведомое или давно забытое тайновидческое чутьё, глубоко зарытое в каждой, пусть и рассовременнейшей душе». – [4, с. 12] Так вот это можно применить к текстам Абгарян, после страшного рассказа неизменно следует очерк, где растут яблони, люди открывают салоны красоты, старики возвращаются к теме любви, жизнь очень часто как кукла неваляшка, Ванька Встанка, вырастает достаточно внятной яблоней с вкусными кисло-сладкими яблоками, а не бурьяном. Мы видим художественное создание мира, а не физиологический очерк горного села и т.п. Художественность Абгарян в акценте, ей интересны нищие, важны особенные люди. Как художнику Роберту Фальку часто важнее было написать модель, а не задний фон картины, так Наринэ если пишет что-то про обиды, любо её герои перестают обижаться, любо нам рассказывается, почему человек обижается, мы видим его внутри и оттого сами его понимаем и мир становится более мирным и оттого сносным. Вместе с тем Наринэ не лакирует действительность, её искусство не салонно, как пусть и высокопрофессионально, а салонно искусство советского художника Исаака Бродского. Её героиню выживают из родного города, девушка находит пьющего мужа, горные армянские деревни бомбят и её сестра с трудом смогла родить ребёнка, получил эмоциональную контузию от бомбёжек.

Роскошная повесть Наринэ «Понаехавшая» (год публикации 2011 г.) о 1990-х годах, автор достоверно подробно по-писательски цепко зафиксировала свою тогдашнюю работу в валютном обменнике в гостинице «Интурист» (г. Москва) и внятно это реконструирует: «Понаехавшая выскользнула из обменника и, дабы не лить грабителя суетливыми телодвижениями, пошёл шагом от бедра в сторону лифтового холла. Там она незамедлительно была положена попрятавшейся охраной сначала мордой в пол, а потом, когда разобрались, что это вовсе не преступник, а работник «Интуриста», затолкнута в лифт и хаотично отправлена на семнадцатый этаж». [5, с. 48] Абгарян ужасалась внутри себя многим явлениям, как предполагаю я как читатель, кто скорее восхищается теми легендарной эпохой. Есть предполагаемая авторская позиция по поводу излагаемого в тексте материала. Вместе с тем чудесно, на наш взгляд исследователя и благодарного читателя, что автор не аффектирует свои личные человеческие симпатии и антипатии, а как художник жизни, передаёт картины былого не в строгой (на наш взгляд скучно «шершаво грубо сухой») физиологичности, а излагая как увидела именно она.

До текстов Абгарян немножечко надо дорасти, ибо у неё нет в авторской позиции зависти, нет ужасов ради ужасов, бульварных сплетен и баев, зато есть задорный и волнующий рассказ о том, как две барышни творили бизнес, не заработали, да и в минус не вышли. Её тексты может читать любой, однако более от него получит человек с чувством юмора, любящий музыку Бетховена и литературу в духе «Замогильных записок Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса.

Наринэ Абгарян прекрасна, на наш взгляд, ещё и тем, что её проза поёт панегирики роду, традиции вне вкусовщины и вульгаризма. Абгарян как дипломированный филолог щедро наспиговывает свои повести и рассказы о горном армянском городке Берде, своей «малой Родине» присказками, поговорками, легендами, цитатами из классиков (Осип Манделштам, Мацуо Басё). Проиллюстрируем эти два тезиса цитатой из повести «С неба упали три яблока»: «Севоянц Анатолия легла помирать, не ведая того, как много

прекрасного у неё впереди, и вот оно пришло, это прекрасное, и дышит лёгким и ласковым, и пусть так будет долго, и пусть так будет всегда, а ночь будет колдовать, оберегая её счастье, и перекачивать на своих прохладных ладонях три яблока, которые потом, как это было заведено в маранских сказаниях, уронит с неба на землю – одно тому, кто видел, другое тому, кто рассказал, а третье тому, кто слушал и верил в добро» [6, с. 246]

В итоге мы заключаем, что с одной стороны, в современном мире сыщутся любители чего угодно, бананов, груш, яблок как предметов искусства, вопрос, в количестве таких людей и на сколько их хватит хранить верность фрукту и не факт, что окажутся любители-последователи. Однако искусство в том числе литературное, неизменно живо и трогает в своей классической высокопрофессиональной высоте¹. Скажу как репетитор по подготовке к выпускным экзаменам в средней школе России и подготовительным испытаниям в вузах, 99 % ребятам и девушкам лучше готовиться к экзаменам на кусах или индивидуально с репетитором, чтобы в том числе и не уходить в дебри и не учить ненужное, так и большинству талантливых художников нужно поучиться у какого мастера, приобрести навыки, умения, знания и первичное «зерно» уверенности в училище, а потом чтоб уже по Немировичу-Данченко, режиссёр утонул бы в артисте. Художник уже тогда сам себе и мастер, и «строгий суд». Как заметил уже упомянутый нами выше Михаил Пиотровский по поводу идеи воссоздания Музея нового западного искусства: «Что за резервация – “новое”, “старое”?» В классическом искусстве как у Наринэ Абгарян, как в игре любимого нами пианиста Вазгена Вартамяна, как в живописи Рембрандта в ГМИИ имени Пушкина или Веронезе в Дальневосточном художественном музее человеку можно поместить свою боль о мире и пережить драгоценные моменты переживания восторга той же жизнью. Пусть там горная деревня, а мы живём среди холмов Москвы, классический характер повестей и рассказов нас объединяет и возрождает, «витаминизирует».

Литература

1. Разве банан, приклеенный к стене, и украденная табличка — это искусство? Почему их продают за огромные деньги? Как стать современным художником? Стыдные вопросы о современном искусстве <https://meduza.io/feature/2019/12/15/razve-banan-prikleennyu-k-stene-i-ukradennaya-tablichka-eto-iskusstvo-pochemu-ih-prodayut-za-ogromnye-dengi-kak-stat-sovremennym-hudozhnikom> (Дата обращения 24.12.2019)
2. Лободанов А.П. Неприкладные искусства. Лекции по семиотике. Выпуск II. Издательство Московского университета. М. 2006.
3. Мадонна против "Павлина". Михаил Пиотровский: Искусство должно и успокаивать, и шокировать <https://rg.ru/2019/11/17/mihail-piotrovskij-iskusstvo-dolzno-i-uspokaivat-i-shokirovat.html> (Дата обращения 25.12.2019)
4. Архипов Ю. Главный классик века. // Франц Кафка. Процесс. Замок. Пер. с немецк. М. Эксмо. 2008.
5. Абгарян Наринэ. Понаехавшая. М.. 2014
6. Абгарян Наринэ. С неба упали три яблока. М. 2015

¹ Бывают исключения, подтверждающие правило. Так, когда-то в Рязани попала на отличную выставку наивного искусства Кати Медведевой, профессионально живописи почти не учившейся, разве самые азы постигла в изостурдии. А на выставке была луна на синем фоне, Есенин сидит на полумесяце. Помню впечатление от этих картин, х интересно было разглядывать, получалось, как Ильзе Лиела говорит о балерине Марине Семёновой «атмосфера магии», а у Медведевой – магия цвета и образа.

К общим и специальным вопросам сущностного обоснования математики

Арепьев Е. И.

Курский государственный университет, заведующий кафедрой философии. Доктор философских наук

arepiev@yandex.ru

Аннотация: Развитие математического знания и процесс математизации науки обуславливают необходимость разработки онтологических и гносеологических оснований математики, выявление характера связей ее объектов и истин с действительностью, процессом познания. Несмотря на богатое философско-математическое наследие XX века по-прежнему не имеет общепризнанного итога полемика между реализмом, эмпиризмом, психологизмом, конвенционализмом и другими подходами к этой проблеме. Весомые аргументы реалистической трактовки основ математики ослабляются отсутствием развернутых интерпретаций, моделей соотнесения исходных математических понятий и утверждений с действительностью и познанием в реалистическом ключе, моделей, которые бы отвечали запросам современного уровня развития науки и философии. На некоторое восполнение данного пробела и направлены нижеприведенные размышления. В тезисах приводятся элементы сущностной интерпретации некоторых исходных понятий математического анализа и теории вероятностей.

Ключевые слова: природа математических объектов, реализм, бесконечно малая величина, вероятность

On general and special questions of the essential rationale of mathematics.

Arepiev E.I.

Kursk State University, Head of the Department of philosophy

Abstract: The development of mathematical knowledge and the process of mathematization of science necessitate the development of ontological and epistemological foundations of mathematics, the identification of the character of connections of its objects and truths with reality, the process of cognition. Despite the rich philosophical and mathematical heritage of the XX century, the polemic between realism, empiricism, psychologism, conventionalism and other approaches to this problem still does not have a generally accepted outcome. Weighty arguments of the realistic interpretation of foundations of mathematics are weakened by the lack of detailed interpretations, models of the correlating of initial mathematical concepts and statements with reality and cognition in realistic way, models that would respond to request of the current level of development of science and philosophy. The following musings are aimed at some filling this gap. The theses contain elements of essential interpretation of some initial concepts of mathematical analysis and probability theory.

Keywords: nature of mathematical objects, realism, infinitesimal value, probability

Центральной установкой нашего рассуждения будем считать тезис о необходимости создания развернутой модели сущностных основ математического знания функционально соотносимой, то есть способной продуктивно взаимодействовать с различными программами обоснования этой науки.

Прежде всего, следует еще раз подчеркнуть особое положение математики как сферы философского осмысления среди других наук. Выделяет математику на наш взгляд то, что она по сей день является наименее философски обоснованной и наиболее, в сущностном плане, проблемной областью. Действительно, если философские аспекты естественных наук затрагивают множество вопросов, трактуемых с противоположных точек зрения, то все же это происходит на базе некоторых общепризнанных онтологических и гносеологических установок. Так, не вызывает споров утверждение об эмпирической основе физических истин,

достаточно ясной представляется в этой науке роль творческого начала, соотношение «изобретательства» и «открытий»: эмпирическое фиксирование фактов дополняется обобщением, систематизацией, абстрагированием, построением идеальных моделей, формулировкой законов. В огрубленной форме можно сказать, что физик (химик, биолог, астроном и пр.), открывая факты, занимается далее изобретением систем, моделей и формулировок законов, ориентируясь на их максимальную эффективность в истолковании изучаемой области действительности, на максимальное их соответствие реальности.

Возможно, вышесказанное будет выглядеть в глазах специалиста неким упрощением, но, как нам представляется, перечисленные утверждения служат достаточно надежным, общепризнанным основанием указанной области, и в перспективе революционных изменений здесь не предвидится. В качестве спорных же выступают более частные вопросы: Возможен ли «Демон Лапласа»? Какова природа вероятности в квантовой механике? Правомерно ли разделение волновой и корпускулярной природы вещества? Возможно ли раскрытие физического смысла живой материи? Аналогичным образом в философии математики, нередко пересекающейся с самой математикой, ставятся важные, решаемые с различных позиций проблемы: Правомерны ли неконструктивные доказательства? Допустимо ли оперирование понятием актуальной бесконечности? Что есть бесконечно малая величина? Каковы критерии надежности математического доказательства? Однако, в отличие от философии естествознания, в философско-математической области отсутствует какая-либо устойчивая основа, на которой, подобно естествознанию, базировались бы все полемизирующие в поисках истины течения. Математика, на настоящий момент, не имеет общепризнанного онтологического и гносеологического основания и, таким образом, нуждается в надежном обосновании, как исходя из запросов философии математики, так и в силу необходимости этого обоснования для самой науки. Математические истины и объекты объявляются, с одной стороны, конвенциями, с другой – эмпирическими обобщениями, либо же вечными и неизменными открытиями, или изобретениями, базирующимися на достижениях духовной эволюции человечества, или формальными установлениями, обретающими свои правила и систему после их принятия, или абстрактными производными от человеческой интуиции и т.д.

Сложность проблемы, на наш взгляд, обусловлена рядом обстоятельств, рядом особенностей математики. Дело в том, что, с одной стороны, математические истины говорят нам об идеальных объектах, объектах, не обнаруживаемых в природе: число, точка, прямая, бесконечно малая величина. Поэтому кажется, что в математике мы имеем дело с изобретениями, с конструкциями человеческого разума, помогающими в дальнейшем, описывать, интерпретировать многие сферы реальности. Здесь вроде бы напрашивается аналогия с базовыми понятиями и разделами естествознания. Вместе с тем, трудно отрицать принципиальное различие сущности математики и эмпирических наук. Так, соответствие действительности математических истин неизменно подтверждается критериями истинности – практикой, эмпирией (опосредованно, через посредство естествознания), рационалистическими критериями, но никогда истины математики, в отличие от истин естествознания, не опровергаются и даже не уточняются эмпирическим путем, либо же посредством практики. Это, как нам кажется, совершенно очевидный факт для любого здравомыслящего человека.

Итак, без математики не летали бы самолеты, не ездили бы автомобили, не работали бы телефоны, компьютеры.... Получается, что математические истины, объекты с их свойствами – это не изобретения, а открытия, в которых конструируются лишь формы выражения. Тогда, совершенно закономерно возникает вопрос: а где, и каким образом существуют математические истины до их формулировки, к какой сфере объективного бытия они относятся? Развернутый ответ на этот вопрос, то есть построение интерпретации, модели, объясняющей до некоторой степени данную совокупность вопросов, и выступает, на наш взгляд, важнейшей задачей философии математики.

В целях демонстрации попытаемся рассмотреть отдельные фрагменты. Например, можно предположить, что эффективность приложения дифференциального и интегрального исчисления к изучению движения вообще и, в частности, механического перемещения тела, а также к определению скорости изменения различных величин, свидетельствует, что сущностные основания данного исчисления, в числе прочего, могут быть истолкованы как абстрактное выражение количественных характеристик динамических объектов, явлений и процессов материального мира. Это же исчисление эффективно при решении задач на вычисление объемов, площадей, длин пространственных, плоских и одномерных (кривых, например) фигур соответственно. Таким образом, его можно истолковать и как раздел математики, основания которого включают в себя абстрактное отражение количественных характеристик статических объектов материального мира. Это исчисление в качестве ключевого понятия содержит понятие бесконечно малой величины, которую мы охарактеризуем как минимальный шаг непрерывности. Таким образом, основы дифференциального и интегрального исчисления в сущностном плане могут рассматриваться как отражение динамических и статических компонентов непрерывности материального мира.

Рассуждая аналогичным способом, мы предположим, что теория вероятностей и ее производные имеют, с одной стороны, важной сферой своего приложения процессы и явления, в самой природе которых содержится вероятность или случайность, а с другой – процесс познания различных явлений, то есть они изучают также погрешности и неточности нашего познания. Не случайно, поэтому, предпосылки данных разделов математики сформированы многообразием азартных (и не только) игр, включающих в себя оба аспекта и являющихся продуктом человеческого разума. Отсюда можно предположить, что в сущностном аспекте основы теории вероятностей представляют собой наиболее абстрактное, количественное выражение отношений возможностей наличия, реализованных возможностей и альтернатив.

Мы не оставляем надежды, что такого рода элементы сущностной интерпретации составляющих математики в дальнейшем удастся объединить в рамках единой развернутой системы онто-гносеологического истолкования оснований математического знания.

Философия построения физической аксиоматики

Астафурова М.В.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
факультет экономических наук, студент*

astafurova.maria@mail.ru

Аннотация. Предложена идеология и схема физической аксиоматики, сформулированы исходные постулаты и аксиомы. В основе аксиоматики лежат научные положения и понятия, отображающие основополагающие свойства физического мира. Одним из полученных следствий является утверждение: «В физическом мире все однородные величины соизмеримы, и всякое реально существующее физическое свойство ограничено снизу определенным, характерным для данного свойства, минимальным значением, отличным от нуля». Под однородными величинами понимаются величины, имеющие одну природу, относящиеся к проявлению одного физического свойства. Применительно к свойству времени данное следствие означает, что не существует «мгновенности» событий. Анализ проблемы несоизмеримости радиуса и окружности приводит к выводу о существовании фундаментального свойства физического мира, отличного от пространства и времени. Это свойство проявляется в явном виде в формах электрических зарядов, электрического и магнитного полей, электромагнитных волн. Разработанная аксиоматическая система и полученные следствия положены в основу рабочей модели материального континуума. На основе новой модели определены составляющие внутренней энергии физического вакуума. С одной из этих составляющих связано явление расширения пространства Вселенной.

Ключевые слова: физическая аксиоматика, соизмеримость величин, свойства материи, физический вакуум, моделирование, энергия вакуума.

Philosophy of building physical axiomatics.

Astafurova M.V.

*National Research University Higher School of Economics (HSE), Faculty of Economic Sciences,
Student*

Abstract. The ideology and scheme of physical axiomatics are proposed, the initial postulates and axioms are formulated. The basis of axiomatics is based on scientific statements and concepts that reflect the fundamental properties of the physical world. One of the obtained consequences is the statement: "In the physical world, all homogeneous quantities are commensurable, and every real physical property is limited from below by a certain, characteristic for this property, minimum value other than zero". Homogeneous quantities are quantities of one nature, relating to the manifestation of one physical property. In relation to the time, this consequence means that there is no instantaneity of events. The analysis of the problem of incommensurability of radius and circumference leads to the conclusion about the existence of a fundamental property of the physical world, different from space and time. This property is manifested in the forms of electric charges, electric and magnetic fields, electromagnetic waves and fields. The developed axiomatic system and the obtained consequences are the basis of the working model of the material continuum. On the basis of this model the components of the internal energy of the physical vacuum are determined. One of these components determines the phenomenon of expansion of space of the Universe.

Keywords: physical axiomatics, the commensurability of values, properties of matter, physical vacuum, modeling, vacuum energy.

В работе [1] было предложено расширить аксиоматику математики, дополнив ее научными положениями, отражающими основополагающие свойства физического мира. Построение

расширенной аксиоматики математики рассматривалось как важный шаг на пути решения шестой проблемы Гильберта «Математическое изложение аксиом физики».

Давид Гильберт выделил, как основные, два направления исследований, относящихся к задаче построения аксиоматики физики: аксиоматизация теории вероятностей и аксиоматизация теории, связывающей атомистические представления с законами движения континуумов.

Аксиоматика теории вероятностей была построена в 1929-1933 годах российским математиком А. Н. Колмогоровым [2]. Решение второй части поставленной Гильбертом задачи представляется пока проблематичным. Анализ этой проблемы дан в работах [3-6].

Рассмотрением вопроса об аксиоматическом построении физики и ее отдельных разделов занимались многие исследователи. Стремление вывести наблюдаемые физические явления из «ясных и отчетливых идей» (первичных принципов, первопричин) можно найти еще в трудах Рене Декарта.

По нашему мнению, математика и физика должны иметь равную идеологию аксиоматического построения, основанную на использовании понятий, приобретенных человеком в процессе практического опыта – опыта наблюдений и научного исследования окружающего мира. Подтверждение этому тезису мы находим в работах выдающегося российского математика В. И. Арнольда, который утверждал, что математика, как и физика, является экспериментальной наукой [7].

Физика – неоднородная научная область знания. Она состоит из многих разделов, охватывающих различные виды движений и различные процессы микро- и макромиров. Исходной и определяющей задачей физики является формирование мировоззренческого фундамента естествознания в целом.

Таким образом, первым шагом на пути построения физической аксиоматики, по нашему мнению, должно быть формулирование исходных научных положений, отображающих наиболее общие и основополагающие представления об окружающем мире. Анализ этих положений, как представляется, позволит получить научные результаты, важные для понимания физической картины мира.

В качестве исходных научных положений физической аксиоматики нами введены три постулата и две аксиомы:

- физический мир не содержит пустоты; любая часть физического мира заполнена той или иной физической сущностью (постулат П1);
- движение – неотъемлемое свойство физического мира (постулат П2);
- пространство (протяженность) – неотъемлемое свойство физического мира (постулат П3);
- волновое движение – всеобщая форма движения (аксиома А1);
- всякое свойство физического мира в количественном выражении может быть представлено числом конечного значения, то есть рациональным числом (аксиома А2).

Одним из полученных следствий является утверждение: В физическом мире все однородные величины соизмеримы, и всякое физическое свойство ограничено снизу определенным, характерным для данного свойства, минимальным значением, отличным от нуля. Под однородными величинами понимаются величины, имеющие одну природу, относящиеся к проявлению одного физического свойства.

Для свойства «электрический заряд» это утверждение вполне очевидно с точки зрения экспериментальных данных. Для некоторых других свойств (температура, энергия, масса, длина) данное утверждение может быть теоретически обосновано. Применительно к свойству времени утверждение о существовании его минимального значения, отличного от нуля, означает, что не существует «мгновенности» событий. Постановка задачи определения минимальной величины времени является новой задачей теоретической физики.

Длина рассматривается в математике как некая протяженность, безотносительно к физической природе рассматриваемого (измеряемого) объекта. Длина отрезка, дуги, окружности, любой другой криволинейной линии понимается в математике единообразно –

как вполне определенная протяженность, как «длина вообще». Является ли эта математическая абстракция полностью применимой к объектам физического мира? Другими словами, являются ли величины длины отрезка и длины дуги однородными величинами, то есть имеющими одну физическую природу?

Анализ проблемы несоизмеримости длины радиуса и окружности приводит к выводу, что радиус и окружность необходимо рассматривать как следствие проявления различных свойств физического мира. Приняв априори, что радиус (и вообще пространственный размер всякого физического объекта) обусловлен проявлением свойства пространства, приходим к выводу, что сфера, сечением которой является окружность, а также все другие фигуры вращения, обусловлены проявлением некоторого другого фундаментального свойства физического мира [8]. Именно это свойство обуславливает всеобщность волнового движения и образование в природе тел вращения. Очевидно, что данное свойство не является временем. Время и пространственно-временной континуум не могут являться источником и причиной волнового движения и образования природных сферических тел.

В поисках искомого свойства обратим внимание на такие физические явления, как электромагнитные волны, электрический заряд, магнитное и электрическое поле. Эти явления, в том или ином виде, проявляются в каждом объекте и процессе физического мира. Очевидно, что эти явления обусловлены проявлением некоторого фундаментального свойства материи. Будем называть его «электромагнитным свойством» [9]. Приходим к необходимости введения в физическую аксиоматику нового постулата:

- электромагнитное свойство является неотъемлемым свойством физического мира (постулат П4).

Из постулатов П3, П4 и аксиомы А1 следует, что физический мир следует рассматривать как волновой пространственно-электромагнитный континуум. Параметр времени появляется как следствие волновых процессов в этом континууме. Время – внешняя характеристика движения.

Разработанная аксиоматическая система и полученные следствия положены в основу рабочей модели физического вакуума (и материального континуума в целом) [10]. На основе новой модели определены составляющие внутренней энергии физического вакуума [11]. С одной из этих составляющих связано явление расширения пространства Вселенной. Одним из результатов выполненного исследования является доказательство того, что природа инертной массы взаимосвязана со свойствами пространства.

Развитие физической аксиоматики является, по нашему мнению, перспективным направлением фундаментальных исследований в области естествознания [12].

Литература

1. Астафурова М.В. Опыт построения физической аксиоматики математики // VII Всесибирский конгресс женщин-математиков (2-4 октября 2012 г., СФУ, г. Красноярск): сб. докладов. Красноярск: Изд-во СФУ, 2012. С. 3-8.
2. Kolmogorov A.N. Grundbegriffe der Wahrscheinlichkeitsrechnung. Berlin: Springer-Verlag, 1933.
3. Corry L. David Hilbert and the axiomatization of physics (1894–1905) // Archive for History of Exact Sciences. 1997. Vol. 51. P. 83–198. DOI: <http://doi.org/10.1007/BF00375141>
4. Saint-Raymond L. Hydrodynamic limits of the Boltzmann equation // Lecture Notes in Mathematics. No. 1971. Berlin: Springer-Verlag, 2009. 188 p.
5. Slemrod M. From Boltzmann to Euler: Hilbert's 6th problem revisited // Computers & Mathematics with Applications. 2013. Vol. 65. No. 10. P. 1497-1501. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.camwa.2012.08.016>
6. Gorban A.N., Karlin I. Hilbert's 6th Problem: exact and approximate hydrodynamic manifolds for kinetic equations // Bull. Amer. Math. Soc. 2014. Vol. 51. P. 187-246. DOI: <https://dx.doi.org/10.1090/S0273-0979-2013-01439-3>
7. Арнольд В.И. Что такое математика? М.: Изд-во МЦНМО, 2008. С. 10.
8. Астафурова М.В., Астафуров В.И. Некоторые следствия, вытекающие из несоизмеримости длины радиуса и окружности // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 1 (4). С. 256-262. [Электронный ресурс]. URL: http://www.muiv.ru/vestnik/pdf/pp/ot_2014_1_256-262.pdf
9. Астафурова М.В. О существовании фундаментального свойства физического мира, отличного от пространства и времени // Новые идеи в философии. 2014. Вып. 1 (22): в 2-х томах. Т. 2. С. 164-172.

10. Астафурова М.В., Добрецов С.Л., Астафуров В.И. Пространственно-электромагнитная модель физического вакуума и ее приложения // Забабахинские научные чтения. ЗНЧ-2014: Труды XII международной конференции (2-6 июня 2014 г., ВНИИТФ, г. Снежинск). Оpubл. в журн.: ФЭН-НАУКА. 2014. № 11 (38). С. 5-12.
11. Астафурова М.В., Маренный А.М., Семёнов С.Ю. Моделирование взаимосвязи параметров физического вакуума и расчет его внутренней энергии // Математическое моделирование и краевые задачи: Труды XI Всероссийской научной конференции с международным участием (27-30 мая 2019 г., СамГТУ, г. Самара). Т. 1. Самара: СамГТУ, 2019. С. 217-220.
12. Astafurova Maria. Developing Physical Axiomatics: Results and Outcomes // Modeling of Nonlinear Processes and Systems (MNPS-2019): IV International Conference (October 15-17, 2019, Moscow, Russia): EPJ Web of Conferences. 2019. Vol. 224. Article Number 06010. DOI: <https://doi.org/10.1051/epjconf/201922406010>

Уровни религиозного сознания: эволюционно-энергетический подход

Афанасьева М. А.

Ивановский государственный университет, аспирант

mari.afanasieva@bk.ru

Аннотация: В статье предложена модель уровней глобального религиозного сознания. Современные исследования религиозного сознания сталкиваются с рядом немалых трудностей, которые возможно преодолеть, используя эволюционно-энергетические идеи. Метод эволюционизма в соединении с синергетикой и психоэнергетическими концепциями индийской философии принимается за основу в построении уровней религиозного сознания. Автор предполагает, что состояние религиозного сознания соответствует семи уровням бытия и семи энергетическим центрам человека, отраженным в индийской философии. Каждый эволюционный уровень религиозного сознания соотносится с определенным энерго-центром в психической структуре человека. Автор приходит к выводу, что выявленные уровни религиозного сознания помогут раскрыть религиозную ситуацию как в локальном, так и в глобальном масштабах.

Ключевые слова: глобальное сознание, глобальное религиозное сознание, уровни религиозного сознания, индийская философия, энергетические центры, уровни бытия, эволюционизм

Levels of Religious Consciousness: an Evolutionary-Energetic Approach.

Afanasyeva M. A.

Ivanovo State University

Annotation: The article proposes a model of the levels of global religious consciousness. Modern studies of religious consciousness are faced with a number of significant difficulties that can be overcome using evolutionary energy ideas. The method of evolutionism in combination with synergetics and psychoenergetic concepts of Indian philosophy is taken as the basis for constructing the levels of religious consciousness. The author assumes that the state of religious consciousness corresponds to seven levels of being and seven energy centers of a person, reflected in Indian philosophy. Each evolutionary level of religious consciousness corresponds to a certain energy center in the human mental structure. The author comes to the conclusion that the identified levels of religious consciousness will help to reveal the religious situation both locally and globally.

Keywords: global consciousness, global religious consciousness, levels of religious consciousness, Indian philosophy, energy centers, levels of being, evolutionism

Религиозное сознание как часть глобального сознания – это одно из самых сложных и трудно исследуемых ценностных глобальных образований, способствующих духовной эволюции человечества. В настоящее время можно наблюдать, как религиозное сознание стремительно дифференцируется на различные духовные отрасли, что предполагает не только увеличение количества новых религиозных движений, но и возрождение старых духовных традиций и учений. Такое дробление духовной сферы человечества может показывать активную заинтересованность людей в поиске веры, духовных установок, истинной цели существования.

Чтобы понять состояние религиозного сознания, необходимо раскрывать не только факторы, обусловленные действиями внешнего мира, затрагивающие экономические, политические, социальные сферы общества, но и обращаться к более «тонким» психофизическим или психоэнергетическим факторам, затрагивающим сферу сознания – как индивидуального, так и глобального [1]. Таким образом, структура глобального религиозного сознания, входящая в глобальное сознание человечества представляется сложной и многомерной [2]. Известно, что за материальными проявлениями стоит тонкоматериальная энергия, позволяющая раскрыть потенциал той или иной формы.

Г. С. Никифоров считает, что: «Присутствие скрытой энергии неотделимо от протекания психических процессов, как сознательных, так и бессознательных, в целом от проявлений субъективного мира» [3, с. 17]. Религиозное сознание в данном ракурсе представляется единой самоорганизующейся многоуровневой системой, имеющей свое отражение на каждом уровне бытия. Метод анализа объединяет эволюционный, синергетический и психоэнергетический подход в индийской философии. Результатом такого синтеза будет представление различных взаимосвязанных стадий религиозного сознания, соотнесенных с уровнями человеческого бытия в структуре мироздания. В случае данного исследования, понятие «эволюция» служит неким разрушающим инструментом устоявшихся представлений и одновременно созидательным конструктом, расширяющим привычные религиозно-онтологические представления. Универсальный эволюционизм, как фундаментальная синергетическая теория эволюции, наиболее ярко раскрывается в работах Н. Н. Моисеева: «...дальнейшее развитие на Земле вида Homo Sapiens необходимо требует качественного совершенствования механизма эволюции. А это не может произойти стихийно, необходимо целенаправленное действие коллективного интеллекта человека, возникающего в результате самоорганизации Универсума как инструмента его самопознания, и воли людей» [4, с. 43]. Большой методологический потенциал, мало используемый в современных исследованиях, заложен в индийской философии. Представляется, что современные методы исследования, такие как эволюционный и синергетический могут быть гармонично связаны с системой индийской философии, в которой хорошо разработана онтологическая структура бытия. Это приобретает особое значение в свете нового подъема философско-религиозного мышления на Востоке (труды Вивекананды, Ш. Ауробиндо и др.), на Западе (А. Бейли, А. Безант) и в России (Е. П. Блаватская, Н. К. и Е. И. Рерих). Индийская философия делит единый мир на семь составляющих, что соответствует и западному пониманию структуры бытия [5, с. XV]. Известно, что в структуре человека выделяется семь энергетических центров, которые соотносятся с семью планами бытия [6, с. 224], которые перечисляются следующим образом: физический мир (муладхара), эфирный мир (свадхистана), витальный мир (манипура), эмоциональный мир (анахата), ментальный мир (вишудха), буддхический мир (аджна) и духовный мир (сахасрара) [7, с. 50–77]. С. А. Матвеев, называя энергетические центры чакрами, пишет: «Переплетения, своеобразные сгустки энергетических каналов образуют энергетические центры – чакры, вокруг которых организуется жизненная сила (шакти)» [8, с. 26].

Необходимо отметить, что развитие этих центров соотносится с уровнями развития сознания человека [7, с. 50–77], то есть каждый вышележащий центр определяет более высокое состояние сознания. Тогда предположим, что каждый выделенный план бытия и антропологический центр сознания соотносятся с уровнем религиозного сознания внутри глобального и индивидуального сознаний. Уровень религиозного сознания зависит от стадии эволюции сознания и от концентрации в определенном энергетическом центре. О сознании, как одном из источников мироздания пишет П. Рассел: «...сознание является столь же фундаментальным аспектом реальности, как пространство, время и материя, а может быть – еще более фундаментальным» [9, с. 59]. В результате выстроится система, показывающая состояние индивидуального, локального, глобального религиозного сознания, а также ступени его эволюции. Таким образом, на основе данной структуры, выстраивается новая система уровней религиозного сознания, отмеченных маркером «осознанности»:

- национальный уровень – соответствующий физическому плану бытия, утверждающий свой род, сопричастность с материей своего рождения. Религиозное сознание определяется национальным признаком, приравнивая религиозную идентичность к национальной. Данный уровень религиозного сознания можно назвать «выживательным», идентификация с определенной религией позволяет индивиду принадлежать к определённой национальности.

- этнический уровень – соответствующий эфирному плану бытия, подчеркивающий связанность своего рода с определенной группой людей, имеющих единый язык, территорию

проживания, хозяйство, культуру, склад мышления, в общем смысле – определенную форму общественной организации. На данном уровне религиозное сознание подчеркивается этническим компонентом и играет роль социализации в той или иной этнической среде: принадлежность к определенной религии выглядит как усвоение норм и правил данного общества.

- культурный уровень, соотнесенный с витальным планом бытия, определяющий все накопленные достижения рассматриваемого общества. Религиозное сознание рассматривается как творческо-исторический обмен представителей различных религий; данный обмен может быть направлен на позитивное взаимопроникновение отдельных конфессий, укрепляющих уровень толерантности, а также на полное отрицание ценности чужого наследия, играющего роль угрозы творческому капиталу своей религии.

- эмоционально-поведенческий уровень, сопоставляющийся с эмоциональным уровнем бытия. Религиозное сознание на данном уровне проявляется как оценочное восприятие и закрепление образной рефлексии на поведение представителей других конфессий. Оценки и рефлексии могут формироваться в частоте хождения в церковь или молитвенные дома, совершении определенных религиозных ритуалов, участии в публичных религиозных праздниках, использовании религиозной атрибутики и т. д.

- когнитивно-образовательный уровень, соотносящийся с ментальным планом бытия. Религиозное сознание на данном уровне рассматривается в контексте знания религиозных учений как в сфере своей конфессии, так и осведомленности о священных писаниях и религиозных принципах в сферах других конфессий. Данный уровень свидетельствует о достаточно высокой межрелигиозной образованности.

- системно-исторический уровень, отражающий буддхический план бытия. Буддхический слой в индийской многомерности мироздания характеризуется вмещением исторического опыта, то есть религиозное сознание здесь определяет понимание системности религиозных эволюций, связанности общих религиозных принципов и общность исторических этапов развития отдельных религий, а также понимание смысла существования тех или иных религий в истории человечества.

- системно-духовный уровень, соответствующий духовному (или атмическому) плану бытия. Атма в философском понимании – является неделимой частицей, олицетворяющей Высшее Я, единым источником религиозной системы. Религиозное сознание на данном уровне выглядит как синтез религиозных учений, осознание единого источника, дифференцирующего абсолютное духовное знание на отдельные религии, связанные с уровнем сознания, достигнутого человечеством. Данный уровень отражает глобальное религиозное сознание в энергетической структуре человека и единую мировую религию – как синтезирующий этап религиозной эволюции в истории человеческого общества.

В соответствии с вышеизложенным можно вывести предположение о том, что уровень религиозного сознания человека зависит от онтологического уровня его сознания и от фокусировки его энергетических центров. Глобальное религиозное сознание существует на нескольких онтологических уровнях, которые отражены в субъективном сознании отдельного человека. Раскрытие основных энергетических центров знаменует собой постижение основных уровней бытия – от самого плотного к самому тонкому, что в данной аналогии означает эволюционирующую сущность религиозного сознания, проходящую перечисленные стадии. Несмотря на то, что все уровни религиозного сознания сосуществуют в социальном мире, в массовом сознании часто преобладает только один-два, по которым можно определить эволюционный этап данной культурно-исторической группы. Высший, системно-духовный уровень на социальном уровне проявлен в глобальном религиозном сознании. Оно опирается на непрерывную эволюцию духовности человека. Л. К. Ермолаева рассматривает духовность с точки зрения саморганизации и так же обращает внимание на взаимосвязь духовного уровня и эволюционного этапа человечества: «...духовность можно рассматривать только в конкретно-историческом аспекте эволюции основных типов самоорганизации» [10, с. 78].

Таким образом, предложенная методологическая идея включает в себя синтез индийских учений и современных научно-философских методов в изучении проблем глобального религиозного сознания. С помощью включения психоэнергетических учений о человеке и различных планах бытия в структуру исследования религиозного сознания открываются новые возможности и новые взгляды на проблему глобального религиозного сознания. Так, раскрывается главный принцип, лежащий в основе ценностных исследований – уровни развития сознания, с помощью которых становится возможным определить те или иные социальные тенденции в обществе. Представляется, что выявленные уровни религиозного сознания, связанные эволюционным синтезом, смогут объяснить религиозную ситуацию в ходе анализа сложной религиозной динамики общества и послужить характеристикой стадии религиозного сознания в той или иной территориальной области мира.

Литература

1. Афанасьева М. А. Структура глобального религиозного сознания // Материалы 54-х Научных чтений памяти К. Э. Циолковского, 17-19 сентября 2019. В 2-х ч. Ч. 1. Калуга: Изд-во «Эйдос». 2019. С. 173–176.
2. Жульков М. В. Проблемы многомерности глобального сознания // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. Т. 5. М.: Академия МНЭПУ, 2017. С. 71–81.
3. Никифоров Г. С. Энергетический потенциал человека // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. 2014. № 3. С. 13–20.
4. Труды Н. Н. Моисеева по вопросам современного образования / Академия МНЭПУ. 2012. 213 с.
5. Бейли А. А. Посвящение человеческое и Солнечное. М.: Эддар, 1999. 400 с.
6. Ледбитер Ч., Блаватская Е. П. Чакры / пер. с англ. Киев: Бронг; М.: Алетейа, 1999, 288 с.
7. Мукерджи Э. Кундалини // Мукерджи Э. Кундалини. Авалон А. Змеиная сила. М.: Золотой Век, 1997. С. 5–126.
8. Матвеев С. А. Тонкая энергетика человека в свете индийского учения о кундалини // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2013. № 4. С. 22–31.
9. Гроф С., Ласло Э., Рассел П. Революция сознания. Трансатлантический диалог. М.: Издательство АСТ, 2004. 248 с.
10. Ермолаева Л. К. Духовность как способ самоорганизации человека в контексте модернизации России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6 (50). С. 75–79.

Постмарксизм как направление современной социальной философии

Ахмедов Н.Т.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, Кафедра истории социально-политических учений
факультета политологии, студент магистратуры*

akhmedovnt@gmail.com

Аннотация: В статье приведен авторский экскурс в понятие постмарксизма и идейно-теоретический особенностей данного направления современной социальной философии. Постмарксизм рассматривается как совокупность представлений ряда мыслителей об общественном развитии, основанных на совмещении марксизма и современной социальной теории. В качестве научно-исследовательского материала в статье представлены как классические произведения постмарксистов, так и новейшие отечественные и зарубежные разработки в области новейших интерпретаций марксизма. Попытка систематизации основных социально-философских концептов постмарксизма, предпринятая автором в рамках данной статьи, создает представление об эпистемологической преемственности критики современности.

Ключевые слова: социальная философия, критическая теория, марксизм, постмарксизм, прогресс, идеология

Post-Marxism as a direction of modern social philosophy.

Akhmedov N.T.

*Lomonosov Moscow State University - Department of the History of Social and Political Doctrines,
Faculty of Political Science*

Abstract: The article provides an author's overview of the concept of post-Marxism and the ideological and theoretical features of this direction of modern social philosophy. Post-Marxism is viewed as a set of ideas of a number of thinkers about social progress, based on the combination of Marxism and modern social theory. As a research material, the article presents both the classical works of post-Marxists and the latest Russian and international developments in the field of the latest interpretations of Marxism. An attempt to systematize the main social and philosophical concepts of post-Marxism, undertaken by the author within the framework of this article, creates an idea of the epistemological continuity of criticism of modern time.

Keywords: social philosophy, critical theory, Marxism, post-Marxism, progress, ideology

Вот почему философия – это борьба (Kampf, говорил Кант),
и по существу – политическая борьба классов
(Альтюссер Л., «Философия как революционное оружие»)

Классический марксизм как материалистическая научная теория общественного прогресса оказал значительное влияние на широкий ряд социально-философских учений и концепций, объясняющих основополагающие явления и процессы человеческого общества. Современная социальная теория немислима без марксистского понимания класса, капитализма, революции и других составляющих общественного развития. Однако идейный универсализм и экономический детерминизм, свойственные классическому марксизму, затрудняют интерпретацию творческого наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей в условиях XXI в., что вызывает необходимость корректировки и дополнения постулатов классического марксизма в соответствии с существующей социальной реальностью.

Глобальные вызовы нашего времени, связанные с углублением противоречий рыночного капитализма, эскалацией гендерного, сексуального, расового и других видов насилия, ростом политического популизма, ускорением изменения климата, появлением

новейших форм манипуляций массовым сознанием, возникновением ранее неизвестных заболеваний и их распространением, вводят современную социальную философию в состояние турбулентности, обусловленное необходимостью поиска альтернатив общественного развития. Среди идейно-теоретических проектов, направленных на критическое переосмысление существующего варианта прогресса, особое место занимает постмарксизм.

Понятие «постмарксизма» впервые появляется во второй половине 1980-х гг. для обозначения направления в социально-философской мысли, характеризующегося совмещением неомарксистского, постструктуралистского и постфрейдистского психоаналитического методов в исследовании общества. Постмарксизм объединяет в себе гуманистический подход в марксизме (А. Лефевр, Ж.-П. Сартр и др.), для которого характерна теоретико-методологическая установка на преодоление отчуждения человека, и сциентистский (Л. Альтюссер), определяющийся антагонистическим представлением о структуре общества. Несмотря на отсутствие эпистемологической целостности постмарксизма как отдельной философской школы к нему причисляют мыслителей, в своих исследованиях реактуализирующих марксистскую традицию в противовес реальному социализму [1, с. 278]. К их числу относят Э. Лакло, Ш. Муфф, С. Жижика, К. Касториадиса, А. Бадью, Й. Терборна и др. Классическими произведениями, на страницах которых изложены ключевые постмарксистские идейно-теоретические концепты, считаются «Гегемония и социалистическая стратегия. К радикальной демократической политике» (1985) Э. Лакло и Ш. Муфф и «Возвышенный объект идеологии» (1999) С. Жижика [2; 3].

Существует ошибочное мнение, что постмарксизм предполагает совмещение марксистских и постмодернистских теоретико-методологических установок. Частично заимствуя понятийный аппарат философии постмодерна, постмарксизм отвергает постмодернистские представления о невозможности реализации человеческой свободы, управления общественным прогрессом и формирования устойчивой системы ценностей и норм. В то же время постмарксизм подвергает критике аутентичный марксизм за диалектический метод, не выдерживающий проверки историческим временем. В качестве его альтернативы предлагается рассмотрение социальной философии марксизма «вне» коммунистического проекта и ее творческое развитие в соответствии с новейшими разработками социальной теории и современными реалиями [4, с. 67; 5 с. 148]. Так, среди формообразующих особенностей постмарксистской философии можно выделить интерклассовость общества, сверхдетерминированность общественного прогресса и нереволуционные практики политической борьбы.

Постмарксизм, наследуя традицию неомарксизма и критической теории Франкфуртской школы, признает снижение роли классов в общественном прогрессе и приход на их место различных социальных групп, подвергнутых угнетению. У индивидов, принадлежащих к этим группам, формируется интерклассовая идентичность, предрасполагающая их к общественным преобразованиям. Здесь выражается отход постмарксизма от марксистского философского объективизма со свойственным ему пролетарским мессианизмом к социальному конструктивизму, которому отвечают существующие тенденции размытия классовых границ в развитых капиталистических странах [1, с. 279; 6, с. 155]. В поисках нового «субъекта истории» постмарксизм рассматривает гендерные, сексуальные, расовые и другие меньшинства, способные преобразовать общество через улучшение своего положения в нем и тем самым преодоления всеобщего угнетения. С изменением субъекта исторического развития меняются и способы его подавления: на смену классовой эксплуатации приходят социальное исключение и биополитика, чьи эффекты направлены непосредственно на человека, его общественную природу, сознание и телесность [1, с. 279]. В качестве причины угнетения постмарксизм рассматривает идеологические структуры.

В соответствии с классическим марксизмом идеология является частью надстройки, подчиненной экономическому базису. Постмарксизм отвергает данное положение с опорой

на концепцию сверхдетерминации, выдвинутую основоположником марксистского структурализма Л. Альтюссером [7, 94–100 р.]. Согласно альтюссеррианской интерпретации творческого наследия К. Маркса явления, происходящие в надстройке, могут влиять на базис в той же мере, что и явления базиса влияют на надстройку. С позиций постмарксизма для современности является характерным трансформирование идеологии и ее распространение на все сферы жизни общества, в частности, культуру и социальные практики [8]. Представления о «тотальности» идеологии служат подтверждением постмарксистской критики существования единого субъекта исторического развития, даже в виде консолидированных меньшинств, так как идеология способствует размежеванию и конфронтации интересов социальных групп и отдельных индивидов через дискурсивные практики [6, с. 158].

Дискурс, одно из центральных понятий постструктурализма, рассматривается постмарксизмом не только как речевые практики, легитимирующие угнетение, но и как поле для реализации постмарксистского политического проекта. Деконструкция в постмарксизме в отличие от постструктурализма нацелена на создание новой социальной реальности на основаниях деконструированной [4, с. 66]. Однако вместо политической революции, свойственной классическому марксизму, постмарксизм, создавая «светлое будущее», берет на вооружение коммуникативные действия – ненасильственные поступательные действия, согласованные коллективно [9, с. 481]. Целью таких действий является создание более справедливого общества, основанного на демократических началах.

Отдельного внимания заслуживает постмарксистское представление о демократии. Современные западные демократии, преследующие идеалы широкого общественного консенсуса, препятствуют выражению индивидуальности индивидов: видимое согласие всех членов общества приводит к стагнации и подавлению различий, конституирующих человека как личность и субъекта социальной жизни. В качестве альтернативы постмарксизм рассматривает «радикальную» демократию – политический режим, для которого характерно наличие множества форм общественного диалога, публичной дискуссии и частного пространства. [11, с. 102] Данный политико-философский концепт нашел отражение в трудах одной из наиболее влиятельных постмарксистских исследовательниц Ш. Муфф [12].

Таким образом, постмарксистский проект в современной социальной философии представляет существенную альтернативу существующему варианту общественного прогресса. Адаптируя и реактуализируя критические воззрения классиков марксизма и дополняя их новейшими разработками социальной теории, постмарксизм дает ответ на значительное количество вызовов XXI в., включая гендерную, сексуальную, расовую и другие виды дискриминации, манипуляцию массовым сознанием через СМИ и «новые медиа», кризис демократии и т.д. Однако не стоит переоценивать постмарксизм. Несмотря на претензии на теоретическую имманентность нельзя забывать, что он появился и продолжает существовать в эпоху кризиса «левых» политических сил, и, следовательно, прежде чем поверить в его достоинства, необходимо проверить временем его прогностический потенциал в области экономического и политического развития человечества, представляющий значительный научный интерес с точки зрения дальнейших исследований особенностей современной постмарксистской философии.

Литература

1. Барбарук Ю.В. Постмарксизм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 278–279.
2. Laclau E., Mouffe S. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
4. Барковский П. О становлении понятия «постмарксизм» и его локализации в постсоветской философской традиции // Топос. 2010. № 1(23). С. 64–72.
5. Стоянович С. От марксизма к постмарксизму // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 145–154.
6. Игнатович Е. Политическая онтология субъекта в постмарксизме // Топос. 2006. № 1(12). С. 155–161.
7. Althusser L. Pour Marx. Paris: La Découverte, 2005. 320 p.

8. Барковский П.В. Трансформация понимания идеологии: от К. Маркса к С. Жижеку // Маркс и марксизм в контексте современности: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818–1883) (г. Минск, 26–27 апреля 2018 г.) / Ред. В.Ф. Гигин. Минск: БГУ, 2018. С. 46–53.
9. Ерохов И.А. Тема седьмая. Постмарксизм и плюрализм. Агонистическая теория демократии. Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф // Очерки истории западной политической философии: Учеб. пособие для студентов / Ред. М.М. Федоровой. М.: Летний сад, 2013. С. 475–495.
10. Оришева О.Ф. Политическое измерение социальной теории в постмарксизме. Минск: РИВШ, 2007. 131 с.
11. Mouffe S. Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism? // Social Research. 1999. № 3 (66). P. 745-758.

Эстетическая обусловленность музыкального авангарда

Ашмарин И.И.

Институт философии Российской академии наук, старший научный сотрудник. Кандидат физико-математических наук

ygr-h@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые течения в европейском музыкальном авангарде после Второй мировой войны. Отмечено, что практически для всех этих течений характерно подготовленное конструирование музыкального произведения с последующим импровизационным его исполнением. На историческом промежутке от дописьменного периода европейской музыки до окончательного утверждения современной музыкальной нотации в XVII-XVIII в.в. прослежено и проанализировано постепенное исчезновение импровизационного начала в музыке параллельно с появлением новых представлений об эволюционирующем музыкальном стиле как эстетической категории. Мощные социально-политические катаклизмы в Европе начала XX в. вкупе с высокой стилиевой динамикой освоения эстетических ресурсов европейской музыки с неизбежностью привели к тому, что «инновационно» настроенные композиторы предположили, что эти ресурсы исчерпаны. Именно такие взгляды привели к появлению авангарда в музыке как понятия и как феномена. А это в свою очередь способствовало возвращению импровизационного начала в современную европейскую академическую музыку.

Ключевые слова: музыкальный авангард, европейская музыка, импровизация, стиль, эстетические ресурсы

Aesthetic conditioning of the musical avant-garde.

Ashmarin I.I.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Abstract: Some trends in the European musical avant-garde after the Second World War are considered. It is noted that almost all of these movements are characterized by the prepared construction of a musical work with its subsequent improvisational performance. The gradual disappearance of the improvisational principle in music in parallel with the emergence of new ideas about the evolving musical style as an aesthetic category are traced and analyzed in the historical period from the preliterate period of European music to the final approval of modern musical notation in the XVII-XVIII centuries. Powerful socio-political disasters in Europe at the beginning of the XX century, coupled with the high style dynamics of the development of aesthetic resources of European music, inevitably led to the fact that innovatively minded composers suggested that these resources were exhausted. It was these views that led to the emergence of the avant-garde in music as a concept and as a phenomenon. And this, in turn, contributed to the return of the improvisational principle to modern European academic music.

Keywords: musical avant-garde, European music, improvisation, style, aesthetic resources

Поскольку речь в дальнейшем пойдет о музыкальном авангарде, дадим для начала два его энциклопедических определения.

1) «АВАНГАРДИЗМ – условное наименование различных музыкально-творческих течений 20 в. Сторонники авангардизма резко выразили оппозицию по отношению к исторически сложившимся нормам музыкального искусства, стремились к радикальному изменению его основ» [1, с. 13].

2) «Авангардная музыка, музыкальный авангард – вид современной академической музыки, некоторые элементы эстетики которой являются радикально инновационными. Предполагается, что подобная музыка в эстетическом отношении опережает своё время» [2].

Сегодня, говоря об авангарде в музыке, чаще всего упоминают его основные течения в послевоенной Европе второй половины XX века. Перечислим некоторые из них [3, с. 10-28]:

Алеаторика¹ (К. Штокхаузен, Дж. Кейдж, П. Булез, К. Пендерецкий) – техника композиции, основанная на неопределённости или случайной последовательности подготовленных элементов музыкальной ткани при сочинении или исполнении произведения.

Сонорика, или сонористика (Д. Лигети, К. Пендерецкий, В. Лютославский); основа – тембровзвучность группы из нескольких звуков, часто диссонансирующих, трактуемой как единый колористический комплекс, или сонор.

Сериальность (К. Штокхаузен, П. Булез, Л. Ноно); основа – заранее сконструированные группы (серии) звуков, их высот, длительностей, пауз, степеней громкости, артикуляции, темпов, тембров с последующим импровизационным формированием из них суммарной композиции.

Конкретная музыка (К. Пендерецкий, П. Шеффер); характерный пример – произведение К. Пендерецкого «Флуоресценции», написанное для оркестра, пишущей машинки, стеклянных и железных предметов, электрических звонков и пилы.

В этом далеко не полном списке можно уловить нечто общее, а именно подготовленное конструирование музыкального произведения – звуков, их динамики, тембров, пауз и т.д. Причем конструирование это на стадии «подготовки» – тщательное, но при исполнении – импровизационное. Весьма характерным для такой общности можно считать произведение одного из лидеров послевоенного авангарда немецкого композитора и музыкального теоретика Карлхайнца Штокхаузена. Это – «Пьеса для фортепиано XI». Ее партитура выглядит следующим образом: на большом нотном плакате (53×93 см²) отпечатано 19 независимых друг от друга нотных групп различной продолжительности. К партитуре прилагается написанная самим автором инструкция для исполнителя: «Исполнитель безучастно глядит на лист бумаги и начинает с какой-либо первой попавшейся на глаза группы; он играет ее с любой скоростью, <...> с любым уровнем громкости и с любой формой артикуляции. Когда первая группа подойдет к концу, он читает следующие за ней указания скорости, громкости и артикуляции, смотрит без определенных намерений на какую-нибудь другую группу и играет ее согласно трем указаниям. <...> Каждая группа связуема с каждой из восемнадцати остальных, так что любую можно сыграть с какой угодно из шести скоростей, громкостей и артикуляций» [4, с. 239].

Здесь на память приходит один пример из истории европейской музыки. В XVIII в. у музыкантов была довольно популярна композиторская игра в кости – т.н. Würfelmusic (от нем. Würfel – игра в кости). Для нее нужны были две игральные кости, специальная цифровая таблица и нотная запись произвольной музыки в несколько тактов. Такты нумеровались, а затем перетасовывались и комбинировались в соответствии с тем, что показывали игральные кости и таблица. Это практиковали даже Гайдн и Моцарт. Сама система не претендовала на большее, чем «интеллектуальное развлечение» музыкантов или вспомогательное учебное упражнение [5, с.60]. Но дело в том, что в этой игре отчетливо слышны отголоски импровизационного начала, которое было формообразующим и самостоятельным эстетическим принципом композиции в европейской практике музицирования вплоть до IX-X в.в.

В IX-X в.в. в Европе начали появляться первые письменные музыкальные памятники. Поэтому дальнейшая история европейской музыки позднего средневековья и Возрождения (XIII XVII в.в.) была обусловлена взаимодействием, противоборством и параллельным существованием двух типов музыкального творчества, двух музыкальных культур – импровизаторской и письменной (особенно светской) [5, с. 3-5], [6, с. 132-176]. Одним из результатов такого сосуществования стало, например, появление смешанных типов музицирования – особых видов ограниченной импровизации (до нас это дошло в виде

¹ от alea (лат.) – игра в кости; пер. жребий, неизвестность, риск и т.п.

вербальных конструктов «тема с вариациями» или «вариации на тему», входящих в названия некоторых музыкальных произведений XVII-XIX в.в.). К XVIII в. эта традиция, как и само понятие импровизация стало утерянным и прочно забытым. Основная причина тому – в XVIII в. окончательно утвердилась известная нам сегодня музыкальная нотация – письменная фиксации музыки (в обыденной речи – ноты). И если в дописьменную эпоху музыки импровизация была единственным способом «вспомнить» и исполнить ранее написанное, то уже в XIX в. не то, что импровизации, но даже самые невинные исполнительские вольности в передаче текста встречали самое недоброжелательное отношение композиторов. «Пожалуй, самый антиимпровизаторский период в истории европейской музыкальной культуры – это рубеж XIX-XX в.в. Композиторы отныне стремятся выписать в нотном тексте все, зафиксировать все нюансы. Но вскоре в виде реакции на эту тенденцию возрождается интерес к импровизированию, к управляемой случайности (курсив – А.И.)» [5, с.60].

Словосочетание управляемая случайность весьма точно характеризует один из основных смыслов послевоенного музыкального авангарда, а именно, интерес к случайности, или к неопределенности. И дело, наверное, не только в реакции на жесткую определенность рамок «тотальной» нотации. Нотированная музыка не просто заняла место, освободившееся после ухода музыки импровизаций, но и ввела в музыкальный обиход новое понимание такой эстетической категории, как стиль. Причем если еще в XVII в. стиль был связан в основном с жанровыми признаками (музыка духовная, светская, фольклорная и т.п.), являясь скорее технико-практической (или конкретно-специфической) характеристикой, то уже в XVIII-XIX в.в. его определяющими факторами стали социально-исторический характер эпохи, социокультурные особенности соответствующего жанра, индивидуальные особенности личности отдельных композиторов и т.д. Стиль стал довольно мощным детерминантом в музыке. И если, например, средневековые нормы только каналировали музыку по жанровым приложениям, то музыка XIX в. была уже просто армирована стилевыми конструкциями (почти вне зависимости от жанровой принадлежности). Спонтанность в такой музыке была просто неуместна, и хотя бы вписаться в стилевые матрицы она могла только в виде «вариаций на тему». Причем стилевая принадлежность проявлялась значительно отчетливее, чем даже национальная. Например, в произведениях немца Шумана и полуполяка-полуфранцуза Шопена при желании можно найти больше сходства, чем в произведениях немцев Брамса и Вагнера.

В течение почти четырех веков стили непрерывно и поступательно сменяли друг друга, каждый из которых обозначал собой целую эпоху в истории музыки: барокко – рококо – классицизм – романтизм. Это было мощное «пластовое» освоение эстетических ресурсов европейской музыки. И некоторым композиторам могло показаться, что эти ресурсы близки к истощению (особенно в эпоху позднего романтизма). Это ощущение подкреплялось и усиливалось социально-политическими бурями начала XX в. – Первой мировой войной, революциями в России и в Германии, развалом четырех мощных империй – Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской. Неизбежно возникшие за этим хаос и цинизм в политике, морали, нравственности вызвали так же неизбежную ответную реакцию в музыке. Появлялись «инновационные» направления, такие, как, например, экспрессионизм, решительно деформировавший звуковысотные соотношения и формообразующие структуры в академической музыке (особое место здесь занимает музыка композиторов Новой венской школы) или неоклассицизм, основанный на модификации и модернизации доклассической архитектоники. Подобные течения послужили фундаментом для последующих авангардистских направлений, о которых мы уже говорили выше и эстетическая ценность которых также и в том, что они разбудили у композиторов новый интерес к импровизации как к новому типу эстетического освоения и постижения мира¹. Причем управляемая

¹ Есть еще один «фундамент», на котором базируются принципы импровизационного музицирования, а именно, джаз. Но это – предмет отдельного рассмотрения.

случайность настолько прочно обосновалась в музыке, что И. Стравинский хоть и с иронией, но не без основания говорил о наступлении «посткомпозиторского периода» в истории современной музыки [5, с.61]. И этот период, похоже, определил появление нового «подпространства» в эстетическом пространстве современной европейской академической музыки.

Литература

1. Музыкальный энциклопедический словарь. Статья «Авангардизм». М.: Советская энциклопедия. 1990.
2. Википедия. Статья «Авангардная музыка»
3. Житомирский Д.В., Леонтьева О.Т., Мяло К.Г. Западный музыкальный авангард после второй мировой войны. М.: Музыка, 1989.
4. Когоутек Ц. Техника композиции в музыке XX в. М.: Музыка, 1976.
5. Сапонов М.А. Искусство импровизации: импровизационные виды творчества в западноевропейской музыке средних веков и Возрождения. М.: Музыка, 1982.
6. Шестаков В.П. История музыкальной эстетики от Античности до XVIII века. М.: ЛЕЛАНД. 2018

Теоретическая модель информационно-открытого образования

Багаутдинов Р. А.

*Башкирский государственный университет, аспирант кафедры философии и политологии
факультета философии и социологии*

philosof02@mail.ru

Аннотация. Образование является одним из системообразующих факторов духовной сферы информационного общества. Ценностной основой образования является гуманизм, и мера гуманизации образования должна расцениваться как критерий для оценки результатов педагогического процесса. Сегодня в образовании идет процесс доминирования парадигмы инструментально-технологической рациональности, которая направлена только на подготовку профессионала. Предлагаемая теоретическая модель информационно-открытого образования призвана способствовать становлению гуманистической парадигмы, которая подразумевает конечную цель образования в том, чтобы каждый человек мог стать полноценным субъектом деятельности, познания и общения, субъектом ответственным за все происходящее в мире, стремящимся к самоактуализации.

Ключевые слова: информационно-открытое образование, ценности, нравственность, духовность, самореализация личности.

Theoretical model of information-open education.

Bagautdinov R.A.

Bashkir State University, Faculty of Philosophy and Sociology

Abstract: Education is one of the backbone factors of the spiritual sphere of the information society. The value basis of education is humanism and the measure of humanization of education should be regarded as a criterion for assessing the results of the pedagogical process. Today in education there is a process of dominance of the paradigm of instrumental and technological rationality, which is aimed only at training a professional. The proposed theoretical model of information-open education is designed to contribute to the formation of a humanistic paradigm, which implies the ultimate goal of education so that everyone can become a full-fledged subject of activity, cognition and communication, the subject responsible for everything that happens in the world, striving for self-actualization.

Keywords: information-open education, values, morality, spirituality, self-realization of a person.

В современном информационном обществе становится актуальной задача построения теоретической модели системы информационно-открытого образования. Информационную открытость образования можно рассматривать с двух взаимосвязанных точек зрения. Во-первых, это подготовка образовательным учреждением индивида с целью включения его в те или иные стороны жизнедеятельности. Во-вторых, это открытость и распределенность взаимосвязанных образовательных учреждений, что способствует включению индивида в информационно-открытую систему образования как одну из сторон жизнедеятельности. Подобная методологическая установка, не являясь полной, выступает достаточной для формирования теоретической модели системы информационно-открытого образования, являющейся формой выражения информационного общества.

Выстраивать модель системы информационно-открытого образования следует исходя из ее главной задачи, какой является расширенное воспроизводство социокультурного бытия с целью передачи культурного наследия в виде материальных и духовных ценностей. Подвергаясь процессу инкультуризации и социализации, человек обретает возможность воплотить в жизнь свои природные задатки, последовательно подключаясь к новым объемам

информации, что позволяет ему соответствующим образом приспособиться к противоречивым условиям бытия.

Институт образования является посредником между индивидом и обществом в процессе передачи, закрепления, сохранения и умножения существенных для развития цивилизации культурных смыслов. Исходя из этого, в качестве стержневого компонента парадигмы информационно-открытого образования следует принимать способ вхождения человека в целостное бытие культуры.

Непрерывное образование является важнейшей составляющей системы информационно-открытого образования, нравственная направленность которой предполагает развитие и совершенствование личности на всем ее жизненном пути, стремление к творческому обновлению.

Модель информационно-открытого образования в своей нравственной направленности содержит целевую установку не только на формирование, но и на поддержание и развитие зачатков морали в человеке. Ее задача — заложить в человеке механизмы самореализации, саморазвития и саморегуляции, без которых невозможно существование его свободной гражданской позиции и профессиональной ориентации, а также способность развернуть свой внутренний духовный потенциал. Мы полагаем, что субъектно-объектные отношения в данной сфере реализуются по следующей линии: от профессиональной социализации к гуманитаризации, а затем — к гражданской социализации, что вытекает из направленности процесса гуманизации на выявления индивидуального смысла профессиональной жизнедеятельности посредством гуманитарно-ориентированного знания.

Инструментом для всестороннего изучения данной логической последовательности должно стать наличие специальных дисциплин, изучающих связь с социально-культурной действительностью. В числе данных дисциплин отметим, например, науковедение, философию и психологию научного творчества. Развитие этих наук в социально-культурном контексте как никогда необходимо сегодня для включения в сферу образования результатов, полученных посредством гуманизации науки.

Информатизация образования ведет к переменам во всей образовательной системе, ориентированной уже на новую информационную культуру. Культурная функция образования осуществляется путем использования преемственности материальных и духовных ценностей в сочетании с возможностями новых информационных технологий для обеспечения социализации и формирования творческих способностей личности. Выполнение данной функции предоставляет широкие возможности для нетрадиционных подходов к процессу образования, что обеспечивает наиболее полную социально-профессиональную и общекультурную самореализацию личности.

Важной функцией образования является формирование духовного облика человека с предоставлением ему моральных и духовных ценностей, являющихся достоянием общества. Особую значимость приобретает гуманистически ориентированное образование, основанное на воспитании и самовоспитании личности, когда весь круг талантов и способностей человека, развиваясь, находит свое применение, а сам человек, стремясь к непрерывному совершенствованию интеллекта, имеет возможность реализовать собственные потребности, умения и навыки учиться и систематизировать знания.

Чем Человек отличается от других животных?

Багоцкий С. В.

Московское общество испытателей природы, Ученый секретарь. Кандидат биологических наук

b1949@mail.ru

Аннотация: высказывается точка зрения о том, что ключевым отличием Человека от других животных, является наличие фантазии, основанной на свободном комбинировании слов. Из этого предположения чисто логическим путем выводится происхождение мышления, труда, искусства, религии.

Ключевые слова: Речь, Свободное комбинирование слов, фантазия, мышление, человеческий труд, творческий труд, искусство, религия.

How does Man differ from other Animals?

Bagotsky S. V.

Moscow Society of Naturflists, Academic Secretary

Abstract. It is argued that the key difference between Man and other animals is the presence of a fantasy based on a free combination of words. From this assumption, the origin of thinking, work, art, religion is derived purely logically.

Keywords: Speech, Free Word Combination, Fantasy, Thinking, Human Labor, Creative activity, Art, Religion.

В научной, научно-популярной и философской литературе много говорится о том, чем Человек похож на других животных. И гораздо меньше говорится о том, чем Человек от прочих животных отличается.

Происхождение Человека от каких-то высших обезьян не вызывает сомнений. Но эволюция на то и эволюция, что в ней возникает нечто новое. И это новое, возникшее в процессе эволюции, позволило Человеку расщепить атом, создать компьютеры, космические корабли и начать активное разрушение Биосферы. Ни одна обезьяна на такое не способна.

Носят ли интеллектуальные различия между Человеком и другими животными чисто количественный характер? Является ли человек просто более умной обезьяной? Или его ум принципиально другой? А если он принципиально другой, то на базе чего он мог возникнуть в процессе эволюции? Эти вопросы носят принципиальный характер. И хотя бы без гипотетического ответа на эти вопросы разговоры о происхождении и эволюции Человека остаются малопродуктивными.

Бросающимся в глаза отличием Человека от других животных является РЕЧЬ. А речь состоит из свободно комбинируемых слов. И благодаря комбинированию слов Человек может представить себе не только то, что он видел в природе, но и то, чего в природе нет.

«Нормальное» животное не может себе представить зеленого поросенка, которого оно никогда не видело. Но у Человека есть слово «зелёный» и слово «поросенок». Случайно скомбинировав их Человек может себе представить зеленого поросенка. А также другие объекты, в природе не встречающиеся. Речь порождает ФАНТАЗИЮ, которую, по-видимому, и следует считать главным отличием Человека от других животных.

Животное знает только объекты реального мира. А человек знает и продукты собственной фантазии, порожденные свободным комбинированием слов.

Появление фантазии имеет свои минусы и свои плюсы. Главный минус заключается в том, что фантазирующее животное должно приспособливаться не только к реальному миру,

но и к объектам своей фантазии. Ибо такое животное изначально не имеет интеллектуальных ресурсов для того, чтобы отличить, какие фантазии имеют отношения к реальной жизни, а какие не имеют. А приспособляться к фантазиям труднее, чем к реальному миру. Леопард – это страшный, но предсказуемый хищник. А ходящий на задних лапах комбинированный образ с рогами, копытами и длинным хвостом, изо рта которого изливаются огонь и сера, непредсказуем. И как вести себя с ним, непонятно. Бесплодные поиски путей приспособления к подобному образу мешают заниматься делами, действительно важными для жизни.

Но, с другой стороны, если у животного хорошо подвешены руки, то оно может реализовать порождения своих фантазий в виде разных интересных и полезных для жизни предметов. Например, в виде камня с оббитыми краями, которыми можно разрезать шкуры. Или, на более поздних этапах эволюции, космической ракеты.

Фантазия, вообще говоря, вредна для своего обладателя, но способность к труду делает её полезной.

Речь – это не только способ порождения комбинированных образов. Это ещё и опыт передачи жизненного опыта от поколения к поколению. Накопленный жизненный опыт учит людей отличать фантазии, имеющие отношения к реальной жизни, от фантазий, отношений к реальной жизни не имеющих. Безбрежный полет фантазии постепенно ограничивается правилами ЛОГИКИ в широком смысле этого слова. На основе фантазии формируется МЫШЛЕНИЕ, включающее в себя набор интеллектуальных операций, позволяющих отличать «продуктивные» фантазии от «непродуктивных».

Главный парадокс мышления заключается в том, что мозг Человека, эволюционно сформировавшийся в первобытные времена, оказался пригодным для решения задач атомного и космического века. Этот парадокс может иметь единственное решение: человеческий мозг формировался как инструмент для решения не конкретных, а произвольных задач. Он работает по принципу Универсальной цифровой вычислительной машины (УЦВМ), чьи возможности определяются не её устройством, а введенной в неё программой, написанной на машинном языке высокого уровня. Устройство УЦВМ рассчитано на реализацию любой программы, не выходящей за пределы её быстродействия и объемов памяти.

Программы для УЦВМ пишутся с помощью машинных языков высокого уровня, состоящих из более или менее свободно комбинируемых операторов. Аналогом таких языков и являются человеческие языки, которые открыты для описания все новых и новых явлений и связей в окружающем мире. Это обстоятельство делает возможным эволюцию алгоритмов человеческого мышления, не связанную с эволюцией устройства мозга.

Фантазия лежит и в основе человеческого ТРУДА, который заключается в воплощении фантазии в полезных для жизни предметах. И в основе ИСКУССТВА, заключающегося в рисовании животных на стенах пещер и изготовлении глиняных статуэток.

Б.Ф. Поршнев [1] предложил принципиально различать дочеловеческий труд, свойственный многим животным, и человеческий труд. Человек сперва представляет себе объект, который он хочет изготовить, и последовательность операций, необходимых для его изготовления. А животное работает в значительной степени автоматически. Иными словами, человеческий труд является порождением фантазии, хотя в той или иной степени ограниченной логикой.

Думается, что следует выделить и третью форму труда, промежуточную между животным и человеческим. Эта форма труда связана с тем, что человек не ставит перед собой прагматическую задачу, а просто реализует свою фантазию. Так же, как ребенок рисует все, что ему взбредет в голову, не задумываясь о том, для чего это нужно. Прагматический результат является побочным следствием этой вполне бескорыстной по своим мотивам деятельности, которую мы можем назвать ТВОРЧЕСКИМ ТРУДОМ. Из этой формы труда вырос как прагматически ориентированный собственно человеческий труд, так и ИСКУССТВО.

Творческий труд древнее прагматически ориентированного и потребность человека в нем является достаточно глубокой. Её подавление приводит к появлению серьезных психологических проблем.

Предположение о фантазии, как основном отличии Человека от прочих животных позволяет объяснить закономерное и независимое появление религии у разных народов. Дело в том, что фантазия приводит к появлению в сознании Человека страшных комбинированных образов (например, чертей), вызывающих страх и мешающих сконцентрировать усилия на действительно важных для жизни проблемах. Избавиться от такого страха можно тремя способами. Первый способ (он называется МАГИЕЙ) – заключить с чертом взаимовыгодное соглашение. Он не получил большого распространения возможно, из-за страха неприятностей, которые начнутся, когда с чертом придется расплачиваться. Второй способ заключается в том, чтобы силой своей фантазии создать образ сильного защитника, который может защитить от козней Рогатого. Такой способ называется РЕЛИГИЕЙ, а созданный фантазией образ защитника от нечистой силы в процессе длительной эволюции превратился в Бога монотеистических религий. И, наконец, третий способ, называемый НАУЧНЫМ АТЕИЗМОМ, заключается в том, чтобы сказать себе, что черта не существует и перестать о нем думать. Этот способ приобрел популярность лишь на достаточно поздних этапах социальной эволюции и преимущественно среди людей с сильной нервной системой.

Таким образом, представление об опирающейся на речь фантазии, как ключевом отличии Человека от других животных, позволяет логично объяснить появление человеческого мышления, труда, искусства, религии. А также понять, что главной проблемой антропогенеза является проблема происхождения речи. Все остальное выводится чисто логическим путем.

Попытки объяснить происхождения речи предпринимались неоднократно, однако считать эту проблему решенной в настоящее время нельзя.

Литература

1. Поршнева Б.Ф. «О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). М: ФЭРИ-В, 2006. 640 с.

Специфика современного исследования социальности в социальной философии

Бакланова О.А.

Северо-Кавказский федеральный университет, кафедра философии, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и основные методологические стратегии исследования феномена социальности, которые в современной социальной философии базируются на нескольких основных подходах: социокультурном, феноменологическом, социально-конструкционистском. Автор понимает социокультурный подход как анализ двух векторов динамики социальности, двух диахронных процессов – социальных трансформаций и культурных изменений. Встреча культурного и социального происходит на всех уровнях социальной реальности, от приватной антропологической сферы до крупных социальных структур, однако на уровне социального субъекта она выглядит значительно более заметной. Сам субъект в связи с ускоряющейся социальной динамикой начинает замечать несовпадение культурного и социального как проблему и рефлексировать над ней разными способами, в том числе, осознавая собственное участие в разрыве или сохранении культурных рамок.

Ключевые слова: социальность, социальная философия, социальный конструкционизм, исторический факт, нарратив

Abstract. The article considers the peculiarities and main methodological strategies of the study of the phenomenon of sociality, which in modern social philosophy are based on several main approaches: sociocultural, phenomenological, social-constructionist. The author understands the sociocultural approach as an analysis of two vectors of sociality dynamics, two diachron processes - social transformations and cultural changes. The meeting between cultural and social takes place at all levels of social reality, from the private anthropological sphere to large social structures, but at the level of social subject it looks much more visible. The subject himself, due to the accelerating social dynamics, begins to notice the mismatch between cultural and social as a problem and to reflex over it in various ways, including by realizing his own participation in breaking or maintaining the cultural framework.

Keywords: sociality, social philosophy, social constructionism, historical fact, narrative

Несмотря на то, что крупные постмодернистские и постструктуралистские социальные теории второй половины XX века лишили представление об обществе иллюзии ложной прозрачности и ясности, стремление к её воссозданию по-прежнему велико. Запрос общества на монотеоретичное понимание настолько силён, что в жертву этой прозрачности часто приносится и сама рациональность. Ценой обретения ясности становится грубая редукция и идеологизация описания общества, что свидетельствует в пользу неисчерпанности данного вопроса и требует продолжения философского поиска в данном направлении.

В целом, достаточно релевантной исследовательской палитрой для изучения социальности обладает объяснительная схема социального конструкционизма, берущая своё начало от феноменологии А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, Дж. Дугласа, этнометодологии Г. Гарфинкеля, а также опирающаяся на символический интеракционизм И. Гофмана, Дж. Мида и Г. Блумера. Логика исследования ведётся от изучения антропологического, субъективного мира, как изначальной точки отсчёта к пониманию социальной организации и социальных структур. Фокус внимания находится в мире индивидуального повседневного, поскольку именно там заложены корни социального. Социальность не имеет никакой трансцендентной по отношению к человеку силы, она не представляет собой самостоятельной объективной реальности и объективируется им только в силу того, что общество – это объект, не наблюдаемый непосредственно.

Участвуя в повседневных практиках, нормируя свои действия формально или неформально, индивиды с одной стороны, поддерживают и транслируют тот тип

социальности, который они застали, приходя в этот мир, а с другой стороны, они производят микроизменения этой социальности, которые, слагаясь вместе, сдвигают общественное устройство к новым типологическим характеристикам.

Направления этого изменения – это основной вопрос исследования, то есть, случайно оно в принципе или задаётся инерцией изменения культуры, поскольку после исследований П. А. Сорокина можно согласиться с тем, что культура имеет более инерционную динамику по отношению к социальности. В ценностях культуры заложены механизмы возвращения к прежним стабильным состояниям общества, динамика культуры допускает развития лишь с очень существенным временным люфтом, поскольку является фильтром в отношении любых экономических и политических инноваций.

Соотношение ускоряющейся социальной динамики и культуры, призванной сдерживать эти динамически неровные социальные изменения, создает внутреннее напряжение, заметное глазу индивида. Человек эпохи архаического коллективизма не размышлял над типами социальности не столько потому, что был недостаточно для этого развит, сколько по той причине, что вообще видел этой проблемы, ему эти изменения были не заметны. Современный человек различил, демаркировал и проблематизировал культуру и социальность, показал, что между человеком и обществом пролегает символическое поле языка, опосредующие связь общего и частного в идеальных конструктах, воспроизводящих для человека основные значения.

XX век принёс много нового исследователям социальности. В рамках феноменологии и философской антропологии был предпринят ряд концептуально-теоретических атак на позитивистские объяснительные стратегии, в результате которых в философии и социальной теории произошло довольно радикальное сближение антропологической и социальной реальности. Человек как генератор собственного уникального опыта и хранитель чужого оказался неустранимым из социального познания. Между человеком и надчеловеческими силами, понимаемыми как «социальные законы», был обнаружен только один барьер в виде языка, в котором произрастает, начинается и завершается буквально всё, имеющее общественную природу, как рациональное, так и внерациональное.

Европейские философы и социальные теоретики, такие как Х. Уайт [1], Й. Рюзен [2], Ф Анкерсмит [3], Б. Латур [4] и другие, совершили весьма плодотворные попытки привнесения рационализма в человекоразмерные форматы социального исследования. Расширилось понимание того, как именно формируется культура присвоения миру значений. Выяснилось, что классические социально-исторические редукции, смонтированные по рационалистическим схемам, также отнюдь не свободны от мифов или, к примеру, культуртрегерских амбиций их авторов. За всякой схемой по-прежнему можно обнаружить её автора с его ценностной или рефлексивной позицией, что заставляет делать читателей существенную поправку на особенности его личности, и на специфику социального ценностного ландшафта, который становится каркасом его исследовательских суждений.

Лингвистический поворот в философии вывел понимание социальности в совершенно новое смысловое пространство, где главный смысловой зазор, составляющий проблематичность знаний об обществе, заключается даже не между референтом – событием и его социальным значением, а в интервале между фактом и текстом, который конструируется для того, чтобы «удерживать» факт и не давать ему опрокидываться в небытие. Сложность, однако, оказывается в том, что язык не способен удерживать факт неизменным, так как смысл, зафиксированный в тексте, не самодостаточен. Он лишь частичен, вторую его часть достраивает читатель. Читатель является полноценным участником события.

Разумеется, способов символического удержания факта в интерсубъективном пространстве, помимо социально-исторического текста, существует немало. С этим также прекрасно справляются все виды нарратива: мифологический, художественный, идеологический (если факт попадает в идеологическое поле), персонально-исторический, то

есть, биографический. Производством, ассимиляцией и трансляцией фактов занимается любой человек в той степени, в какой они представляются для него социально значимыми.

Но создание описания социальности отличается от всех этих способов как целое от части – такое повествование выступает своего рода ценностной результирующей всех этих попыток сохранить адекватное представление о фактах реальности. Оно производит генеральное ранжирование нарративов, фильтрует содержащиеся в них факты, отбрасывает их основную массу, связывая остальное в синтетический ценностно-смысловой «позвоночник» своего времени, в данном случае основанный на рациональном и секулярном принципах. И попытки снова разобрать уже организованные таким образом смысловые связки на факты могут не дать результата даже в том случае, если факт решительно недостоверен.

Будучи включённым однажды в нарратив, недостоверный факт начинает удерживаться общественными ценностями. Силы институциональной инерции скрепляют в единые сцепки мифологические и рационально обоснованные представления о событиях прошлого, придавая им через образовательные институты механизмы самоподдерживания и высокую инерционность.

Поэтому в философском дискурсе описание социальности, учитывая её феноменальную природу и intersubъективный способ существования, возможно только в дескриптивной форме, а само описание удобнее всего производить в терминах социальной феноменологии, дополненной положениями социокультурного подхода. Такая методологическая база может способствовать полнейшему раскрытию двойственной природы человека, включающего в себя многочисленные переходы антропологического в социальное.

Именно по причине многократной интерпретации событий самыми разными субъектами так сложно различить «социальное» в «социальных связях» и «социальное» в «ассоциациях», как метко подметил Б. Латур [5. С. 92]. Исследователь критически относится к пониманию «социального» как особого, отдельного вида общественных связей, на которых, собственно, и держится весь вес общественных отношений, вся культурная ткань общества несмотря на то, что такая трактовка является для социальных наук достаточно привычной. Экстраполируя сказанное Б. Латуром на динамический, то есть, исторический аспект, можно сказать, что «историческое» в «социальных связях» и «историческое» в «ассоциациях» также достаточно трудно различается, однако вполне имеет право на существование, если понимать под первым внутреннюю силу, создающую нарратив, а под вторым – внешнюю силу, произвольно принудительную по отношению к нему.

Таким образом, понимание социальности как феномена «совместности», события и результата действия по его реконструкции, основанных на общей смысловой перспективе, включенных в упорядоченную цепь коммуникации и образующие устойчивую смысловую структуру – зависит от: качества воссоздания особого специфического поля отношений и связей людей и социальных групп, исторической модели социокультурных, психологических и даже биологических взаимодействий, от уникального социального порядка, составляющего контекст этого факта; методологической релевантности исследовательского подхода, учитывающих особенности intersubъективную смысловую природу исторического факта и сочетающих в своей палитре разные как научные, так и ненаучные познавательные инструменты и приёмы реконструкции исторического факта; ценностного вектора общественного сознания, современного исследователю, формируемого как политическими, так и образовательными институтами, ассимилирующим и транслирующим общественно значимый факт, придающими ему современное значение.

Литература

1. Уайт Хейден // Доманска Эва. Философия истории после постмодернизма. М. «Канон+». 2010. 400 с.
2. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания М.: ИВИ РАН, 2005.

3. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.

Мамардашвили и "Европейская христианская культура", форма анализа и значение

Балаев Н.О.

Пермская государственная фармацевтическая академия, Кафедра философии, старший преподаватель
nbalaev@mail.ru

Аннотация. «Европейская христианская культура», ее значение для дальнейших исследований как природы параллельных культур, так и оснований родимой культуры – формальной структуры феномена «русский мир», об условиях возможности их диалога и сотрудничества.

Ключевые слова: европейская христианская культура, магометанская христианская культура, парадигма, Мамардашвили

Abstract. The essay considers M. Mamardashvili's paradigm "European Christian culture", its place in and meaning for further studies of both the nature of parallel cultures and basics of the native culture - the formal structure of the phenomenon "the Russian world"; conditions of possibility of their dialogue and cooperation.

Keywords: European Christian culture, Mahometan Christian culture, paradigm, Mamardashvili

«Европа» вновь находится в положении... Кого она родит, от кого родит... Дитя «свободы и права» или «кровинки и вождизма» - покажет время. - Или вовсе «кентавра» неопределенности большой Европы... Современник - или здесь философ - лишь может и должен свидетельствовать то, что есть... Что во «внутреннем ее брожении», что «во вторжении извне». И о чем оно свидетельствует...

Вообще, печально, что и эволюция образа жизни Русского Мира происходит под натиском внешней силы, а не как фундаментальная внутренняя необходимость, способной породить подлинные исторические формы, незыблемые законодательные основы и что самое главное - самих незыблемых граждан – перед лицом кого бы и чего бы не было...

Жить без чувства собственной жизни и смерти, без этой трансцендентальной необходимости значить, жить вообще находясь по ту сторону жизни и смерти, по сути, мотая круги бесконечного одичания...

На этом пути исторического самопознания – как общества, так и личности - опыт Мамардашвили (как содержательный так и формальный, методологический, то есть сам язык мышления и описания реальности, различения в нем «истории» от «антиистории», роли «познающего мышления» и незыблемости исторических форм мысли, их последовательности и преемственности и т. д.) имеет фундаментальное значение, задавая тон и стиль историософского рассуждения.

Я, в частности, имею в виду не только язык и содержание его многочисленных интервью «на злобу дня», а скажем, весьма показательную беседу с известным историком Натаном Эйдельманом в которой, помимо всего прочего, расписываются и роли сторон диалога в беседе – «Поскольку ты -- историк, а я -- философ. Я как философ должен быть аисторичен, а ты как историк должен ловить философа на этом».

Думаю, Мерабом Мамардашвили тоже двигала эта историческая сила, эта историческая мысль о том, что не просто нужно взрослеть, пуская эзотерические нюни самости или отсебятины, пуская духовные пузыри, а взрослеть и развиваться посредством исторической формы силы - то есть абсолютно конкретным образом истории. «Европейская христианская культура» и была для него такой исторической формы силы, способной ответить на вопрос: «Возможно ли изменение в мире? Способен ли человек, повязанный причинно-

следственными связями, возвыситься, реализовать в конкретных формах некое бесконечное совершенство?»

Мир изменился, вышел из берегов... И самое главное здесь – увидеть суть действительности, зарю возрождения и развития. Формы, опоясывающие их время, их бытие, их заумное пространство сотрудничества с другими зеркалами мира...

Мераб Мамардашвили, определил ее как «европейскую христианскую культуру». Он, конечно же, дитя истории как таковой, что само по себе ликующее торжество разума, рациональности, понятности как таковой... Дух христианства и европейский формализм, вылившийся в мир по имени «европейская христианская культура». Дитя Европы как мира, как этакое самодостаточного исторического фрагмента...

Как известно, для Мамардашвили «европейская христианская культура»(1) зиждется на двух началах: 1) на «Европе», которая есть «социальная, или гражданская, идея или, если угодно, вера в то, что конкретная социальная форма, конкретное сообщество способно осуществить здесь, в земной жизни, некий бесконечный идеал, что конечная форма может быть носителем бесконечного». То есть как некой универсалии, посредством которой претендент ли сообщество может извлечь бесконечный смысл жизни своим конечным образом. Быть конечным образом бесконечности как некое завершенное начало истории; 2) и на «Европе, которой может быть в Токио, и не быть в Тбилиси или в Москве», – христианский, с ее автономией личности, способной быть олицетворением иного в этом мире, быть парадоксальным единством такой невозможности даже в антимире... Будучи молчаливым примером такой возможности, - пусть иногда, хоть и «жизнью шпиона», как известно.

Если отвлечься от самого содержания определения и оглянуться на природу такого типа мышления, то мы обнаружим, что эта та же естественно-историческая парадигма мышления (парадигма Критицизма), примененная к конкретно-исторической форме реальности, к форме ее осуществляемого существования и праформам превращенности – выродившимся состояниям жизни (состояниям «по ту сторону Добра и Зла» или «третьим состояниям»).

И, конечно, исследователь, вооружившись таким определением, мог бы рассматривать как очаги доморощенного европеизма (что кстати, позволило бы пролить дополнительный свет на разлучное единство «России и Европы»), так и лачуги иностранщины в родной культуре, точнее, инокультурных образований, пытаясь понять первопричину именно их такого образа существования, внутреннюю логику их становления и обнаруживающееся положение вещей сегодня, исходя из того что «нам сегодня с ними жить».

Это касается и взаимоотношений европейской христианской культуры с другими культурами, могущими быть параллельными культурами и потому именно таившими в себе потенциал сотрудничества и развития.

Нас же здесь интересует как значимость этой парадигмы для самоопределения европейца, так и возможность ее применения для постижения и диалога с параллельными культурами между собою, которые сегодня выступают «камнем преткновения» для друг друга (если не врагами). Азбука истории не всем доступно видимо.

Скажем, если оглянуться, с этой высоты прозрения, на соседнюю арабскую культуру (или аврамическую), то и там мы увидим ту же муку борьбы за становления единства. За становления магометанской христианской культуры во времени (Шпенглер называл ее Арабской культурой). Как известно, история осознания себя таковой декларируется уже в Коране. И сам Мухаммад декларируется как завершающая фигура эпохи Единобожия – «печатью пророков».

Неужели исторически аврамический мир не обладал таким потенциальным формализмом, с одной стороны, и подвигом существования посредством этого же формализма, с другой... (в чем тогда суть существования этих четырех школь права - битвы как между собой, так и с тем, что их объединяет...)

Европейская христианская культура как таковая, как способ разрешения вечных вопросов человеческой жизни конечным его образом, посредством его личного усилия во времени и пространстве его личностной протяженности... Разве это чем-то отличается от идеала магометанской христианской культуры...

Таким образом, европейский интеллектуальный опыт, опыт рационалистического анализа и прозрения, в лице Мамардашвили, оглянулся историческим лицом древнего архонта и современного Геракла, и очистил авгиевы конюшни европейской духовности, словно для того, чтобы подтвердить историческую правоту магометанского христианского Послания, теперь уже сугубо в европейском варианте. Парадигмы совпадают и сами за себя свидетельствуют. И о чем свидетельствуют?

Не о том, ли что лютеранская реформация в Европе, это этакое внутреннее, из логики развития Христианского мира вытекающее «магометанство»? Так сказать, своеобразная домашняя копия магометанской реформации всего Аврамического мира, - теперь уже в Европе. И тогда, возможно, становится ясным логика динамики сегодняшних сдвигов – и населения и «ценностей» - как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении – в поисках идентичности родными небесами в чуждых, казалось бы, в культурах-резервациях по сути дела («скоро своих негров линчевать будем» - мог бы сказать католический скептик родимых фантазмагорий) ...

Таким образом «европейская христианская культура» параллельна магометанской христианской культуре во времени, в котором мы различаем как сходство, так и различие исторических образов их жизни, рассматривая в этой параллельности их историческое единство в различии («Единство различных» как говорил Аристотель в таких случаях, понимая и описывая феномен греческого полиса как отдельное историческое явление политического формализма, предопределяющего условия единства граждан именно в силу их различности)

И что таким же образом исторического времени можно параллелизировать диахронию отечественной истории Нельзя ли освободившись от самоопнений относительно, например, возникновения феномена «русского мира», рассматривать такой мир как условие единства различных форм единобожия во времени, как продукт становления единства магометанского христианского единобожия во времени в целом, так и становления самих структурно – исторических форм этого единства отдельно, - христианства с «русской правдой», магометанства с выбранным мазхабом, - как деятельных сил исторического развития, благодаря которым естественный процесс развития достигает своего исторического значения, являя парадоксальные примеры перемен в самых решительных ситуациях. Стирая различия и являя синтетическую силу их единства во времени. Что можно было бы назвать движением или сдвигом русского мира в целом, а не эволюционным круговоротом одного и того же в бесконечности...

Для Мамардашвили «Европа» не готовый сундук поклонения и хранения, ни тем более почитания, - а предмет критики и познания. Онтологический статус формализма, который ею задан, предопределяя силовые линии всякого академизма познания и размышления, диктует и архетип подхода, и историю такого подхода, и невинных жертв и покорителей такой долгой дороги в дюнах, что, разумеется, со временем станет очевидным и, надеюсь, необратимым.

Литература

1. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.1992.С. 311-314.

***Перспективы прогресса правовой культуры
в контексте воссоединения Крыма с Россией весной 2014 года***

Баранецкий А. Н.

ГБОУ УПО ИРО «Институт развития образования г. Севастополя», преподаватель.

Кандидат философских наук

ross60@mail.ru

Аннотация: В докладе рассматриваются два фундамента правовой культуры - «культура насилия над непросвещёнными» и «культура известных устоев». Предполагается, что рабовладению и капитализму присуще первое основание, а феодализму и «посткапитализму» - второе. Отечественная цивилизация трактуется как склонная к заимствованиям, к «ученичеству». Констатируется органическое единство оснований мироотношения севастопольцев, жителей Крыма и России, недопустимость употребления термина «аннексия». Предлагается гипотеза о временной – на 20 или 40 лет – деградации цивилизаций Запада, то есть центров «вестернизации». Предположения обосновываются принципиальной невозможностью линейного прогресса без периодов деградации и чередованием архетипов мироотношения, которые приводят к чередованию основ правовой культуры. Формулируется предположение о том, что «суд истории» может состояться по отношению к центрам колониализма и неоколониализма.

Ключевые слова: архетипы мироотношения, типы правовой культуры, ускорение социального времени, прогресс правовой культуры, одичалость, «суд истории».

Prospects for the progress of legal culture in the context of the reunification of Crimea with Russia in the spring of 2014.

Baranetsky A. N.

*State Autonomous Educational Institution of Professional Education of the city of Sevastopol
"Institute of Education Development"*

Abstract: The report examines two foundations of legal culture - "the culture of violence against the unenlightened" and "the culture of well-known foundations". It is assumed that slavery and capitalism have the first foundation, and feudalism and "post-capitalism" - the second. The domestic civilization is interpreted as prone to borrowing, to "apprenticeship". The organic unity of the foundations of the world relations of Sevastopol residents, residents of Crimea and Russia, the inadmissibility of the use of the term "annexation" is stated. A hypothesis is proposed about the temporary – for 20 or 40 years - degradation of Western civilizations, that is, the centers of "Westernization". The assumptions are justified by the fundamental impossibility of linear progress without periods of degradation and the alternation of archetypes of world relations, which lead to the alternation of the foundations of legal culture. The assumption is formulated that the "court of history" can take place in relation to the centers of colonialism and neocolonialism.

Keywords: archetypes of world relations, types of legal culture, acceleration of social time, progress of legal culture, wildness, "court of history".

Есть положение: «незнание законов не освобождает от ответственности перед законом». Но первобытное и феодальное общество имело традиции с иной крайностью: трудно вообразить себе, чтобы общинники – и те, что зависят от феодала, и те, что жили от палеолита до неолита согласились принимать за общее правило или за «закон» то, что большинство не знает, не понимает, не принимает в свой духовный мир.

Восточные славяне создавали свою государственность не в атмосфере классического рабовладения, а в переходе от союзов племён к «новорождённому» феодальному государству. Такой аспект рассмотрения позволяет сделать ключевые предположения:

а) те державы, в которых преобладают архетипы мироотношения капиталистического или рабовладельческого характера настойчиво культивируют императивы правовой культуры типа «незнание законов не освобождает от ответственности...». Для такого типа правовой культуры не характерен тотальный охват правовым просвещением масс «рабов» или «вольнонаёмных пролетариев».

б) те страны, в которых преобладают архетипы мироотношения первобытных общин или феодальных порядков отличаются повышенным тонусом разных видов трансляции норм в сознание как социума, так и каждой личности [1, 31]. Социализация включает в себя клятвы, уставы, положения, перечни обязанностей того типа, под которыми непременно подписывались (в том числе личной кровью). Тут не может быть законом неизвестное положение. В такой правовой культуре «незнание» иногда бывало если не оправданием, то смягчением вины, но не потому, что не ценят законы. А потому, что даже в эпоху первобытного строя «законом» общины признавали только то, что известно, восславлено, знатно, знаемо, непреложно для разума и души. Тем более это «священно» в Средние века.

В контексте этих гипотез прогресс правовой культуры выглядит как колебательное изменение уровня просвещённости широких слоёв подданных в вопросах правовой культуры. То есть в эпоху рабовладения («Римское право») и в эпоху капитализма нет острой необходимости заботы о знании законов плебсом. Эти типы можно назвать «культура насилия над непросвещёнными». На таком фоне индивидуализм политиков доведён до нарциссизма в дискурсе «мейнстрима». Такой нарциссизм в социально-политической мысли исследовали Маклаков А.О., Шевченко А.К. в труде «Непристойные наслаждения» [см. 3].

В эпоху феодализма правовые нормы стремятся доводить почти до каждого верующего, до каждого труженика, до каждого воина. Это культура доминирования широко известного и настойчивого внушаемого устоявшегося правового порядка. Насилие в таком социуме является священнодействием и имеет заведомо известную форму. Но «новый» «закон» или произвол встретят то или иное отторжение.

Такую правовую культуру можно назвать «культура известных устоев».

Можно рассмотреть прогресс правовой культуры как циклический (и в известном смысле маятниковый) процесс (и прогресс) переходов от «культуры известных устоев» к «культуре насилия над непросвещёнными» и обратно на новом витке глобальной истории. А деградация или взлёт цивилизаций не всегда зависит и не всегда совпадёт с этим циклом.

Геополитические инициативы англосаксов на фоне такого понимания – типичны для капиталистов и рабовладельцев. Если большому народу будут навязывать, то мироотношение, которое ему тысячу лет было чуждо, то социум будет переживать это как насилие.

Жители Крыма и Севастополя – это те восточные славяне, для которых органично и естественно бытие в «культуре известных устоев». Кто-то в восторге от романтики колонизации далёких земель и покорения диких аборигенов. Но для нас было очевидно, что мы сами – не дикие аборигены, образования у среднестатистического жителя Севастополя и Крыма не меньше, чем у «среднего» англичанина, у «среднего» жителя США.

Абстрактная гипотеза: если моих соотечественников оскорбляет использование термина «АННЕКСИЯ» по отношению к крымскому референдуму 16 марта 2014 года, то рано или поздно суды призовут к ответу «обвинителей» «в аннексии», начнут взыскивать и наказывать за это оскорбление; как-то – например – приличные штрафы за каждый акт публичного употребления термина «АННЕКСИЯ» в наш адрес.

То есть, налицо именно «личностное знание» (в понятии М. Полани) [см. 4]. того, что миллионы оскорблений со стороны СМИ стран НАТО для севастопольцев есть доказательство одичалости Запада.

Сегодня правовое сознание беспомощно перед тем вандализмом, который приходит из Западной Европы и США. Как это ни парадоксально – именно их (т.н. «коллективного Запада») попытка соединить суд истории и международное юридическое правосудие в признании «преступлений СССР» потерпит фиаско именно в силу надуманности, необоснованности (хотя СМИ вершат свой суд). А вот по отношению к самим «центрам вестернизации», гипотетически говоря, может сработать именно предлагаемый синтез суда истории и суда юридически-правового.

При каких обстоятельствах это может произойти? В случае наложения периода деградации цивилизаций Запада на период такого усиления антизападных центров силы на планете, при котором цикл «насилия над непросвещёнными» будет детерминировать прогресс правовой культуры международного уровня. Скоро ли такое возможно?

Мы наблюдаем воочию процессы ускорения социального времени.

Это нарастающие темы изменений. Наиболее известные проявления ускорения социального времени – информационный взрыв, демографический взрыв, НТР, НТП. Все типы культуры под давлением ускорения социального времени начинают ускоренно обновляться. Поэтому и чередование фундаментальных основ правовой культуры – переходы от культуры «известных устоев» к «культуре насилия над непросвещёнными» могут уже чередоваться не через тысячи лет и столетия, как ранее, а через 40, а потом и 20 лет. Это ритм смены господствующих парадигм по работе Т. Куна. [см. 2].

Значительно длиннее по времени – интервалы господства геополитических центров доминирования. Европоцентризм высшей школы в России сильно искажает для нашего общества объективные тренды всемирной истории. Мы не привыкли видеть Западную Европу «не просвещённой», «не доминирующей», «не прогрессивной». Хотя симптоматичные факты в учебниках сохранены: например – феодальная раздробленность преодолена Русью в XVI веке, а в Италии и Германии в веке XIX – на три века позже. Но у отечественных педагогов высшей школы чаще всего «язык не поворачивается» видеть в этом обоснование геополитического отставания Запада от России. Если бы экономическое могущество и технический прогресс были критерием социального прогресса, то Вавилон, Персия и Египет, а не Эллада были бы интереснее «прогрессивному» историку.

Но в контексте поиска объективных и генеральных закономерностей вовсе не будет натянутым предположение о применении правовой «культуры насилия над непросвещёнными» в будущем именно по отношению к нынешним странам НАТО.

У международного правосудия будет свой прогресс вне «вестерна».

«Вчера» - на грани XX и XXI веков «культуру насилия над «непросвещёнными» применяли страны НАТО, (особо симптоматична бомбёжка Белграда). Это преступление со сроком давности или без?

В истории бывали столетия отношения к европейцам как к варварам со стороны Рима, китайцев или арабов.

В контексте всемирной истории регион НАТО не исключён как периферия.

Одна из главных особенностей российской культуры, правовой культуры в том, о чём редко пишут: наше отечество – это во-многом «ученическая» цивилизация, склонная к заимствованиям. Русь училась и у Византии, и у Золотой Орды. Затем Петр заставил учиться, а в СССР учили европейский марксизм, 90-е годы XX века – опять откровенное стремление перенимать порядки Запада. Заимствования в правовой культуре шли вслед общекультурным. Поэтому есть основания полагать, что наше общество – одно из тех немногих, что приучились и к одному, и к иному типу правовой культуры, учиться и тому, и иному.

Почему «новыми непросвещёнными» окажутся именно центры вестернизации?

Потому что линейный прогресс невозможен и оттягивание спада чревато его глубиной.

И как долго это может быть? Интервал можно прогнозировать по Куну.

Т.е. Запад окажется бессильным на 20 или 40 лет. «Суд истории» (и СМИ будущего) припомнят, к примеру, массив преступлений т.н. «колониальных войн».

Будущее – рано или поздно – дорабатывает недоработанное.

Что «недоработано»?

«Правовая культура» планеты пока что не видит геноцида народа СССР в 1941-1945.

Тем более это касается отчуждения личной жизни у интернет-потребителей теми развлечениями, которые носят психоделический характер и привели к тотальной инфантилизации; это зло не пресекается юридически. Бесцеремонное отторжение личного времени жизни у человека, навязыванием рыночных интересов сегодня – не уголовное преступление, вообще не преступление.

Но время – это самое ценное что есть у людей (особенно у детей), отнять время – это значит укоротить жизнь, в сущности – это разновидность убийства.

Философы могут проверить: не ползучий ли эмпиризм царит в науках о финансах, то же самое можно спросить про кадровые технологии.

Главное предположение: правовая культура человечества сегодня – следствие острых конфликтов, она создавалась вне социологического обоснования актуальности нормативных актов. Скорее всего, законодатели зависят от прикладного уровня наук и эмпиризма.

Закон ускорения социального времени может привести к такому бурному обновлению геополитического ландшафта, что у большинства нынешних политиков среднего возраста есть шанс дожить до совершенно непривычной юридически-правовой культуры. Международное право не будет вечно насилуваться вердиктами одичавших режимов Запада.

Литература

1. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: «Рарогъ», 1993. 235 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: «Прогресс». 1977. 300 с.
3. Маклаков А.О., Шевченко А.К. Непристойные наслаждения. Киев.: СПД Моляр С., 2010. 412 с.
4. Полани М. Личностное знание. М.: «Прогресс», 1985. 344 с.

Историческая память как основание российской национальной идентичности: социологическое измерение

Бараш Р. Э.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, ведущий научный сотрудник. Кандидат политических наук
raisabarash@gmail.com

Аннотация: Обращаясь к социологическим данным, автор исследует особенности коллективной идентичности и исторической памяти современного российского общества. Ставя перед собою задачу изучить влияние цифровизации как предпосылки тиражирования объективного и более полного исторического знания на коллективную память и национальный нарратив, автор, обращаясь к методу анализа данных общероссийского социологического опроса, резюмирует увеличивающееся влияние семейной памяти на восприятие национальной истории. «Очеловечивание» некогда казенного исторического прошлого через призму более пристального исследования судеб близких и родных не только обуславливает больший интерес многих современников к отечественной истории, но и задаёт тренд на деидеологизации национальной памяти как залог сохранения коммуникативного единства общества.

Ключевые слова: идентичность, историческая память, коммуникация, история

Collective Identity and Historical Memory as the Basis of the National Mythology of Russia's Society: the Sociological Dimension. **Barash Raisa Ed.**

Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Applying to the sociological data, the authors reveal a specific propensity for collective sensitivity and exposure to the influence of the contemporary Russian society. The special attention in the article is paid towards the digitalization as a prerequisite for replicating an objective and more complete knowledge of collective memory and national narrative. It is noted that the increasing influence of the family memory on the perception of national history and the “humanization” of the once official historical past also determined the trend for the de-ideologization of national memory as a guarantee of maintaining the communicative unity of society.

Keywords: identity, historical memory, communication, history

¹ Коллективная идентичность крупных национальных сообществ модерна, особенно локализованных на обширных территориях и пытающих объединить в рамках единого национально-гражданского дискурса несколько культурных традиций, в значительной степени фундирована исторической памятью нации, солидарной коммеморацией значимых вех национальной истории. Консенсус или конструктивная дискуссионность при оценке предшествующих исторических эпох, поиск исторических и, соответственно, ценностных оснований национальной мифологии задают событийные основания «воображения» современных мультикультурных сообществ (а таковыми, если не в этнокультурном, то в социально-повседневном смысле являются любые современные сообщества).

Серьезное влияние на восприятие национальной истории и исторической памяти оказывает и цифровизация, прежде всего, расширение аудитории социальных медиа,

¹ Исследование выполнено в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг. (Поручение Президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020 г.) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). Проект «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности»

создающих условия как для широкого доступа пользователей к многообразной информации, в том числе исторической или архивной, так и для тесной коммуникации по любым темам пространственно разрозненных пользователей. Если в конце XX вв. Бенедикт Андерсен писал о том, что всеобщее книгопечатание и печатный капитализм открыли для быстро растущего числа людей возможность осознать самих себя и связать себя с другими людьми посредством общей национальной мифологии и идентичности [Андерсон 2001, 59], то в эпоху глобальной цифровизации более популярными, чем «крупные» коммуникативно слабо связанные национальные проекты, оказались локальные идентичности и тематические сообщества, сопряженные «сильными связями» регулярной коммуникации. Вызовы современного мира своеобразия нередко порождают актуализацию у представителей отдельных этнокультурных групп интереса к своеобразной идентичности, в том числе через поддержку соответствующих политических проектов, посвященных представлению/защите субъектности локальных групп, что может служить катализатором центробежных настроений в рамках «больших» политических наций.

И это заметно способствует «завязанности» индивидуальной исторической памяти на коллективно разделяемые представления и мифологемы о событиях прошлого [Хальбвак 2007, 115]. Как и персональное восприятие исторических событий, индивидуальная память формируется и даже «санкционируется» общественными «рамками памяти» [Halbwachs 2007], постепенной стереотипизирующими персональное восприятие истории. Однако содержательное наполнение исторической памяти, сформированной «социальными рамками» и задающей представления об истории сообщества, прямо обусловлена актуальной персональной идентичностью, с тем, с какой группой, сообществом, нарративом себя ассоциируют и идентифицируют люди. Так, все сильнее на восприятие национальной истории людьми по всему миру влияет их семейная память, интерпретирующая исторический нарратив не через казенный про-государственный национальный дискурс как череду периодов различной степени значимости и сложности, но сохраняя и выделяя наиболее значимые, для семьи, личности или некоторой группы события, связывая их воедино в рамках некоторой логики «блага» семьи или группы, вплетая ряд событий в общее «историческое тело» персонифицированной жизни и судьбы. Коллективная память, в отличие от официальной истории и хронологии, находится в непрерывном развитии: исторические образы памяти существуют как некоторые «облачные хранилища», внутренне четко не структурированные и не всегда строго разделенные хронологически или событийно, память всегда переплетает прошлое с настоящим, интерпретирует, трактует одно в связи с другим. И коллективная, и индивидуальная историческая память, представляет группе ее собственный образ, развертываемый в пространстве и времени, так что группа всегда узнает себя в сменяющих друг друга картинах прошлого. Коллективная память удостоверяет, что группа остается одинаковой, изменения контекста не меняют ее фундаментальные черты. Вместе с тем угасание регулярной социальной памяти о тех или иных исторических событиях или периодах способствует росту интереса к фактическому и ценностному наполнению национальной истории [Halbwachs 2005, 22-23].

Оценивая коллективную идентичность и историческую память российского общества через методологическую рамку идей М. Хальбвакса о социальной детерминированности исторического знания, можно заметить, что коллективная память россиян далеко не последовательна и весьма неоднородна. Воспоминания о периоде 1990-х гг. вытесняются, а период современности воспринимается как успешная компенсация потерянного после распада СССР благополучия. Сама же советская эпоха не только музеифицируется, обрастая мифами, но и часто превращается в единственный источник представлений об атрибутах коллективной общности и связи не только поколений, но и представителей современности.

Вместе с тем, на историческую память российского общества оказывают влияния и глобальные тенденции повсеместного пересмотра национальных нарративов исторической памяти. Это происходит как по причине конца «эпохи очевидцев», которые ранее «играли роль посредников, служили мостом между историей как личным опытом и просто

дидактическим материалом» [Асман 2016, 9], вследствие чего новое поколение все чаще перенимает на себя «интерпретационные полномочия», заявляя о себе собственными представлениями, эмоциями, идеями, ценностями и концепциями. Так и потому, что повсеместная цифровизация, в том числе архивных и исторических сведений, позволяет более объективно и даже критически оценить прошлое.

Дискуссии о динамике коллективной идентичности россиян оживленно ведутся на протяжении всего постсоветского периода. К сегодняшнему дню отечественными исследователями обозначен ряд значимых особенностей складывания исторической памяти и формирования национальной и гражданской идентичности в России. Так, по мнению Л.М. Дробижевой, для понимания специфики формирования коллективной идентичности россиян необходимо исходить из соотнесения личности с группой, представлений о группе, социальных механизмах самоопределения индивидов в многообразных группах: «Каждая из них включает в себя индивидуальную и коллективную идентичности разного масштаба и содержания [Дробижева 2003].

Данные социологического исследования, реализованного ФНИСЦ РАН в сентябре 2020 г., позволяют сделать вывод о в целом возрастающем интересе граждан к семейной истории. Семейная история, раскрывающаяся прошлое более подробно и эмоционально, всё активнее влияет на восприятие россиянами исторического нарратива, определяет исторические и ценностные основания гражданской идентичности. Интерес к истории страны прямо связан с интересом к истории семьи, и прямо коррелирует с вовлеченностью граждан в социальные медиа: цифровизация создаёт благоприятные условия для поиска более объективных и полных исторических фактов не только об истории собственной семьи, но и об национальном прошлом. Вместе с реконструкцией семейной истории нередко воссоздается и более объективное знание о национальном историческом нарративе.

Во многом именно поэтому многие россияне часто соглашаются, что историческое знание во многом субъективно и не относится к разряду вечных истин: 39% респондентов соглашаются с тем, что оценки исторических личностей и событий с течением времени могут меняться. Одновременно в российском обществе преобладает запрос на консенсусную интерпретацию национального прошлого: около 50% опрошенных граждан говорят о необходимости единообразия оценок основных событий отечественной истории. Несмотря на активный интерес к поиску достоверного исторического знания, россияне далеки от интенции исторической деконструкции: большинство граждан поддерживают не только традиционные оценки прошлого страны, но находят основные поводы для национальной гордости преимущественно в советском прошлом. Победа советского народа в Великой отечественной войне и послевоенное восстановление страны, выдающиеся сограждане, достигшие выдающихся результатов в спорте и культуре и искусстве, полет Ю.А. Гагарина в Космос чаще всего вызывают у современников чувства гордости и национального энтузиазма. Тогда как отечественная история Новейшего времени, связанные с разрушением советской и становлением новой российской государственности (гласность, перестройка, ликвидация «железного занавеса») кажутся достойными поводами для национальной гордости буквально единица (2-3%).

Все возрастающий, благодаря цифровизации, объем фактического, содержательного наполнения исторического знания, одновременно ощущение патовости «клинча» двух актуальных запросов общества: на историческую достоверность и объединяющее национальное начало для сложно исторически, социально и культурно устроенного российского общества, питает нарастающий в массовом сознании тренд на деидеологизацию истории, прежде всего в отношении снижении остроты противостояния советских и антисоветских версий интерпретации отечественной истории.

Литература:

Anderson B. Imagined Communities. M.: Canon-Press-C. Kuchkovo Pole. 2001. 288 p. (In Russian)

Halbwachs M. Social framework of memory. - M.: New publishing house, 2007. 348 p. (In Russian)

Halbwachs M. Collective and historical memory. Emergency ration. 2005. No. 2-3 (40-41). Pp.8-28. (In Russian)

Assman A. New dissatisfaction with memorial culture. - M.: New literary review, 2016. 232 p. (In Russian)

Drobizheva L.M. Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia. – M.: IS RAN, 2003. 376 p. (In Russian)

Критическое мышление и медицина

Барбашина Э.В.

*Новосибирский государственный медицинский университет, заведующая кафедрой философии Института философии и права СО РАН, профессор. Доктор философских наук
linaba@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена обоснованию необходимости критического мышления в современной медицине, а именно – в медицинской деятельности, в процессе обучения в области медицины, а также – во взаимоотношениях врача и пациента. Ориентация на доказательную медицину как на основную парадигму современной медицины за рубежом основывается на применении критического мышления во всех областях медицинской деятельности. Обучение, ориентированное на формирование и развитие критического мышления, является более продуктивным с учетом нестандартных высокотехнологичных задач современной медицины, процессом хроникализации болезни, по сравнению с традиционным. Особую роль играет освоения навыков критического мышления пациентами с учетом актуализация одного из принципов биомедицинской этики – принципа автономии пациента.

Ключевые слова: критическое мышление, медицинская деятельность, доказательная медицина, медицинское образование, принцип автономии пациента.

Critical Thinking and Medicine.

Barbashina E.V.

Novosibirsk State Medical University. Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is devoted to the substantiation of the need of critical thinking in modern medicine, namely in medical professional activity, in the process of education in the field of medicine, and in the relationship between a doctor and a patient. The focus on evidence-based medicine as the main paradigm of modern medicine abroad is based on the application of critical thinking in all areas of medical activity. Education based on the formation and development of critical thinking is more productive in connection with non-standard high-tech tasks of modern medicine, the process of chronicity of the disease. A special role the development of critical thinking plays in relation between doctor and patient with actualization of one of the principles of biomedical ethics - the principles of patient's autonomy.

Keywords: critical thinking, medical professional activity, evidence-based medicine, medical education, principle of patient's autonomy.

Необходимость применения критического мышления в медицине наиболее явно проявляется в трех областях: профессиональной медицинской деятельности; обучении и повышении квалификации; а также – во взаимоотношениях с пациентом.

Признание значимости критического мышления в медицине в начале 80-х годов прошлого века происходит во многом благодаря работам таких авторов, как R. Alfaro-LeFevre, R. Ennis, N. Facione, A. Fisher, P. Norris, R. Paul, M. Scriven. За сравнительно короткий срок произошел переход от теоретического обоснования и необходимости критического мышления в медицине к конкретным практическим рекомендациям, разработанным и апробированным методикам формирования критического мышления, способам верификации и определения уровня критического мышления у медицинских работников (например, Watson-Glaser Critical Thinking Appraisal (W-GCTA) in medicine).

Практически все виды медицинской деятельности (оказание медицинской помощи, санитарно-эпидемические мероприятия, профилактическая деятельность, медицинские

осмотры и медицинские освидетельствования) [1] предполагают систематизацию данных, анализ информации, умения использовать в рассуждениях аргументы разного типа, оценивать аргументацию оппонентов. Другими словами, речь идет о необходимости определения проблемы, анализа способов ее решения и выбора оптимального решения в конкретных обстоятельствах. Как показывают многочисленные исследования, уровень решения медицинских проблем зависит не только от уровня профессиональных знаний, но и от процесса решения [2, 3] и рефлексии. Например, овладение одним из элементов критического мышления – анализом – способствует определению значимости элементов, конкретных ситуаций, отдельных смыслов пациента, повышает умение определять возможную и фактическую связь между вопросами, суждениями, а также дифференцировать проблему, аргументы и т.д. [4].

Значимость критического мышления в области медицинской деятельности возрастает в связи с тем, что основной парадигмой современной медицины является доказательная медицина (evidence-based Medicine, в русскоязычной литературе употребляются тождественные понятия: медицина, основанная на (научных) доказательствах или научно-доказательная медицина). Она понимается как совокупность доказанных и многократно проверенных результатов клинических исследований, индивидуального врачебного опыта и ценностей, интересов конкретного пациента [5, 6]. Несмотря на имеющиеся возражения против доказательной медицины [6] именно она является стандартом современности так как основывается на многократно проверенных научно обоснованных данных, а не на традициях, рекомендациях, или, как вариант, информации рекламного характера.

Важное различие в понимании доказательной медицины связано с тем, что в англоязычной литературе обязательным элементом является учет интересов, ценностей, жизненных стратегий и ориентаций пациента. В русскоязычной литературе упоминание о пациенте, как правило, отсутствует. Это принципиально, так как цель применения и внедрения доказательной медицины заключается в определении наилучшего варианта лечения или ухода за пациентом.

Вторая область взаимодействия критического мышления и медицины – медицинское образование, переподготовка и повышение квалификации. Основной целью выступает подготовка студентов, ординаторов, медицинских сестер к профессиональной деятельности. Однако в связи с высоким уровнем развития высокотехнологичной медицины в последние десятилетия большое внимание уделяется повышению квалификации врачей, их профессиональной подготовке.

Обучающийся условно проходит ряд ступеней овладения критическим мышлением в рамках медицинского обучения: нерефлексивная, начальная, практическая, стадия продвинутого критического мышления, стадия высокого критического мышления. Каждый этап характеризуется по трем показателям: контекст мышления, характеристики мышления, навыки мышления.

На первом этапе, на нерефлексивной стадии, обучающийся не способен осуществлять рефлекссию, анализировать мыслительные процессы, не владеет информацией об элементарных мыслительных операциях. Его мышление характеризуется фиксацией на имеющихся знаниях, убеждениях, сформировавшихся оценках. Отсутствует способность к пониманию многозначности, многозадачности, не сформирована готовность овладевать новыми знаниями. Основными навыками является воспроизводство имеющегося алгоритма медицинских процедур вне зависимости от изменившихся условий. Преобладает единый (заученный подход) подход к решению проблем, основанный как правило на простейших, базовых операциях, например, запоминание.

Пятый уровень, стадия высокого критического мышления, характеризуется не только владением различными мыслительными операциями, знанием когнитивных теорий, но и тем, что процесс мышления «находится под контролем», трансформируется в зависимости от обстоятельств, целей, проблемы. Другими словами, происходит осознанная трансформация когнитивных стратегий и практических действий в решении проблемы. Мышление

характеризуется вариативностью и стремлением выбора наилучшей стратегии решения проблемы, своей либо оппонента. Обязательным является готовность признать собственные ошибки, недочеты и предубеждения. Меняется отношение к неопределенности и временной нерешенности проблемы с негативного на нейтральное или позитивное. Неопределенность воспринимается как способ дальнейшего оптимального решения, выхода из «коридора мышления», как возможности нахождения новых, нестандартных способов решения проблемы.

Наряду со стандартными и зарекомендовавшими способами освоения критического мышления [7], которые являются базовыми и необходимым, в последние десятилетия развиваются новые эффективные способы: ведение «журнала рефлексий» [8,9,10,11], ролевая рефлексия, «журнальные» дискуссии. Журнал рефлексий пишется на основе собственного опыта решения профессиональных задач [12], своих рассуждений в процессе принятия и исполнения решений, а также своих мыслей, ощущений после проделанной работы. Письменное «проговаривание» проделанной работы помогает зафиксировать основания, по которым принимается то или иное решение, сомнения, которые возникают в процессе принятия решения и, соответственно то, что является причиной этих сомнений, причины и условия, в которых принимается решение и т.д. Возможным вариантом усиления данной технологии развития критического мышления является соединение «журнала рефлексий» с теоретическими наработками и практическим опытом других [13]. Применение данной технологии привело повышению уровня критического мышления, а именно: повысились количественные показатели по генерации гипотез, выведения следствий из гипотез, сравнительному анализу, фиксации образов и расшифровке символов [11].

Ролевое моделирование основывается на рефлексии преподавателей. Безусловно, профессиональные знания, умения и навыки являются неотъемлемой характеристикой преподавателей [14]. Однако их влияние на обучаемых осуществляется самим процессом преподавания и передачи знаний. Продуктивным для развития критического мышления является способность преподавателя анализировать собственный процесс преподавания, стиль преподавания и коммуникации. Задача преподавателя создать среду для развития критического мышления студентов и практикующих медсестер, проходящих обучение, катализировать самостоятельность и независимость, опирающуюся на проверенные данные и собственный клинический опыт [15]. Одним из возможных путей является открытый анализ и проговаривание преподавателем что, как и почему он делает в плане педагогического обучения, публичный анализ методов, приемов обучения, признание недочетов и, естественно, достижений. Данный метод способствует пониманию очень важной характеристики критического мышления – готовность признать собственные ошибки и открытость к исправлению их, коррекции, улучшению. Данный метод работает против традиционализма и ригидности.

Следующая технология, позволяющая повысить уровень критического мышления, - неформальные дискуссии. Суть этого метода в том, что коллеги на основе собственного опыта, имеющего ограниченное применение, коллеги-единомышленники, представители той или иной группы, сформированной по интересу, месту работы, исследуемой проблем, встречаются для неформального обсуждения. Несмотря на возникающие трудности технического порядка и организационного порядка, данный метод является также, как и предыдущие результативным [16, 17].

Третья область, в которой в последние десятилетия резко возросла значимость критического мышления – это сфера взаимодействия врачей, медицинских работников с пациентами. В более общем плане взаимоотношения с пациентом относятся к этико-коммуникационной сфере, в которую вовлечены врачи, средний медицинский персонал, пациенты, их родственники, представители общественности, психологи, юристы, представители средств массовой коммуникации и другие.

Отказ от однозначного доминирования патерналистской парадигмы во взаимоотношениях врач-пациент, актуализация принципа автономии пациента – все это,

проводит к необходимости формирования навыков критического мышления у пациента [18] Принципиально важно, что решение пациентом должно быть принято на основе рациональной аргументации и в соответствии со своими жизненными планами. Врач должен исключить все виды манипуляции, принуждения и предоставить пациенту исчерпывающую информацию о последствиях возможных вариантов лечения.

В современном мире критическое мышление является необходимым элементом профессиональной деятельности врача, обязательной составляющей процесса обучения, подготовки, повышения квалификации медицинских работников, а также является обязательной характеристикой коммуникации врач – пациент.

Литература

1. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 13.01.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020), статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе
URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3e7a/.
2. Elstein A.S., Shulman L.S., Sprafka S.A. Medical problem solving: an analysis of clinical reasoning // *Science Technology Human Values*. 1978. Vol. 3. P. 50–51.
3. Charlin B., Henny P.A., Custers E.J. Scripts and clinical reasoning // *Med Education*. 2007. Vol. 41. P. 1178–1184.
4. Facione N. C. Critical thinking assessment in nursing education programs: An aggregate data analysis. Millbrae: The California Academic Press. 1997.
5. McColl A., Smith H., White P., Field J. General practitioner’s perceptions of the route to evidence based medicine: a questionnaire survey // *BMJ*. 1998. Vol. 316. P. 361–365.
6. Sackett D.L., Rosenberg W.M., Gray J.A., Haynes R.B., Richardson W.S. Evidence based medicine: what it is and what it isn’t // *BMJ*. 1996. Vol. 312. P. 71–73.
7. Jenicek M., Hitchcock D. Evidence-based Practice: Logic and Critical Thinking in Medicine. Chicago: AMA Press, 2004.
8. Baker C. R. Reflective learning: A teaching strategy for critical thinking. *Journal of Nursing Education*. 1996. Vol. 35. P. 19–22.
9. Browne M. N., Keeley S. M. Asking the right questions—A guide to critical thinking. 4th ed. New Jersey: Prentice Hall. 1994.
10. Sedlak C. A. Critical thinking of beginning baccalaureate nursing students during the first clinical course. *Journal of Nursing Education*. 1994. Vol. 36. P. 11–18.
11. Fonteyn M. E., & Cahill M. The use of clinical logs to improve nursing students’ metacognition: A pilot study // *Journal of Advanced Nursing*. 1998. Vol. 28. P. 149–
12. Price A. Encouraging reflection and critical thinking in practice // *Nursing Standard*. 2004. Vol. 18. P. 46–52.
13. Taylor B. Technical reflection for improving nursing and midwifery procedures using critical thinking in evidence based practice // *Contemporary Nurse*. 2004. Vol. 13. P. 281–287.
14. Erickson-Owens D. A., Powell Kennedy H. Fostering evidence-based care in clinical teaching // *Journal of Midwifery & Women’s Health*. 2004. Vol. 46. P. 137–145.
15. Dickerson P. S. Nurturing critical thinkers // *Journal of Continuing Education in Nursing*. 2005. Vol. 36. P. 68–72.
16. Kessenich C. R., Guyatt G. H., DiCenso A. Teaching nursing students evidence-based nursing // *Nurse Educator*. 1997. Vol. 22. P. 25–29.
17. Koziol-McLain J., Tanabe P. Reviewing the research literature: You don’t have to do it alone // *Journal of Emergency Nursing*. 1996. Vol. 22. P. 352–359.
18. Барбашина Э.В. Принцип автономии пациента: возможное и действительное // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2019. № 449. С. 64-70. DOI: 10.17223/15617793/449/8

***Еда и питание в современном обществе:
социально-философский анализ некоторых тенденций***

Баринов Д.Н.

Смоленский государственный университет, профессор кафедры социологии, философии и работы с молодежью. Доктор философских наук
novalenso@mail.ru

Соркин А.В.

Смоленский государственный университет, аспирант 2 года обучения социологического факультета, направления подготовки «Философия, этика и религиоведение (Социальная философия)»
sorkin.aleksey@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается социально-философский анализ некоторых тенденций развития еды и питания в современном обществе. Еда рассматривается как воплощение диалектического единства глобального и локального, как медиум, посредством которого этносоциокультурное пространство может не только воспроизводиться в виде кулинарно-гастрономических норм, практик производства и потребления пищи, но и нивелироваться под воздействием мировых тенденций развлекательно-пищевой индустрии. Коммерциализация поставленной на индустриальную основу мировой системы питания ведет к виртуализации еды, одним из последствий которой можно считать угрозу жизни и здоровью людей. Отмечается тенденция к утрате ценности еды и питания как средства воспроизводства социальных связей между индивидами и группами. Данная функция еды элиминируется под воздействием увеличения скорости развития социальных явлений, стандартизации производства и потребления пищи в системе «дешевой еды».

Ключевые слова: философия еды, питание, пищевые практики, макдональдизация, виртуализация пищи, глобализация.

***Food and Eating in the Modern Society:
Social and Philosophical Analysis of Certain Trends.***
Barinov D.N.; Sorkin A.V.

Smolensk State University - Department of sociology, philosophy and youth work of the Sociological faculty; Sociological faculty

Article seeks to provide the social and philosophical analysis of certain trends in development of food and eating in modern society. Food is seen as the embodiment of dialectical unity of global and local, as medium, by means of which ethnic, social and cultural space can be not only reproduced in the form of culinary-gastronomic norms, practises of production and consumption of food, but be leveled out under the influence of world tendencies in entertainment-food industry. Commercialization of the world system of nutrition provided on the industrial basis leads to food virtualization, threat to people's lives and health can be considered as one of consequences of it. There is tendency towards loss of value of food and eating as tool for the reproduction of social bonds between individuals and groups. This function of food is eliminated under the influence of speed of social phenomena's development growth, production and consumption of food in the system of «cheap food» standartization.

Keywords: food philosophy, nutrition, food practices, mcdonaldization, food virtualization, globalization.

Для современной социально-философской мысли, в свое время отказавшейся от доминирования претендовавшего на всеобщность «великого нарратива» – исторического материализма, характерен поиск не только некой новой парадигмы или парадигм,

посредством которых можно было бы выстраивать концептуальные основания той или иной философской теории, но и поиск новой тематики и проблематики. К числу такой тематики, на наш взгляд, можно причислить и тему еды и питания. Нельзя сказать, что вопросы питания, производства пищи, его функционального значения в жизни человека и общества не волновали философскую мысль. Однако, если не считать глобальной продовольственной проблемы, то, по сути, тема еды оставалась так сказать на периферии философских интересов, в тени проблем онтологии и гносеологии, духовной жизни общества, смысла жизни человека, смысла истории и т.д. Между тем в современных условиях применения достижений химии и генной инженерии в промышленном производстве продуктов питания, денатурализации и виртуализации пищи по-новому может восприниматься вульгарно-материалистический тезис о том, что человек есть то, что он ест. В связи с этим, полагаем, было бы целесообразно наметить контуры социально-философского подхода к осмыслению еды как социального феномена.

При ближайшем рассмотрении сущности феномена еды следует признать пищу совокупностью питательных веществ, используемых человеком для поддержания жизненных сил и продолжения биологической жизни. В то же время следует признать, что еда включена в систему общественных отношений. Уже Платон в своем утопическом проекте указывал на то, что производство продуктов питания является необходимым элементом разделения труда в идеальном государстве.

Стремление к удовлетворению биологической потребности в получении пищи было тем фактором, который способствовал развитию социальности, социальной интеграции, кооперации, культуры на ранних стадиях развития общества. В связи с этим нельзя не упомянуть таких мыслителей, как Ибн Халдун, К. Маркс, Л. Уорд, рассматривавших отношения по поводу производства продуктов питания в качестве источника развития системы общественных отношений, общества в целом. Так, в частности, Ибн Халдун полагал, что объединение людей в социум происходит с целью совместного поиска средств пропитания. Благодаря данным связям формируется социальная солидарность – чувство принадлежности к социальной группе [1, с. 211]. Л. Уорд полагал, что голод стал источником развития таких социальных явлений, как труд и обман. Наконец, марксистская теория базировалась на идее о первичности материальных потребностей. Напомним хорошо известную мысль о том, что сначала человек должен есть, пить, одеваться, строить жилище и лишь потом заниматься политикой, наукой, моралью и т.д.

Еду можно рассматривать как часть ценностно-нормативной системы общества, которая выполняет социализирующую роль. Участвуя в коллективных практиках питания, употребляя в пищу традиционные для данной культуры блюда, человек одновременно с этим усваивает укоренившиеся в обществе социальные нормы, традиции, культурные образцы, запреты. Поддержание норм питания осуществляется через механизмы общественного контроля – одобрение или порицание пищевых практик индивидов или групп. Неодобрение зачастую ведет к стигматизации пищевого поведения, одним из регуляторов которого выступают диеты. Последние в качестве социокультурных конструктов связаны с представлениями о телесности, здоровье, с религиозными верованиями, модой. Важно отметить, что диеты выступают фактором достижения социальной успешности. Превращение тела посредством спорта и диет в физически и, как следствие, социально привлекательный образ является одной из тенденций современного общества. Поэтому диету можно рассматривать как способ контроля не только телесности, здоровья, но и в целом социальной деятельности индивидов. Здесь проявляется и знаково-символьная функция еды – она становится носителем определенных смыслов и значений, характерных для того или иного общества, той или иной национальной культуры, наряду с этносоциокультурными нормами.

Однако, в современном глобальном мире с его тенденциями к социокультурной унификации, размыванию этнокультурной идентичности еда может рассматриваться не только как средство, цементирующее этносоциокультурное пространство общества, но и как

инструмент его деформации. Насколько традиции питания сохраняться в условиях глобализации? С одной стороны, «макдональдизация» (Дж. Ритцер) становится процессом, ведущим к унификации в сфере общественного питания, к аннигиляции национальных кулинарных традиций [2]. С другой, скажем, в российском обществе после периода «знакомства» с зарубежными образцами пищи произошел разворот в сторону национальной кухни, что подтверждается и современными социологическими исследованиями.

Этот разворот учитывается и рыночной экономикой. Появление в названиях продуктов питания («Тот самый чай», «Колбаса как раньше»), возвращение прежних (советских) упаковок и этикеток свидетельствует о том, что маркетологи чутко реагируют на потребности и запросы общества в отношении еды и питания. Эти тенденции сопрягаются с диалектикой глобального и локального, характерного для современного мира. Универсальные (в силу проникновения в разные страны) практики питания начинают ориентироваться на локальные традиции, установки, ценности. Например, даже такой гигант индустрии быстрого питания как «Макдональдс» в своей рекламе порой демонстрирует узнаваемые российскому потребителю элементы «родной», национальной культуры.

Тот факт, что маркетологи используют элементы национальной культуры в целях увеличения продаж своего продукту вовсе не означает, что сам этот продукт остается исконно национальным и традиционным. Упаковка в национальные одежды служит исключительно коммерческим целям – увеличению рентабельности. В связи с этим можно выделить еще одну современную тенденцию развития системы питания – это виртуализация еды. С. Жижек, характеризуя виртуальность реального в качестве иллюстрации употребил выражение «кофе без кофеина». И это выражение можно в определенном смысле считать знаковым для мира, наполненного симулякрами, в том числе разными видами еды-симулякра. При этом важно отметить, что выражения «виртуализация еды», «еда-симулякр» – это не риторические фигуры. Эксперты в области пищевой индустрии подчеркивают, что денатурализация пищевых продуктов не только лишает человека необходимых питательных веществ, но и может быть опасна для жизни и здоровья [3].

В современных высокодифференцированных урбанизированных обществах в условиях коммерциализации сферы общественного питания потребление пищи превращается в малозначительное действие, которое совершается как бы между прочим (на ходу), в процессе реализации более важных дел. Одна из причин – это высокая скорость происходящих в современном обществе процессов. Точки быстрого питания становятся обыденной практикой, в которой теряется ценность питания как коллективного мероприятия (в плане его производства и потребления), поддерживающего социальные связи. Вторая – стандартизация, формализация макдональдизированного питания, использование полуфабрикатов в кулинарии. Все это сопровождается высвобождением времени и тратой его на такие занятия, как прием гостей, беседа, чтение, просмотр телевизора. Третья причина – это современная мировая система дешевой еды. Как полагал У. Робертс, дешевая еда возникла в обществе, оторванном от понимания того, что еда важна не только для поддержания жизненных сил, но и для культурного наследия, функционирования экономической системы, духовной жизни [4, с. 83].

Рассмотрев особенности еды как социального феномена, выделим его основные черты.

В качестве элемента ценностно-нормативной системы общества еда выступает средством трансляции традиций, опыта, одним из инструментов воспроизводства образцов культуры, моделей поведения и в таком качестве служит воспроизводству этносоциокультурного пространства. В то же время в современных условиях пища представляет собой феномен, испытывающий на себе столкновение глобального и регионального.

В современных высокодифференцированных урбанизированных обществах снижается ценность еды как средства формирования и воспроизводства социальных связей, что обусловлено высокой скоростью социальных процессов, стандартизацией питания и развитием системы дешевой еды.

Литература

1. Ибн Халдун Ал-Мукаддима / История арабо-мусульманской философии: Антология / Под ред. А.В. Смирнова. – М.: Академический Проект, 2013. – 267 с. – (Концепции).
2. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. статья Т.А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 592 с. – (Серия «Образ общества»).
3. Розанцев, Э. Г., Дмитриев М. А., Бершова Т. М. Денатурализация пищевых продуктов // Пищевая промышленность. 2005. № 9. С. 90-91.
4. Робертс У. Пицца / Пер. с англ. А. Захарова. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 272 с. – (No-nonsense guide).

Правовая культура и догматизм

Барыкинский Г.М.

k@genn.ru

Аннотация: представлены результаты исследования точного понимания человеком сути и смысла действующих социальных и природных законов, в т. ч. их математическое описание.

Ключевые слова: закон, природа, социальное, соотношение, право, догматизм, математика.

*Вещей суть познавая,
Мы обретаем знание.
А смысл вещей осозная,
Мы создаем сознание.*

В ноябре 2019 года в своем докладе спецпосланник генсека ООН по безопасности дорожного движения Jan Todd поставил на первое место среди основных причин высокой смертности на российских дорогах недостаточное образование (О).

Широкое исследование причин снижения качества О позволило автору сделать главный вывод о том, что правовая культура (ПК) человека смещена в сторону догматизма.

Очевидно, что поведение человека помимо всего прочего регулируется нормативно-правовыми предписаниями (НПП) государства и законами природными (ЗП).

НПП и ЗП отличаются тем, что реакция на преодоление ЗП наступает немедленно, и напротив вероятность реакции на преодоление НПП носит неопределенный характер.

С целью выяснения болевых точек в образовании автором в течение последних 30 лет проводился эксперимент-скрининг, в рамках которого предполагалось получить точные ответы на следующие вопросы:

Каково наиболее вероятное решение основного вопроса философии?

Как соотносятся между собой прошлое, настоящее и будущее?

Пример действия закона единства и борьбы противоположностей?

Что такое совесть?

Что такое демократия?

Что такое ответственность?

Чем отличаются предпринимательство и бизнес?

Что составляет главную цель бизнеса?

Как правильно нужно проехать перекресток, регулируемый светофором?

Несмотря на то, что в качестве пациентов выступали представители всех социальных слоев страны (от президента, различных элит и до простых людей), точных ответов на эти вопросы получено не было. Объясняется всё это тем, что все пациенты при формулировании ответов руководствовались преимущественно действующими НПП, что и указывает на существование правового догматизма, причем в исторической ретроспективе.

С целью определения необходимого и достаточного базового уровня, определяющего соотношение ЗП и НПП, на которое должна опираться ПК, автором рассмотрена экстраполяция обсуждаемой проблемы в рамках действующего закона всемирного скайлинга [1], в соответствии с которым в условных единицах получено: $ПК = \sqrt{ЗП \times НПП}$. Из полученного выражения видно, что ПК с неизбежностью предполагает неременное знание человеком не только НПП, но и ЗП, причем $ПК = \max$, если объемы знания человеком ЗП и НПП одинаковы и по возможности максимальны, т. е. между ними существует баланс.

В качестве примера ожидаемого точного ответа приведу ответ на первый вопрос: - основной вопрос философии не существует, однако между материей и сознанием существует

величайшая гармония, заключающаяся в том, что одно существует ради существования другого.

Литература

1. Barykinskiy G.M. World law of scaling. // J. "Science Forum", Tokyo, 2018, №1, p.17-23.

Проблемы формирования гражданственности личности в Кыргызстане.

Бектанова А. К.

*Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина, кафедра философии,
доцент. Доктор философских наук*

bektanovaa@mail.ru

Аннотация. Коренная социокультурная трансформация кыргызстанского общества привела к изменению ценностей и ценностных ориентиров, господствующих в нем. Вместе с этим изменились и личностные характеристики кыргызстанцев. На основе данных социологических исследований в статье рассматриваются, насколько развиты в кыргызстанском обществе важнейшие характеристики гражданственности личности. Отмечается, что со становлением рыночных отношений в общественное сознание стала проникать психология индивидуализма и прагматизма, присущая западному обществу. Постепенно стал снижаться уровень патриотизма, межэтнической и межконфессиональной толерантности, гражданской активности и ответственности личности. Делается вывод о том, что хотя многие качества, лежащие в основе гражданственности личности, и сегодня присущи большинству кыргызстанцев, говорить о сформированности в обществе типа личности, присущего зрелому гражданскому обществу и правовому государству еще очень рано.

Ключевые слова: гражданская личность, гражданственность, патриотизм, гражданская активность, ответственность, толерантность.

Problems of formation of citizenship of an individual in Kyrgyzstan.

Bektanova A.K.

Kyrgyz-Russian Slavic University of B.N. Yeltsin

Annotation. The main subject of civil society is a person. It plays the main role in the structure of civil society. The level of development of civil society largely depends on how developed the civic qualities of the individual. The root sociocultural transformation of Kyrgyz society has led to a change in the values and value orientations prevailing in it. Along with this, the personal characteristics of the Kyrgyz people have changed. Based on the data of sociological studies, the article examines how developed in Kyrgyz society are such important characteristics of individual citizenship as patriotism, the desire for freedom and independence, civic activism and responsibility, tolerance. It is noted that with the formation of market relations, the psychology of individualism and pragmatism inherent in Western society began to penetrate into public consciousness. Gradually, the level of patriotism, interethnic and interfaith tolerance, civic activism and individual responsibility began to decline. It is concluded that although many of the qualities that underlie the civic identity of a person are still inherent in the majority of Kyrgyz people, it is still too early to talk about the formation in society of the type of person inherent in a mature civil society and a rule of law state.

Keywords: civic personality, citizenship, patriotism, civic activism, responsibility, tolerance.

Субстанциональной основой гражданского общества, той социокультурной «клеточкой», исходя из которой оно формируется, важнейшим его субъектом является личность. Это подчеркивал еще Гегель в «Философии права», отмечая, что гражданское общество базируется на двух основополагающих принципах: 1) «конкретное лицо, которое есть для себя как особенная цель» [1, с. 228], обладающая своими потребностями и интересами; 2) взаимосвязь, взаимозависимость индивидов. В гражданском обществе личность приобретает гражданские качества, образуется гражданская личность, то есть индивид, являющийся не только подданным государства, несущим обязанности, предписанные законами данного

государства, но и обладающий всеми правами и свободами. Ее отличительными особенностями являются социальная ответственность, активность, самодостаточность, синкретическое единство внешней и внутренней свободы, под которыми имеются в виду политическая, правовая, экономическая и духовная свобода, развитые гражданская культура, сознание и самосознание. Известный грузинский философ М. Мамардашвили определял гражданское общество следующим образом: «Гражданское общество – это не общество вообще и не общество отдельно от других обществ, а определенное качество общества <...> Оно не все общество, а общество, приведенное в определенное состояние, в состояние той фигуры, которая есть, пока есть вычерчивающее ее движение – движение с усилием человека или множества лиц, находящихся в определенном состоянии этого усилия. Убери усилие – и исчезнет гражданское общество» [2, с. 79]. Здесь, как мы полагаем, он хотел подчеркнуть, что бытие гражданского общества зависит в первую очередь от уровня гражданственности индивидов, от их активности, от того, насколько они способны взаимодействовать между собой, образовывать социальные связи и заключать социальный контракт, результатом которого и является гражданское общество.

Еще П. Сорокин отмечал, что «ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [3, с.334]. Гражданские качества личности напрямую связаны с системой господствующих в обществе ценностей. Коренные политические, экономические и социокультурные преобразования, начавшиеся в Кыргызстане после развала СССР, привели к появлению новых ценностных установок и ориентиров и вызвали также изменение личностных характеристик индивидуумов. Какие же качества имманентны современной личности в Кыргызстане, насколько сознание и поведение отдельных индивидуумов релевантно гражданскому типу личности? Из-за ограничений в объеме доклада рассмотрим только некоторые характеристики гражданственности личности.

Важнейшей характеристикой гражданственности личности является патриотизм. Большинство кыргызстанцев считает себя патриотами. Как показывают наши исследования, патриотизм для многих опрошенных (35,2 %) означает чувство национального достоинства, гордость за принадлежность своему этносу. 22,8 % респондентов считают, что патриотизм – это в первую очередь любовь к родному дому, стране, соблюдение национальных традиций и обычаев. И только для 14,7 % патриотизм, в первую очередь, выражается в чувстве долга и беззаветной любви к Родине, стремление принести ей пользу, способность к самопожертвованию ради ее спасения и благополучия. Бесспорно, патриотизм – довольно широкое понятие и включает в себя все вышеназванные определения. Но, как нам представляется, самым наглядным из них является чувство долга и беззаветной любви к Родине, стремление принести ей пользу, способность к самопожертвованию ради ее спасения и благополучия. То, что такое понимание патриотизма не доминирует в ответах респондентов, вероятно, является, во-первых, преобладанием национального самосознания над гражданским, а, во-вторых, косвенным свидетельством того, что, в общественное сознание кыргызстанского общества более интенсивно стала проникать психология индивидуализма и прагматизма, присущая западному обществу.

Высоко ценятся современной личностью свобода и независимость. События 2005 г. и 2010 г. стали реальным свидетельством этого. После ценности семьи и жизни человека у кыргызстанцев указанные ценности стоят на третьем и четвертом месте соответственно. Но в то же время кыргызстанцы не исключают того, что ими можно поступиться во имя порядка и экономического роста. Так, согласно нашим исследованиям, 19 % опрошенных считают, что порядок и экономический рост намного важнее политических прав и свобод, и ради них политические права и свободы можно принести в жертву. 21,4 % во имя этого согласны с незначительным ограничением прав на некоторое время. И только 19,5 % респондентов утверждают о категорической недопустимости ограничения прав и свобод. Полагаем, что данные показатели – во-первых, признак еще значительного доминирования в сознании индивидов авторитарных установок над демократическими, а, во-вторых, незрелости их правового и политического сознания, а порой и элементарной правовой и политической

безграмотности как отдельных индивидов, так и определенной части кыргызстанского общества. Г. Г. Дилигенский по праву отмечает: «Мы обнаруживаем здесь антиномию, характерную для постсоветской ментальности: ей присуще стремление сохранить одновременно и свободу, и несовместимые с ней формы безопасности, социальной защищенности» [4, с. 13]. В связи с этим хочется указать на своеобразие понимания в нашем обществе феномена свободы. С нашей точки зрения, свобода для многих кыргызстанцев ассоциируется с анархией, безначалием, вседозволенностью. Беспорядки и мародерство во время цветных революций в Кыргызстане являются яркой демонстрацией сказанного. Реальная свобода личности невозможна без внутренней духовной готовности действовать сознательно и благоразумно, не ущемляя интересы и права других людей, понимания того, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого», что не бывает свободы абсолютной, что она всегда относительна и тесно связана с ответственностью и сознательностью личности.

Неотъемлемым свойством гражданской личности является ее гражданская активность, которая проявляется в ее готовности и в реальном участии в жизни общества и государства, равнодушном отношении к общественным проблемам. Одним из значимых индикаторов гражданской активности личности является ее участие в выборах. Однако результаты референдума 11 декабря 2016 г. и президентских выборов 15 октября 2017 г., на которых проголосовало 42,28 % и 56,32 % из общего числа избирателей соответственно, показали низкую избирательную активность граждан [5].

Проведенный Коалицией за демократию и гражданское общество общенациональный телефонный соцопрос показал, что 60,7% респондентов никак не проявляет социальную активность, различные формы социальной активности проявляет только 34,4% опрошенных [6].

Сегодня гражданская активность личности переходит из области реальной действительности в виртуальную, другими словами, повысилась гражданская активность пользователей соцсетей. Выражая свое мнение и позицию по отношению к различным общественным проблемам и происходящим событиям, к деятельности государственных органов и чиновников, они отражают общественное мнение и определенным образом влияют на решение существующих проблем. Но, несмотря на это, следует отметить гражданскую пассивность и индифферентность общества в целом и отдельных его представителей.

Активная гражданская позиция личности в гражданском обществе должна сочетаться с ее гражданской ответственностью. Малоэффективная деятельность государства в экономической и социальной сфере заставила кыргызстанцев самим решать эти проблемы. Однако, как показывают социологические исследования, если люди в своем индивидуальном бытии становятся все более самостоятельными и предприимчивыми, что мотивируется, прежде всего, их материальными интересами, то решение общественных проблем они связывают в первую очередь с государством. Налицо – низкий уровень гражданской ответственности и еще довольно сильная патерналистская психология.

Одним из значимых качеств гражданской личности является толерантность. Для формирования гражданского общества и правового государства особую важность представляют межэтническая и межконфессиональная толерантность. Сегодня в Кыргызстане проживают около 90 этносов и этнических групп. Отечественные эксперты по межэтническим отношениям отмечают, что системный кризис во всех сферах общественной жизнедеятельности охватил также и область межэтнических отношений. Это проявилось значительным, по сравнению с советским периодом истории, обострением взаимоотношений между отдельными этносами, увеличением конфликтного этнического потенциала, имеющего «способность в определенных условиях трансформироваться в силовой конфликт» [7, с.161]. И различные межэтнические конфликты регионального и локального масштаба подтверждают эти выводы. Данные социологических исследований указывают на средний уровень межэтнической и межконфессиональной толерантности общества в целом. Настораживает то, что среди опрошенных сторонники поддержки только ислама составляют

22,85 %, выступающие за то, чтобы все нетрадиционные течения должны быть запрещены – 18 %, утверждающие, что все немусульманские направления должны быть запрещены – 6,66 %. Налицо – увеличивающаяся тенденция снижения уровня межконфессиональной толерантности. К счастью, до сегодняшнего дня в Кыргызстане не было серьезных межконфессиональных столкновений.

Личность в Кыргызстане представляет сегодня собой сложное, порой противоречивое переплетение свойств и характеристик. Вкупе они составляют такой тип личности, который не был характерен ни для традиционного общества, ни для советского строя. Мы считаем, что ни в коей мере нельзя наделять новый тип личности только негативными характеристиками, как-то: корысть, эгоизм, стяжательство, меркантильность и консьюмеризм и т. п., которые, по нашим прежним представлениям, были присущи «загнивающему» капитализму, и которые, безусловно, сегодня присутствуют у отдельных индивидов. Многие качества, лежащие в основе гражданственности личности, составляют ядро социокультурной матрицы кыргызов, поэтому и сегодня они свойственны большинству кыргызстанцев. В истории независимого Кыргызстана было немало трагических и тяжелых для всего общества событий. Именно тогда наглядно проявились такие качества личности, как соучастие, милосердие, гуманизм, солидарность. Уже появляются личности с активной гражданской позицией, развитым гражданским сознанием и самосознанием, инициативностью и гражданской ответственностью. Актуализация, закрепление и распространение указанных ценностей в сознании и поведении индивидов детерминирует изменение социокультурной ситуации и появление гражданского общества. Но таких индивидуумов еще недостаточно для того, чтобы утверждать о сформированности в обществе типа личности, присущего зрелому гражданскому обществу и правовому государству.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права: пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Логос, 2004. 272 с.
3. Сорокин П. А. Социокультурная динамика и кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. М., 1992. С. 332-393.
4. Дилигенский Г. Г. Индивидуализм старый и новый: (Личность в постсоветском обществе) // Полис. 1999. № 3. С. 5-15.
5. Выборы Президента КР – 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://shailoo.gov.kg/ru/>.
6. Опрос: почти 40% кыргызстанцев не доверяют существующей избирательной системе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://knews.kg/2017/08/>.
7. Элебаева А. Б. Межэтнические противоречия и конфликты в национально-государственном строительстве Кыргызстана // Вестн. Кырг.-Рос. Славян. ун-та. 2014. Т. 14, № 9. С. 159-163.

Homo cosmicus: каким он будет?

Беляев И.А.

*Оренбургский государственный университет, профессор кафедры философии,
культурологии и социологии. Доктор философских наук*

igorbelyaev@list.ru

Аннотация: В исследовании предпринята попытка приблизиться к осмыслению того, каким окажется *Homo cosmicus* – человек будущего, осуществивший практическое освоение изначально доступных фрагментов космического пространства и продолжающий свою экспансию, «укореняющийся» во Вселенной. Используя как точку отсчёта идеи, выдвинутые русскими космистами, автор констатирует, что современных космонавтов не следует признавать полноценными космическими существами – *Homo cosmicus*; они, по сути, подобно другим представителям современного человечества, являют собой *Homo sapiens*. *Homo sapiens*, трактуемый как потенциальный *Homo cosmicus*, рассматривается как целостное природно-социально-духовное существо, единство организма, личности и души. По мере освоения космического пространства *Homo sapiens* будет происходить его преобразование в *Homo cosmicus*. В рамках этого процесса непременно возникнет риск утраты человеческого естества вновь возникающим существом. Учитывая данное обстоятельство, автор обозначает перспективы грядущих преобразований и выявляет вопросы, которые непременно возникнут в связи с их реализацией.

Ключевые слова: человек, *Homo sapiens*, *Homo cosmicus*, космос, освоение космического пространства, русский космизм.

В наши дни нет смысла всерьёз доказывать, что земной человек как минимум потенциально является существом космическим. Аргументы в пользу данного утверждения можно встретить в трудах множества авторов. Широкой известностью пользуются, в частности, труды русских мыслителей-космистов, в которых человек предстаёт, с одной стороны, неотъемлемой частью космоса и, с другой стороны, одним из факторов его эволюции.

Человек стремится воплотить в жизнь свой космический потенциал. Идея полётов в космос, которую разрабатывали русские космисты [9; 10; 11; 12 и др.], сегодня активно реализуется. Перед современными философами встают всё новые и новые вопросы. Так, одни авторы размышляют об освоении человеком космического пространства [2; 3; 4; 5; 6], другие – о преобразовании современного человека в подлинно космическое существо [7; 8; 13].

Каждое из указанных направлений размышлений о космическом будущем человека нельзя не признать остроактуальным. В данном исследовании предпринята попытка сделать шаг вперёд в понимании того, каким будет *Homo cosmicus* – человек космического завтра.

Думается, что философское познание грядущего *Homo cosmicus* может быть продуктивным при использовании как точки отсчёта идей представителей русского космизма. Стоит, впрочем, уточнить одно очень важное обстоятельство. Если буква этих идей сегодня во многом выглядит спорной, то эвристическая ценность и ориентированность на результат их духа никакого сомнения вызывает.

Практика освоения человеком доступных фрагментов космического пространства стала складываться в начале второй половины XX века. Первопроходцы космических путей искренне верили в то, что скоро, и даже очень скоро «на Марсе будут яблони цвести». Но столь стремительной и масштабной космической экспансии человечества не случилось, да и, возможно, не могло случиться. Тем не менее, освоение просторов Вселенной человеком продолжается.

Люди, отправляющиеся сегодня в космической полёт, мало чем отличаются от остающихся на Земле собратьев. Конечно же, современному космонавту, в среднем, в сравнении с другими представителями людского рода, присуще лучшее состояние здоровья и более высокая образованность. Но поддающиеся фиксации отличия космонавта от некосмонавта являются только количественными; речь о качественных отличиях здесь вести, скорее всего, не стоит. Иными словами, космонавт – это тот же *Homo sapiens*, что и все остальные современные люди.

Реальные сроки пребывания вне Земли у нынешних «покорителей Вселенной» таковы, что их признание полноценными космическими существами было бы воистину абсурдным. Более того, люди, оказавшись вне родной планеты на считанные дни, недели или даже месяцы, претерпевают весьма серьёзные нарушения в функционировании организма и психики. Приходится признать, что *Homo sapiens* в его современном состоянии не может долго пребывать в условиях, существенно отличающихся от тех, которые имеются на поверхности нашей планеты. То есть «укорениться» в космическом пространстве он не может.

Homo sapiens, рассматриваемый с философско-антропологической, универсально-обобщающей точки зрения, представляет собой целостное природно-социально-духовное существо [1]. Данное существо есть неслиянное и неделимое единство трёх своих составляющих. Во-первых, это природная составляющая – организм, тело с определённым набором органов. Во-вторых, социальная составляющая – личность, совокупность социальных ролей, осваиваемых и исполняемых человеком на протяжении всей его жизни. И, в-третьих, духовная составляющая – душа человека, присущий ему внутренний мир.

Homo sapiens – потенциальный *Homo cosmicus*. Надо полагать, что если человеку действительно суждено освоить космическое пространство, а в этом нет никаких сомнений, то претерпевание каких-либо изменений – неизбежный атрибут его будущего.

Векторы и границы этих изменений могут, чисто теоретически, варьировать в весьма широких пределах. Есть, соответственно, вероятность того, что появившееся как итог произошедших изменений существо утратит право именоваться человеком. Вопрос о том, каким может оказаться это существо (а, может быть, уже и не существо), является весьма интересным. Однако поиск ответа на него выходит за рамки настоящего исследования.

Преобразование, в результате которого *Homo sapiens* становится *Homo cosmicus*, предполагает, что вновь возникшее существо остаётся представителем рода *Homo*, видовые свойства которого трансформировались. Более того, *Homo cosmicus*, успешно осваивающий космическое пространство, «укореняющийся» в тех или иных его фрагментах, сохранит своё природно-социально-духовное естество. Полагаю, что его организм, личность и душа непременно станут иными, однако он их не утратит.

Попытаюсь наметить перспективы преобразования *Homo sapiens* в *Homo cosmicus* и выявить, пусть весьма приблизительно, те вопросы, которые с наибольшей вероятностью возникнут, в связи с этим.

Прежде всего, стоит обратить внимание на возможности совершенствования природной составляющей человеческой целостности посредством внедрения в её структуру чего-либо техногенного. И здесь сразу же возникает вопрос о границах допустимого. Что именно в человеческом организме стоит заменять и модифицировать, и где следует остановиться, дабы преобразованное существо не перестало быть человеком?

Далее имеет смысл сделать акцент на социальном плане сущности и существования человека. Каким образом, и до каких пределов допустимо вносить изменения в социально-ролевую сторону жизни человека?

И, наконец, тщательнейшему анализу следует подвергнуть широчайший спектр возможных модификаций духовной жизни целостного человеческого существа. Что, где и когда явится здесь эвентуальным, а какие изменения надо, в свою очередь, признать принципиально неприемлемыми?

Литература

1. Беляев И.А. Целостность человека в аспекте взаимосвязи его способностей и потребностей. Оренбург: ОГИМ, 2011. 360 с.
2. Дронов А.И. Освоение космоса: стратегические цели и оценка возможностей их реализации // Вестник Калужского университета. 2017. № 3. С. 66–75.
3. Кричевский С. Космическое человечество: утопии, реалии, перспективы // Future Human Image. 2017. Т. 7. С. 50–70.
4. Кричевский С.В. Космическое будущее человека и человечества: проблемы и перспективы // Философские науки. 2013. № 9. С. 38–43.
5. Кричевский С.В. Перспективы космической эры: сверхглобальные проекты и экологичные технологии // Воздушно-космическая сфера. 2018. № 1 (94). С. 6–15.
6. Кричевский С.В. Расселение человечества вне земли: проблемы и перспективы // Philosophy and Cosmology. 2011. Т. 10. С. 99–106.
7. Максименко Л.А. Ното cosmicus: феномен «океанического чувства» // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 19–25.
8. Матусевич Т.В. Образ человека будущего: современный философский дискурс // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4–1 (30). С. 128–130.
9. Одоевский, В.Ф. 4338-й год: Петербургские письма / В.Ф. Одоевский. – Москва: Огонек, 1926. – 64 с.
10. Сухово-Кобылин, А.В. Учение Всемир: Инженерно-философские озарения / А.В. Сухово-Кобылин. – Москва: С.Е.Т., 1995. – 124 с.
11. Федоров, Н.Ф. Философия общего дела / Н.Ф. Федоров. – Москва: Эксмо, 2008. – 751 с.
12. Циолковский, К.Э. Космическая философия / К.Э. Циолковский. – Москва: УРСС, 2001. – 478 с.
13. Matusevich T.V. The future human being – what is it like? // Philosophy and Cosmology. 2012. Vol. 11. P. 161–170.

Перспективы развития философии образования в полицентричном мире

Береговая О. А.

*Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, доцент. Кандидат философских наук
zaroza@mail.ru*

Аннотация: Автором предложены перспективы развития философии образования в современном полицентричном мире: плюрализм, интегративность, межкультурный диалог и научная коммуникация. Философия образования рассматривается как особый способ осмысления проблем образования и вид духовно-практической деятельности. Показано, что современная философия образования проявляет себя как социокультурный феномен в многообразии и целостности. Ее полицентричность проявляется в отсутствии единого центра развития в философии и включение новых регионов в поле научной коммуникации. Логика философской рефлексии при осмыслении проблем образования в условиях изменяющегося мира смещается в сторону периферии. Востребовано открытое обсуждение философских проблем образования на основе межкультурного диалога с помощью всевозможных средств научной коммуникации. За счет новых технологических возможностей происходит расширение географическо-культурного пространства и проблемно-содержательного поля философско-образовательных исследований.

Ключевые слова: философия образования, полицентричный, глобализация, интегративность, межкультурный диалог, плюрализм, научная коммуникация, мир

The Prospects of the Philosophy of Education Development in the Polycentric World. Beregovaya O.A.

Siberian Institute of Management – the branch of RANEPA

Abstract. The author offers prospects for the development of philosophy of education in the modern polycentric world: pluralism, integrativity, intercultural dialogue and scientific communication. The philosophy of education is considered as a special way of understanding the problems of education and a type of spiritual and practical activity. It is shown that the modern philosophy of education as a socio-cultural phenomenon manifests itself in diversity and integrity. Its polycentricity is manifested in the absence of a single center of development in philosophy and the inclusion of new regions in the field of scientific communication. The logic of philosophical reflection in understanding the problems of education in a changing world shift to the «periphery». There is a demand for open discussion of philosophical problems of education on the basis of intercultural dialogue with the help of various means of scientific communication. Due to new technological opportunities, the geographical and cultural space and the problem-content field are expanding.

Keywords: philosophy of education, polycentric, globalization, integrativity, intercultural dialogue, pluralism, scientific communication, world

Философия образования представляет собой особый способ осмысления проблем образования. Долгое время философия образования рассматривалась в ракурсе западной традиции как доминирующей. Полицентричный изменяющийся мир требует поиска новых форм сотрудничества, возрождения устоявшихся связей стран и регионов. Одним из переломных этапов в переосмыслении философии с точки зрения глобального мировидения стал XXII Всемирный конгресс «Переосмысливая философию сегодня», проходивший в 2008 году в Сеуле (Южная Корея), впервые за 108 лет в азиатской стране. Состоявшийся через 10 лет в Пекине (КНР) XXIV Всемирный конгресс «Учиться быть человеком» продемонстрировал разнообразие философских культур и их стремление к диалогу. Перспективы видения развития философии образования в современном полицентричном

мире можно очертить через проявление некоторых уже наметившихся тенденций: плюрализм, интегративность, интеркультурный диалог и научная коммуникация.

Современная философия развивается в разных направлениях, ей присуща плюралистичность, означающая необходимость признания равенства множества различных направлений, идей и традиций. Этому способствовало и постмодернистское мировоззрение, характеризующееся отказом от бинарных позиций, критикой любого центризма, вниманием вопросам индивидуализма, идентичности и т.д. Плюрализм философского знания проецируется и на философию образования. Это значит, что философия образования не может существовать иначе как в самых различных формах (направлениях, традициях, культурах философствования), выражающих собой самое разнообразное содержание. Следовательно, она непременно должна отражать и воспроизводить собой многообразие философских представлений. Перспектива развития философии образования с точки зрения плюралистического подхода открывает путь открытию признанию мало известных ранее уникальных философских традиций и культур. Полицентричность проявляется в отсутствии единого центра развития в философии и в него включаются новые регионы (Африка, Латинская Америка). Мы согласны с точкой зрения А.Н. Кочергина о том, что сегодня невозможно верно описать, а также понять современный мир на основе концепций замкнутости и противостояния. «Ни одна из традиционных западных философских систем на эту роль претендовать не может» [1, с. 90]. Западное сообщество ошибочно признало расширение своего регионального до размеров глобального. Философия, возникшая вне европейской традиции, имеет право на существование.

Плюрализм необходимо рассматривать в сочетании с интегративностью. Интегративность означает принцип системности, то есть целостности мировой философии образования как социокультурного явления. При всей множественности проявлений философии присуще фундаментальное единство, выражающееся во взаимодополнительности систем, направлений, взаимном пересечении общезначимых идей, точек зрения. Философские традиции образования – это интегрирующиеся «единицы мысли», сохраняющие свою мировоззренческую целостность, самостоятельность. В их основе некое общее объединяющее представление о предназначении образования, критерием которого является мера человеческого в культуре, то есть признание человека и целью образования, и главного фактора его существования.

Культурная репрезентация философии образования в глобализирующемся мире обусловлена духом времени – вступлением человечества в стадию общецивилизационной целостности и становления нового общества глобального типа (глобальных связей, сетей). Сравнивая тематику докладов секций по философии образования на всемирных философских конгрессах за последние пятнадцать лет можно заметить постепенную их «эволюцию» от глобального к локальному. В материалах XXIV Всемирного философского конгресса 2018 г. «Учиться быть человеком» («Learning to be Human») отражен «аутентичный» характер философии: проблемы национальных и региональных философских традиций (африканской, индийской, китайской, латиноамериканской, русской, исламской, юго-восточной и южно-азиатской и т.п.). По мнению авторов сборника «Интеркультурный диалог в поиске гармонии разнообразия», «философия укоренена в культуре, поэтому необходима «интеркультурная трансформации философии» [2, р. 51].

Сегодня необходимо признать существование системы взаимовлияний и взаимодействий субъектов образования, которые являются носителями определенного культурного опыта. Поэтому важной перспективой становится интеркультурный диалог, понимаемый не только как способ осмысления, но и как практическая составляющая образования. Диалог необходим для выработки новых стратегий образования как основ жизнедеятельности глобализующегося человечества [3].

Интеркультурность – это альтернатива любой мировоззренческой моноэкспансии – европо-, востоко-, сино-, афро- центризма. В основе интеркультурности – плюрализм, разнообразие и различие. Приверженец интеркультурной философии Хайнц Киммерле

провозгласил новую концепцию различия (diversity), что делает возможным концептуализацию «различного и равного» в противовес процессам глобализации, направленным на принуждение всех следовать одной линии [4]. Роль философии – поиск эпистемических и онтологических основ для выстраивания конструктивного «делиберативного диалога» (Э. Дуссель). Важность же такого диалога – найти общие интересы и транскультурные основания, разделяемые всеми участниками, а тем самым общецивилизационные. По мнению М.Т. Степанянц, межкультурный диалог может строиться только на основе взаимопонимания, взаимоуважения философских культур, их равенства [5, с. 151].

Интересна в данной связи точка зрения философа Раймона Паниккара. Он выдвинул идею, что философы во всем мире должны стать лидерами, ищущими, изучающими и демонстрирующими мировоззрение, ценности и практики, которые могут отдалить нас от разрушительной эпистемологии и этики [6, р. 236]. В полицентричном мире как никогда востребовано открытое обсуждение философских проблем образования с помощью всевозможных новых технологических средств научной коммуникации.

Литература

1. Кочергин А.Н. Глобализация и проблемы образования // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2009. №8. С. 90-101.
2. Intercultural Dialogue: In Search of Harmony in Diversity / Ed. by E. Demenchonok. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 51.
3. Береговая О.А. Философская компаративистика и компаративная философия образования // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (71). С. 17-19.
4. Култаева М. Локальное в лабиринтах всемирного общества: методологический аспект // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 34-44.
5. Степанянц М. Т. От европоцентризма к межкультурной философии // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 150-162.
6. Panikkar R. A nonary of priorities // Revisioning philosophy / J. Ogilvy (Ed.). New York: State University of New York Press, 1992. P. 235-236.

Оязычивание российской культуры

Бесков А. А.

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, научный сотрудник. Кандидат философских наук

beskov_aa@mininuniver.ru

Аннотация: По данным соцопросов большинство россиян относит себя к православным. Время от времени в российском информационном пространстве начинает муссироваться мысль о возможном включении в конституцию страны упоминаний о православии или о Боге. При этом в научной литературе и публицистике нередко упоминается о распространении в современной России языческих представлений и ценностей. В каком же направлении движется российская культура? По мнению автора, можно говорить о растущем влиянии язычества на российскую культуру и этот тезис подкрепляется конкретными фактами. Субкультура русского неоязычества ощутимо влияет на массовые представления о славянской дохристианской старине, языческий колорит привлекает внимание российских художников, музыкантов, писателей, кинематографистов и телепродюсеров. Делается вывод, что язычество лучше приспособляется к реалиям постсекулярного мира, чем авраамические религии и потому оно притягательно для современного человека.

Ключевые слова: язычество, неоязычество, российская культура, православная культура, неоязыческая субкультура, секуляризация.

Paganization of Russian culture.

Beskov A. A.

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract: According to opinion polls, most Russians consider themselves Orthodox. The idea of including mentions of Orthodoxy or God in the Constitution of Russia occasionally reappears in the Russian information space. At the same time, scientific literature and journalism often mention the spread of pagan ideas and values in modern Russia. In which direction is Russian culture headed? According to the author, one can speak about the growing influence of paganism on Russian culture and this thesis is supported by concrete facts. The subculture of Russian neopaganism has a tangible impact on people's perceptions of Slavic pre-Christian antiquity; pagan color attracts attention of Russian artists, musicians, writers, filmmakers and TV producers. It is concluded that paganism is better adapted to the realities of the post-secular world than the Abrahamic religions and therefore one is attractive to many modern people.

Keywords: paganism, neopaganism, Russian culture, Orthodox culture, neopagan subculture, secularization.

После распада СССР в российской печати – и в научных статьях, и в публицистике – стали высказываться мысли о распространении в России языческих (или неоязыческих) ценностей [1–3]. И если религиоведы под язычеством и неоязычеством понимают прежде всего религиозные феномены – от традиционных народных верований, не вытесненных авраамическими религиями, до новых религиозных движений, конструируемых на базе представлений наших современников о язычестве древности, то философы, культурологи, христианские иерархи и авторы статей в различных конфессиональных изданиях, а вслед за ними порой и журналисты светских СМИ нередко обозначают этим словом нечто более глобальное – фундаментальные сдвиги в культуре и мировоззрении общества. Таким образом, язычеством объявляются не столько некие реально существующие религиозные или магические практики, сколько разного рода суеверия, а также тяга к потреблению («поклонение брендам») и общее падение нравов, бездуховность. Это оязычивание культуры

обычно преподносится авторами как диагноз, выздоровлением же мыслится возвращение в лоно христианской культуры.

Я не склонен к такому расширительному пониманию язычества, когда этим словом, по сути, обозначается всё плохое, что есть на свете (или, точнее, всё, что тот или иной автор считает плохим). Так легко дойти до абсолютно вненаучных трактовок, напоминающих больше идеологические прокламации, когда, например, язычеством называется «православный сталинизм» [4]. Всё-таки, несмотря на то что у термина «язычество» нет общепризнанной формулировки (как, впрочем, и у терминов «религия» или «культура»), происхождение этого слова – от древнееврейского термина *ha goyim*, означавшего другие, не заключившие союз с Яхве народы, заменённого на греческой почве словом «этнос», а на Руси «языци» (народы) – прозрачно намекает на язычество как веру чужаков, иноплеменников. По мере распространения авраамических религий язычниками стали обозначать приверженцев любых других религий. Таким образом, если знать исторический контекст, это слово говорит само за себя. Язычество – это верования (или, если нам будет угодно расширить это понятие – мировоззрение, тип культуры), не сводимые к иудейской, христианской или мусульманской традициям, развивавшиеся из других корней.

Что же будет, если взглянуть на современную российскую культуру сквозь призму такого понимания язычества?

Первое, что нужно заметить, это ангажированность подхода, направленного на дискредитацию язычества а priori. Такой подход возможен только в лоне культуры, оплодотворённой той или иной авраамической религией и для неё он является, в историческом смысле, совершенно естественным, хотя, казалось бы, уже не обязательным вследствие далеко зашедших в современном мире процессов секуляризации. Необязательность (и даже явная контрпродуктивность) этого подхода становится очевидна, если только мы попробуем придерживаться его на международном уровне. Конечно, были времена, когда японцев, китайцев, индусов, не говоря уж о менее значимых в экономическом и политическом плане нациях, просвещённые западные цивилизаторы считали язычниками. Сегодня такое определение выглядит не просто неполиткорректным, но и грубо шовинистическим. В эпоху постколониализма и мультикультурализма восточные культуры и религии не просто получили полное право на существование, но даже стали модными, чему немало поспособствовала массовая культура и, в частности, популярная музыка [5]. (Доходит до того, что в официально атеистическом Китае на волне развития туристической индустрии возрождаются местные религии [6] – вот что делает невидимая рука рынка!) Кто всерьёз сейчас рискнёт упрекнуть, допустим, индуистов, в том, что их религия и культура – это богопротивное бесслужение? И разве это индусы или китайцы виноваты в том, что современный глобализированный мир наполнен культом потребления, гламурным развратом, жестокими видеоиграми, пошлыми комедиями и прочими проявлениями той бездуховности, что христианские авторы склонны называть язычеством? Не западная ли, христианская цивилизация сделала этот мир таким?

Итак, язычество – это вовсе не доисторические жестокие культы с человеческими жертвоприношениями (хотя оно могло быть и таким тоже), не отсутствие морали, повальное невежество или анархия (индуист Махатма Ганди – аморалист? древнегреческие философы – невежды? Конфуций – анархист?), и даже не наивное почитание твари вместо Творца (применимо ли такое определение к буддизму?). Пожалуй, его можно определить как мистическое мировоззрение, которое не включает в себя Бога и основные догматы авраамических религий.

Впрочем, по сравнению с теми временами, когда термин язычество только возник и весь мир был языческим, сегодня, обозревая мир с позиций западной цивилизации, немало сделавшей для того, чтобы в подконтрольных ей землях язычество искоренить, уместно говорить о язычестве традиционном (как мёртвом – например, античное язычество, так и живом – тот же индуизм) и нетрадиционном – эклектичном современном язычестве, питающемся не только романтическими представлениями о древних религиозных культах,

но и различными популярными в массовой культуре эзотерическими и псевдонаучными идеями (экстрасенсорика, «материальность мысли», эгрегоры и т. п.). Нетрадиционное язычество часто именуется неоязычеством, хотя последний термин кажется мне более узким и намекающим именно на попытки реконструкции старого, традиционного язычества. Если сегодня рождается некая новая, языческая по своему духу религия, вряд ли уместно будет называть её неоязычеством.

Но если понимать язычество именно так, то уместно ли говорить о его распространении в современной России и оязычивании нашей культуры? Ведь все мы привыкли слышать, с ссылками на результаты соцопросов, что большинство россиян (обычно называются цифры порядка 70–80%) считают себя православными. В начале этого года, после того как президент В. В. Путин в послании Федеральному собранию предложил внести изменения в конституцию страны, патриарх Московский и всея Руси Кирилл предложил внести в неё упоминание о Боге. И это уже не первый случай, когда в конституцию нашего светского государства предлагается внести изменения, имеющие религиозную подоплёку. В ноябре–декабре 2013 г. в отечественных СМИ широко обсуждалась идея закрепления в конституции тезиса о том, что православие является основой национальной и культурной самобытности России [7, с. 473–475]. Так какая она, современная российская культура – православная или языческая? А главное, к какому из этих полюсов устремлено её дальнейшее развитие?

Безусловно, это большая тема, которую в одном докладе невозможно осветить с достаточной полнотой, во всяком случае, если отойти от исключительно спекулятивного подхода и попробовать опереться на проверяемые факты и измеримые процессы. Но вкратце я попробую объяснить, почему мне кажется возможным говорить о постепенном оязычивании российской культуры.

В России всё более заметной становится неоязыческая субкультура. Прежде всего, речь идёт о русском неоязычестве, идеалом которого является дохристианская культура восточных славян. Сколько в России приверженцев этого направления, не известно даже приблизительно. (Наиболее известный на Западе исследователь этого феномена – Каарина Айтатурто, ориентируясь на число подписчиков групп неоязыческой направленности в соцсетях, считает, что несколько десятков тысяч [8, р. 63], но это очень грубая методика подсчёта.) Зато обращает на себя внимание заметный рост числа публикаций, посвящённых этому явлению, как в прессе, так и в научной периодике. Это внимание к, казалось бы, малозначительному религиозному движению (впрочем, религиозный статус его часто оспаривается) может удивить, но оно становится понятным, если учесть, что лишь русское неоязычество способно соперничать с православием за право называться (хотя бы неофициально) национальной религией русских [7]. Это объясняет и полное небрежение со стороны РПЦ, прессы и силовых структур по отношению к другим видам неоязычества в России (скандинавскому, греко-римскому и т. д.).

Но хотя самих русских неоязычников, вероятно, не так уж много, их своеобразное видение русской культуры и их символика – в частности, так называемые славянские руны [9, 10] – активно внедряются в массовое сознание россиян. Псевдославянские и псевдоязыческие символы (например, «коловрат») активно продаются в интернет-магазинах и в сувенирных лавочках многих российских городов. Интерес общества к язычеству (прежде всего восточнославянскому, но не только) отражается и в литературе, и в кинематографе, и в телевизионном контенте, и в изобразительном искусстве [11–14]. Интересные процессы идут в музыкальной сфере, где можно найти не только многочисленные pagan-metall-группы, но и заметить активное использование концепта «боги» (sic!) в текстах многих музыкальных коллективов и исполнителей. Имена славянских богов становятся названиями различных торговых марок, организаций и предприятий [15]. Неоязыческие группы постепенно выходят из подполья и избавляются от имиджа экстремистов и неонацистов (во многом созданного искусственно стараниями прессы [16]), они активнее взаимодействуют с обществом и муниципалитетами, помогая проводить

народные гуляния (в частности, на Масленицу, которую наперекор историческим источникам принято считать древним языческим праздником) и возрождать старинные (или только представляющиеся таковыми) национальные традиции.

В секуляризованном обществе, где авторитет авраамических религий основательно подорван (так, не все православные верят в Бога [17, с. 99; 18, с. 385, 388]), но научное мировоззрение не стало массовым, зазор между этими полюсами успешно заполняется язычеством, как традиционным, так и нетрадиционным. В силу своей меньшей догматичности оно гораздо лучше приспосабливается к вызовам времени, давая возможность своим приверженцам самим конфигурировать и обновлять своё мировоззрение, в рамках которого любые новые веяния легко сочетаются с самыми архаичными учениями и практиками. Вот почему язычество продолжит оказывать растущее влияние на российскую культуру.

Литература

1. Суворов А. Неоязычество // Наш современник. 2002. № 7. С. 202–205.
2. Якупов М. Т. Возвращение язычества и трансформации религии // Религиоведение. 2009. № 3. С. 175–179.
3. Алиева А. Образ православия в сознании современных россиян в связи с задачами христианской миссии в современной России // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2012. № 6. С. 142–155.
4. Никольский Е. В. Православный сталинизм как неоязычество: истоки и перспективы // Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры. Сборник докладов XXIV международных Кирилло-Мефодиевских чтений / Ред. С. И. Шатравский, С. Рогальский. Минск: Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла, 2019. С. 192–202.
5. Ireland B., Gemie S. Raga Rock: Popular Music and the Turn to the East in the 1960s // Journal of American Studies. 2019. Vol. 53. No. 1. P. 57–94. doi:10.1017/S0021875817000925
6. Liao X. China: Some Exceptions of Secularization Thesis // Religions. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 1–19. doi:10.3390/rel10010056
7. Бесков А. А. «Русский вопрос» в контексте государственно-конфессиональных отношений в современной России // Религии России: проблемы социального служения и патриотического воспитания / Ред. О. К. Шиманская. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. С. 467–477.
8. Aitamurto K. Paganism, traditionalism, nationalism: narratives of Russian rodnoverie. N.Y.; L.: Routledge, 2016. X+222 p.
9. Бесков А. А. «Славянские руны» на российских экранах: репрезентация неоязыческого мифа // ПРАКСЕМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3. С. 225–253. doi: 10.23951/2312-7899-2019-3-225-253
10. Бесков А. А. Символы раздора: руническая письменность в зеркале российской и западной прессы // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 1. С. 77–92.
11. Бесков А. А. Реминисценции восточнославянского язычества в современной российской культуре (статья первая) // Colloquium heptaplomeres. 2015. № 2. С. 6–18.
12. Бесков А. А. Реминисценции восточнославянского язычества в современной российской культуре (статья вторая) // Colloquium heptaplomeres. 2016. № 3. С. 6–24.
13. Бесков А. А. Реминисценции восточнославянского язычества в современной российской культуре (статья третья) // Colloquium heptaplomeres. 2017. № 4. С. 7–19.
14. Гизбрехт А. И. Образы деятелей российской истории в дискурсе современного «языческого искусства» (на материале изобразительного творчества) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 6. С. 99–105.
15. Бесков А. А. Русское неоязычество в свете данных эргоники: методы и перспективы изучения // Религиоведческие исследования. 2015. № 1 (11). С. 9–22.
16. Бесков А. А., Кочеганова П. П. Образ русского неоязычества в российской прессе начала XXI века // Политика и Общество. 2016. № 9. С. 1296–1311. doi: 10.7256/1812-8696.2016.9.19245
17. Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96–107.
18. Перепелкин Л. С., Стэльмах В. Г. Человек верующий: религия и идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 373–395.

Основные вехи изучения трактата «Кун-цзы цзя юй» в мировой синологии

Блажкина А.Ю.

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, старший научный сотрудник.

Кандидат философских наук

myshashu@yandex.ru

Аннотация: В настоящем докладе освещаются основные этапы изучения «Кун-цзы цзя юй» в мировой синологии. Данный текст относится к раннеконфуцианскому философскому наследию. В ходе развития синологии взгляды на датировку «Кун-цзы цзя юй» претерпели существенные изменения. До недавних археологических раскопок текст атрибутировался как достаточно поздний памятник (эпоха Троецарствия), но за последнее время ситуация существенно изменилась. В отечественной синологии пока нет комплексных работ, посвященных данной тематике, но в китайской историко- философской традиции исследование «Кун-цзы цзя юй» имеет многовековую историю. В настоящий момент невозможно однозначно решить вопрос о датировке и авторстве трактата «Кун-цзы цзя юй», но, бесспорно, то, что данный письменный памятник обладает колоссальной ценностью для реконструкции и изучения конфуцианской философии.

Ключевые слова: Кун-цзы цзя юй, Ван Су, Кун Аньго, конфуцианство, фальсификация, синология, китайская философия.

The main milestones of the study of "Kong-zi jia yu" in world sinology.

Blazhkina A.Y.

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: This report highlights the main stages of the study of "Kong-zi jia yu" in world sinology. This text belongs to Early Confucian philosophical heritage. During the development of sinology, the views on dating of "Kong-zi jia yu" have undergone significant changes. Prior to recent archaeological excavations, the text was attributed as a rather late monument (the era of Three Kingdoms). But the situation has changed significantly recently. In the domestic sinology there are no comprehensive works on this topic yet, but in Chinese historical and philosophical tradition, the study of "Kong-zi jia yu" has a centuries-old history. At the moment, it is impossible to clearly solve the issue of dating and authorship of the text named "Kong-zi jia yu". It is undeniable that this written monument has enormous value for the reconstruction and study of Confucian philosophy.

Keywords: Kong-zi jia yu, Wang Su, Kong Anguo, Confucianism, falsification, sinology, Chinese philosophy.

¹В моем докладе предпринимается попытка раскрыть основные вехи изучения конфуцианского трактата «Кун-цзы цзя юй» в мировой синологии. Прежде всего, стоит отметить, что «Кун-цзы цзя юй» («Речи школы Конфуция») – философский памятник, до недавнего времени приписываемый ученому-конфуцианцу Ван Су, жившему в царстве Вэй в эпоху Троецарствия (220 – 280 гг.). Ван Су занимал различные административные должности при дворе, кроме того, посвятил себя толкованию классических книг. Изначально трактат «Кун-цзы цзя юй» состоял из 27 цзюаней (свитков), из которых до нас дошли только 10. В современном виде «Кун-цзы цзя юй» разделен на 44 главы. Содержание данного текста составляют истории из жизни Кун-цзы, его беседы ближайшими учениками, а также видными политическими деятелями того времени. Беседы эти представляют собой

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00026).

философские диалоги, они касаются важнейших онтологических, этических, эстетических и эпистемологических вопросов.

Датировка «Кун-цзы цзя юй» вызывает ряд существенных вопросов, решение которых без сомнения внесет весомый вклад не только в исследование философского наследия конфуцианства, но в развитие гуманитарного знания в целом. Споры вокруг авторства и времени написания этого трактата не утихают до настоящего времени. Был ли данный трактат записан кем-то из учеников самого Кун-цзы, отражает ли он взгляды основателя конфуцианства или же это более позднее произведение, плод творчества каноноведа Ван Су? Одни исследователи атрибутируют «Кун-цзы цзя юй» как аутентичный письменный памятник, другие усматривают в нем сознательную фальсификацию. Несмотря на неутраченные споры, более чем за тысячу лет эта книга распространилась в Китае повсеместно. К сожалению, в отечественном китаеведении сравнительно мало работ, посвященных исследованию непосредственно «Кун-цзы цзя юй», данный трактат до сих пор полностью не переведен на русский язык. Для специалистов по древнекитайской философии книга «Кун-цзы цзя юй» имеет огромную научную ценность: в ней освещены не только этические и онтологические воззрения раннего конфуцианства, но и подробно раскрыто значение важнейших ритуальных практик.

В главном историографическом памятнике древнего Китая – «Ши цзи» мы не находим никаких сведений о «Кун-цзы цзя юй», однако некоторые из глав «Кун-цзы цзя юй» практически полностью совпадают с эпизодами из «Ши цзи». Самое раннее упоминание о «Кун-цзы цзя юй» встречается в библиографическом разделе «Хань шу», где сказано, что ученики Кун-цзы записали 27 свитков, и что данная книга была утрачена [1]. Потомок Кун-цзы, западноханьский канонист Кун Аньго, написавший послесловие к

«Кун-цзы цзя юй» полагал, что «в одно время с “Лунь юй” и “Сяо цзин” ...то, что не вошло в “Лунь юй” было собрано воедино и получило название “Кун-цзы цзя юй”» [2, с. 2]. Как считает большинство современных китайских исследователей, традиционный вариант

«Кун-цзы цзя юй» был, по всей видимости, письменно зафиксирован именно Кун Аньго, передававшись в устной традиции, он был, наконец, обнаружен Ван Су лишь эпоху Троецарствия. Ван Су упорядочивал древние тексты, выступал против канонической традиции ханьского ученого-конфуцианца Чжэн Сюаня, который призывал раскрывать смысл иероглифа на основании его осмысления в разных контекстах.

Янь Шигу, известный литератор и лингвист династий Суй и Тан, автор важных комментариев к «Пятикнижию», трактатам «Ши цзи» и «Ханьшу» полагал, что 27 ханьских свитков Кун Аньго не тождественны дошедшему до эпохи Тан варианту «Кун-цзы цзя юй». Янь Шигу считал, что «Цзя юй» принадлежит перу Ван Су, и что это сочинение в 10 свитках [3]. Точка зрения Янь Шигу и послужила своего рода отправной точкой для формирования концепции поддельности «Кун-цзы цзя юй».

Уже начиная с династии Сун, книгу рассматривали как литературную фальсификацию [4, с. 38], ряд авторитетных ученых считал ее подделкой. Новатором в этой области был сунский библиофил Ван Бо, он комплексно исследовал историю вопроса и высказал мнение, что «сорок четыре главы «Цзя юй» – это разнообразные выдержки из «Цзо чжуань», «Го юй», «Сюнь-цзы», «Мэн-цзы», «Ли цзи», которые принадлежат перу Ван Су» [3]. Во времена династии Цин такие видные ученые, как Яо Цзихэн, Фань Цзясян, Сунь Чжицзу не признавали «Кун-цзы цзя юй» аутентичным памятником раннеконфуцианской традиции [5]. Сунь Чжицзу резко критикует деятельность Ван Су, называя его «плагиатором», который «ввел в заблуждение последующие поколения». По мнению Сунь Чжицзу, деятельность Ван Су была в первую очередь направлена против Чжэн Сюаня [6].

Однако были и ученые, которые придерживались другой точки зрения. Так, в эпоху Сун сам корифей неоконфуцианства, философ Чжу Си полагал, что «“Цзя юй” была лишь записана Ван Су на основании древних заметок. Хотя в книге много изъянов, но это не плод творчества Ван Су» [7]. Ряд исследователей времен династии Цин, например, Чэнь Шикэ тоже признавал аутентичность данного памятника, и подчеркивал его непреходящую

научную ценность [3]. Так или иначе, но в течение многих веков, «Цзя юй» была широко обсуждаема интеллектуальными кругами Китая. Хотя в недавнем прошлом, во время господства в академическом сообществе КНР научного течения «Сомнения в древности» трактат «Кун-цзы цзя юй» безоговорочно был признан подделкой, недавние археологические исследования пролили свет на эту историю.

В 1973 г. при проведении раскопок в провинции Хэбей, уезде Динчжоу археологами было обнаружено захоронение времен династии Западная Хань, в котором сохранились бамбуковые планки текста «Жу цзя чжи янь». В ходе компаративного анализа, ученые пришли к заключению, что данный текст по своему содержанию чрезвычайно близок «Цзя юй». Спустя несколько лет, в 1977 г. в провинции Аньхой, округе Фуян было раскопано парное захоронение времен династии Западная Хань, там были найдены эпиграфические тексты, среди них также был начертанный на бамбуковых планках текст

«Жу цзя чжи янь», содержание которого также во многом совпадает с «Цзя юй». Данные находки, конечно, не могут быть стопроцентным доказательством подлинности «Кун-цзы цзя юй», но становится очевидным, что уже в эпоху Западной Хань, если не сам текст, то его прототип, имел широкое хождение. По мнению большинства авторитетных ученых КНР, недавние археологические раскопки свидетельствуют о том, что «Цзя юй» не фальсификация, и тем более, мало вероятно, что она принадлежит перу Ван Су. Повидимому, этот текст древнее «Мэн-цзы». Такого мнения придерживается китайский историк и философ Пан Пяо [8, с. 71].

Вопрос об аутентичности «Кун-цзы цзя юй» можно считать ключевым, так как если трактат признается подлинным, то его содержание, по всей вероятности, характеризует мысли самого Кун-цзы и его ближайших учеников. В таком случае, данный трактат можно смело ставить в один ряд со знаменитым «Лунь юем». По моему мнению, вопрос о подлинности трактата «Кун-цзы цзя юй» чрезвычайно сложен, он охватывает область исследования древних и современных писем эпохи Хань. С одной стороны, название книги, и специфика ее содержания доказывают древность данного памятника. Но в то же время, в связи с отсутствием разнописей иероглифов в цитатах из древних классических книг, становится очевидно, что текст «Кун-цзы цзя юй» многократно редактировался и переписывался. Как полагает директор научно-исследовательского института Конфуция, профессор Ян Чаоин: «Мы делаем вывод, что составление и компиляция “Цзя юй” непременно имеет отношение к [внуку Кун-цзы] – Цзы Сы...само заглавие «Кун-цзы цзя юй» появляется во времена императора Цинь Шихуана...” Кун-цзы цзя юй” по праву можно считать “первой книгой для изучения Кун-цзы”» [3]. Профессор Ли Сюэцин полагает, что «Ханьская книга на бамбуке “Жу цзя чжи янь” из Хэбей, а также тексты из Фуян являются прототипами “Кун-цзы цзя юй”. Все эти тексты – звенья одной цепи» [3]. По всей вероятности, даже если не сам окончательный полный вариант текста был создан Цзы Сы или кем-то из его последователей, даже если трактат «Кун-цзы цзя юй» и был отредактирован и записан каноником Ван Су в эпоху Троецарствия, то данный текст, скорее всего, имел более древний прототип – заметки ближайших учеников Кун-цзы.

В западной синологии, во многом по причине споров вокруг аутентичности трактата «Кун-цзы цзя юй», а также по причине того, что данный памятник содержит немало отсылок к другим древним текстам, которые хорошо изучены, большинство западных китаистов не уделяло пристального внимания «Кун-цзы цзя юй». Однако такие видные исследователи, как Дж. Легг и Р. Вильгельм признавали подлинность «Кун-цзы цзя юй» [9, с. 13]. Известный на данный момент перевод первых десяти свитков, снабженный подробными комментариями, принадлежит Р.П. Крэмерсу и был сделан еще в 1950 г., то есть без учета результатов археологических раскопок 1973 и 1977 гг. [9]. Р.П. Крэмерс приходит к выводу, что текст «Кун-цзы цзя юй» состоит из двух взаимопроникающих частей: оригинальный ранний текст переплетается с более поздними добавлениями, сделанными Ван Су [10, с. 135].

Бегло рассмотрев основные вехи изучения трактата «Кун-цзы цзя юй» в мировой синологии, становится очевидно, что данный текст имеет непосредственное отношение к

конфуцианской традиции и несет в себе непреходящую философскую ценность. Изучение «Кун-цзы цзя юй» до сих пор является актуальной научной задачей не только в самом Китае, но и за его пределами.

Литература

1. Бань Гу. Хань шу, и вэнь чжи.
URL: https://www.gushiwen.org/gushiwen_48b00b5a15.aspx (дата обращения 07.02.2020).
2. Ван Шэнюань. Кун-цзы цзя юй тун цзе. [Разъяснения «Кун-цзы цзя юй»]. Нанкин: Илин чубаньшэ, 2014.
3. Ян Чаомин. Кун-цзы цзя юй дэ чэншу юй кэкаосинь яньцзю. [Изучение подлинности книги «Кун-цзы цзя юй»]. URL: <http://bbs.tianya.cn/post-666-31315-1.shtml> (дата обращения 11.02.2020).
4. Ван Госюань, Ван Сюэмэй. Кун-цзы цзя юй ши цзюань. [Кун-цзы цзя юй в десяти свитках]. Пекин: Чжун хуа шу цзю, 2011.
5. Чэнь Юбинь. Чжунго лидай чжумин цзяцзю сюаньцзе Кун-цзы цзя юй. [Выборка древних китайских текстов для домашнего обучения: «Кун-цзы цзя юй»] URL: <http://www.guoxue.com/?p=23084> (дата обращения 12.02.2020).
6. Циндай сюэжэнь лечжуань. [Жизнеописания ученых династии Цин]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=932818&remap=gb> (дата обращения 12.02.2020).
7. Чжу-цзы юй лэй. [Классифицированные речи учителя Чжу]. Цзюань и бай саньши ци чжаньго хань тан чжуцзы. [Свиток № 137 Мудрецы эпох Чжаньго, Хань и Тан] URL: <http://www.guoxue123.com/zhibu/0101/01zzy/139.htm> (дата обращения 13.02.2020).
8. Пан Пяо. Хуашо у чжи сань у. [К вопросу о трех пределах и пяти небывалых вещах]. Пекин: «Вэнь ши чжэ». 2004, 1 выпуск.
9. K'ung Tzū Chia Yü (The School Sayings of Confucius). Introduction. Translation of Sections 1–10, with critical notes. By DrR. P. Kramers, pp. xii + 406. Leiden: Brill, 1950 (Sinica Leidensia, vol. vii).
URL: https://books.google.ru/books?id=XgwVAAAAIAAJ&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения 13.02.2020).
10. Paul Rakita Goldin. Rituals of the Way: The Philosophy of Xunzi. Chicago: Open Court, 1999. URL: <https://www.academia.edu/36996761/Xunzi> (дата обращения 13.02.2020).

Онтология саморазрушения феминности в ситуации постмодерна

Богатова Л. М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры общей философии. Доктор философских наук

bolami@inbox.ru

Аннотация. В статье представлена оригинальная авторская позиция, имеющая отношение к философскому анализу одной из актуальных проблем современных гендерных исследований – саморазрушению феминной бытийности в ситуации постмодерна. Автор акцентирует внимание на кардинальных изменениях, которые претерпевают гендерные архитипы классической культуры. Особое внимание в статье уделяется анализу социокультурных детерминант, которые обуславливают глубинный метаморфоз гендера феминного типа. В статье предпринимается оригинальная попытка развернуть анализ процесса эмансипации в онтологическом измерении, в котором по логике автора наиболее рельефно раскрывается деструктивный характер социокультурной трансформации феминной бытийственности. Автор отстаивает позицию о том, что в онтологическом контексте эмансипация имеет подражательный характер и порождает лишь иллюзию гендерного равенства. Он убежден, что при вторжении «женщины» в онтологически чуждую, противоположную ей, по существу, маскулинную бытийность, ее внешний облик и внутреннее содержание невольно деформируются и претерпевают необратимые изменения, в которых усматриваются признаки глубинного перерождения феминности, что чревато завершением «женщины» в качестве самостоятельной бытийной инстанции.

Ключевые слова - культура, постмодерн, гендер, «мужчина», «женщина», эмансипация, онтология, феминная и маскулинная бытийность.

Ontology of self-destruction femininity in a situation of postmodernism.

Bogatova Larisa

Kazan (Volga region) Federal University, Department of philosophy

Abstract. The article presents the author's original position relevant to the philosophical analysis of one of actual problems of modern gender studies – self-destructive stereotype of beingness in a situation of postmodern. The author focuses on the radical changes that are undergoing the gender archetypes of classical culture. Special attention is paid to the analysis of the sociocultural determinants that lead to a deep metamorphosis of the feminine gender type. This article is an original attempt to expand the analysis of the process of emancipation in the ontological dimension, in which the logic of the author most clearly reveals the destructive nature of socio-cultural transformation of the feminine existential. The author defends the position that in an ontological context, emancipation is imitative in nature and creates an illusion of gender equality. He believes that with the invasion of "women" in ontologically alien, the opposite is essentially a masculine being, its appearance and internal content inadvertently deform and undergo irreversible changes, which are signs of deep rebirth of femininity, which entails the completion of "women" as a separate event instance.

Keywords - culture, postmodernism, gender, "male", "female", emancipation, ontology, feminine and masculina beingness.

Современная культура представляет собой во многих отношениях уникальное явление. Кардинальные преобразования, охватившие все сферы общественной жизни, позволяют уверенно говорить о перерождении неоклассической культуры в некое иное, принципиально новое историческое качество, обозначенное исследователями как «постмодерн». Нынешнее состояние культуры характеризуется непрерывным нарастанием хаотичности, многообразием форм и способов организации общественной жизни, кардинальной сменой

устоявшихся демаркаций в расстановке гендерных сил, нивелированием любых жестко заданных бинарных оппозиций между «мужчиной» и «женщиной». В настоящее время в сфере гендерных отношений происходят наиболее радикальные, глубокие изменения, во многом связанные с коренным изменением положения женщины в обществе, которая «вышла из тени» и все более решительно становится вполне самостоятельным фактором истории.

XX век – это время исторического реванша женщины за свое поражение в глубокой древности. На протяжении тысячелетней истории, которую охватил патриархат, женщина находилась в зависимом, подчиненном положении от мужчины, занимавшего доминирующее положение в структуре общественных, и, соответственно, семейно-брачных отношений. На долгое время женщина была «закабалена и превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» [1.С.60]. Однако процессы эмансипации и феминизации, стремительно и бурно развернувшиеся в начале прошлого века, кардинально изменили соотношение гендерных сил и привели к их качественной реструктуризации. Занимая долгое время периферийные позиции в культуре, современная женщина все более уверенно возвращает свое утраченное в глубокой древности лидерство. В ходе напряженных социальных противостояний, женщина все же добилась полного равноправия с мужчиной. Получив всю полноту экономических, политических, юридических и прочих прав и свобод, она наконец-то стала самостоятельной, независимой, социально активной, образованной и карьерно успешной. История предоставила женщине уникальный шанс «отыграться» и в определенном отношении «отомстить» мужчине за свое «всемирно-историческое поражение» [1. С.60.].

Однако, несмотря на бесспорные позитивные достижения, связанные с изменением феминных диспозиций в пространстве современной культуры и реализацией женщиной своих исторических мечтаний о равенстве с мужчиной, следует отметить, что процесс эмансипации в контексте философского анализа далеко не однозначен. Он намного объемнее, сложнее и внутренне противоречивее, чем это видится некоторым представительницам интеллектуального феминизма, которые с неиссякаемой энергией ратуют за утверждение абсолютного равенства между мужчиной и женщиной и остро реагируют на малейшую дискриминацию по половому признаку, доходя порой до абсурда.

При всей внешней привлекательности и впечатляющих успехах эмансипация представляет собой глубоко трагический процесс. Еще на заре века, когда социальное раскрепощение женщины не приобрело столь масштабные и демонстративные формы, многие известные мыслители высказывали предостережения относительно того, какими непоправимыми последствиями может обернуться для существования культуры «превращение женщины в приказчика» [2. С.356]. В этом отношении заслуживает внимания позиция тех исследователей, которые выводят исследование эмансипации в качестве своеобразного социокультурного явления на самый высший теоретический уровень и пытаются раскрыть этот оригинальный феномен в онтологическом измерении, в котором только и «высвечивается» его трагический, в определенном смысле апокалипсический характер.

При этом следует отметить, что, несмотря на актуальность и практическую значимость для определения тенденций и перспектив дальнейшей трансформации культуры постмодерна, онтологическое изучение асимметричной композиции культуры до сих пор не стало предметом обстоятельного, глубокого исследования. Правда, автор данной статьи уже обращался к данной проблеме и изложил свою позицию в ряде публикаций, в том числе монографического характера [3.]. Думается, что и в рамках данного теоретического сюжета в плане некоторого восполнения «пробелов» имеет смысл представить ряд соображений относительно онтологического исследования тех гендерных метаморфоз, которые спровоцированы процессом эмансипации, охватившим неоклассическую культуру.

Эмансипация представляет собой конкретно-исторический, динамичный процесс, своеобразное центробежное явление, которое, непрерывно разрастаясь, постепенно

охватывает все формы и уровни организации общественного бытия. Зародившись в эпоху капитализации, как составная часть классовой борьбы женщин за свои экономические и политические права, эмансипация очень быстро проникла в сферу семейно-брачных, интимно-личностных отношений между мужчиной и женщиной. Эмансипированная женщина стала болезненно реагировать на малейшее ущемление ее прав, на любое проявление доминирования мужчины. Захватывая все большие пространства культуры, эмансипация вплотную приблизилась к последнему рубежу, который должна преодолеть «женщина», а именно, решительно отвоевать себе право стать во всем такой же, как «мужчина».

Логика онтологического анализа подводит к осознанию поистине трагического обстоятельства, суть которого заключается в том, что процесс эмансипации при всей внешней привлекательности, изначально предопределил и задал ложную стратегию исторического движения «женщины», обозначил тупиковый вектор ее самореализации в культуре.

«Мужчина» и «женщина» представляют собой две, невозможные друг без друга, бытийные инстанции. Как диалектические противоположности, «мужское» и «женское» бытийное начало составляют некое единое антропологическое целое, в пределах которого они не только взаимопредполагают, взаимодополняют, взаимопереходят, но и взаимоотрицают друг друга. Противостояние между «мужчиной» и «женщиной» как двумя взаимоисключающими инстанциями является имманентным свойством бытия, его неотъемлемой атрибутивной характеристикой. Каждый из них отрицает «другого» как свою противоположность, поскольку и «мужчина» и «женщина» представляют собой по многим характеристикам отличные друг от друга субстанции Бытия. У каждого из них особая анатомия и физиология, особым образом организована рационально-мыслительная и эмоционально-волевая сферы, что во многом предопределило в глубокой древности общественное разделение труда и в конечном итоге привело к созданию сугубо антропологического пространства, каким является культура. Напомним, что гендерная асимметрия, основанная на природно-биологических различиях полов, является одним из доминирующих факторов культурогенеза и именно благодаря гендерной неоднородности поэтапно создавалась, выстраивалась культура, в пределах которой со временем гендерное противостояние достигло предельной степени напряженности, что привело к такому социальному катаклизму как «порабощение женщины мужчиной»

Одной из форм снятия социального напряжения между враждующими, взаимоотрицающими сторонами станет эмансипация, призванная выровнять сложившейся социальный дисбаланс гендерных сил. Однако важно подчеркнуть, что в онтологическом отношении сложившаяся модель гендерного равенства, по сути, губительна для феминной бытийности и имеет для дальнейшего присутствия «женщины» в культуре постмодерна деструктивный, разрушительный характер по ряду причин.

Во-первых, в онтологическом смысле эмансипация не дает и не может дать полного равенства между «мужчиной» и «женщиной» в качестве особых бытийных инстанций. Социальное раскрепощение женщины создает лишь иллюзию абсолютного равенства, оборачивается поверхностным касанием полов, в котором, говоря в стилистике русской религиозной философии, нет проникновения в андрогинистическую «тайну человека». В этом отношении совершенно справедлива онтологическая оценка процесса эмансипации, данная в свое время Н.А.Бердяевым, который, указывая на противоречивый характер стремления женщины быть во всем равной мужчине, писал: «Женское эмансипационное движение по существу своему - карикатурно, обезьянно-подражательно, в нем есть гермафродитическое уродство и нет красоты андрогинистической. Идея женской эмансипации донныне покоилась на глубокой вражде полов, на зависти и на подражательности. ... Женщина, механическим подражанием, из зависти и вражды, присваивает себе мужские свойства и делается духовным и физическим гермафродитом, т.е. карикатурой» [4. С.199].

В условиях промышленного производства и машинной индустрии, превратившись из домохозяйки в работницу, женщина была вынуждена под давлением экономических обстоятельств отвоевывать себе права и свободы, чтобы выжить в новых условиях капитализированного мира. Став наряду с мужчиной производительной силой, женщина постепенно стала присваивать не свойственные ей ранее «социальные роли», проникать в чуждое ей бытийное пространство.

То, что эмансипация приобрела подражательный характер, было с самого начала предопределено объективной логикой общественного развития. Трудясь и работая наравне с мужчиной, женщина стала настойчиво добиваться права и жить как «мужчина». Она освоила традиционно мужские в прошлом профессии – врача, юриста, педагога, и т.д., внесла разнообразие и существенно обогатила своей гардероб, заимствуя у мужчины и покррой, и стиль его одежды, она даже приобщилась к мужским «дурным привычкам» от табакокурения и алкоголя, до соблазнов «свободной любви». Но самое главное – произошло искажение, кардинальная смена исконно феминных ценностей, которые женщина по своему природному назначению традиционно реализовывала в браке, семье и материнстве. Тревогу вызывает исчезновение из пространств культуры постмодерна, того, что многие философствующие умы обозначали не и иначе как «Вечно-Женственное», воплощающее истинное женское бытийное начало. Современная эмансипированная женщина ведет себя буквально как «мужчина» - она решительна, агрессивна, целеустремленна, умеет принимать жесткие решения, откровенно сексуальна, материально независима, успешна, ориентирована на карьеру, а не дом, семью, мужа и детей. Представленный портрет настолько узнаваем, что не требует особых комментариев, кроме, пожалуй, одного: «является ли оригинал «женщиной?»». В этом отношении важно подчеркнуть, что внешнее подражание «мужчине», к которому невольно подтолкнула «женщину» эмансипация, не приводит к подлинному, истинно-бытийному равенству, которое онтологическом смысле достигается лишь пределах андрогинистической целостности человека.

Во-вторых, в ситуации постмодерна все более явно прослеживается тенденция возрастания деструктивного воздействия эмансипации на деформацию феминной бытийственности. Складывается в определенном отношении парадоксальная ситуация: на социальном уровне женщина раскрепощена и свободна, полностью равна как субъект социальной практики мужчине, но на онтологическом уровне анализа со всей очевидностью выявляются симптомы деформации феминности, ведущие к ее перерождению в качественно иное бытийное состояние. Диалектика социального раскрепощения женщины состоит в том, что ее движение вперед, оборачивается приближением к концу, к некому трагическому финалу, состоящему в исчезновении «женщины» как противоположности «мужчине». На эту тему на заре века рассуждал Ф.Ницше, одним из первых предвидевший опасность, которую таят в себе плоды эмансипации. Он писал: «Женщина вырождается! Это происходит в наши дни – не будем обманывать себя на сей счет! Всяду, где только промышленный дух одержал победу, ... женщина стремится теперь к экономической и правовой самостоятельности приказчика: «женщина в роли приказчика» стоит у врат новообразующегося общества. И в то время, как она, таким образом, завладеет новыми правами, стремится к «господству» и выставляет женский «прогресс» на своих знаменах и флажках, с ужасающей отчетливостью происходит обратное: женщина идет назад» [2. С. 356].

Подобного рода заключения, несомненно, вызывающие тревогу, основаны на онтологическом анализе происходящих в культуре перемен, которые во многом спровоцированы изменением социального положения женщины. В настоящее время сфера гендерных отношений охвачена процессами, которые в онтологическом контексте можно обозначить как «гендерная диффузия», содержание которой заключается в том, что широко развернулся процесс взаимопроникновения феминной и маскулинной бытийственности, что в конечном итоге и приводит к глубокой трансформации, сущностному перерождению как «женщины», так и «мужчины». В культуре постмодерна, в пределах которой в принципе нивелируются резкие гендерные демаркации, наблюдается своеобразное движение полов

«навстречу друг другу», в ходе которого на фундаменте естественно-природных различий между «мужчиной» и «женщиной» надстраивается противоположная, не адекватная биологическому полу, гендерная, поло-ролевая структура, что приводит к созданию неких гибридных форм в виде «маскулинной феминности», и, соответственно, «феминной маскулинности». Это своеобразные «гендерные кентавры», являющиеся результатом процесса деструктивного созидания, в ходе которого происходит разрушение гендерных архетипов классической культуры, сформированных на основе существования контрастных гендерных типов с четкой бинарной оппозицией «мужчины» и «женщины».

При этом необходимо отметить, что гендерная диффузия, катализируя процессы своеобразного дрейфа поло-ролевых структур в направлении все большего сближения, приводит скорее к деформации и искажению бытийностей, чем к гармонизации их взаимоотношений. От своего первоначального стремления «жить как мужчина» женщина вплотную приблизилась к воплощению своего «последнего желания» - «быть как «мужчина»». По всей видимости, еще не наступило время для осознания того непреложного обстоятельства, что стать как «мужчина», во всем подражать ему, отнюдь не означает доподлинно быть им. По ряду глубинных причин «женщине» никогда не удастся проникнуть в сущность противоположной, маскулинной бытийственности и всецело присвоить онтологическую самость «мужчины», овладеть ею безраздельно. Она никогда не сможет занять мирозданческого места «мужчины» в качестве созидательной, продуцирующей онтологической силы. Внешнее касание полов, основанное на копировании и внешнем подражании, порождает причудливые, в определенном смысле уродливые формы, демонстрирующие перерождение «женщины» в свою противоположность, в которых усматриваются явные признаки ее онтологического завершения, ее крах в качестве самостоятельной бытийной инстанции.

Литература

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1961. – Т. 21. – С. 23–178.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 238–406.
3. Богатова Л.М. Эмансипация: finita la femina? (Опыт социально-философского исследования). – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – 90 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. – М.: Искусство: Лига, 1994. – Т. 1. – С. 37–341.

Забота и здоровье: философско-медицинский ракурс

Болотникова Е.Н.

Кандидат философских наук

vlad_lena@mail.ru

Аннотация: Актуальное понимание здоровья и новая трактовка заботы связаны с социальными, культурными и технологическими инновациями последних десятилетий. Истоки современного содержания этих понятий обнаруживаются в античности, смыслы "заботы" раскрыты в работах М.Хайдеггера и М.Фуко, а "здоровье" - в рамках социальной парадигмы. Забота о себе включает заботу о здоровье и утверждает активную роль субъекта в формировании самости и надежд на благополучную жизнь. Забота государственных институтов о населении может быть рассмотрена в рамках структуры фукианской версии "заботы о себе": телосом выступает здоровье, этической субстанцией - образ жизни населения, модус подчинения - универсальная рациональность, а аскетические практики характеризуются авторским дизайном и растущей строгостью.

Ключевые слова: забота, здоровье, благополучие, "себя"индивида, население

Care and health: philosophical medical perspective.

Bolotnikova E.N.

Abstract: A current understanding of health and a new interpretation of care are associated with social, cultural and technological innovations of recent decades. The origins of the modern content of these categories are found in antiquity, the meanings of "care" are disclosed in the works of M. Heidegger and M. Foucault and the concepts of "health" - in the framework of the social paradigm. Self care includes health care and asserts the active role of the subject in the formation of "self" and the achievement of a prosperous life. The care of state institutions about the population can be considered within the framework of the Fukian version of "self-care": telos is health, the ethical substance is the lifestyle of the population, the mode of submission is universal rationality, and ascetic practices are characterized by author's design and growing number of limits.

Keywords: care, health, well-being, "self-care", population.

Понятия "забота" и "здоровье" давно и прочно стоят в одном ряду значимых ценностей, входят в антропологический контур экзистенциального бытия человека, а для общественного мнения представляются само собой разумеющимися, самопонятными. Несколько иначе дело обстоит с содержанием этих понятий в современном научном дискурсе, где идут активные дискуссии о том, что представляет собой здоровье и как именно следует понимать заботу по отношению к индивиду и по отношению к населению в целом.

Определение здоровья, данное в первом пункте Устава ВОЗ справедливо критикуется. Оно малоинформативно, неизмеримо, предполагает рассматривать индивида как объект, оставляя за ним пассивную роль в определении и поддержании состояния своего здоровья. Такой подход получил название "биологической" или "медицинской" парадигмы и был безусловно актуален для XX в. Его квинтэссенция - слова академика Н.М.Амосова, который утверждал, что здоровье организма определяется "его количеством, которое можно оценить максимальной производительностью органов при охранении качественных пределов их функций"[1, с.72]. Актуальные достижения науки, изменение роли пациента в процессе диагностики, профилактики и лечения, разработка стандартов персонифицированной медицины (PPPM) никак не стыкуются с ним.

Другая парадигма в трактовке здоровья - "социальная", в наши дни только формируется. На этом пути Рагимова О.А. и Лысенко Е.М. утверждают, что "здоровье — это системная целостность сущностных характеристик человека, обеспечивающая оптимальную

жизнь, развитие и продолжение индивида или общности" [2, с.32]. Группа ученых во главе с Маляренко Т.Н. [3] предлагает сохранять в содержании понятия "здоровье" основные характеристики биологического подхода, а именно, учитывать жизнеспособность, адаптацию, динамический гомеостаз, силу и количество внутри- и межсистемных связей, пролонгированный сенсорный приток, энергетический потенциал, саногенез. Но вместе с тем, обращают внимание на понятие "well-ness" взятое в единстве с "well-being" (благополучие): сознательно выбранное здоровое поведение индивида, его стиль жизни и обеспечение гармонии физического и психического. Отметим, что при таком подходе, во-первых, индивид перестает быть пассивным объектом профессиональных медицинских манипуляций, во-вторых, организм и образ жизни индивида берутся в целостности, в-третьих, индивид и среда его обитания (экологическая, географическая) также рассматриваются в единстве. Тогда на первый план выходит установка заботы о здоровье, которое в итоге позволяет индивиду благополучно жить, что ведет к благополучию общества в целом.

Мощная философская традиция осмысления заботы берет свое начало еще в античности, когда призыв "позаботься о себе" предшествовал девизу "познай себя" [4, с.103], в диалогах Платона Сократ указывает Алкивиаду, что индивид не рождается с умением заботиться о себе, в этом деле требуется наставник [5], метафорой заботы часто служило лекарство. Профессор Пичугина В.К. установила, что антропологический, педагогический и медицинский дискурсы античности смыкаются в перспективе заботы [6]. Современный исследователь и практикующий доктор К.Дернер также определяет категорию заботы в числе основополагающих для оценки врачебной деятельности [7]. Новейшие верифицированные исследования мотивации студентов медицинского профиля подтверждают, что забота находится в числе значимых причин профессионального выбора [8]. Иными словами, понятия "забота" и "здоровье" чрезвычайно близки друг другу.

Как же понимается забота в современной философии? Фундаментальная онтология М.Хайдеггера отвечает на этот вопрос, открывая две перспективы: онтологическую и онтическую. В книге "Бытие и время" дано итоговое определение заботы: «вперед-себя-уже-бытие–в (мире) как бытие-при (внутримирно встречном сущем)» [9, с.222]. Ясность Хайдеггеровского замысла открывается через сюжет "одной древней басни". В ней Забота подняла ком глины с земли и слепила из него человека, а затем призвала на помощь Юпитера, который вдохнул в человека жизнь. Спор между Землей и Юпитером о том, кому будет принадлежать получившееся произведение рассудил Сатурн. Удерживать в единстве земное и небесное, материальное и духовное будет Забота, ей принадлежит человек пока жив, после смерти же каждый получит свое обратно: Земля - тело, а Юпитер - дух [9, с.228]. Мыслитель утверждает, что у заботы о себе нет никакого приоритета перед собственно заботой, она носит всеобщий, тотальный характер.

Онтическую проекцию заботы как заботы о себе детально разработал М.Фуко. Она концентрируется вокруг четырех подвижных координат: телос, этическая субстанция, модус подчинения и аскетические практики [10, с. 143-147]. Это - смысловые доминанты, которые в зависимости от многих обстоятельств могут наполняться различным содержанием. Структура заботы о себе сформулирована таким образом, что "себя" индивида нигде заранее не дано, не существует, не предполагается, "себя" — это становящееся бытие. Принцип в том, что именно в практике заботы индивид и формируется, но не биологически, а лично, социально, он становится этим самым "себя", "собой", который и осуществляет заботу. В заботе о себе жизнь индивида трансцендирует *zoos* и становится *bios*, из зоологии становится биографией.

Серьезная критика такой "этики себя" имеется в текстах С.С.Хоружего и его сподвижников. Они утверждают, что практики и техники себя, описываемые Фуко, ведут к эгоцентризму и не способны вывести индивида к горизонту подлинного существования, забота о себе у современника наследует стоическую традицию и "...в целом неизбежно заключена в рамки рационального исследования себя и улучшения своей души с помощью

разума" (курсив автора А.Е.Соловьева) [11, с.325]. Исследователи отмечают целостный характер подлинной заботы и обнаруживают такую форму в духовных практиках исихазма.

Историческая антропология представляет нам множество вариантов и форм практик субъективации, общим знаменателем которых остается забота. Таким образом, логически непротиворечивым выглядит допущение, что данная структура заботы может быть применима не только к индивиду, но и к коллективному субъекту, к обществу в целом, к населению, взятому в определенных исторических и культурных границах.

Если сфокусироваться на актуальном содержании понятий "забота" и "здоровье" в перспективе государства, прицельно увидеть заботу государства о населении, то можно отметить следующие черты. Во-первых, здоровье — это один из трех главных ориентиров современного общества. Начиная с XVIIIв. "Телеология населения — это процветание, здоровье и безопасность"[12, с.23], т.е. здоровье является телосом. Во-вторых, этической субстанцией выступает образ жизни населения, к регулированию которого применяются как ограничительные, так и поощрительные техники управления. В-третьих, модусом подчинения выступает универсальная рациональность, тотальное распространение медицинских знаний, информирование в области экологии. В-четвертых, аскетические практики характеризуются двумя разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, у индивида имеется не виданная ранее свобода в выборе способов и видов самоограничений и отсюда возможность их авторского дизайна. С другой, система социальных и экономических санкций направляет аскетические практики населения в определенное русло и делает это во все более строгом режиме.

Таким образом, казалось бы, самопонятные "забота" и "здоровье", взятые в прицеле авторитетной критической мысли, позволяют открыть новые горизонты антропологических констант человека и увидеть узловые точки социальных связей. Оппозиция биологический / социальный подход к здоровью все дальше от реальной действительности, очевидна общность индивидуальной заботы и заботы о здоровье населения, постепенно сближаются забота о себе и забота о мире, например, в экологической перспективе. Ресурсы философского знания, медицинских наук, инженерии и *lifescience* могут стать источником продуктивных ответов на смысложизненные вопросы в обретении благополучной жизни как индивидом, так и населением в целом.

Литература

1. Амосов Н.М. Мое мировоззрение // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 50-75
2. Рагимова О.А., Лысенко Е.М. Историко-философский анализ понятия здоровье в естествознании и русской философии // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т.14, вып.1. С.27-32.
3. Маляренко Т.Н., Быков А.Т., Терентьев В.П. и др. От медико-биологической к медико-социальной трактовке сущности здоровья // Медицинский вестник Юга России. 2011. №4. С. 12-23.
4. Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2. С. 96 -123.
5. Платон. Алкивиад I / Собрание сочинений в 4т. Т.1. М.: Мысль, 1990.
6. Пичугина В.К. Антропологический дискурс "заботы о себе" в античной педагогике: монография / науч.ред. Г.Б.Корнетов. М.: АСОУ; Калуга: ООО "ВашДомЪ", 2014. 180 с.
7. Дернер К. Хороший врач. Учебник основной позиции врача / Пер. с нем. И.Я.Сапожниковой при участии Э.Л.Гушанского. - М.: Алетейа, 2006. 544 с.
8. Темкина А. Девушки в белом: гендер и обучение практикам профессиональной заботы в сестринском деле / Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства: сборник статей / под ред. Е.Бороздиной, Е.Здравомысловой, А.Темкиной. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 336 с. С.25-58.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
10. Фуко М. О. генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2. С. 135-159.
11. Соловьев А.Е. Бытийная трансформация в "практиках себя" и христианском подвижничестве // Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте /Отв.ред. С.С.Хоружий. - М.: Прогресс-Традиция, 2010. 928с. С. 316-333
12. Бикбов А. За порогом новой эры правления / Дин М. Правительность: власть и правление в современных общества. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2016. 592с. С.7-33

Любовь как проводник в будущее

Болотова Л.В.

lyudmbolotova@mail.ru

Аннотация: В статье представлен инновационный подход к «таинственной энергии любви» как к проводнику в будущее. Топология российской нации открывает актуальную бесконечность, в которой возможно становление во времени. Русский язык обретает новую значимость: проявляет себя как макрокоррелятор космической информации. На основе авторского знания «СД-модели Л. Болотовой» и гипотезы о существовании и воздействии на россиян аттрактора спонтанной этнической самоорганизации России АСЭСР раскрыт механизм, позволяющий не только улучшить демографическую ситуацию в стране, но и решить многие задачи цивилизационного развития России. Следование «таинственной энергии любви», как силе воздействия увлекающего в будущее аттрактора АСЭСР, формирует полевую этику, полевое сознание и новое знание. Проставлению вешек в цивилизацию грядущего способствует продвижение Интернет-Проекта «Навигатор судьбы, любви, успеха» на сайте россия-лидеров.рф, в основе которого - авторская имитационная модель квантового процесса корреляции гилетических чисел (ноу-хау).

Ключевые слова: таинственная энергия любви, время, имя, график «СД-модель Л.Болотовой», гилетическое число, актуальная бесконечность, интегрально-квантовая картина мира.

Love as a guide to the future.

Bolotova L.V.

Abstract: The article presents an innovative approach to the “mysterious energy of love” as a guide to the future. The topology of the Russian nation opens up actual infinity in which formation in time is possible. The Russian language is gaining new significance: it manifests itself as a macro correlator of space information. Based on the author’s knowledge of the “L. Bolotova SD Model” and the hypothesis of the existence and impact on Russians of the attractor of spontaneous ethnic self-organization in Russia, the ASECD has revealed a mechanism that allows not only to improve the demographic situation in the country, but also to solve many tasks of Russia’s civilizational development.

Following the "mysterious energy of love", as the power of the influence of the attracting ASECD attractor to the future, forms field ethics, field consciousness and new knowledge. Promoting the milestones in the civilization of the future is facilitated by the promotion of the Internet Project “The Navigator of Fate, Love, Success” on the website WWW.РОССИЯ-ЛИДЕРОВ.РФ, which is based on the author's simulation model of the quantum process of correlation of guiletic numbers (know-how).

Keywords: mysterious energy of love, time, name, schedule “L. Bolotova SD model”, guilet number, actual infinity, integral-quantum picture of the world.

О космическо-онтологическом аспекте «таинственной энергии любви» писал П.А. Сорокин [1]. Новую значимость приобретает эта энергия в связи с учением А.Ф. Лосева об именах и числах. Интегрально-квантовая картина мира даёт возможность говорить о становлении времени.

«... время и есть, и не есть вечность сразу и одновременно, ибо временная вечность и временное время есть определённая и ограниченная бесконечность, актуальная бесконечность, где безграничное становление и вечное самоприсутствие есть одно и то же... актуальная бесконечность должна обеспечить как безграничность становления, так и его границы» [2, с. 88–89]. Определённая через русский язык в фамилиях-именах-отчествах россиян топология российской нации задаёт границу актуальной бесконечности и предопределяет безграничность становления российской нации во времени [3].

Будущее – это своего рода инобытие: «...общение инобытия и сущности возможно только в сфере смысла, идеи, энергии, т.е., прежде всего, имени. ...В результате имя есть принцип и предел, осмысливающая норма и критерий для становления сущности в инобытии» [2, с. 227–229]. Смысловая архитектоника личностей россиян записана в их фамилиях-именах-отчествах и может быть выражена численно: «...число есть принцип категориальной осмысленности сущего» [2, с. 776].

Числовой континуум имён-отчеств россиян отображает авторское знание - график «СД-модель Л.Болотовой», расположенный в диапазоне от 1 до 118 [4]. Сбывается пророчество А.Ф. Лосева: «...все умные числа ограничены. ...Мы должны получить в результате оформленную бесконечность или актуальную бесконечность» [2, с. 786]. В древнем христианском апокрифе «Евангелие от Фомы» 118 пунктов. Н.В. Коротаев предпринял попытку расшифровки чисел этого апокрифа как стереотипов поведения современных россиян [5].

Числовой континуум фамилий-имён-отчеств россиян находится в диапазоне до 144. «Наличие всякой конечной сущности подразумевает наличие охватывающей её бесконечности; в свою очередь, бесконечность актуализируется через конечные сущности [6, с. 16]. Полнота есть целостность в парадигме времени» [6, с. 19].

«Геометрическое представление гилетического числа есть объёмное тело, по крайней мере - четырёхмерное, - в качестве четвёртого измерения выступает «опространственное» время. Каждое из этих измерений имеет мощность континуума» [7, с. 289].

Две схемы – фамилия и имя, имя и отчество россиян парадоксально единятся в схеме фамилия-имя-отчество. Так через трипостасное бытие осуществляются метафизический антропный принцип и принцип двойственности-тройственности интегрально-квантовой картины мира. Четвёртая координата гилетического числа проявляется как процесс усложнения параметров («прямое» время - будущее) или их упрощения («встречное» время - прошлое).

В событиях человеческой жизни, в любви, осуществляются квантовые переходы, происходит коэволюция параметров личностей, корреляция гилетических чисел, определяющих эти параметры. Русский язык является макрокоррелятором космической информации, задаёт краевую, фундаментальную семантику для жизни российской нации.

«В основе порождения и эволюции социальности лежит механизм многоединой кооперации (ММК), согласно которому каждый индивидуум представлен как малая полнота (онто-изоляция), для которых возможно образование единого социо-эмерджентного пространства... этот механизм может многократно воспроизводиться, в итоге формируя эволюцию, как индивидуальных опытов, так и коллективного опыта по некоторым траекториям. В том числе возможно достижение некоторых аттракторов, которые могут, так или иначе, стабилизировать эволюцию социума» [8, с. 153]. Автором выдвинута гипотеза о существовании и воздействии на россиян аттрактора спонтанной этнической самоорганизации России – АСЭСР [9].

«Переход от потенциальной бесконечности к актуальной осуществляется не в рамках непротиворечивой конечной логики, а в результате трансформационного скачка. ...Вместе со стремлением к бесконечности единого, его части также устремятся к бесконечности. ...Многоедино на своём «верхнем» пределе есть всеединство, отвечающее при числовой репрезентации актуальной бесконечности» [10, с. 28 – 29].

«...многоединое является не только статичным состоянием многообразия конкретных элементов, а обладает потенцией к достижению своего принципиально нового статично-динамического состояния всеединства» [10, с. 30]. Эта потенция к достижению принципиально-нового состояния всеединства определяется как сила воздействия аттрактора.

По мнению автора, «таинственная энергия любви», о которой писал П.А.Сорокин [1], в космическо-онтологическом аспекте проявляется как сила воздействия аттрактора АСЭСР.

Под действием силы воздействия происходит настройка аттрактора-образа на аттрактор праобраз [11].

В настоящее время выявлены некоторые тренды аттрактора-праобраза АСЭСР. Проведённые исследования показывают, что процесс настройки аттрактора-образа АСЭСР на тренды аттрактора-праобраза АСЭСР проникает в жизнь современных россиян. В индивидуальной жизни (при взаимоотношениях людей, в процессе любви) происходят события, которые связаны с актуализацией трендов аттрактора-праобраза АСЭСР. Космически-онтологический аспект «таинственной энергии любви» является потенциалом к увеличению энергий личностей. На разных уровнях ответственности в любви – в паре, в сообществе, в нации, цивилизации, Вселенной - этот потенциал разный - проявляются разные гилетические числа.

Из интегрально-квантовой картины мира следует, что те или иные взаимодействия происходят по кольцу коммуникативного резонанса: «...полнота маркируется нашей «точкой входа» в кольцо коммуникативного резонанса (КР), репрезентирующего полноту [10, с. 29]. «При формализации мы вводим... понятие об «уровнях», которые при «взгляде из бесконечности» являются изоморфными» [6, с. 22].

«Всякое событие двойственно... из двух путей-ветвей коммуникативного резонанса «первичен» путь «сверху-вниз» ... В каждом событии осуществляется своего рода «интегральное выведение» – спуск от полноты к частичности» [12, с. 83–84]. Так через силу воздействия аттрактор-праобраз влияет на аттрактор-образ. «Событие, осуществлённое в нашей частичной действительности, направлено по восходящей ветви коммуникативного резонанса (снизу-вверх)» [12, с. 84]. Так происходит «настройка» аттрактора образа на аттрактор-праобраз.

Через взаимоотношения людей (членов пары) сегодня идёт битва за жизнь поколений. В этом состоит глобальная значимость решения демографической проблемы в России. В соответствии с учением Л.Н.Гумилёва [13] степень разнообразия стереотипов поведения в этносе возрастает при начале этногенетического процесса. При затухании этноса происходит упрощение спектра. Проведённые исследования демонстрируют сужение спектра стереотипов поведения современных россиян [14]. Необходимо осуществить путь «снизу вверх» (в будущее) - такую миссию имеет современное человечество по отношению к даруемой «сверху вниз» «таинственной энергии любви».

Цели проставления вешек на пути «вверх» служит Интернет Проект «Навигатор судьбы, любви, успеха» на сайте россия-лидеров.рф [15], в основе которого имитационная модель (ноу-хау): на основе авторского взгляда на иерархию и корреляцию гилетических чисел в Проекте произведена формализация перехода от уровня к уровню в диапазоне от 1 до 118.

По мнению М.М. Шварцмана, осуществление человеком правильного выбора является атрибутом процесса конвергенции времени [11]. Способность во взаимоотношениях и в любви к повышению уровня иерархии своего сознания и своей жизни – это высшее творчество, которое можно назвать жизнотворчеством.

Проект «Навигатор судьбы, любви, успеха» производит расчёт, даёт подсказку для следования индивидуумом пути «вверх»: «...переход на более высокий последующий уровень осуществляется при достижении полноты на предыдущем уровне. В своей совокупности все эти резонансные промежуточные уровни можно понимать как трансцендентальную область, промежуточную между имманентной областью (макроскопический, частичный предметный мир) и трансцендентной областью (в нашем случае это Абсолют, Высшее Начало, Бог) [16, с. 39].

Итак, при движении на уровне, а также от уровня к уровню достигается новая аналитичность – новые параметры индивидуумов.

В современном мире «таинственная энергия любви» является проводником в будущее, так как творит потенциал будущего. В случае правильного выбора и действенности человека

(путь «вверх») может осуществиться «прорыв в будущее». За краем, за полнотой откроется новая онтология, откроется новое пространство-время – откроется новый – другой – мир.

Литература

1. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., Наука, 1997. 350 с.
2. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., Мысль, 1994. 920 с.
3. Болотова Л.В., Гайдуков В.Н. «СД-модель Л.Болотовой» - системный подход к национальной (общенациональной) российской идентичности // Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения: Материалы международной научной конференции «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения» (г. Москва, 3–6 октября 2019 г.) / сост. М.В. Михайлова. – Москва: Издательский центр МГИК Москва, 2019. С. 862–868.
4. Болотова Л.В. Модели интенсификации чувств в имитациях социального прогресса // Бренное и вечное: власть и общество в мифологиях модернизации: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Великий Новгород, 16–17 ноября 2010 г.) / редкол. А.П. Донченко, Г.Э. Бурбулис, Ю.В. Синеокая, А.А. Кузьмин, А.Г. Некита, С.А.Маленко. – Великий Новгород: НовГУ, 2010. С. 59–53.
5. Коротаяев Н.В. Тайное становится явным... или о чём молчал древний апокриф «Евангелие от Фомы». Красноярск, ООО «Всемир! Всемир! Всемир!», 2007. 187 с.
6. Шашков И.И. Полнота метафизики // Интегралика: от представления о полноте к интегрально-квантовой картине мира: Коллективная монография / под ред. И.И. Шашкова. Тверь: изд-во ТРИАДА, 2017. С. 14–24.
7. Лосев А.Ф. Диалектические основы математики. М.: Academia, 2013. 800 с.
8. Войцехович В.Э., Шашков И.И. Социальный протокод как интегрально-квантовый феномен // Интегралика: от представления о полноте к интегрально-квантовой картине мира: Коллективная монография / под ред. И.И. Шашкова. Тверь: изд-во ТРИАДА, 2017. С. 150–161.
9. Болотова Л.В. Имена и числа: Технология фазового перехода. М., Издательские решения, 2018. 154 с.
10. Тарасюк Т.В., Шашков И.И. Полнота как образ и структурный элемент многоединства // Интегралика: от представления о полноте к интегрально-квантовой картине мира: Коллективная монография / под ред. И.И. Шашкова. Тверь: изд-во ТРИАДА, 2017. С. 25–32.
11. Шварцман М.М. Модель механизма эволюции и движущий её принцип // Восьмые Курдюмовские чтения «Синергетика в естественных науках»: материалы Международной междисциплинарной научной конференции с элементами научной школы для молодёжи / Ответственные за выпуск: Г.П. Лапина, О.В. Козловская. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. С. 384–389.
12. Тарасюк Т.В., Шашков И.И. Из неопубликованного // Интегралика: от представления о полноте к интегрально-квантовой картине мира: Коллективная монография / под ред. И.И. Шашкова. Тверь: изд-во ТРИАДА, 2017. С. 69–90.
13. Гумилёв Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады Географического общества СССР. 1970. № 15. С.143–157.
14. Болотова Л.В. Цивилизация любви. М., Издательские решения, 2018. 174 с.
15. Болотова Л.В. Навигатор судьбы, любви, успеха. Интернет-проект. Руководство пользователя. М., Издательские решения, 2017. 44 с.
16. Тарасюк Т.В., Шашков И.И. Интегральное доказательство бытия Бога // Интегралика: от представления о полноте к интегрально-квантовой картине мира: Коллективная монография / под ред. И.И. Шашкова. Тверь: изд-во ТРИАДА, 2017. С. 33–44.

Сакральность власти и Смута

Большаков В.И.

*РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, профессор. Доктор философских наук
bolshakov-51@mail.ru*

Аннотация: В докладе представлена историософская концепция развития российской государственности от начальных её форм, воспринятых в Византии в 988 году, до современности через призму системных кризисов государственности, или Смутного времени, вызываемых утратой властью своей сакральности, то есть десакрализацией. Автор обозначает чёткие стадии развития системного кризиса, или Смутного времени и выявляет также чёткие этапы выхода из него.

Ключевые слова: сакральность, власть, Смута, системный кризис, государственность, соборность, власть.

The sacredness of power and Troubles.

Bolshakov V.I.

Russian State University of Oil and Gas (NRU) named after THEM. Gubkina

Abstract: The report presents the historiosophical concept of the development of Russian statehood from its initial forms, adopted in Byzantium in 988, to the present through the prism of systemic crises of statehood, or Time of Troubles, caused by the loss of power by its sacredness, that is, desacralization. The author denotes the clear stages of the development of the systemic crisis, or Time of Troubles, and also reveals the clear stages of the way out of it.

Keywords: sacredness, power, Troubles, systemic crisis, statehood, collegiality, power.

Практически все современные системы власти в той или иной степени восходят к римской политической традиции и римскому праву. Рим из маленького городка превратился в центр колоссальной империи, простиравшейся на тысячи миль во все концы света. На долгие столетия Рим стал законодателем политической моды.

Однако, в монархической конструкции Римской империи, стало ощущаться отсутствие духовного или сакрального фундамента. В привнесении этой новой идеи христианской монархии и состоял переворот, произведённый Константином Великим, благодаря которому продолжилась жизнь Римской империи ещё более чем на 1100 лет, теперь уже в её византийском изводе. И именно эта модель государственности Византийского типа была воспринята Русью вместе с крещением 1000 лет назад.

В нашей историософской концепции рассматривается становление российской государственности от начальных её форм, воспринятых в Византии в 988 году. Системный кризис государственности, или Смутное время вызывается утратой властью своей сакральности, то есть десакрализацией. Обычно толчком к этому служит убийство носителя Верховной власти или наследника Престола, так как системообразующим фактором российской государственности, исходя из буквы и духа государственности византийского типа, является сакральность или развитая впоследствии Хомяковым понятие - русская «соборность», которая может быть определена как свободное устремление к единству многих лиц на основе их общей любви к абсолютным нравственным ценностям и добровольного подчинения носителю Верховной власти [1]. Здесь надо заметить, что только освященная церковью единоличная власть может считаться Верховной.

Развитие системного кризиса, или Смутного времени, постепенно углубляясь, имеет чёткие стадии:

1. Десакрализация власти и убийство наследника Престола.

2. Политическое противостояние различных центров власти.

3. Военное противостояние или гражданская война.

4. Внешняя военная интервенция.

5. Оккупация (иго) — самое дно скатывания государственности в Смутное время.

При этом надо иметь в виду, что оккупация не всегда носит военный характер. Можно выделить еще несколько различных форм оккупации: — экономическая; — религиозная; — политическая; — этническая и финансово-информационная. Также они могут встречаться в различных сочетаниях.

Выход из Смутного времени, или системного кризиса, также имеет совершенно чёткие этапы:

1. Покаяние — осознание того факта, что десакрализация власти не была воспринята как начало страшного бедствия, не было попыток остановить процесс углубления системного кризиса.

2. «Партизанщина» — формирование в условиях оккупации религиозно-политических, экономических и военных образований, способных в условиях господства оккупантов сопротивляться им.

3. Народное ополчение — общенациональное объединение с формированием единой военной силы, способной и готовой даже ценой собственной жизни бороться с оккупантами.

4. Восстановление традиционной православно-монархической Самодержавной государственности, восстановление сакральности власти и признания её национальной элитой, а затем и всем народом России.

Здесь надо подчеркнуть, что не всегда Народное ополчение приводит к восстановлению традиционной государственности. Между этими событиями (фазами выхода из Смутного времени) может проходить значительное время. (Например, между Куликовской битвой — народным ополчением и окончательным выходом из Смуты — «Стояние на Угре» прошло сто лет.)

Согласно нашей концепции, первый системный кризис (Смутное время), татаро-монгольское иго, отбросившее культуру и образованность Древней Руси на несколько столетий назад, был связан с охлаждением веры и упованием на физическую силу и, как следствие, десакрализацией власти в период княжеских междоусобиц.

Следствием молитвенного подвига Сергия Радонежского и государственной мудрости Московских князей стало превращение Древней Руси в мощную Православную державу — центр Восточного христианства, а Москвы — в Третий Рим, или новый Иерусалим.

Смутное время начала XVII века достаточно хорошо описано и историками, и публицистами и, каждый без труда сможет выделить в нём отмеченные нами выше этапы как углубления системного кризиса, так и выхода из него [2]. Здесь надо лишь подчеркнуть, что выход из того системного кризиса начала XVII века показал, что Великий Земский собор 1613 года — это не акт случайного стечения обстоятельств, а закономерный шаг обращения в кризисной ситуации к русским соборным традициям, выраженный в восстановлении института Земского собора как национально-религиозной формы народного представительства.

Инициированный западниками церковный раскол второй половины XVII века стал началом многовековой борьбы между патриархальными соборными традициями Руси и новыми веяниями, приходящими из Западной Европы. Непосредственный результат раскола — непримиримое, растянувшееся на столетия разделение Русской церкви и русского общества; более отдалённые его последствия — утрата иммунитета против очередной волны реформирования государственности на Руси. Здесь сыграли свою роль и внешние религиозно-политические причины: интриги Католической церкви, государственных институтов Польши и Литвы под незримым руководством Ордена иезуитов и Римской курии, и внутренние

После выхода из Смутного времени начала XVII века атаки на Русскую государственность со стороны Запада не прекратились: разрушение русской соборной

традиции, вызванное реформами Петра I, крайняя зарегламентированность всех сторон государственной жизни, перенесение на русскую почву модели германских, датских и шведских правительственных учреждений привело к десакрализации Верховной власти. Хотя внешне это привело к европейскому блеску Императорского престола и ряду достижений в развитии России, которые, однако, возникли благодаря труду и гению русского народа. А вот раскол русской культуры и российского общества – это прямое следствие Петровской реформы. Это была крупнейшая социально-политическая катастрофа системного характера, результатом чего стал назревающий третий системный кризис Русской государственности. Разгром русских традиционных институтов привёл к так называемому «бабьему царству», где господствовала западнически настроенная аристократия. Расцвела махровым цветом «придворная оккупация» (особый, формально не закреплённый в политической науке вид внутреннего ига), поощрявшая разгул и разврат, пропагандируемый с высоты императорского престола, стала результатом системного кризиса XVIII века.

Выход из этого системного кризиса был начат императором Павлом I. Введение Павлом закона о престолонаследии, обнародованного в день его коронации в 1796 г., положило конец провозглашённому Петром I произволу императора. С воцарением Павла в России начала восстанавливаться законность, единая и для простого народа, и для высшего света. Жёсткая вертикаль власти, выстроенная его сыном Александром I, привела к тому, что при его преемнике Николае I в Российской империи создались благоприятные условия для укоренения западнической версии «синдрома Цезаря», и сама имперская государственность в России приобрела все черты европейского абсолютизма.

В эпоху Александра II российская государственность приняла характер мягкого, космополитического и просвещённого абсолютизма; при этом громадной важности его реформы пробудили дремавшие в народе духовные силы и мощным толчком двинули вперед Российскую державу. Однако без соответствующего обеспечения возврата всей государственной системы в русло русской соборной традиции этот путь не привёл к оздоравливающим Россию результатам, а лишь вызвал новую волну социальной напряжённости и углубил системный кризис Российской государственности.

Попытка поворота в сторону русских национальных интересов, предпринятая в царствование императора Александра III, была недостаточно продумана и подготовлена. Активная и прямолинейная поспешность русификации польской и балтийских окраин привели к формированию там очагов социальной напряжённости, воспитавших плеяду будущих революционеров, а переориентация России во внешней политике от Германии к республиканской Франции и заключение с последней военной конвенции, наряду с укреплением тройственного союза в Европе (Германия, Австро-Венгрия и Италия), подготовило раскол крайне милитаризованной Европы, что фактически предопределило неизбежность глобальной европейской войны.

Демократические реформы 1906 года – это еще одна попытка в очередной раз пересадить на русскую почву модель западной парламентской демократии, поражённой «синдромом Цезаря», без учёта русских соборных традиций и национальных особенностей. В результате разгула демократической прессы страшное оружие лжи и клеветы было направлено против государя и использовано в условиях тяжёлой и кровопролитной войны, которую Россия вела против Германии. Ещё одно оружие — внедрение в правительственно-чиновный аппарат так называемых агентов влияния, лоббирующих интересы иностранных компаний.

Если проанализировать развитие имперской государственности России к началу XX столетия с точки зрения близости её к Византийской социально-политической парадигме, то мы должны признать, что к началу XX века все социально-политические институты Российской империи были поражены системным вирусом, который оказался настолько разрушительным, что выход из кризиса был бы невозможен без качественного изменения государственной системы. Выход из Смуты XVIII века должен был провозглашен на

Поместном Соборе 1917 года. Но, как мы знаем этот Собор прошел уже когда готовивший его Император уже находился в Тобольской ссылке. Так в 1917 году начались новая богоборческая смута XX столетия и «дни окаянные». Эта Смута по своему содержанию не изжита нами и продолжается до сих пор, причём в 80-е годы XX века её течение вновь обострилось, и это в очередной раз привело к разрушению нашей уже советской державы.

Литература

1. Большаков В.И., Буданцев Ю.П. Соборность российской государственности. Историко-социологический анализ. М., 1999.
2. Грани русской цивилизации. Изд-во: Директ-Медиа. М.-Берлин, 2016. С.717.

Новые тенденции американской научно-технической революции

Бондаренко С. Б.

Курский государственный университет, профессор. Доктор философских наук

bondsb@rambler.ru

Аннотация: Доклад посвящен философскому анализу новых тенденций научно-технической революции (НТР) XX-XXI вв. В современной литературе преобладает точка зрения о тождественности НТР и промышленных революций. Автор обосновывает полную несостоятельность НТР и промышленных революций. В докладе описываются наиболее перспективные и эффективные тенденции НТР, раскрывается их связь с новыми научными открытиями и техническими изобретениями. Выделяются основные направления современного этапа НТР: робототехника, суперкомпьютеризация, нанотехнологии, биотехнологии, управляемые химические реакции, космические роверы и Интернет-спутники. В докладе показывается динамичная полицентрическая структура НТР, порождаемая углубляющейся диверсификацией и интеграцией научно-технического знания разными типами специализированных научных сообществ. Подчеркивается определяющая роль США в развертывании и глобализации НТР. Отмечается практическая ненадежность теории технологического прорыва, которую пытаются использовать в качестве частичной альтернативы американской НТР.

Ключевые слова: наука, техника, компьютеры, роботы, революция, США.

New tendencies of American scientific and technical revolution.

Bondarenko S. B.

Kursk State University

Abstract: The report is devoted to the philosophical analysis of new trends in the scientific and technological revolution (STR) of the XX- XXI centuries. In modern literature, the prevailing point of view is the identity of scientific and technological revolution and industrial revolutions. The author substantiates the complete failure of scientific and technological revolution and industrial revolutions. The report is describing the most promising and effective trends in scientific and technological progress, reveals their connection with new scientific discoveries and technical inventions. The report shows the dynamic polycentric structure of scientific and technological revolution, generated by the deepening diversification and integration of scientific and technical knowledge by different types of specialized scientific communities. The decisive role of the United States in the deployment and globalization of scientific and technological revolution is emphasized. The practical unreliability of the theory of technological breakthrough is noted.

Keywords: science, technique, computers, robots, revolution, USA.

В середине XXв. завязалась бурная дискуссия о специфическом характере развития науки и техники в ведущих экономических странах. Философский анализ этой дискуссии привел ученых к двум основным выводам. Первый вывод: в конце XIX - начале XX вв. в западных странах развернулась научно-техническая революция (НТР), не имеющая аналогов в мировой истории и отличающаяся от промышленных революций. Второй вывод: НТР возникла в США и развивается на основе научно-технических достижений и экономической стратегии США. Было замечено, что НТР осуществляется поэтапно, хотя обсуждение проблемы периодизации НТР так и не завершилось до сих пор.

В XXI в. значительно расширился и углубился диапазон исследований, поддерживающих развернувшуюся американизированную НТР, продолжающуюся уже более ста лет под нарастающим политическим и экономическим давлением достижений в науке и технике. Последний этап НТР породил подъем волны роботизации. Вступление НТР

в этап робототехники вывело глобальную конкуренцию на новый уровень. Роботизация врывается во все новые сферы жизни и деятельности людей: промышленность, сельское хозяйство, образование, космонавтика, военные технологии, транспорт, медицина и здравоохранение, банки, быт. В космонавтике мы видим практические успехи применения роботов: луноходы, марсоходы, космические зонды и спутники. Стремительно растет производство беспилотных летательных аппаратов с непрерывно расширяемым классом решаемых ими задач в самых разнообразных сферах человеческой деятельности: коммерческие услуги, военные операции, экологические кризисы, экстремальные ситуации, научные эксперименты. Создатели робототехники разработали микророботов, которые способны ориентироваться в кровеносных сосудах человека и доставлять лекарства по нужному адресу; проникать в глаз человека и лечить опасные болезни. Особая разновидность микророботов производит микрохирургию клеток головного мозга и, в частности, лечит инсульты. Ведутся испытания боевых роботов. Проводятся эксперименты с роботами-водителями, роботами-полицейскими, роботами-преподавателями, роботами-строителями и т.д. Дроны вторгаются в нашу жизнь, ускоряя технологические процессы, и становятся мощными факторами повышения производительности труда. Видимо, дроны уже в ближайшем будущем войдут в повседневную жизнь человека также, как и телевизоры, автомобили, стиральные машины, холодильники. Робототехника начала быстро развиваться под влиянием и в тесной связи с модернизацией компьютеров.

Компьютеризация приобрела тотальный характер. Она охватила все социальные и возрастные группы, проникла в самые удаленные уголки нашей планеты, активизировала деятельность, направленную на удовлетворение информационных потребностей и интересов. Компьютер превратился в атрибут современного человека. Смартфоны, ноутбуки, планшеты стали модными символами человека XXI в. Растет число суперкомпьютеров, использующих новейшие технологии: многоядерные процессоры, сверхбольшие интегральные схемы, микроэлектронную литографию, кластерные узлы, магистральные сети. В 2019 г. самый мощный суперкомпьютер Summit был запущен в США. Его производительность превысила 200 петафлопс, т.е. 200 тыс. трлн. операций в секунду. Суперкомпьютеры проходят технологическое тестирование с помощью специальных математических программ. Тестирование исключает произвольность и анархичность процессов решения задач компьютером. В настоящее время разрабатываются квантовые компьютеры, которые будут обладать памятью и производительностью большей, чем суперкомпьютер Summit. Новой технологией в развитии суперкомпьютеров некоторые эксперты считают создание сильного искусственного интеллекта. Следует отметить важную особенность отличия искусственного интеллекта от естественного. Искусственный интеллект имеет так называемую логическую схему обычного компьютера, и его работа представляет собой умелое и оперативное использование компьютерных программ. Естественный интеллект человека обрабатывает и систематизирует информацию с помощью законов и принципов логического мышления в комплексе с другими функциями головного мозга (памятью, вниманием, восприятиями, воображением). Видимо, полноценный искусственный интеллект можно создать, соединив микроэлектронику с биотехнологиями.

Одно из перспективных и востребованных цивилизаций направлений – это биотехнологии. Решение острейших экологических и медицинских проблем (загрязнение окружающей среды, пожары, распространение инфекционных болезней, сохранение флоры и фауны, восстановление рек и озёр, лечение массовых заболеваний) невозможно без эффективного применения производительных биотехнологий. Неуклонно расширяется спектр практического применения терапевтического клонирования, гибридизации, трансгенных растений и животных, геной инженерии. Биотехнологии будут изменять облик городской среды, тип транспорта, характер жилищных условий, методы лечения.

Развитие физики, биологии, медицины, геологии невозможно без связи с химическими науками: моделирование структуры молекул и молекулярных соединений, описание разнообразных цепных реакций и их продуктов, управление химическими реакциями с

помощью растворителей и катализаторов, применение саморегулирующихся процессов и супрамолекулярных ансамблей.

Широкое распространение получили нанотехнологии: нанокристаллы, углеродные нанотрубки, нанороботы, наноантенны, наноаккумуляторы, сканирующие микроскопы, композитные наноматериалы и т.д. Нанотехнологии постепенно проникают во все технические знания и превращаются в базисную техническую науку.

Одним из ведущих направлений НТР остается космонавтика. Планируются в ближайшие годы полеты на Луну, Марс, Венеру, спутники Юпитера и Сатурна. США начали осуществление мегапроекта Starlink, который предполагает запуск 12 тысяч специализированных спутников, использующих лазерную систему связи для создания нового космического Интернет-домена. Готовятся запуски космических роверов на астероиды и кометы. Отрабатываются технологии запуска грузовых роверов на астероиды с целью управления их полетами и их доставки на околоземную орбиту. Продолжаются исследования Луны и Марса планетоходами.

Развитие новых направлений НТР ставит множество задач перед математикой, информатикой, медициной, астрономией, геологией, геодезией, метеорологией, океанологией, вулканологией, сейсмологией. Фактически, все науки втягиваются в какие-либо направления НТР, превращаясь в обслуживающую констелляцию ведущего направления. Эта новая тенденция НТР ускоряет решение проблем и рождает новые формы интеграции научно-технического знания. НТР неуклонно трансформируется в гибкую полицентричную динамическую иерархию движущих сил, углубляющих диверсификацию научно-технических исследований и укрепляет формирующиеся новые специализированные научные сообщества. Проведенный анализ направлений и тенденций НТР убедительно демонстрирует несостоятельность отождествления современной НТР и промышленных революций.

Войны служат для США мощным источником финансов и методом колонизации. Видимо, следует ожидать новых военных акций, операций и конфликтов. Для усиления милитаризации мировой политики США используют средства массовой информации, кинофильмы, политические программы, избирательные кампании, судебные тяжбы, экономические санкции, международные организации, спорт, торговлю оружием, артефакты. Модернизация и применение психологического оружия - одно из традиционных направлений американской НТР.

Теория технологического прорыва, которую пытаются использовать с целью частичной альтернативы американизированной НТР, не учитывает важные закономерности и новые тенденции НТР. США постоянно маневрируют и создают все более амбициозные проекты и программы, задавая устойчивые вектора развития НТР и оперативно подбирая соответствующие кадровые ресурсы. США найдут способ для ослабления значения технологического «прорыва». Кроме того, США, имея огромный научно-технический и экономический потенциал, смогут быстро найти адекватный ответ. Никто точно не знает, когда Россия получит долгожданный технологический «прорыв» и оправдает ли он возлагаемые на него надежды. Технологические «прорывы» не заменят даже временно грандиозную динамичную композицию НТР. Тем более, мировые эксперты отметили новую тенденцию в научно-техническом и экономическом развитии США - стремление к эффективной интеграции с ведущими научно-техническими организациями своих союзников. Следовательно, конкуренция между этими странами может вообще исчезнуть.

Роль гуманитарного образования в развитии личности в эпоху глобализации

Бурак О.В.

Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь, младший научный сотрудник лаборатории проблем воспитания личности. Магистр философии

olga.burak85@gmail.com

Аннотация: В докладе с философских позиций рассматривается роль и значение образования в эпоху глобализации и в условиях развивающегося информационного общества. Рассмотрены ряд факторов, определяющих необходимость пересмотра статуса гуманитарного образования. На примере предметов школьной образовательной программы демонстрируется перспективность гуманитарной парадигмы образования, основанной на аксиолого-диалогическом подходе.

Ключевые слова: образование, гуманитарное образование, воспитание, обучение, подготовка, функциональная грамотность.

The role of humanitarian education in the development of personality in the age of globalization.

Burak O.V.

National Institute of Education of the Ministry of Education of the Republic of Belarus, Laboratory of Personality Upbringing Problems

Abstract. The report considers from a philosophical perspective the role and importance of education in the era of globalization and in the developing information society. A number of factors are considered that determine the need to review the status of humanitarian education. On the example of subjects of the school curriculum, the perspectives of the humanitarian educational paradigm based on the axiological and dialogical approach are demonstrated.

Keywords: education, humanitarian education, upbringing, training, functional literacy.

Образование как специфический вид деятельности человека во все времена обладало особым значением. В онтологическом плане образование формирует мировоззрение личности: картину мира, внутреннюю систему координат, ее смысловую и ценностную наполненность, а также готовность к взаимодействию с окружающей действительностью. Неотъемлемой частью образования является воспитание, в процессе которого внутренний мир личности воссоединяется с явлениями внешнего мира.

В эпоху глобализации в условиях развивающегося информационного общества в значительной степени проблематизируются онтологические вопросы гуманитарного образования. В этой связи требуется философское переосмысление понимания категории «образование» относительно различных сфер бытия человека. Актуализация этого понятия позволит различить функции образования и требования к образовательной системе, образовательной деятельности, процессу и содержанию образования в соответствии с социокультурным контекстом XXI века, который задается глобализацией.

С конца XX века в странах, входивших в состав СССР, началась активная разработка национальных систем образования. Вместе с этим в цивилизационном масштабе с началом нового тысячелетия все более очевидно проявляются глобализационные процессы во всех сферах человеческой деятельности, что стало одним из значительных факторов, оказывающих влияние на образование.

Глобализация – достаточно противоречивое явление современности. С одной стороны, социальная, научная, культурная, политическая открытость общества обеспечивает

позитивные эффекты, которые проявляются в развитии межнациональной коммуникации, научно-техническом прогрессе, интенсификации культурных связей и т.п. С другой стороны, под влиянием глобализации и распространяющейся массовой культуры обостряется проблема разрушения национально-культурной идентичности, а утилитаризм и экономоцентризм перманентно корректируют функции и цели образования, превращая его в одну из бытовых услуг для населения.

Фундаментальные изменения во всех сферах социального бытия определяют новые требования к образованию. Наиболее явное влияние на него оказывают технический прогресс в информационно-коммуникационной сфере, технологизация всех отраслей жизнедеятельности человека и связанные с этим радикальная смена уклада жизни и изменение структуры профессиональной занятости. В связи с этим остро встает вопрос развития общества в целом и человека в частности.

Выделяется ряд факторов, влияющих на образование и определяющих круг его приоритетных задач. На первый план выходят отношения человека и техники, человека и искусственного интеллекта. Компьютерные системы производства во многом заменяют человека, а в некоторых случаях он становится гуманитарным придатком для техники. Образование, нацеленное на то, чтобы вводить человека в мир и поддерживать его там, в обозначенных условиях демонстрирует свою недостаточность и неполноту. Таким образом, с позиции философии образования требуется пересмотр места и роли человека в технологизированной среде.

В среде открытого информационного пространства любой человек обладает огромным влиянием на окружающую социальную реальность. При этом он с трудом может запланировать или предсказать последствия своих действий, а тем более нести ответственность за результаты возможных социокультурных изменений. По своим мыслительным, этическим, моральным и духовным качествам человек не соответствует обретенной силе. В связи с этим возникает необходимость изменения содержания образования. С одной стороны, под этим понимается приближение его к практике повседневной жизни в соответствии с социокультурным контекстом, с другой стороны требуется утверждение и закрепление эталонов человечности во взаимоотношениях в социуме.

Под влиянием технической и промышленной революции трансформировали свою структуру экономика и сфера занятости, что в свою очередь изменило требования к профессиональным навыкам. Новые отрасли экономики уверенно отодвигают индустриальные виды занятости на второй план. Одновременно с этим все большее распространение получают явления ремесленничества и индивидуального предпринимательства, когда человек становится полностью включенным во все стадии производства продукта или услуги. Обозначенные экономические условия ставят вопрос о том, каким быть человеку и что ему нужно для реализации, как в профессиональном, так и в личностном плане.

В дополнение ко всему глобализационные процессы изменяют архитектуру образовательных систем. Технический прогресс в области информационных технологий изменил структуру знания, технологию его передачи и освоения. Рамки образовательных систем национальных государств не могут сдерживать выход человека в глобальное образовательное пространство, где он включается в образовательные ситуации разных представлений, подходов и установок.

Кроме этого, в условиях глобализации возникает и развивается установка о том, что такие универсалии как культура, общество, государство, национальная идентичность не являются тотальными и смыслообразующими. На основании этого в обществе формируется мозаичная картина мира в противоположность целостной и систематизированной картине предыдущего этапа его развития. Эта мозаичность представляет собой вызов, как для культуры, так и для образования.

Обозначенные факторы начинают в значительной степени вытеснять ведущую роль образования в деле воспроизводства общества, культуры и идентичности. Происходит смещение акцента с образования и воспитания на обучение, профессиональную подготовку и обеспечение функциональной грамотности, в связи с чем наблюдается усугубление негативных проявлений общества потребления.

В таких условиях классическая модель выстраивания отношений между учителем и учеником демонстрирует свою неэффективность. Из-за низкой степени практической применимости знание, транслируемое учителем для ученика, остается только информацией, которую тот принимает к сведению, но не более. Кроме того, в большинстве своем предметные знания доступны обучающимся в электронно-цифровом формате в глобальной информационной сети.

Безусловно, обширность и доступность глобальных информационных ресурсов превосходит возможности учителя. Однако ни одна информационная база не способна обеспечить адаптированность знания относительно специфики конкретной сферы его применения. Этим определяется необходимость трансформации учителя в наставника. Его роль в социокультурной реальности информационного общества – помочь систематизировать информацию, получаемую из разных источников, и обеспечить ее осмысленное применение в решении практических повседневных жизненных задач. При этом важно чтобы в этих задачах происходила реализация разных уровней образованности – от гражданской и гуманистической до профессиональной и личностной. Особое значение приобретает организация такого процесса образования, в котором происходит развитие индивидуального творческого мастерства личности, способной к созиданию и сотворению окружающей реальности.

В этой связи новые смыслы и значения выявляются в гуманитарной парадигме образования. В современных публикациях по философии образования отмечается необходимость усиления аксиологической составляющей в образовании, значительное место отводится диалогу в образовательной деятельности. С этой точки зрения образование определяется нами как социокультурный феномен, в котором ценности и диалог выступают в качестве его онтологических оснований. В этом смысле, если посмотреть на образование с позиции философии, то (на примере школьной программы) совокупность образовательных предметов будет восприниматься несколько по-другому.

Так, «Я» человека познается им в таких предметах как физическая культура, музыка, рисование, труд, литература, философия. Многогранность мира раскрывается в предметах география, биология, физика, химия, астрономия. Позиция человека в мире определяется в процессе изучения истории, обществознания, искусства. В то же время отдельные блоки предметов составляют те, что формируют способность общения и выстраивания отношений с окружающим миром: письменный язык (родной и второй государственный), устный язык (риторика), символический язык (логика, математика), язык программирования и компьютерная грамотность.

В следствие этого образование мы определяем, как специально организованные условия, в которых раскрывается личностный потенциал человека, формируется его образ окружающей реальности, выявляется субъектная позиция и направленность созидательной деятельности. Воспитание – специально организованные условия, в которых выявляются смысложизненные основания индивидуального и социального бытия человека. Обучение – процесс освоения субъектом образовательной деятельности (обучающимся) эталонного многомерного образа природной или социальной реальности. Подготовка – процесс формирования навыков, позволяющих оперировать необходимыми инструментами преобразования окружающей реальности. Функциональная грамотность – эталонная функциональность субъекта в структуре природной и социальной реальности, обеспечивающая масштабность и расширяющая пределы его созидательной деятельности.

Таким образом, гуманитарное образование – это такой вид созидательной деятельности, в рамках которого весь комплекс дисциплин и предметов направлен на

раскрытие человеком своего потенциала, формирование им своего субъектного образа окружающей реальности и выявление собственной субъектной созидательной направленности.

По нашему мнению, в условиях глобализации и информационного общества необходимо с философских позиций пересмотреть понимание категории «образование» и в качестве перспективного подхода к трансформации образовательной деятельности может выступать концептуальное единство аксиологии и диалогизма, в значительной мере определяющих эффективность и продуктивность процесса личностного и профессионального становления и развития субъекта социокультурного пространства.

***Ментальное измерение социальных феноменов
(структурно-содержательные аспекты исторической идентичности)***

Бутенко С.В.

ГБПОУ Юридический колледж, преподаватель

bytenko@mail.ru

Аннотация: В работе рассматривается проблема феномена исторической идентичности, особенности его понимания в современной социальной философии и других науках об обществе и человеке. Формулируется авторское видение исторической идентичности, представляемое в двух функциональных уровнях – индивидуально-личностном и социально-групповом. Выделяются для социально-философского анализа некоторые структурно-содержательные аспекты феномена исторической идентичности. Актуализируется тесная взаимосвязь феноменов исторической идентичности и менталитета.

Ключевые слова: менталитет, историческая идентичность, личность, бытие, установки, феномен

Historical identity as a social phenomenon: structurally substantive aspects.

Butenko S.V.

GBPOU College of Law

Annotation: The paper considers the problem of the phenomenon of historical identity, the features of its understanding in modern social philosophy and other sciences about society and man. The author's vision of historical identity is formulated, which is presented at two functional levels - individual-personal and social-group. For structural analysis, some structurally meaningful aspects of the phenomenon of historical identity are highlighted. The close relationship of the phenomena of historical identity and mentality is being updated.

Keywords: mentality, historical identity, personality, being, attitude, phenomenon

Развитие исторической науки, многоаспектность объектов познания, раскрывающихся перед исследователями в процессе изучения того или иного проблемного поля, привлекают в исторический дискурс все большее количество специалистов, рассматривающих вопросы с различных подходов. Несмотря на это, ряд проблем остается актуальным и для современного знания, открывая перед исследователями перспективу расширения границ познаваемого объекта.

Не является исключением и вопрос существования исторической идентичности, понимаемой нами как социально-психический феномен, хранящий в течение долгого времени наиболее прочные представления общества о самом себе, и передающий их из поколения в поколение. Наличие такого феномена, как идентичность, говорит о существовании, как в социальном, так и в личностном измерении, неких устойчивых оснований, позволяющих феномену становиться частью того или иного бытия. В роли такой устойчивой платформой может выступать менталитет, который, основываясь на теоретических построениях Д.В. Полежаева, мы понимаем как устойчивую во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) систему внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формируемую (и функционирующую) как под воздействием внешних условий, так и на уровне внесознательного (неосознанного) [3, с. 4]. Концепция Д.В. Полежаева основывается на двухвекторном понимании менталитета – функциональном и ценностном [4].

Функциональный (деятельностный) аспект менталитета включает в себя глубинно-психические установки, связанные с восприятием (когнитивная составляющая менталитета),

оценкой (окружающей действительности) и поведением (деятельностный компонент). Аксиологический ряд аккумулирует установки культурного плана [4] – национальные, религиозные, языковые и т.д., представляющиеся нам основаниями для идентификации личности с различными аспектами своего бытия.

Представленный аксиологический ряд нам видится не полным, так как остается открытым вопрос о возможном существовании исторической идентичности. В связи с включением в процесс идентификации исторического протяжения (даже на уровне внесознательного), возникает вопрос о возможном существовании исторической идентичности как самостоятельного феномена.

Рассматривая менталитет в двухвекторной концепции Д.В. Полежаева, важно отметить, что историческая идентичность, включенная в аксиологический ряд, работает именно в функциональной плоскости человеческого бытия – сферах культуры, неизменно присутствующих в нем. События исторического прошлого воспринимаются личностью, проходят стадию ее субъективной оценки, выражаясь в действиях и суждениях человека, что и формирует общий фон исторической идентичности как социально-индивидуального феномена.

В исторической идентификации определяющим становится сознание, направленное в свое собственное прошлое, отождествляемое личностью со своим качественным бытием. Сформированная историческая идентичность будет определять бытие человека в физическом времени через преломление его сознания (как на уровне сознания, так и на уровне внесознательного) сквозь призму исторического прошлого.

Мы исходим из признания того, что в обществе необходимо существуют определенные установки и механизмы, позволяющие передавать от одного поколения к последующему устойчивые и востребованные моральные ценности и социальные ориентиры общества, направленные на формирование ценностной ориентации бытия общества и понимаемые нами как элементы исторической идентичности. Так, к наиболее фундаментальным установкам, определяющим существование исторической идентичности, можно отнести: установку на сохранение обществом самого себя во времени и пространстве; установку на обоснование настоящего, через отождествление с прошлым; стремление к определению стратегии будущего развития; установка на сохранение наследия для потомков.

Базирующаяся на достаточно прочно сформированных ментальных основаниях, идентичность, по нашему мнению, представляет собой сложную систему, включающую два уровня, как и сам менталитет [3]. Внешний блок (витальный), связанный напрямую с общественными отношениями, наиболее подвижен, он способен к изменениям под воздействием каких-либо влияний извне, в том числе социальных, культурных, политико-идеологических и т.д. Внутренний же блок (инертный) – более устойчивый, основанный на внутренних глубинно-психических социокультурных установках общества (функциональных основаниях менталитета), изменяющихся только во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) [3]. Это объясняет внешнюю динамичность идентификационных процессов, не затрагивающих внутренние, глубинно-психические основания идентичности.

Само существование феномена исторической идентичности нам видится в двух плоскостях-измерениях – индивидуально-личностном и социально-групповом. В роли общего знаменателя, объединяющего эти плоскости, в данном случае выступают ментальные основания, составляющие инертный блок исторической идентичности.

Вполне убедительным видится утверждение, что историческая идентичность как социальный феномен отделена от исторического нарратива функциональной плоскостью, в которой и проявляется практическая направленность ее деятельности. Также теоретически важно наше понимание ментальных оснований исторической идентичности, базы, на которой создается крепкий фундамент существования внутреннего (инертного) блока менталитета / ментальности (и основанной, в свою очередь, на нем социально идентичности в целом) при подвижно-изменчивом внешнем (витальном) блоке. Такое понимание проблемы исторической идентичности, позволит в дальнейшем расширить проблемное поле

исследуемого явления и его функциональных проявлений, уточнить его структурные элементы, расширив, таким образом, потенциальные границы его познания.

Литература

1. Борисов С.В., Борисова О.А. Проявление нормальной и кризисной идентичности в ситуации «конфликта поколений» // Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: тез. XXX Харакского форума (26-30 мая 2016 г., г. Ялта) / под ред. Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 44-47.
2. Громова Ч.Р. Структура идентичности личности современного студента (на примере исследования будущих педагогов) // Вестник адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. 2014. Вып. 3. С. 32-37.
3. Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 360 с.
4. Полежаев Д.В. Российская идентичность в исторической динамике: ментальные аспекты исследования // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. 2015. № 2 (155). С. 29-34.
5. Полежаев Д.В. Русский менталитет: социально-философское осмысление. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 370 с.
6. Полежаев Д.В. Феномен менталитета в социально-гуманитарном знании: историографические заметки // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 2 (48-49). С. 496–501.
7. Полежаев Д.В. Философские основания национальной идентичности // Сибирский учитель. 2017. № 2 (111). С. 60-67.
8. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 95-105.

Особенности качественных и количественных изменений в технике и их философский анализ

Бушуева В. В.

*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, доцент кафедры «Философия». Кандидат философских наук
vbysh2008@rambler.ru*

Аннотация: В работе обоснована актуальность философского анализа качественных и количественных изменений в технике. Качественные и количественные изменения на различных уровнях развития техники имеют свои особенности. Показана их связь и взаимодействие. Патентные организации учитывают значимость как качественных, так и количественных изменений в технических системах. Нельзя абсолютизировать эффективность только качественных изменений. Отмечено, что количественные изменения в технических устройствах имеют определенный предел. Техническую конструкцию нельзя бесконечно совершенствовать в рамках определенного принципа действия. Подчеркивается необходимость качественных изменений, связанных с внедрением нового принципа действия при работе технической системы. Отмечено, что это центральное понятие в технике. Важным моментом в функционировании технических систем является фактор взаимодействия качественных и количественных характеристик. Этот процесс осуществляется на основе разрешения противоречий между ними. Приведены основные приемы разрешения противоречий. В заключение подчеркивается значение философского анализа процесса совершенствования технических систем.

Ключевые слова: философия техники, техника, уровни развития техники, качественные и количественные изменения, процессы совершенствования технических систем, принцип действия, противоречия

Features of qualitative and quantitative changes in technique and their philosophical analysis.

Bushueva V. V.

Bauman Moscow State Technical University, Department of Philosophy

Abstract: The paper substantiates the relevance of the philosophical analysis of qualitative and quantitative changes in technics. Qualitative and quantitative changes at different levels of technique development have their own characteristics. Their relationship and interaction is shown. Patent organizations take into account the significance of both qualitative and quantitative changes in technical systems. The effectiveness of only qualitative changes cannot be minimized. It is noted that the number of changes in technical devices has a certain limit. Technical design cannot be infinitely improved within a certain principle of operation. The need for qualitative changes associated with the introduction of a new principle of action in the operation of the technical system is emphasized. It is noted that this is a Central concept in technics. An important point in the functioning of technical systems is the factor of interaction of qualitative and quantitative characteristics. This process is carried out on the basis of resolving the differences between them. The main techniques for resolving contradictions are given. The article emphasizes the importance of a philosophical analysis of the process of improving technical systems.

Keywords: philosophy of technics, technique, level of development of technics, qualitative and quantitative changes, processes of improvement of technical systems, principle of operation, contradictions

Интерес к философскому осмыслению техники возник в конце XIX века. Понятие «философия техники» в 1877 г. ввел немецкий философ Э. Капп. В России особый интерес представляла работа «Философия техники» П.К. Энгельмейера [1]. Как область

специального философского анализа рассматривали технику Шпенглер, Ясперс, Хайдеггер, Бердяев и др.

В настоящее время техника является предметом систематического исследования многих дисциплин. Технические дисциплины изучают отдельные виды или стороны техники. И только философия исследует феномен техники в целом, ее закономерности развития, перспективы, техническое творчество, место и роль в обществе, и т.д.

Полная и точная картина происходящих в технике процессов невозможна без анализа ее качественных и количественных изменений, противоречий, возникающих в технических системах, и многих других форм ее развития. Среди многообразных видов техники главное, ведущее место принадлежит технике материального производства или производственной технике, которая разделяется на три уровня: отдельное техническое средство, отрасль техники, совокупная техника. Закономерности каждого из них различны, имеют свою специфику качественных и количественных изменений.

Отдельное техническое средство имеет все признаки, входящие в определение «техника», т.е. вещественно, искусственно создано, воплощает определенную природную закономерность, является проводником взаимосвязи человека с природой. Развитие отдельного технического средства протекает в двух направлениях: качественном и количественном. Совершенствование формы, взаимодействия, структуры, эстетичность и т.д. - количественные изменения. Качественные - связаны с изменением принципа действия, функциональных параметров. Качественные изменения разрешают противоречия, которые возникают в технических системах в процессе работы.

Степень значимости качественных изменений зависит от оценки базовых научно-технических принципов. Более значимыми являются те, которые связаны с современными научными достижениями, именно они позволяют открыть новые направления техники. Далее, известные принципы, которые использовались в смежных отраслях, наконец, традиционные, стандартные решения, но в различных взаимодействиях, сочетаниях. Такова общая схема, позволяющая патентным организациям оценить значимость, новизну технических решений на уровне отдельного технического средства.

Количественные изменения не менее значимы, чем качественные. Из истории техники можно привести множество примеров, когда количественные изменения какого-либо отдельного технического устройства давали колоссальный эффект в различных отраслях промышленности, например, нововведение Дизеля. Количественные изменения отдельного технического устройства имеют определенный предел. Конструкцию в рамках данного принципа действия нельзя бесконечно совершенствовать [2].

Качественные изменения любого технического устройства, как правило, связаны с изменением принципа действия. Это центральное понятие в технике. В его основе лежит использование определенной природной закономерности, которая выступает в конкретном виде в тех или иных технических конструкциях. Например, третий закон Ньютона лежит в основе работы реактивного двигателя. Разумеется, в теоретическом виде законы наук сложно использовать в технике. Необходимо определенное осмысление их в плане применения в технических устройствах, то есть разработать техническую идею, а это самостоятельный, очень сложный творческий процесс.

Качественные и количественные изменения на уровне отрасли имеют более сложный и опосредованный характер. Отрасль техники — это определенное единство технических средств, технический комплекс, предназначенный для производства определенной продукции. Качественные и количественные изменения отрасли зависят: от технических средств, входящих в ее состав, способа связи между ними, что обеспечивает строго определенное их взаимодействие, направленное на достижение конкретной цели.

История техники, в определенном плане, история появления и развития отраслей. Каждая из них, претерпевая качественные и количественные изменения, продолжает сохранять специфику. Меняется и процесс их взаимодействия. В те или иные исторические

периоды они могут занимать различное положение, оказывая влияние на развитие других отраслей (военная техника).

Качественные и количественные изменения отрасли связаны с появлением принципиально нового технического средства. Иногда это приводит не только к качественным изменениям существующей отрасли, но и к возникновению совершенно новой, например, изобретение реактивного двигателя дало качественный скачок и в авиационной технике, и ознаменовало появление космической.

О качественном изменении отрасли можно говорить и тогда, когда меняется соотношение, взаимодействие между отраслями, происходит выдвигание на первый план производства какой-либо отрасли, например, вычислительной техники.

Качественные изменения в совокупной технике связаны с изменением целого, системы «человек – техника». Количественные изменения в совокупной технике связаны с усилением составных элементов ее структуры. Качественные и количественные характеристики связаны между собой. Любые изменения всех трех уровней техники оказывают влияние друг на друга.

Качественные и количественные изменения в технике осуществляются на основе разрешения противоречий. Противоречия возникают при несоответствии между функционально значимыми характеристиками конструкции в процессе ее совершенствования. То есть при улучшении одних свойств системы наблюдается ухудшение других. Разработаны и определенные приемы разрешения противоречий, которые выявлены эмпирически на основе анализа истории развития техники [3]. Разрешение противоречий более сложного порядка проводят с использованием коллективных методов активизации творческой деятельности. Данный подход имеет широкое применение в зарубежной практике [4].

И в заключение следует отметить, что при философском анализе технических систем существенное значение имеют и такие методологические подходы, как системный метод, комплексный, междисциплинарный.

Литература

1. Горохов В.Г. Энгельмейер П.К. Инженер-механик и философ техники. 1885-1941. М.: Наука, 1997. 223 с.
2. Бушуева В.В. Значение истории развития техник и для разработки методологии технического творчества // Известия высших учебных заведений. Машиностроение, 2012, № 6, с. 71-76.
3. Альтшуллер Г.С. Найти идею. Новосибирск: Изд-во Наука, Сибирское отделение, 1986. 133 с.
4. Aznar Gi. La creativite dans l'entreprise. Paris. 1971. 185 p.

Мультикультурная политика и терроризм в современном мире.

Бязрова Д.Б.

Северо-Осетинский государственный университет им.К.Л.Хетагурова, доцент кафедры философии и общественных наук. Кандидат философских наук

j.byazrowa@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена философскому анализу проблем, связанных с распространением феномена терроризма в современном глобализирующемся мире. Автором предпринимается попытка исследовать социальные истоки и причины терроризма в контексте новых вызовов и рисков, связанных с превращением миграции в транснациональное явление. Отмечается, что явления экстремизма и терроризма есть в том числе, а может и в большей степени результат социальной исключенности определенных этнорелигиозных, социальных и политических групп. Ситуация отчужденности возникает в силу неспособности обозначенных групп приспособиться к новым, меняющимся условиям современного миропорядка, воздействию внешних факторов, обостряющихся под влиянием несостоятельной мультикультурной политики. Указывается, что политика мультикультурализма, направленная на внутреннюю интеграцию полиэтничного сообщества, в реалиях искусственно консервирует традиционно-общинные отношения, тем самым препятствуя индивидуальной интеграции их членов в гражданское сообщество. Автор отмечает, что для реализации успеха в деле противодействия терроризму прежде необходимо глубокое, всестороннее изучение сущности этого явления, особенностей межэтнических и межконфессиональных отношений в обществе, что, несомненно, способствует созданию лучших условий для эффективной работы по раннему предупреждению возникновения любых проявлений терроризма.

Ключевые слова: мультикультурализм, иммиграция, межэтнические отношения, терроризм, экстремизм, социальный маргинализм.

Multicultural politics and terrorism in today's world.

Byazrova D.B.

North Ossetian State University, after K.L. Khetagurov

Abstract: The article focuses on a philosophical analysis of the problems associated with the spread of the phenomenon of terrorism in today's globalizing world. The author attempts to explore the social origins and causes of terrorism in the context of the new challenges and risks associated with the transformation of migration into a transnational phenomenon. It is noted that the phenomena of extremism and terrorism is also, if not more, the result of the social exclusion of certain ethno-religious, social and political groups. The situation of alienation arises because of the inability of the designated groups to adapt to the new, changing conditions of the modern world order, the influence of external factors, exacerbated by the insolvent multicultural policy. It is pointed out that the policy of multiculturalism aimed at the internal integration of the multi-ethnic community in reality artificially preserves traditional-community relations, thereby preventing the individual integration of their members into the civil community. The author notes that in order to realize success in countering terrorism, a deep, comprehensive study of the essence of this phenomenon, the peculiarities of inter-ethnic and interfaith relations in society, which undoubtedly contributes to the fact that it is necessary to achieve success in countering terrorism. to create a better environment for effective work to prevent any form of terrorism.

Keywords: multiculturalism, immigration, inter-ethnic relations, terrorism, extremism, social marginalization.

В последнее время заметно усилился интерес к профилактике терроризма, особенно в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений. Ясно, что для эффективной работы по

раннему предупреждению возникновения любых проявлений терроризма необходимо более глубокое и всестороннее изучение этого противоправного и антиобщественного феномена.

Терроризм, как известно, имеет не одну, а множество причин, порождающих данное противоправное и антиобщественное явление. В научном дискурсе феномен экстремизма и терроризма чаще связывают с социальным неблагополучием, сложностями социально-экономической и политической жизни в отдельных регионах, ситуацией незавершенности исторических процессов, консервирующих определенные культурно-исторические и религиозные противоречия. Несомненно, социальные истоки и причины терроризма имеют широкий охват перечислений, но проблему экстремизма и терроризма, на наш взгляд, следует прежде всего рассматривать сквозь призму маргинальности определенных этнорелигиозных, социальных и политических групп. Под воздействием противоречивых глобализационных процессов социальным общностям непросто приспособиться к новым, меняющимся условиям современного миропорядка, в силу чего и порождаются ситуации социальной исключенности. Маргинальные группы, не имея возможности инкорпорироваться в структуру современного мира, не принимая навязываемые им чуждые социальные и нравственные ценности, тем самым оказываются на «обочине» формирующегося нового мирового сообщества. Следует отметить, что попытка «вписать» некоторые этнорелигиозные, политические и социальные группы в единую общечеловеческую систему ценностей в рамках постепенного становления мирового сообщества - путь весьма сложный и трудный, к тому же носит сегодня не эволюционный, а больше революционный характер.

Приходится признать, что на сегодняшний день не существует универсальной концепции, способной интегрировать самобытные культурные проявления. Это обусловлено процессами поляризации современного мира, ростом населения, кризисом системы производства и распределения материальных и духовных благ.

Одна из последних надежд большой политики- политика мультикультурализма, как модель и возможный вариант решения этнонациональных проблем в современных поликультурных обществах оказалась также малоуспешной и неэффективной, как и ранее аромбируемые технологии, о чем свидетельствуют многие социально-политические реалии новейшей истории.

Политика мультикультурализма, как попытка мягкого инкорпорирования в чужое национальное тело, претерпела критическое переосмысление в контексте новых вызовов и рисков, связанных с превращением миграции в транснациональное явление, с активизацией фундаменталистских течений и экстремистских проявлений. Большие миграционные потоки, разный исторический опыт культурных общностей, столкновение секулярной западноевропейской системы ценностей с религиозной мусульманской, резко усилили протестные настроения в европейских странах и в США. Существенным изменениям подверглись в последнее время и настроения в иммигрантской среде – налицо тенденция нарастания конфессиональной составляющей в определении идентичности, участились проявления их активного сопротивления государственной власти. Вместе с тем дистанцирование иммигрантов от обществ их проживания всё чаще выражают тревогу и обеспокоенность в немусульманской части Запада, что в целом характеризует данную ситуацию как эскалацию социальной напряженности.

Реалии сегодняшней политической действительности таковы, что общества, внедряющие мультикультуральные технологии, вместо интеграции получили обратный результат, так как налицо возникновение массы новых проблем в сфере межэтнических отношений.

Парадокс в том, что мультикультурализм, искусственно консервируя традиционно-общинные отношения, фактически препятствует индивидуальной интеграции их членов в гражданское сообщество. Следствием этого наблюдается рост групповых форм идентичности, их реконструкции. Данные тенденции способствуют не разрешению межэтнических конфликтов, а напротив их укреплению. Во всех странах

мультикультуральной политики заметен значительный рост межэтнической напряжённости, ксенофобии и враждебности к иммигрантам. Вместо интеграции (а именно она заявлялась как главная цель мультикультурализма) распространяется добровольная самосегрегация меньшинств и отчуждённость иммигрантов, что по определению уже противоречит изначальному замыслу мультикультурализма. Как верно заметил Назаровым В.Л., политика мультикультурализма «...по замыслу ее архитекторов, должна была защищать гуманизм, свободу культурного самовыражения и демократию. Оказалось же, что на практике появление замкнутых поселений и кварталов ведет к возникновению в них альтернативных управленческих институтов, блокирующих деятельность избранных органов власти на уровне города и страны. В таких условиях практически неосуществима защита прав человека» [1 с.142].

Следует отметить, что несостоятельность мультикультурального эксперимента кроется в недостатках самой её идеологии, а точнее - в её ошибках. Так, например, известно, что реализовать политическую интеграцию без культурной унификации легче в недемократическом обществе, то есть там, где власть идёт сверху (монархия, авторитаризм) и объединяет всех подданных посредством принудительной лояльности. В государстве же с механизмами политической демократии (там, где власть исходит снизу) культурная унификация представляется как необходимое средство стабилизации общества. В противном случае демократические механизмы просто перестают работать, понятие «воли народа» становится невозможным. Уличные бунты, демарши, радикальные и экстремистские умонастроения в этих обществах есть не что иное, как следствие неработающих демократических механизмов.

Обеспечивать порядок, безопасность и всеобщую гармонию в обществе с тенденцией развития культурного плюрализма, становится с каждым годом всё сложнее. По мнению одного из исследователей проблемы мультикультурализма Ч.Кукатаса «...у приверженцев разных культур существуют разные мнения о том, что считать правильным, а что ложным, что считать хорошим, а что плохим. Поэтому периодически мы наблюдаем так называемые «скандалы с хиджабами», когда правительства европейских стран, вопреки мнению мусульманской общины пытаются запретить ношение религиозной одежды на улицах и в учебных заведениях. Или же конфликт, когда защитники прав животных выступают против религиозных традиций этнических меньшинств совершать забой скота, при котором мясо можно считать «кошерным» или «халяль». При этом способ убийства животного по таким обычаям противоречит нормам гуманного забоя скота, принятым в либеральных странах. Ещё одной дискуссионной и фактически неразрешимой проблемой является обычай увечить половые органы девочкам (так называемое женское обрезание), принятый в некоторых мусульманских странах. Европейцами это действие трактуется, как нанесение тяжких увечий, а для части мусульман — это традиция» [2].

В современном европейском мире ситуация осложняется еще и тем, что приезжие как правило не настроены менять свой привычный образ жизни и мышление на культурные стандарты западного мира. Неприятие чуждой для мусульман -иммигрантов цивилизационной парадигмы обусловлено, на наш взгляд, рядом причин. Одна из таких причин - столкновение секулярной западноевропейской системы ценностей с религиозной мусульманской. Европа, переживающая на современном этапе кризиса христианства, рост числа атеистов, может противопоставить исламу только идеологию либерализма с её толерантностью, но религиозная идеология по силе влияния всегда имеет преференции. Как справедливо отмечает Сахарова В.В. «Лишенные «сакрального оправдания», либеральные ценности явно проигрывают религиозным ценностям мусульман. Поэтому иммигранты-мусульмане, приезжая на чужую землю, не отрицают практику культивирования своих привычных законов, поскольку они «правильны» и благословлены Аллахом. Отсюда и появление «шариатских патрулей», неуважительное отношение мусульман к европейским ценностям, порождение различных фобий и взаимной неприязни между коренными жителями и приезжими» [3, с.87].

Еще одной причиной слабой интегрированности в принимающее общество выступает растущая численность иммигрантских общин в Европе. Вместе с тенденцией нарастания миграционных потоков увеличивается и ощущение силы своего влияния, приезжие уже могут требовать для себя особых прав и привилегий, так как возрастает их социальная, демографическая и экономическая значимость.

И в-третьих, возможность плотной и частой коммуникации с родиной. Интернет и иные технические ресурсы глобализации создают возможность приезжим сохранять тесные связи и контакты с родной страной. Все эти три фактора делают интеграцию в общество пребывания фактически ненужной.

Таким образом, применение мультикультуральных технологий, как это наглядно показывает европейский опыт, не только не способствует интеграции, а наоборот укрепляет межгрупповые, межэтнические барьеры, порождая межэтническую напряженность. Эскалация этнической напряженности в её проявлениях роста экстремизма, террора, массового хулиганства, недовольных представителей меньшинств или крайне правых представителей, пока ещё большинства, - постепенно становятся банальным фоном европейской жизни.

Необходимость борьбы с этими негативными явлениями порождает прецедент формирования на новом техническом уровне государства всепроникающего контроля и слежки, сильно нарушающие принцип невмешательства в частную жизнь (вероятная угроза формирования неототалитарного общества), в котором человек рассматривается с точки зрения потенциальной опасности, исходящей от него.

Проблема мигрантов становится актуальной и для современной России, в отличие от СССР, во многом стабилизировавшей этнокультурные общества через систему национальных автономий. Следует отметить, что хотя в России до сих пор нет классического иммигрантского общества, на которое изначально была ориентирована мультикультуралистская идеология Запада, однако тенденции, приближающие её к этому состоянию, всё больше нарастают. Российская проблема отличается от схожей западной проблемы тем, что в России миграция внутренняя. Переселенцы из «ближнего зарубежья», активно осваивающие сегодня российские просторы, мало отличаются от предыдущей группы, разве что эти лица не имеют российского гражданства. Однако в недалёком будущем картина может заметно измениться в сторону эскалации социальной напряженности. Такие прогнозы не редкость в современном научном дискурсе. «Если сегодня переселенцы из ближнего зарубежья — это люди, связанные с россиянами одним общим советским прошлым, то вскоре это будут уже новые поколения, выросшие в постсоветское время - с несравнимо большим культурным отрывом. И напряжённость межэтнических отношений в России наверняка возрастёт многократно. Всё это действительно создаёт ситуацию, подобную той, которую можно видеть в странах, проводящих мультикультуральную политику» [4, с. 198]. Насколько успешной окажется российский вариант социокультурной политики в решении сложнейших проблем национальной идентичности проверит, как всегда, практика.

Литература

1. Назаров В. Л. Теория и практика мультикультурализма в странах Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 212 с.
2. Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/> (дата обращения: 12.02.2020).
3. Сахарова В.В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада. СПб.: Златоуст, 2011. 176 с.
4. Гобозов И.А. Государство и национальная идентичность. Глобализация или интернационализация? М.: URSS, 2012. 198 с.

Онтология и структурные преобразования

Валишин Ф. Т.

Философско-Методологический Центр-Динамизм, директор

dinamism@yandex.ru

Аннотация. Раскрытие роли философии в полицентричном мире рассматривается через разрешение Главной Дилеммы истории и современности - строгая онтологическая постановка приводит к ее исходной формулировке: Дуализм или Монизм? Применительно к заявленной теме «Онтология и структурные преобразования» Главная Дилемма принимает вид: Существующее или Альтернатива?

В мире Существующего господствует Дуализм и нет понимания природы Монизма, а любые альтернативы внутри Существующего оказываются различными вариантами Дуализма и не более того. К тому же оставаясь внутри Существующего невозможно узреть то обстоятельство, что все Существующее опирается на стратегию устойчивого развития, что любые структурные преобразования внутри Существующего приводят к вырождению земной цивилизации, и что срочно требуется Альтернатива.

В качестве Альтернативы выступает стратегия динамизма, разработанная в ФМЦ-Динамизм и представляющая собой новое продолжение Исходной Мировой Традиции, а именно Монистической (Онтологической) Традиции. Стратегия динамизма несет Исходную Структуру Реальности, удовлетворяющую Онтологическому Императиву. Освоение этих структур происходит в Школе Динамизма, которая входит в структуру ФМЦ-Динамизм. И эти Исходные Структуры Реальности через Онтологические Формулы переносятся на различные сферы, включая Физику и Математику.

Ключевые слова. Главная Дилемма, стратегия устойчивого развития, стратегия динамизма, Онтология, структура, Онтологические Формулы.

Ontology and structural transformations.

Valishin F. T.

Philosophical and Methodological Center-Dynamism, Director

Abstract. The disclosure of the role of philosophy in the polycentric world is considered through the resolution of the Main Dilemma of history and modernity - a strict ontological statement leads to its initial formulation: Dualism or Monism? In relation to the stated topic "Ontology and structural transformations", the main Dilemma takes the form: Existing or Alternative?

In the world of the Existing Dualism dominates and there is no understanding of the nature of Monism, and any alternatives within the Existing are different versions of Dualism and nothing more. In addition, it is impossible to see that everything that Exists is based on a strategy of sustainable development, that any structural transformation within the Existing leads to the degeneration of the earth's civilization, and that an alternative is urgently needed.

As an alternative, the strategy of dynamism developed in the FMC-Dynamism is a new continuation of the Original World Tradition, namely the Monistic (Ontological) Tradition. The strategy of dynamism carries the Initial Structure of Reality that satisfies the Ontological Imperative. The development of these structures takes place in the School of Dynamism, which is part of the structure of the FMC-Dynamism. And these Initial Structures of Reality are transferred through Ontological Formulas to various spheres, including Physics and Mathematics.

Keywords. The main Dilemma, the strategy of sustainable development, the strategy of dynamism, Ontology, structure, Ontological Formulas.

Узловая тема VIII РФК посвящена роли философии в полицентричном мире. Но это, прежде всего, предполагает предварительное разрешение Главной Дилеммы истории и современности [1] – она имеет различные формулировки в зависимости от различных

контекстов. В русле поставленной темы Главная Дилемма обретает вид: Существующее или Альтернатива?

Дело в том, что Существующее во всем спектре полицентричного мира базируется на стратегии устойчивого развития, и каждая из конкретных мировых цивилизаций – индийская, китайская, западная, исламская – представляет собой воплощение различных вариантов стратегии устойчивого развития. Трагедия России заключается в том, что она потеряла свое цивилизационное лицо, свое цивилизационное формообразование и в современном мире не представляет даже своего варианта стратегии устойчивого развития, как это было в случае советской цивилизаций, когда ее представлял такой вариант стратегии устойчивого развития как диалектический материализм.

А между тем, те структурные преобразования, которые предлагаются в существующем спектре полицентричного мира, не выходят за рамки Маятника Дуализма, заданного стратегией устойчивого развития. Стратегия устойчивого развития не удовлетворяет критериям Онтологического Императива – эти Исходные Требования выводят на Монистическую (Онтологическую) Традицию [2]. Эта Традиция только тогда жива и только тогда обнаруживается, когда она заново рождается. Каждое такое новое формообразование появляется на свет вместе с постановкой и решением Проблемы Начала [3]:

Прямая Задача – Проблема Начала – Обратная Задача

Решение этой Проблемы и открывает Исходную Структуру Реальности, которая и выступает как базовая для структурных преобразований на Земле:

Сущность – Реальность – Существование

В стратегии динамизма, которая и представляет собой новое продолжение Исходной Мировой Традиции, а именно Монистической (Онтологической) Традиции, в качестве Сущности выступает Движение, а Существование воплощает многообразие Природы:

Движение – Реальность – Природа

В свою очередь в качестве сущности Существования выступает Развитие, а Пространство представляет форму Существования:

Развитие – Природа – Пространство

Тогда Исходная Онтологическая Формула стратегии динамизма обретает вид:

Движение – Развитие – Пространство

И в качестве первого применения стратегии динамизма можно указать на то обстоятельство, что она дает ключ к пониманию известной «Тройки»:

Дух – Душа – Тело,

где Дух есть свернутое Движение;

Душа – свернутое Развитие;

Тело – свернутое Пространство.

На этом фоне можно доступно показать принципиальное отличие стратегии динамизма от стратегии устойчивого развития.

Стратегия устойчивого развития – это стратегия продолжения Дуалистической Традиции, возникающей вследствие отрыва Существования от Реальности и превращение его в самостоятельную реальность (в наличную реальность), что и представляет природу Существующего. Здесь потерял Дух (Движение), к тому же Душа и Тело внутри Реальности и душа и тело внутри Существующего отличаются соответственно, как Воображаемая Логика от классической логики и как Воображаемая Геометрия Лобачевского от евклидовой геометрии.

Причем наличная реальность сама по себе не способна на обновление, ибо порождает всегда Дух (Движение), и потому наличная реальность всегда предполагает присутствие Реальности и получается два начала: Реальность и наличная реальность – поэтому Дуалистическая Традиция изначально есть паразитическая структура, которая пытается подчинить Дух, то есть Творца под задачи продления существования наличной реальности, и в наличном мире господствует система «Торгаш впереди Творца» - эта Система без Метода, заточенная на сохранение наличной реальности.

Существующая Элита и есть воплощение такой Системы и потому Система обретает вид: «Элита впереди Народа».

Стратегия динамизма выводит Народ на его собственное онтологическое измерение, а в стратегии устойчивого развития Народ (Творец) символически выражаясь, превращается в Птицу с подрезанными крыльями, и продолжая выражаться в рамках этой символики, можно сказать, что наличное состояние земной цивилизации таково, что она обречена ползать и лишена Полета. Структурные преобразования на Земле – это прежде всего освоение природы Полета, освоение сущностных измерений Реальности.

Если исходить из символики Платона и выражаясь языком стратегии динамизма, задача заключается в том, чтобы выйти из Пещеры на Свет и освоить онтологическую природу Волны, тем более в стратегии динамизма Движение имеет волновую природу. Применительно к Физике Исходная Онтологическая Формула обретает вид:

Волна – Траектория – Гравитация

Но существующая физика так и не вышла за рамки аристотелевской программы построения науки, где изначально заложен Дуализм, вызванный расщеплением Онтологии на физику и метафизику. Отсюда и такие тупики квантовой физики как корпускулярно-волновой дуализм, принцип неопределенности Гейзенберга – да и вообще исходная неполнота квантовой физики вызвана отсутствием Исходных Структур Реальности в основаниях квантовой физики.

Структурные преобразования, отвечающие критериям Онтологического Императива, невозможны ни в одной сфере, включая самую Россию и земную цивилизацию – все это требует запуска стратегии динамизма.

Первым шагом в запуске стратегии динамизма выступает создание Программы построения Науки, коррелированной с Исходной Онтологией. Такая Программа в ФМЦ-Динамизм создана и осуществленные шаги достаточны для того, чтобы заявить об основаниях траекторно-волновой физики. Здесь, во-первых, сформулирован новый вариационный принцип, получивший название Локального Вариационного Принципа (ЛВП), где заложен принцип Монизма, содержащий всю полноту Исходных Структур, пронизывающих все миры, каждую Локальность. Затем при помощи ряда теорем и новой постановки прямой и обратной задачи динамики создан новый метод, а именно метод V-функции, на базе которой осуществлено новое продолжение оптико-механической аналогии, и соответственно открываются новые перспективы освоения космического пространства [4].

Появление каждого нового Очага Исходной Онтологии означает появление Новой Эры на Земле. Источник трагизма на Земле – разрушение этих Очагов Исходной Мировой Традиции, которые сообразно структуре самой Онтологии и называются Философско-Методологическими Центрами (ФМЦ):

ФМЦ-Ведантизм (Древняя Индия) – ФМЦ-Даосизм (Древний Китай) – ФМЦ-Пифагореизм (Древняя Греция) – ФМЦ-Суфизм (Средневековый Ближний и Средний Восток) – ФМЦ-Динамизм (Современная Россия).

Благодаря наличию в Казани ФМЦ-Динамизм Россия обретает стратегическое преимущество в современном мире, ибо запуск стратегии динамизма обеспечивает новое продолжение Монистической (Онтологической) Традиции и приводит к освобождению России и всей земной цивилизации от Смутного Состояния, к обретению космического лица земной цивилизации и ее вхождению в семейство космических цивилизаций.

Литература

1. Валишин Фан. К онтологической постановке Главной Дилеммы истории и современности // Доклады российских участников на XXIV ВФК.
<http://www.dialog21.ru/congress2018/reports/valishin.htm>
2. Монистическая (Онтологическая) Традиция и Современность. Казань, 1990, Ч. I, Ч. II.
3. Валишин Ф. Т. Проблема Начала и Стратегия Динамизма М., 2018.

4.Валишин Ф.Т., Валишин Н.Т. Продолжение оптико-механической аналогии и перспективы освоения космического пространства // Космос без оружия – арена мирного сотрудничества в XXI веке. М., 2001.

Стереотипы сознания, научная мысль и образование как факторы социокультурной эволюции

Васильев Г. Г.

Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра философии гуманитарных факультетов, доцент. Кандидат философских наук
vasiljev-vgg@yandex.ru

Якухнова Е. Г.

Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры английского языка для естественных факультетов
vasileva-vsl@yandex.ru

Аннотация: Управление является объективным свойством эволюции социокультурных систем. Оно опосредовано сознательной деятельностью человека, но не всегда носит научный характер. Возникает вопрос, какой смысл мы вкладываем в понятие «научное управление социокультурным развитием», что особенно важно в связи с наличием глобальных проблем современности, возможностью применения ядерного оружия, терроризмом и других. Авторы рассматривают этот вопрос на основе таких явлений как стереотипы сознания, наука, образование и исследуют их роль и значение в эволюции культуры Homo sapiens.

Ключевые слова: управление, сознание, стереотипы сознания, наука, образование, социокультурная эволюция.

Mental stereotypes, scientific thought and education as factors of sociocultural evolution.

Vasiljev G.G.; Yakukhnova E.G.

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy;
Lomonosov Moscow State University, Department of English language for natural faculties*

Abstract: Management is an objective property of the evolution of sociocultural systems. It is mediated by the conscious activity, but is not always scientific in nature. The question arises, what meaning do we put in the concept of “scientific management of socio-cultural development”. It is especially important in connection with the presence of global problems of our time, the possibility of using nuclear weapons, terrorism and others. The authors examine this issue on the basis of such phenomena as mental stereotypes, science, education. They study their role and significance in the evolution of the Homo sapiens culture.

Keywords: management, consciousness, mental stereotypes, science, education, sociocultural evolution.

1. Сознание человека в сравнении с биологической эволюцией – это прорыв человека в осмыслении внешнего мира, социокультурной реальности и духовного мира личности. Животные не способны к осознанию внешней реальности. Человеку же реальный мир открыт. Он способен к коммуникации и обсуждению назревших проблем. Отсюда возникают беспрецедентные возможности осознания мира, его осмысления и преобразования. Перед человечеством стоят кардинальные проблемы развития - глобальные проблемы современности, терроризм, обуздание гонки ядерных вооружений и другие. По Тойнби – это «вызовы», которые требуют «ответов» в условиях современной цивилизации. Опираясь на феномен сознания, человечество пытается найти решение этих проблем. Проблемы сложны и актуальны – ибо ясно, что они связаны с выживанием культуры Homo sapiens.

2. Вместе с тем, феномен сознания является естественным продуктом биологической эволюции. Сознанию, как фактору социокультурной эволюции, свойственны существенные недостатки, на которые, как правило, не обращают внимание. Вспомним аллегорию Платона о пещере. Люди находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что им не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная невысокой стеной вроде ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол. За этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. Платон интересуется, знают ли люди о действительной реальности, помимо теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры. Собеседник отвечает, что они не могут видеть ничего иного, так как всю свою жизнь вынуждены держать голову неподвижно.

Платон заключает, что это обстоятельство свойственно всем людям. Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, они бы считали, что дают названия именно тому, что видят [1, с. 295].

Сознание, хотя и воспроизводит окружающую действительность, но воспроизводит неточно, так как обременено субъективностью и наполнено предвзятыми мнениями. Однако люди принимают воображаемый мир за подлинное, истинное изображение внешней реальности и на основе этого совершают действия в окружающей среде. Динамизм общественной жизни требует немедленного принятия решений по всему кругу социальных проблем. В итоге получается, что свойственная человеку индивидуальная картина мира служит основанием для конкретных действий во внешнем мире, в том числе решений о принятии государственных, экономических и других реформ, решений о начале войны, революций и так далее. Управленческие решения основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого.

3. В ходе социокультурной эволюции сознание как фактор субъективной реальности с неизбежностью превращается в стереотипы сознания и поведения. Стереотипы сознания и поведения, с точки зрения культурологического подхода, – продукт и основное содержание каждой локальной культуры. Согласно Э. Сепиру, культура – это «социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, характеризующих наш образ мысли» [2, с. 185]. Социальный стереотип и призван, как отмечает Ю.Е. Прохоров, «хранить и транслировать некоторые доминантные составляющие данной культуры» [3, с.7].

Культура, в которой живет человек, является специфическим способом приспособления к среде существования. Этот способ основан на сознательной деятельности людей. Стереотипы сознания, обычаи, традиции, общепринятые нормы поведения передаются в каждом народе из поколения в поколение. Благодаря этому культура сохраняет, облегчает и защищает жизнь человека, устанавливает модели его взаимоотношений с природой, другими людьми и самим собой. Стереотипы сознания и поведения обусловлены своеобразием культуры, что порождает разнообразие оценок одних и тех же явлений социальной реальности. Отсюда проявление враждебности в мире взаимоотношений локальных культур.

Сознанию свойственна ошибочность, субъективность. Люди в решении самых разнообразных проблем рассматривают феномены сознания, которые являются продуктами субъективной деятельности, как нечто непогрешимое. Люди забывают, что ни один человек в этом мире и даже научное сообщество в целом не обладают истиной. Согласно Пифагору, лишь бог обладает истиной, люди же только стремятся к истине. С этим и связано возникновение термина «философия». При решении актуальных проблем цивилизации нередко исчезает осторожность в принятии управленческих решений, недооценивается

необходимость постоянного поиска истины, толерантность, диалог и т.п. Все эти аспекты в наше время актуальны и весьма значимы.

Следует различать стереотипы сознания, языка и поведения.

С точки зрения современных культурологических исследований способность человека к символизации оказывается весьма значимой. Человек, согласно Э. Кассиреру, является символическим существом [4, с.469]. Эта же позиция хорошо продумана и в эволюционной концепции культуры Лесли Уайта [5, с.173]. Основным средством символической активности человека является язык. Только через язык, как главный способ символической активности человека, осмысливаются и выражаются все стереотипы (сознания, языка, поведения) и все явления культуры. Только через язык мы можем понять и транслировать другим поколениям смысл всех явлений в эволюции культуры *Homo sapiens*.

Каждая локальная культура сохраняет стереотипы сознания и поведения как наиболее значимый фактор своего выживания. Но поскольку социальный мир находится в движении, возникает также задача слома и изменения стереотипов. Эта проблема является также весьма значимой в эволюции каждой локальной культуры.

Возникает вопрос о роли и соотношении стереотипов сознания и стереотипов поведения в социокультурной эволюции. Появление продуктов сознания, развитие субъективной деятельности – это творческий фактор социокультурной эволюции. Почему животные не способны к совершенствованию технологий деятельности, развитию систем общественных отношений? Это происходит потому, что только человеку свойствен субъективный и творческий характер духовной и символической активности. В субъективном плане человек всегда живет в мире идей и символов. Поэтому и во внешнем бытии он сохраняет преемственность и континуум в эволюции явлений культуры.

5. В эволюции сознания, как фактора социокультурной эволюции, огромная роль принадлежит научной мысли. Наука – ведущий фактор социокультурной эволюции. На это обстоятельство обращали внимание такие мыслители как П.Сорокин [6, с. 521-531], В.И. Вернадский [7, с. 567]. Различают аристотелевскую, ньютоновскую, эйнштейновскую и современную научную картину мира. В наше время человеку доступно познание не только макромира, но и мего- и микромира. В отличие от аграрных и индустриальных технологий современный человек широко применяет информационные технологии. Научный прогресс значителен. Но это не означает, что современный человек знает все. Современный человек, как считают представители эволюционной теории познания (К.Лоренц, К.Поппер, Г. Фоллмер), знает лишь некоторые структурные характеристики внешнего мира. Основной гносеологический постулат эволюционной теории – гипотетический реализм [8, с. 53-60]. Этот же подход в основном выражен и в современной философии.

6. Продукты научной рациональности посредством стереотипов сознания должны стать основой общественного мнения в каждой локальной культуре. Только в этом случае они могут быть освоены политиками и станут действенным инструментом решения назревших проблем общественного развития. Ибо политическая деятельность, с точки зрения общественного разделения труда, не является научной деятельностью. Платон, вероятно, ошибался, когда считал, что именно философы и представители науки должны управлять государством. Человечество нашло другой путь решения этой проблемы. Это книги, газеты, радио, телевидение. Но решающим в этом плане является система образования в каждой этнической культуре, в которой научное знание осмыслено при помощи родного языка и посредством стереотипов сознания становится доступным широкому кругу населения. Систему образования нельзя рассматривать как фактор коммерческих услуг. Этим принижается её ценность и значимость как фактора социокультурного развития. Системы образования сохраняет и транслирует новым поколениям накопленное каждой локальной культурой научное знание. Деятельность учителей и педагогов следует отнести к существенному, необходимому и ведущему фактору в рамках каждой локальной культуры. Можно согласиться с тем, что государство, которое недооценивает роль и значение науки и системы образования, неизбежно проигрывает в социокультурном развитии.

7. Научное знание эволюционирует. И снова многократно должен повторяться процесс превращения научного знания посредством системы образования в стереотипы сознания и поведения. В каждой локальной культуре происходит сохранение, разрушение и творчество новых стереотипов. В конечном счете, это необходимо, чтобы эволюционный процесс стал научно направляемым.

Научно направляемый процесс эволюции цивилизации не исключает ошибочных решений, не исключает субъективизма и искажения реальности, но он дает человечеству шанс принимать управленческие решения на основе последних достижений науки. Поэтому в эволюции локальных культур необходимы толерантность и диалог в решении актуальных проблем современной цивилизации.

Литература

1. Платон. Собрание соч. в 4. т. Т.3. М.: Мысль, 1994. С. 295.
2. Сепир Э. Язык. Введение в изучение е речи// Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993, С. 185.
3. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. С. 7.
4. Кассирер Эрнст. Избранное. Опыт о человеке. М. Гардарика, 1998. С. 469.
5. Уайт Л.А. Символ: начало и основа человеческого поведения. // В кн.
6. Антология исследований культуры. Символическое поле культуры. – СПб, Издательство “Центр гуманитарных инициатив”, 2011. С. 173.
7. Сорокин П.А. О так называемых факторах социальной эволюции. // Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 521-531.
8. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: М8RUGRAM, 2017. С. 567.
9. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М.: Русский Двор, 1998. С. 53-60.

Что общего у Brentano и Brentanovskoy shkoly so skolastikoy?

Вдовина Г. В.

Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник сектора современной западной философии. Доктор философских наук

galvd1@yandex.ru

1. Общеизвестно, что Ф. Brentano заимствовал термин «интенциональность» из средневековой схоластики. Но каково содержание понятия, обозначаемого этим термином у Brentano и в схоластической традиции? И был ли термин «интенциональность» единственным заимствованием из схоластики или, по крайней мере, единственной явной параллелью к ней у Brentano и его последователей, прежде всего А. Майнонга? Предполагается показать, что это не так.

2. Проблематичен и более конкретный схоластический источник заимствований или вдохновений Brentano и Майнонга. Как правило, его пытаются найти в тестах Фомы Аквинского. Предполагается показать, что это не вполне так.

3. Для ответа на оба вопроса нужно, во-первых, коротко рассмотреть публикации последних пяти лет по этой теме, где намечается позиция, отличная от стандартной: статьи и монографию Хамида Тайеба, Лорана Чезалли и Гийома Фрешетта. Но и эти публикации лишь отчасти приближаются к описанию действительного положения дел.

4. Во-вторых, нужно вычлениить сквозные, опорные понятия Brentanovskoy и майнонгианской интенциональной философии и рассмотреть, в какой части схоластической традиции обнаруживается примерно тот же набор базовых понятий с сопоставимым содержанием.

5. На основании проведенного сравнительного анализа предполагается сделать два вывода: 1) конкретизировать те элементы Brentanovsko-maynongianskoy философии, которые обладают несомненной смысловой связью с соответствующими элементами схоластики; 2) конкретизировать ту часть схоластической традиции, с которой коррелируют эти понятия и которая послужила если не непосредственным источником заимствований, то, по меньшей мере, источником вдохновения для Brentano и его последователей. Авенариус: появление в философской мысли в России

**«Песнь льда и огня» Дж. Р. Р. Мартина:
семиотика и медиатизация религии**

Великая В. И.

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, факультет теологии,
философии и мировых культур, студентка
valensia_elle@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена семиотическому осмыслению литературного текста, который проходит через процесс медиатизации. В свою очередь, медиатизация направлена на проекцию потребностей современных людей. Религиозная составляющая такого текста находит выражение в литературных персонажах: за основу выбраны герои саги «Песнь льда и огня» Дж. Р. Р. Мартина с целью продемонстрировать конвергентную связь между популярной литературой и религией. В ходе исследования обнаруживается субъективность знакового ряда и недостатки религиозных образов, которые формирует для читателя объект медиа.

Ключевые слова: семиотика, медиа, религия, Песнь льда и огня.

**“A Song of Ice and Fire” by George R. R. Martin: semiotics and mediation of religion.
V. I. Velikaya**

Omsk F. M. Dostoevsky State University

Abstract: This article is devoted to the semiotic understanding of the literary text that goes through the process of mediatization. In turn, mediatization is aimed at projecting the needs of modern people. The religious component of the text is expressed in the literary character: as a basis to choose a hero saga “A Song of Ice and Fire” by George R. R. Martin in order to demonstrate the convergent connection between popular literature and religion. The study reveals the subjectivity of the sign of a number of shortcomings and religious images, which forms the object of media.

Keywords: semiotics, media, religion, A song of ice and fire.

Не всегда реальный мир согласен отвечать экзистенциальным потребностям человека – из-за стремления к самоидентификации, претендующей на индивидуализацию бытия. Ему на помощь должен прийти мир вымышленный, выстроенный под нужды тех, кто желает выйти за рамки обыденности. Так создаются художественные произведения как объекты медиа, позволяющие человеку ментально выйти из зоны комфорта, не покидая при этом удобств внешнего состояния, физического. Буквенные символы способны улавливать невидимые нити, которые в сознании читателя становятся образами — не только визуальными, но и чувственными. Так читатель создает собственный мир на той основе, что предлагает ему автор.

Ментальные и образные системы представлений — это то, что направляет восприятие человеком его самого, мира в целом, а также — его религиозное сознание. Системы, взаимодействуя и модифицируясь, дают основания для появления разнообразных картин мира, в том числе и посредством медиа.

При этом репрезентация реальности — не основная функция медиа. В данной статье раскрывается вопрос о взаимодействии текстовых медиа с семиотикой в контексте мысли, что индивиды способны конструировать реальность, создавая собственную иерархию символов. Текст можно трактовать как специфическую конструкцию, созданную для передачи своих представлений в определенной предметной области. Литературовед и семиотик Ю. М. Лотман называет эту конструкцию «смыслопорождающим механизмом» [1, с. 308]. Но знаки условны, а их назначение — идея, модель определенного явления жизни

человека и общества — такого, как религия. Трансляция смыслов не всегда способна привести к единообразному толкованию систем символов.

В модели «семиотика — медиа — религия» читатель выступает адресатом, который стремится обнаружить истину для себя самого в одной из тех религий, которые описывает для него автор. Здесь вступает в действие теологический подход, который становится одним из фреймов данного исследования. Таким образом, верующий через семиотическое восприятие становится «интерпретатором» для поиска религии внутри самой религии.

Объектом исследования выступает полностью медиатизированное (адаптированное в виде сериала «Игра престолов») литературное произведение «Песнь льда и огня» Дж. Мартина. Знаки и символы формируют не просто образы, но их символическое наполнение, которое может быть качественно разным для восприятия. Поэтому целью работы выступает попытка найти не просто христианство в одной из религий, созданных популярным автором, но и вычленив критерии, которые могут быть идентичны для формирования жанрового наполнения саги и религии как составляющей экзистенциального бытия человека. Из цели идет проекция на актуальность вопроса о взаимодействии религии (христианства) и медиа, а также возможность (или невозможность) доступной проекции религии через систему символов в медиа. Семиотическая процедура определения религии, по А. Ю. Рахманину, происходит через онтологические обязательства познающего субъекта [5, с. 200-211]. Онтологические обязательства подвигают исследователя признать реальность некоей идеи религии, сам факт существования которой делает объяснимым общность множества, поэтому предметом знания является система высказываний о сущностях.

Датский социолог Стиг Хьярвард в своем исследовании «Медиатизация общества. Теория СМИ как агентов социальных и культурных изменений» описывает процессы влияния СМИ на религию в том числе. У Хьярварда религия — это социальный институт [7, с. 78], значимость которого он подчеркивает эволюцией в религиозной сфере благодаря изобретению печатного станка в середине 1440-х гг. Теория медиатизации религии задумывалась Хьярвардом как социологическое описание того, каким образом современные СМИ становятся источником представлений о религии и потустороннем, в том числе, о новых религиозных идентичностях. Современные медиа формируют религиозное воображение в соответствии с жанрами культуры и перенимают функцию традиционных религий.

В произведении «Песнь льда и пламени» описаны около пяти религий, а также их конфессии, как правило. В Семи королевствах (Вестерос) условно «государственной» является вера в Семерых — это один бог в семи ипостасях. Дж. Мартин демонстрирует современную картину положения религии, адаптируя веру в Семерых под нужды, актуальные для вневременного человека: власть (Отец), война (Воин), ремесло (Кузнец), знание (Старица), милосердие (Мать), любовь и красота (Дева), смерть (Неведомый). Происходит христианизация религии Семерых, ведь это не просто семь богов, но семь ипостасей одного бога — Отца.

На момент происходящих событий конфликтов с другими верованиями нет, однако на севере страны водится другой, некогда обширный культ, который зовется «старыми богами». Эта вера настолько древняя, что кроме мистификаций и страшных сказок ничего не осталось, но история путешествия мальчика-калеки Брана Старка, показывает, что в мире Вестероса, помимо войн и битв за трон, есть еще и сторона мистического, таинственного, в т. ч. есть земли за пределами королевств. Именно туда отправляется герой — на поиски некоего трехглазого ворона, который является ему во снах.

Вера в Семерых подвергается авторской христианизации, обладая четкой иерархией, централизацией, пользуясь благосклонностью правителей. Это идеальный образ прочной религии для медиа и каноничное христианство, ведь догмат о Троице перекликается с идеей о семи ипостасях. Однако современные тенденции, отчасти, нацелены на поиск менее рационального подхода к религии. В тексте религией с наиболее выраженным христианским мистицизмом как изначальным способом дифференциации личности и Бога и последующей

синергии выступает здесь именно культ «старых богов», которые, как показывает путешествие Брана Старка, не такие недостижимые для человеческого восприятия.

Встреча с божественным — это, по определению, наличие семиотических символов, но человеку, чтобы приблизиться к Царствию Божию, необходимо перейти в качественно иное состояние. При этом не стоит отождествлять «иное» состояние с суфийскими или йогическими практиками. Это Царствие представляет собой встречу человека и Бога, результатом которой для человека становится новая жизнь. Как правило, новая реальность — это вертикаль, которая выстраивается только между Богом и человеком. Бран вырос на сказках, познавая мир через легенды и предания, по-детски веря в то, что другие считали вымыслом [2, с. 44]. Чистый взгляд на мир и живая фантазия позволили Брану в дальнейшем преуспеть в развитии сверхъестественных способностей. Дар провидца стал проявляться у Брана после падения с башни, которое сделало его калекой. Это событие создает аналогию: Брану нужно было упасть с высоты, чтобы потом взмыться вверх. Физическая немощ отражается в потребностях тела, освобождая при этом дух и видоизменяя душу.

Данная духовная иммерсивность позволяет Брану не просто перемещаться во времени, но и видеть происходящие события глазами деревьев, животных и людей, в которых он вселяется. Бран создает свою реальность и первопричину своего дара из фрагментов настоящего и прошлого. Стоит отметить, что в ходе повествования он становится не просто зрелой личностью (хоть и беспомощной физически), а неким подобием беспристрастного божества, но все же очень впечатлительного в силу юного возраста: «Бран почувствовал, как его глаза наполнились слезами. Но были это его слёзы или слёзы чардрева? «Если я заплачу, прольёт ли и дерево слезы?»» [4, с. 499]. Если Бран становится божеством по канонам христианской теологии, то слова святителя Григория Нисского подтверждают новые личностные характеристики Брана: «Божество не есть что-либо представляемое в очертании. Напротив, Божеству свойственно быть везде, все проникать и ничем не ограничиваться» [6, с. 418].

Возникает вопрос: почему Бог, если он есть, не уберегает детей от насилия, не предотвращает различного рода катастрофы? Аналогичным способом можно задать вопрос Брану: почему он, благодаря своему дару, знал, что его близкие в опасности, но не вмешался в события. Можно ответить с точки зрения христианской апологетики: с одной стороны, человек смотрит на бедствия как на воздаяние. Так появляется заблуждение, когда факты бедствий и страданий оцениваются как наказание Божие, т. е. как месть за грехи. Но страдания являются естественными следствиями нарушения законов внешнего мира. Аналогичное происходит с человеком при нарушении им законов духовных, которые являются первичными для человека в вере. Все заповеди Божии являются откровением законов духовных и таким же предупреждением человеку, как и законы материального мира.

Если Бран Старк — это воплощение христианского Бога в стезе коммуникативной связи богообщения (которая и объединяет звенья модели исследования), то примером прозелитического толка выступает персонаж Его Воробейшество и религиозное движение «воробьи». «Воробьи» — это попытка Мартина показать, как католические ордена институционализировались и утверждали саморегуляцию. Воробьи — это нищенствующий орден, деноминация культа Семерых и архетипный отголосок «новых религиозных движений» по типу неохристианских. Для этого ордена также характерны быстрый рост числа последователей, харизматичный лидер, автономность и стремление повлиять на «материнскую» веру посредством выдвижения своего кандидата на должность Верховного Септона. Как и всякое новое религиозное движение, «воробьи» — это рефлексия на события, которые происходят в мире. Его Воробейшество, лидер движения, сказал: «Воробей — самая скромная и неприметная из всех птиц. Таковы же и мы среди людей» [3, с. 71]. При этом движение развернуло серьезную общественно-политическую деятельность, когда его члены уличили лидирующего кандидата в септоны в посещении борделя и голым выволокли его на улицу [3, с. 369]. Орден был создан в противовес жестокости властей и кровопролитной войны, но становится ли настроение общества оптимистичнее от показательных «побиваний

камнями»? Главное, что отличает Воробьев и делает их в данном контексте персонажами негативного параметра — это внушение страха. На их фоне отъявленные злодеи саги выглядят пешками, которые зажаты в угол религиозными фанатиками. Философия Его Воробейшества заключается «онтологическом обязательстве»: указывая на веру, он превращает ее в референт. Теперь это не религия, а мощный религиозный институт.

На основании вышеизложенного можно констатировать следующее. Своим примером Воробьи транслируют искажение знакового ряда, которое может сопровождать адаптация религии через медиа: проблема уподобления общественным институтам возникает именно на отрезке, где заканчивается религия с ее догматичным наполнением и происходит наложение символов и знаков. Бран Старк — это символическое воплощение в медиа образа «досягаемого» и «достигаемого» Божества и Его откровения, близкого к желаемому восприятию бытия. Перед читателем путь к Богу открывается самым доступным образом, не уступая место насилию как неизбежной категории первенства религии в экзистенциальном бытии человека, но открывая проекцию «новой» реальности, которую читатель как адресат может воплотить в собственной системе символов. Воробьи же выступают негативным фактором не только в сюжете, но и для миропонимания читателя, создавая аналогичную реальность, но переосмысленную знаковой базой для ужесточения религиозной мифологии современного общества.

При наложении сюжета из современных медиа на религию можно столкнуться с трудностями, в частности, семиотическими — система знаков и символов может быть воспринята тем или иным субъектом по-разному. Аппарат исследователя в данном случае вынужден сужаться и принимать более доступные формы. Это становится конвергентной связью между литературным произведением и религией, опорой для которой выступают священные тексты и изречения святых отцов. Так религия не становится объектом медиативной профанации, а благодаря экзегетике как методу работы с текстами теологический подход реализовывает себя и становится плацдармом для дальнейшей работы с литературой в данном направлении.

Литература

1. Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1993. 308 с.
2. Мартин Дж. Р. Р. Битва королей. М., 2014. 797 с.
3. Мартин Дж. Р. Р. Пир стервятников. М., 2014. 768 с.
4. Мартин Дж. Р. Р. Танец с драконами. М., 2014. 544 с.
5. Рахманин А. Ю. Семиотические аспекты процедуры определения (на примере определений религии) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Том 15. Вып. 4. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 322 с.
6. Творения святых отцов. Свт. Григорий Нисский. Собрание творений. Опровержение Евномия. М., 1863. 944 с.
7. Hjarvard S. The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. 2008. 134 с.

Генезис неосоциализма в эпоху глобализации

Веллер М. И.

Русский PEN-центр, писатель

m.weller@mail.ru

Аннотация: Современный социализм в своих многочисленных разновидностях господствует сегодня в идеологическом и информационном плане на Западе и определяет экономические и политические процессы, явно ведущие к самоуничтожению западной цивилизации. Доклад посвящен определению и анализу причин живучести и притягательности социализма как идеологии и политико-экономической модели для процветающих стран Запада вопреки негативному и трагическому опыту построения социализма в разных странах. Теория социализма и тем более его практика не выдерживают строго научного критического подхода – но в действительности базируются на биологическом инстинкте группового выживания и таких происходящих из него аспектах социального инстинкта, как мораль с ее важнейшими составляющими – справедливость, равенство, право на счастье, – и на религиозном чувстве, имманентно присущем человеку и потребовавшем новый предмет объективации после упразднения в XIX веке религии для мыслящих людей.

Ключевые слова: Социализм, цивилизация, религия, справедливость, инстинкт, идеология, самоуничтожение.

Genesis of neo-socialism in the era of globalization.

Veller Mikhail I.

Russian PEN Centre of the International PEN Club

Abstract: Modern socialism in its many varieties dominates today in the ideological and informational terms in the West and determines the economic and political processes that clearly lead to the self-destruction of Western civilization. The report is devoted to the definition and analysis of the reasons for the vitality and attractiveness of socialism as an ideology and political and economic model for the prosperous countries of the West, despite the negative and tragic experience of building socialism in different countries. The theory of socialism and especially its practice do not stand up to strict scientific critical approach – but in fact are based on the biological instinct of group survival and those derived from it aspects of the social instinct, as a morality with its most important components – justice, equality, right to happiness, and in the religious sense, is inherent in man and which demanded new subject of objectification after abolition in the nineteenth century, religion for thinking people.

Keywords: Socialism, civilization, religion, justice, instinct, ideology, self-destruction.

В последние годы противостояние левых политико-экономических течений социалистической направленности и правого консерватизма, который следует рассматривать как либерализм в изначальном значении термина, обозначающего максимальную экономическую и политическую самостоятельность индивидуума, – это противостояние резко обострилось.

Наиболее ярко непримиримая борьба так называемых прогрессивистов и традиционалистов проявляется в США после избрания президентом Дональда Трампа. Парадокс заключается в том, что объективно деятельность президента Трампа способствует экономическому и политическому усилению США и повышению уровня жизни граждан, никак не ущемляя никаких свобод, – однако прогрессивисты-демократы, не обращая внимания на выгоды народа и государства, пытаются лишить президента власти всеми возможными способами. Причина лишь в том, что Трамп отменяет и уничтожает социалистические преобразования прежнего, демократического, то есть социал-

демократического руководства, следствием которых было снижение жизненного уровня большинства и рост убыточности в экономике.

Другой пример: рост неконтролируемой миграции, а точнее сказать – самовольного переселения люмпенизированных слоев третьего мира из Африки и Ближнего Востока в Европу ложится экономическим бременем на Европу и вызывает резкий рост преступности, терроризма и возникших религиозно-этнических противоречий. Почему правящие социал-демократические партии Западной Европы настаивают на своей политике, вызывающей все больший протест электората и все ухудшающий внутреннее положение их стран?

Все острее становится основной вопрос: почему западные социалисты и социал-демократы явно и быстро наращивают свою губительную политику, несмотря на растущее сопротивление масс и угрожающие симптомы краха своих культур? И почему трагические опыты построения социализма в СССР, Северной Корее, на Кубе и в Венесуэле, в Восточной Европе и Вьетнаме – не уменьшают приверженности западного истеблишмента социализму?

В чем удивительная, непреодолимая притягательность и сила идей социализма – вопреки даже губительной очевидности и самоубийственной практике социалистов? Вот в чем вопрос.

Почему Запад упорно идет по пути демографической самоликвидации, этнического и культурного самозамещения, поощрения иждивенцев и паразитов – но не отказывается от губительных «ценностей»?

Что же такое этот манящий социализм?

1. Социализм ставит во главу угла построение общества справедливости. Справедливость – вот главный принцип нового счастливого и свободного общества, который мы создадим на обломках старого мира, коррумпированного и жестокого мира насилия и эксплуатации.

А справедливость как основной принцип – это очень важно. Ради справедливости можно даже отобрать у богатого и отдать бедному. Ради справедливости можно даже убить виноватого – чтоб угнетенные и обиженные не страдали.

И для простоты и увлечения масс – проповедуют справедливость как равенство благ для всех! Глупый и ленивый не виноваты, что такими родились. И этот лозунг работает неукоснительно! Даже вопреки логике!

Потому что справедливость лежала в основе отношений внутри первобытной стаи и древнего рода, внутри племени и союза племен. Но то была справедливость по Бентаму: «Справедливо то, что дает максимальные возможности для счастья максимальному количеству людей». Стая и род могли выжить среди враждебного и опасного окружения только по принципу: «Общее благо превыше всего». Или все победим и выживем – или все погибнем. Каждый получает свой кусок – размером в зависимости от вклада в дело и полезности для всего рода. Но при опасности – сильные идут вперед и гибнут, если надо, за всю стаю.

И поскольку эволюционная генетика установила уже немало закономерностей, то, условно выражаясь, «эволюционная этика» присутствует в нас на биологическом уже уровне. Спасай детей! Уничтожай убийцу! Дели добро на всю компанию! Это уже аспекты социального инстинкта.

А капитализм весьма жесток и бездушен. Ради прибыли лоббируют жульнические законы. И в последние 20 лет пропасть между богатыми и бедными на Западе стала расти: богатые стали богаче, бедные беднее. Это противоречит человеческому чувству справедливости! И эмоционально возбуждаемые несправедливостью честные и умные люди перестают вдаваться в детали – но просто призывают: «Будем сообща делить все наше богатство на всех по справедливости – выберем честных людей и доверим им делить все».

Вот так справедливость ложится в основу социалистических взглядов.

2. Мораль. Мораль в обществе принято соблюдать. А что такое вообще мораль? Изначально, на базовом уровне: мораль – это система таких отношений между людьми в исходной, первобытной родственной группе, каковые отношения позволяют группе быть

максимально эффективной системой для совместного выживания, прокорма и преодоления всех трудностей. Вот эти отношения, будучи спроецированы на сферу эмоциональных реакций и рациональных представлений и там закреплены как единая система констант, и называются моралью.

И получается: мораль – это утверждение должного как рационально необходимого и предписанного, а эмоционально – похвального и благого. Антиморальные помыслы, желания и поступки – порицаемы, наказуемы и постыдны.

То есть: мораль – это детализированная и изоцированная справедливость применительно к разнообразным, прямым и косвенным, сторонам межчеловеческих отношений.

И социализм получается не только справедлив, но и морален. А несогласие с ним и противодействие – аморально, безнравственно, стыдно.

Моральный аспект социализма – это: сострадание к несчастным, помощь бедным, покровительство слабым, утешение обиженных. Приличный человек обязан быть социалистом!

3. Наука. К середине XIX века эволюционизм как наука совершенно оформился. Биологический эволюционизм породил эволюционизм социальный как науку. Строй первобытнообщинный, далее рабовладельческий, феодальный, капиталистический. Эта упрощенная схема давала представление о социальном прогрессе: концентрация рабочей силы, постепенное и поступенчатое освобождение труда и рост свобод человека в социуме – этот процесс объективен и взаимосвязан с ростом производительности труда и научно-техническим прогрессом.

Главное для нас сейчас: рост науки, техники, производительности труда и свобод человека – шли параллельно.

А дальше? А эволюция? А прогресс, который неостановим? Как сделать человека и его труд еще свободнее, а свобода мысли и действий обусловит дальнейший рост производительности?

И как сократила история рабовладельца, потом феодала, так теперь она сократит эксплуататора-капиталиста, и свободные пролетарии обобществят и национализуют в свою пользу все средства производства. И вот тогда будет максимум свободы и максимум производства: коммунизм! А социализм – промежуточная стадия на пути к нему.

Это выглядело абсолютно научно!

4. Но есть еще одна важнейшая вещь, которая даже в XXI позволяет и даже диктует отмахиваться от всех неукоснительных провалов и трагедий социализма. Которая игнорирует неизбежную тоталитарную метаморфозу социализма.

Религия.

Французское Просвещение нанесло религии страшный удар. К середине века XIX мыслящему образованному человеку было уже неприлично оставаться религиозным, верующим. Наступила эпоха атеизма как духовного прогресса.

Но! Глубинный элемент веры, основа религиозного чувства, – имманентно присущи человеку! (В опасных испытаниях, в тяжких раздумьях – человеку свойственно обращаться и взывать к силам высшим, надличностным, всемогущим – маме, господу, удаче, судьбе: спаси, помоги, сделай так, чтоб сбылось... То каждому известно.) Безрелигиозного периода в истории человечества не было, согласились палеоантропологи.

И вот социализм занял в сознании, а главное – в подсознании европейцев место религии. Социалистическая теория как информация опустилась на уровень подсознания и стала убеждением и верой.

А вера неподвластна контраргументам и любым примерам. И мыслители-социалисты, активисты-социалисты сделали себя неуязвимы в любых дискуссиях. Они могут бранить оппонентов и наклеивать на них ярлыки – но не сдадутся.

5. И последнее. Наша евроатлантическая, иудеохристианская цивилизация прошла цикл своего существования. Срок цивилизации как социальной системы – 1000–1500 лет, давно известно. Схлопывание и самоликвидация социальной системы происходит через изменение

социальных отношений, изменение действий людей, а начально и прежде всего – через образ мыслей лидеров и масс.

(Великий 1968 год и бунт бэби-бумеров – это взрыв энергии многочисленного юного поколения, которое в условиях максимального благоприятствования всем формам своей самореализации – ничего не могла изменить и усовершенствовать, улучшить в благоустроенной формации, достигшей своего совершенства. Но поскольку потребность в изменениях среды на разных уровнях – базовая потребность любой юной генерации в принципе – эти бунтари стали крушить свой мир. 1968 год обозначил великий кризис идей и принципиальных совершенствований нашей цивилизации.)

Сегодняшний социализм, во всех его формах и вариантах, в нашей цивилизации – это информационная и социальная форма ее схлопывания и самоликвидации.

Литература

1. Лебон, Густав. Психология социализма. М.: Социум, 2017. 484 с.
2. Хайек, Фридрих фон. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2017. 320 с.
3. Ролз, Джон. Теория справедливости. М.: Ленанд, 2017. 536 с.
4. Маркузе, Герберт. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 336 с.
5. Франкл, Виктор. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.

Цифровизация сознания в свете антропологической полицентричности

Ветчинин Н.М.

Ивановский государственный университет, кафедра философии, аспирант

nikitavetchinin@mail.ru

Аннотация: В статье раскрыто понятие цифровизация сознания, а так же формы бытийности всечеловеческого в полицентрическом мире. Рассмотрено понятие цифровая культура в философско-историческом плане и методы ее обозначения в новой форме бытия, которая, являясь связанной с информационными технологиями, превращается в новое качественное образование – в сравнении с третьей природой, следующей за средой обитания и миром вещей. Человек обретает в виртуальном пространстве свое информационное бытие, при этом ценность последующего мира постепенно изменяется, усиливая иллюзорность в отношении к бытию. Цифровизация сознания имеет свои особенности, не только этнонационального характера, но и когнитивного.

Ключевые слова: Цифровизация сознания, бытийность, культура, информация, логика, всечеловеческое, полицентрический мир.

Digitalization of consciousness is a form of being of the all-human in a polycentric world.

Vetchinin N.M.

Ivanovo state University, Department of philosophy

Abstract: The article reveals the concept of digitalization of consciousness, as well as the forms of being of the all-human in the polycentric world. The article considers the concept of digital culture in philosophical and historical terms and methods of its designation in a new form of being, which, being associated with information technologies, turns into a new quality education-in comparison with the third nature, following the environment and the world of things. A person acquires his informational being in the virtual space, while the value of the subsequent world gradually changes, increasing the illusory attitude to being. The digitalization of consciousness has its own characteristics, not only of an ethnonational nature, but also of a cognitive one.

Keywords: Digitalization of consciousness, being, culture, information, logic, everything human, polycentric world.

Сегодня сложные компьютерные системы невозможно рассматривать сугубо в техническом плане. Они приобрели социокультурное «человекообразное» измерение, т.е. погружены в контекст социальных ценностей, правовых норм, эстетических ценностей и др. Для создания сложных систем с большей производительностью и внедрения их в повседневную жизнь, человеку необходимо перестраивать свое сознание, приспособив его к многообразным процессам оцифровывания мира и расширению границы глобальной цифровизации. Эти процессы идут в жизни каждого человека, а также в деятельности малых и больших групп людей, объединяющихся в корпорации или государства.

Цифровизация сознания – есть глобальный процесс расширения пространственных и временных границ информационно-интеллектуальной деятельности человека и человечества в системе «Человек-Общество-Природа», сопровождающийся интенсивным переходом на цифровой способ связи, записи и передачи данных с помощью цифровых устройств, а также различными и постоянно меняющимися формами коэволюции естественного разума и искусственного интеллекта.

Феномен цифровизации сознания результат транзитивности сознания в быстро развивающемся информационном обществе и полувекового движения человеческого

общества от информатизации к компьютеризации и интернетизации. Эти процессы глубоко и всесторонне пронизывают все стороны жизни человека и общества, меняя не только традиционные модели индивидуального и коллективного мышления, но и структурно-содержательные аспекты человеческого сознания.

Каждая культура имеет свое выражение цифровизации. Но помимо культурологической особенности этнонационального оттенка, цифровизация сознания носит и когнитивный характер в зависимости от субстанциональной или процессуальной логики, присущей субъекту. Субстанциональная логика предусматривает рационализацию рассматриваемой ситуации при помощи выделения внутри нее субъектов (субстанций, сущностей), наделенными определенными свойствами, качествами, допускающими возможность дихотомизации (1/не-1, и т.д.). Процессуальная логика предусматривает рационализацию, в основе которой лежит выделения процессов, связывающих действующее. В одной и той же ситуации может быть приведена как процессуальная, так и субстанциональная логика. Две рационализации, которые между собой равновозможны, никак не конфликтуют друг с другом, т.к. принадлежны разным картинам мира. Они способны давать различные результаты, которые необходимо рассматривать, как взаимодополняющие, а не как альтернативные.

«Опирается ли русская культура на какую-то свою, собственную логику - отличную от субстанциональной логики европейской культуры, от процессуальной логики арабской культуры, от логики китайской культуры и т. д.? Или нет? Только если мы сможем понять это, мы заложим какую-то почву для ответа на вопрос о том, что такое Россия и как она соотносится с Европой; является ли Россия Европой или нет. Вопрос этот, с тех пор как он был поставлен и переосмыслен Данилевским, обсуждался в России, обсуждается до сих пор и остается острым и не решенным. Вопрос этот важен, несомненно, для нашей страны, чтобы понять и осознать, чем она является, и сформировать свое отношение к миру. Однако он обсуждается сейчас не на должном уровне теоретической проработки и осмысления» [1, с. 117 - 118].

В области образования и подготовки кадров для цифровой экономики на государственном уровне ставятся следующие задачи:

- «- Создание ключевых условий для подготовки кадров цифровой экономики.
- Совершенствование системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами.
- Рынок труда, который должен опираться на требования цифровой экономики.
- Создание системы мотивации по освоению необходимых компетенций и участию кадров в развитии цифровой экономики России» [2].

Для решения этих проблем мы должны исходить из специфики человека, его философского понимания. «Сложность философского определения человека состоит в неподвижности однозначного подведения его под узкое, либо более широкое родовое понятие. Например: природа, Бог, или общество. Поскольку человек – это всегда одновременно микрокосм, макрокосм и микросоциум. В рамках истории философии, человек традиционно понимался в единстве таких основных его модусов: тело, душа и дух. При этом тело выступает одновременно как элемент природы в соответствии с интерпретацией, которая может говорить о его основных образах в истории философии и науки (микрокосм, механизм, организм)» [3, с. 896].

Человеческое тело определяется не только посредством его биологических особенностей, но еще через особый плач, смех и т.д. Душа тоже может пониматься для нас в двух основополагающих ракурсах: во-первых, подобно жизненному циклу (прана, псухе), который являясь бессмертной силой, отсчитывает срок существования телесного (основная экзистенция – это жизнь, смерть и любовь). Во-вторых, как экзистенциальное и индивидуализирующее начало человека в обществе и описывающееся в философии через проблему воли, творчества, свободы, игры. Дух воплощает фундаментальную идею «человечности», где «видовая» особенность человека, еще во времена Аристотеля,

связывалась в большей степени со свойствами человека обладать разумом и свойством «социальности» (человек, как политическое животное). К примеру, для философии древнего Востока и античности, человек был в первую очередь фрагментом природы, сущность которого обуславливалась разумом или безличностным мировым духом, а жизненный путь его был определен законами судьбы.

Альтернативой Платону в античности стал Аристотель, обосновавший укоренённость человека в природе, основные потенции которой он наиболее совершенно воплощает вегетативной и сенсетивной части своей души. Рассматривая душу как внутреннюю энтелихию тела, Аристотель, в противоположность Платону, примерил человека не только с природным миром, но и с самим собой, ориентируя его на достижение счастья в конкретном эмпирическом опыте, а не в космических странствиях души. Возрождение значимо обоснованием самодостаточной ценности человека и его земной жизни, что определило философию и идеологию гуманизма.

В 19-ом веке распространяется социологизаторский подход (марксизм, структурализм) ориентирован на рассмотрение человека в контексте более широких социальных связей, продуктом которых он выступает. Кредо этого направления можно выразить известной марксовской фразой о том, что «в своей действительности сущность человека есть совокупность всех общественных отношений».

«Современная философская ситуация характеризуется своеобразным кризисом традиционной проблемы человека, который обусловлен, с одной стороны, признанием невозможности создания целостной модели человека, способностью синтезировать основные философские и научные достижения (последняя попытка такого рода была предпринята в рамках философской антропологии)»[4, с. 90]. «Показательно, что разочарование в конструктивных возможностях философии, осуществляется на фоне достаточно бурного развития прикладных наук о человеке (психологии, социологии, культурологии, этнографии, лингвистики и других). С другой стороны, одним из лозунгов этой философии стала идея «смерти субъекта», обусловленная проблемами войн, технических, семантических и других процессов» [5, с. 18]. Вместе с тем, трудно предположить о существовании философии без ее центральной проблемы, каковой является проблема человека, и, очевидно, что современная кризисная ситуация лишь предвещает новые варианты постижения природы и сущности, связанные с новыми обликами культуры и философии.

Другим важным свойством бытия в мире явлений является полицентризм. Суть полицентризма, который существует во многих системах, выражается в том, что все системы подчинены определенным правилам центрации, суть их в том, что в системах имеют место процессы, которые определяют выделенность одних элементов по сравнению с другими. Выделяются элементы, занимающие господствующие положения и элементы, находящиеся на периферии. Существуют системы, которые имеют один элемент, находящийся в центре, и системы, имеющие несколько центров или один центр. Этому закону подчиняются большие системы, т.н. системы культуры. Есть в обществе системы, подчиняющиеся одному центру, например, марксистское учение об общественно-экономических формациях, и системы, которые образуют системы другого типа, в отличие от моноцентрической системы. В настоящее время, такое течение философии, как постмодернизм, который утверждает идею другого центра, и его определяющие роли. В марксизме разработано учение об общественно-экономической формации. По нему, субстанцией капиталистической системы является экономика. Согласно этому монистическому учению, главными ценностными категориями являются: адекватность, правильность, истина. В философии же модернизма, трансформируется понимание познавательного процесса, как внешне обусловленного, она видит свою программу в отказе от зеркальной теории познания.

Всечеловеческое и полицентрическое, как формы человеческого бытия, по-своему отражаются цифровизацией бытия и др. свойствами человека.

«Цифровая культура в философско-историческом плане обозначается как новая форма бытия, которая, являясь связанной с информационными технологиями, превращается в новое

качественное образование – в сравнении с третьей природой, следующей за средой обитания и миром вещей. Человек обретает в виртуальном пространстве свое информационное бытие, при этом ценность последующего мира постепенно изменяется, усиливая иллюзорность в отношении к бытию» [6, с. 4].

Возможно выделить два основных типа выражения цифровой массовой культуры:

1) электронная форма для классических, «аналоговых» культурных объектов;

2) Электронные объекты культуры не только по форме, но и по сущности, ранее созданные в цифровой среде.

«Характерно, что, погружаясь в цифровую среду, массовая культура теряет некоторые свои классические характеристики и, напротив, обретает новые. Таким образом, нам представляется возможным вывести черты развития массовой культуры – цифровой массовой культуры. Итак, во-первых: цифровая массовая культура является мета-культурой, вобравшей в себя некоторые черты партисипативной культуры. В последнее время она обозначалась по-разному, например, информационной или DIY-культурой («самодельной»). Данный термин описывает тип культуры, при котором аудитория из потребителей превращается в производителей контента» [7, с. 58].

Безусловно, на ход данного процесса повлияла массовая цифровизация социума, позволившая пользователям формировать кластеры согласно персональным интересам, генерировать идеи и делиться ими, объединяться для создания художественных артефактов. На сегодняшний день массовая культура, попав в цифровую среду, является уже не монокультурной, а поликультурной средой.

Таким образом, процессы цифровизации протекают в различных сферах жизни общества: экономической, правовой, экологической, культурной, научной, сельскохозяйственной и т.д. Это дает нам предпосылки говорить о цифровизации сознания в целом. Но цифровизация сознания предполагает не только изменение в структуре сознания, но и формирует новые модели человеческой когнитивности.

Литература

1. Смирнов А.В., Всечеловеческое v.s. общечеловеческое; Москва:ООО «Садра»: Издательский дом ЯСК, 2019. с.117 – 118.
2. Распоряжение правительства РФ от 28.07.2017 №1637-р об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации».
3. Всемирная энциклопедия философии (под ред. Грицанова А.А); Москва – Минск - 2001. с. 896.
4. Камардина Н.В. Изучение феномена человека как общегуманитарная проблема // Вестник КРАУНЦ серия «Гуманитарные науки». 2012. №1 (19). с. 90.
5. Чернышов А. Г. Стратегия и философия цифровизации // Журнал Власть. 2018. Том 26. № 5. С.18.
6. Гнатышина Е. В., Саламатов А. А. Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник Челябинского Государственного Педагогического Университета. 2012. №8. с. 4.
7. Сергеева И. Л. Трансформации массовой культуры в цифровой среде // Культура и цивилизация. 2016 – Том 6. №6А. с. 58.

«Я»-концепция мыслителя как системосозидающий фактор его философии

Вильданов У.С.

Башкирский государственный университет, Уфа, заведующий кафедрой социальной работы факультета философии и социологии. Доктор философских наук, профессор

sal_ural@mail.ru

Аннотация: Если одно из первичных и независимых от мыслителя понятий (телесный, эмпирический, трансцендентальный, абсолютный субъект), с одним из которых он отождествляет себя, оказывается в роли универсальной и абсолютной системы отсчета, неограниченной никакими пространственно-временными и причинными характеристиками и связями, то этим рациональным аппаратом исследования мыслитель, как автор текста, не сможет объяснить саму природу мышления (мысли), так как принцип субъект-объектных отношений (познающий, познаваемое и познание) уже допущен и допущен он мыслителем совершенно неосознанно как некоторое предварительное условие познания. Следовательно, нам необходимо выявление основополагающих исходных посылок в текстах философских работ мыслителя и его трансгредиентности (внеположности) по отношению к собственному тексту. Мыслитель не осознает себя сотворенным в качестве познающего субъекта в самом предмете мышления. Он отмечает только становящийся продукт мысли. Для нашего исследования важно, что если мыслитель, как автор философского текста с ценностными установками, структурой предпонимания представляет собой ингредиент теории, то возникает необходимость его тематизации на уровне методологии. Именно такая тематизация и позволяет увидеть внутренние противоречия в основаниях теории познания.

Ключевые слова: мыслитель, «Я»-концепция, познающий, познание, познаваемое.

Abstract: If one of the primary concepts that are independent of the thinker (body, empirical, transcendental, absolute subject), with one of which the thinker identifies himself, turns out to be a universal and absolute reference system, unlimited by any space-time and causal characteristics and connections, then the thinker, as the author of the text, will not be able to explain the very nature of thinking (thought), since the principle of subject-object relations (knowing, cognizable and cognition) is already admitted and completed by the thinker quite unconsciously as a preliminary condition of knowledge. Therefore, we need to identify the fundamental initial messages in the texts of the thinker's philosophical works and his transgredi-ness (extrapolation) in relation to his own text. The thinker is not aware of being created as a knowing subject in the very object of thought. It marks only the permanent product of thought. For our research, it is important that if the thinker, as an author of a philosophical text with values and a structure of pre-understanding, is an ingredient of the theory, then there is a need to thematize it at the level of methodology. It is this theming that allows us to see the internal contradictions in the foundations of the theory of knowledge.

Keywords: the thinker, the "I"-concept, the knower, knowledge, knowable.

Нам необходим гносеологический анализ «Я»- концепции мыслителя как системосозидающего фактора философии с ее определенной структурой предпонимания как методологического основания исследования. Это требует в свою очередь выяснения вопроса о том, каковы источники и исходные основания, на каких допущениях, посылках и принципах покоится и как возможно рациональное знание о предмете мышления; здесь мы не имеем в виду какую-либо опытную реальность, о которой мыслитель строил бы теорию, а лишь стремимся показать, как философы проясняют логическими средствами некоторое объективное мыслительное содержание на проблему теории познания в самой рациональной философии и формулируют нормативные правила и вневременные отношения, делающие наличное знание возможным в принципе, не обращая при этом на то, что это рациональное знание все равно должно случиться, т.е. быть явленным знанием, а не наоборот, знанием

явления, как это мы находим у И. Канта. Пояснение тем или иным мыслителем явленности наличного знания достигается на основе некритического допущения в качестве исходного основания принципа субъект-объектных отношений, а также понятий «Я», «субъект», «объект», «познаваемое», «познающее» и «познание», которыми пользуется он, как автор текста, в ходе изложения существующего материала. При этом актуальным является рассмотрение роли и значения самого мыслителя как познающего автора (фактора) в становлении излагаемого им текста. В философской литературе исследователями некритически, бессознательно допускаются, что автор текста, как познающий в отношении к познаваемому объекту, может знать свой предмет исследования, но никто из них даже не допускает мысли о том, что автор текста, как познающий, не может сделать себя объектом своего собственного знания. Он всегда познающий, но никогда не познаваемый. В целях обоснования основополагающего значения мыслителя как познающего и излагающего (субъекта) к познаваемому и излагаемому (объекту) не только в формировании теории, но как ее составной, неотъемлемой части, нам следует проанализировать и проследить процессы и пути приобретения знаний и опыта, в частности, относительно понятий «субъект», «объект», «субъект-объектные отношения», «познающий», «познаваемое», «познание», т.е. относительно допущений исходных посылок тем или иным мыслителем себя как автора философской концепции в смысле системосозидающего мышления. Поэтому мы здесь разграничиваем два ряда феноменов: 1) исходных философских положений и посылок в самом тексте теории как объективных мыслительных форм (например, субъект, объект, познающий, познаваемое), которые используются мыслителем совершенно некритически; 2) бессознательного отождествления конкретным мыслителем себя самого с познающим субъектом или с «Я»- концепцией как системосозидающего фактора его философии, но при этом закономерно вошедшего в текст теории в качестве составной его части (ингредиента). При построении любой логической системы никакое сознание, объективацией которого текст является, не может быть беспредпосылочным. Бессознательное трансгредирование в процессе познания тем или иным мыслителем себя как познающего к познаваемому заключается в том, что он рефлексивует, излагает свой предмет и себя в предмете благодаря определенным допущениям исходных посылок как обуславливающего фактора образования теории, но не осознает при этом себя в качестве познающего, не осознает сам процесс своего собственного изложения, не осознает того, что мыслительное движение совершается только в границах его «Я»-концепции. Творческая работа излагается им, но процесс изложения не осознается им, ибо мыслитель (автор текста) замечает только лишь создаваемый продукт или предмет мышления, на который этот процесс направлен. Поэтому ему нечего сказать о самой «философии» изложения, – ибо он весь в созданном рационалистическими установками и понятиями предмете; его авторство мы можем обнаружить только в самом предмете лишь подспудно, подтекстно, а не явно. Принятые рациональным мышлением, мышлением вообще, установки, обусловленности, понятия как познаваемые объекты, мыслитель как познающий субъект, излагает в самом тексте теории. Его творческо-познавательное отношение, созидающее целостное содержание предмета, ценностно им переживается как нечто определенное, целостное; определенность предмета мышления оформляется в созданном мыслителем произведении с приклеиванием ярлыка материалиста или идеалиста. Он проецирует свои обусловленности и ценностные отношения (как его «Я»-концепция) к этим принятым рационалистическим мышлением установкам, обусловленностям, понятиям и не осознаёт себя сотворенным в качестве автора в самом предмете мышления, а замечает только становящийся продукт творчества, не осознаёт себя в качестве того субъекта, т.е. автора, обозревающего себя в качестве автора. Процесс становления мыслителя в качестве автора текста как «онтологическая» закономерность не может быть непосредственно изучаемым самим мыслителем, он имеет дело с ним лишь постольку, поскольку он отложился в своих работах с его идеальной, смысловой историей и с ее идеальной смысловой закономерностью; поэтому мы стремились показать наиболее важные концептуальные типы отождествленности мыслителя либо с физическим телом, либо с

эмпирическим «Я», либо с трансцендентальным субъектом, абсолютным «Я» и на этой основе прояснить философский статус мыслителя в формировании им философской теории; если дуалистическую установку субъект-объектных отношений (как отношение познающего субъекта к познаваемому объекту) мы рассматриваем как бессознательно, некритически допущенное автором (мыслителем) в философском тексте абстракцию, то возникает иллюзия внеаходимости (трансгредиентности) его (мыслителя) за пределами теории как реального творящего индивида (что, на наш взгляд, совершенно недопустимо), иллюзия, как будто автор текста вынесен из сферы познаваемого как познающий с заданными обществом установками и ценностным отношением. Автор текста как познающий фактор, как его «Я»-концепция, полностью входит в предмет исследования. Упущением западной философии является исключение из вопросов знания самого мыслителя как автора текста к познаваемому объекту (предмету мышления) с его ценностными установками и обусловленностями, чего делать нельзя, ибо знание есть плод субъективной способности познания, а дуализм субъект-объектных отношений есть некритическое допущение мыслителем первоначального исходного мыслительного условия. Поскольку субъективное (автор текста с ценностными установками и обусловленностями) есть составляющая (ингредиент) теории, знания, постольку возникает необходимость его тематизации на уровне методологии. Именно такая тематизация и позволяет увидеть внутренние противоречия в структуре теории познания западной классической философии. Но мыслитель не может понять этой необходимости в силу не только отождествленности его с определенными допущениями и исходными посылками, но и в силу отождествленности с самим механизмом генерации этого знания. Бессознательное допущение мыслителем в качестве исходного начала субъект-объектных отношений, а себя в качестве независимого наблюдателя или универсальной и абсолютной системы отсчета, не дает ему возможности одновременно со знанием содержания излагаемого текста одновременно получить знания о процессах своего сознания. Этот дуализм означает, что если анализ и изложение феноменов сознания в философском тексте организован автором таким образом, что одно из первичных и независимых от автора понятий (как принцип «Я», или субъект, личность, с которым мыслитель себя эклектично отождествляет), оказывается в роли универсальной и абсолютной системы отсчета в излагаемом тексте теории, то с этим рациональным аппаратом исследования автор не может объяснить процессы своего сознания подобно тому, как глаз может видеть всё, но не может видеть самого себя, так как принцип субъект-объектных отношений (понятия «субъект», «объект», «познающий», «познаваемое», «Я») уже допущен, и допущен он совершенно некритически, бессознательно как некоторое предварительное условие познания. Мыслитель всегда есть излагающий и познающий, он не может свести себя к излагаемому и познаваемому. Мыслитель, как автор текста, даже и не подозревает, что он трансгредиентен (внеположен) по отношению к создаваемому им материалу. Тогда в соответствии с принципом субъект-объектных отношений предпосылается (предполагается) изначальная заданность мира и человека в этой универсальной системе отсчета, из которой возможны любые варианты и вариации философских теорий и концепций. Ведь далеко не случайно в истории философской мысли мы обнаруживаем всего лишь различные подходы к определению абстрактного «Я», которое предстаёт в четырёх видах: 1) телесного «Я»; 2) эмпирического «Я»; 3) трансцендентального «Я»; 4) абсолютного «Я».

Таким образом, если одно из первичных и независимых от мыслителя понятий (телесный, эмпирический, трансцендентальный, абсолютный субъект), с одним из которых он отождествляет себя, оказывается в роли универсальной и абсолютной системы отсчета, неограниченной никакими пространственно-временными и причинными характеристиками и связями, то этим рациональным аппаратом исследования мыслитель, как автор текста, не сможет объяснить саму природу мышления (мысли), так как принцип субъект-объектных отношений (познающий, познаваемое и познание) уже допущен и допущен он мыслителем совершенно неосознанно как некоторое предварительное условие познания. Следовательно,

нам необходимо выявление основополагающих исходных посылок в текстах философских работ мыслителя и его трансгредиентности (внеположности) по отношению к собственному тексту. Поэтому мы стремились рассмотреть наиболее важные концептуальные типы отождествления мыслителем себя со своим «Я», «Я»-концепцией и на этой основе прояснить философско-онтологический статус самого мыслителя. Процесс логического изложения предмета исследования не может быть непосредственно изучаем мыслителем (автором изложения), так как он имеет с ним дело лишь постольку, поскольку он отложился в нем, т.е. отложился с его идеальной, смысловой историей и с ее идеальной смысловой закономерностью. Иначе говоря, автор творит, но осознаёт свое творение только в предмете, который он оформляет, т.е. осознаёт только становящийся предмет творчества, но не осознаёт свои сознательные процессы (бессознательно положенные исходные посылки и допущения), или себя как автора текста. Таковы все активные творческие процессы изложения идей (в том числе трансцендентальных идей): автор переживания излагает свой предмет мышления и себя в предмете, но не процесс (акт) своего изложения, не сознательные процессы, т.е. не процесс изложения самого изложения; творческая работа излагается, но изложение само не слышит и не видит себя, а видит лишь создаваемый предмет, на который это изложение направлено. Автор не видит себя самого, он сливается с самим предметом исследования, а сознательные процессы и обусловленности остаются за пределами (за полем зрения) автора текста. Поэтому ему нечего сказать о процессе своего творчества, так как он весь в созданном продукте, и ему остается только указать на свое произведение; действительно автора можно обнаружить только в качестве составной части создаваемой им теории.

Вопросы гуманизации и гуманитаризации современного образования

Виноградова С.Ю.

Московский технический университет связи и информатики, научный сотрудник. Кандидат философских наук

sv-mtuci@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы современного высшего образования. Обоснована необходимость принципиально нового подхода к подготовке специалистов в техническом ВУЗе. Показана зависимость существующих проблем в образовании от социально-экономической организации жизни общества. Гуманизация образования рассматривается как условие прогрессивного развития современного общества, как цель предстоящих изменений, а гуманитаризация образования и новые, более «гибкие» системы передачи знаний – как средства.

Ключевые слова: технократический подход, гуманизация и гуманитаризация образования, «гибкие» системы передачи знаний.

Проблемы в сфере образования являются прямым отражением проблем общества в целом. Поэтому «оздоравливать» образование, не меняя ничего в общественной сфере, невозможно. Это с одной стороны. С другой стороны, образование, как один из основных надстроечных элементов, само оказывает большое влияние на общество, т.к. формирует в прямом смысле слова тот самый субъективный фактор, который является вектором общественного развития.

Развитие общества представляет собой естественно-исторический процесс, т.е. общество развивается закономерно, но при непосредственном участии (влиянии) человека. Влияние человека, возможность целенаправленного воздействия на процесс общественного развития изменяется в соответствии с этапами общественного развития. Зависимость эта обуславливается с одной стороны, степенью развитости общественных отношений на том или ином этапе, а с другой стороны, соотношением стихийности и планомерности в развитии общества. Что мы имеем на настоящем этапе? Вот уже почти 30 лет российская экономика развивается на основе рыночных отношений. Основными особенностями «рынка» являются стихийность развития и определяющая роль капитала. Поскольку основной интерес капитала концентрируется вокруг получения максимальной прибыли, а использование достижений НТП является одним из основных факторов достижения желаемого результата, то развитие науки и техники становится самоцелью. Такой тип общества, где научно-технический прогресс подменяет собой прогресс социальный, принято характеризовать как общество технократического типа.

Такой крен в развитии общества неизбежно приводит к перекосам в системе образования. Стремление к максимизации прибыли, вытекающее из самой природы конкуренции капиталов, в сфере образования выражается в том, что в учебных планах технических ВУЗов отдается предпочтение техническим дисциплинам. Гуманитарная составляющая образования занимает крайне-подчиненное положение. В результате, на выходе мы получаем специалистов, хорошо подготовленных в профессиональном плане, но имеющих очень отдаленное представление о том, что выходит за рамки их профессиональных интересов.

Сторонники технократического подхода к развитию общества не учитывают, что развитие производительных сил приводит к необходимости изменения социальной организации жизни общества в соответствии с произошедшими техническими и технологическими изменениями. Следовательно, возникает потребность в личностях, осознающих свое участие не только в технологическом, но в социальном изменении

общественной жизни, обладающих знанием не только закономерностей развития техники, но и общества.

Современное образование не нацелено на подготовку такого типа специалиста, который будет способен к решению задач комплексного характера, где инженерные аспекты находятся в непосредственной связи с социальными, экономическими и иными аспектами. Для того, чтобы молодой специалист был подготовлен к решению такого рода задач, в техническое образование должна быть привнесена гуманитарная составляющая, связанная с преподаванием таких дисциплин как история и философия, этика, инженерная психология, культурология, прикладная экология и социология и т.д.

Таким образом, конечной и основной целью образовательного процесса должен стать человек, обладающий не только профессиональными навыками, но и личностными качествами, способностью к креативному мышлению, с развитым чувством ответственности за социальные последствия своей деятельности.

Для достижения поставленной цели, кроме привнесения гуманитарной составляющей, необходимо изменить сам тип передачи знаний в сложившейся системе высшего технического образования. Традиционная система образования основана на простой передаче знаний от преподавателя к студенту. На смену традиционному типу обучения, базирующемуся на «информационном» подходе, должны прийти новые образовательные системы, которые будут нацелены не на подготовку «готовых» специалистов, а на развитие у выпускников способности к постоянному саморазвитию, приобретению новых знаний. Иными словами, на смену «обучению» должно прийти «образование» в лучшем смысле этого слова. В основе этого перехода от одной образовательной системы к другой, должно быть создание образовательной среды, нацеленной на развитие личности, обладающей наряду с профессиональными навыками способностью к творческому анализу ситуации, имеющей гражданскую, нравственную позицию, обладающую гражданской зрелостью.

Суть предполагаемых изменений в системе образования можно кратко охарактеризовать термином «гуманизация». Гуманизация высшего технического образования – это стратегическая цель, требующая серьезной подготовки и направленных усилий всего общества, а гуманитаризация образования является тактической задачей на пути к этой цели. Причем, гуманитаризация образования — это не только обращение к гуманитарной проблематике через чтение обязательных или факультативных гуманитарных дисциплин, но и через выявление идейно-культурного потенциала в общенаучных и общетехнических дисциплинах. Это необходимо для того, чтобы между естественно-технической и социально-гуманитарной частями инженерного образования сохранялась последовательность.

Однако, новая система образования требует и более гибкой педагогики. Основными ее характеристиками должно быть отсутствие культа императивных методов воспитания, ориентация на развитие личности, стимулирование творчества и особенно творческого мышления.

Таким образом, трансформация образовательного процесса должна осуществляться в соответствии с принципами, характеризующими гуманоцентричность образования, а именно: приоритет личностно-ориентированных целей, взаимосвязь гуманитарной и инженерной подготовки; творческий подход и проявление гражданской позиции, что отражается в содержании гуманитарно-ориентированного образования, меняющего не только структуру инженерной деятельности, но и ее воссоздающего целостность, требующего проявления личностных качеств будущего специалиста, его гражданской, нравственной позиции, социальной зрелости.

Литература

1. Гуманитарное образование в техническом вузе: состояние, проблемы, перспективы. М.: 2007.
2. Кансузьян Л.В. Философия инженерной деятельности. М.: 2009

3. Федоров И.Б., Медведев В.Е. Инженерное образование: проблемы и задачи //Высшее образование в России. 2011. № 12.
4. Мякушкина О.В., Дрюченко А.А. Инженерное образование: поиски гуманитарной реконструкции и новой образовательной парадигмы //Актуальная биотехнология. 2012. № 4. С.39-45.

Нравственный рассудок

Воеводин А. П.

*Луганская государственная академия культуры им. М. Матусовского, профессор,
заведующий кафедрой культурологии. Доктор философских наук*

Voevodin.47@mail.ru

Аннотация. В современной философии отсутствует единство в понимании нравственной сущности человека, вплоть до отрицания самой возможности ее исследования средствами эпистемологической рациональности. Причину тотальной разочарованности в теоретическом опыте изучения морали, вероятно, следует искать в неадекватности исходных теоретических представлений, как о самом предмете исследования, так и о способах его рациональной репрезентации в нравственном сознании. Этика и мораль существуют раздельно, этика нацелена на безучастное знание, поэтому ценностно-смысловое, непосредственно-чувственное содержание нравственного образа не поддается логической экспликации средствами этического дискурса. Адекватной формой рациональности в морали является нравственный рассудок, объединяющий и скрепляющий все экзистенциальные формы нравственного сознания.

Ключевые слова: этика, нравственный рассудок, нравственный образ, нравственный смысл.

Moral reason.

Voevodin Alexey Petrovich

Luhansk state Academy of culture (them. Michael Matusovsky), Department of cultural studies

Abstract. In modern philosophy there is no unity in the understanding of the moral essence of man, up to the denial of the very possibility of its study by means of epistemological rationality. The reason for the total disappointment in the theoretical experience of the study of morality, probably, should be sought in the inadequacy of the original theoretical ideas, both about the subject of research, and about the ways of its rational representation in the moral consciousness. Ethics and morality exist separately, ethics is aimed at indifferent knowledge, so the value-semantic, directly sensual content of the moral image does not lend itself to logical explication by means of ethical discourse. The adequate form of rationality in morality is the moral reason, which unites and binds all existential forms of moral consciousness.

Keywords: ethics, moral reason, moral image, moral meaning.

1. По общему признанию современная этика испытывает значительные теоретические трудности в интерпретации морали и логической экспликации нравственных норм. Вслед за Шотландской школой философии Дж. Мур, Л. Витгенштейн, А. Макинтайр неоднократно заявляли о проблематичности логического истолкования морали и неопределенности, если не сказать фактической бессмысленности, этических оценочных суждений. О беспомощности теоретической и профессиональной этики в объяснении современного нравственного состояния общества и ее очевидной неспособности оказывать влияние на саму мораль свидетельствуют неутраченные дискуссии о сущности морали в отечественной философии и невероятный разнобой во взглядах на саму мораль. Этика и мораль сосуществуют раздельно, как бы в разных теоретических и ценностных мирах, не испытывая особого влияния друг на друга. Этика, преимущественно, описывает внешние культурные проявления морали, ее исторические взаимодействия с другими сферами социальной жизни и не может непротиворечиво объяснить сущностные отличия смыслового содержания нравственных образов и поступков от гносеологических, политических, религиозных, эстетических и прочих образов и, настаивая на якобы всеобщности морали, по сути, растворяет ее среди других форм социальной деятельности. К тому же, определяя мораль как

способ нормативного регулирования поведения людей, философская этика не в состоянии объяснить специфику конкретных норм морали, их отличие от правовых, грамматических, религиозных, диетических и прочих норм, поскольку не может точно сформулировать ни сам предмет морального сознания, ни специфику моральной регуляции.

2. Методологические причины несоответствия философской этики содержательному исследованию морали неоднократно обозначались в теоретических дискуссиях. Это панрационализм и антропоцентризм - сведение всего богатства ментальных человеческих проявлений в морали к рационально калькулируемому субъективному выбору, и, как следствие, оправдание эгоистического своеволия индивидуализма и неспособность непротиворечиво объяснить роль нравственных чувств в морали. О неадекватности теоретической этики в сфере морали рассуждал Аристотель. По его мнению мораль нуждается в особом типе мышления и рациональности, отличном от *theoria* и *techne*, а именно во *fronesis* (рассудительности), который связан с целеполаганием, непосредственно влияет на активную деятельность людей. Такой способ рационального мышления он определяет как «практическую мудрость», которая греками почиталась как одна из основных добродетелей. Если по типу знания теоретическая *episteme* направлена на познание всеобщего мирового строя вещей и представляет собой предельно обобщенную родовидовую схему устройства мира, отстраненно-универсальное и внеконтекстуально-сущностное знание, а *techne* представляет собой рецептурно-технологические схемы целесообразных способов изменения и производства вещей, касается внешне ориентированной практически-целесообразной деятельности, где предметы труда существуют независимо от создателя, то *fronesis*, как собственно гуманитарный тип мышления, появляется вместе с саморефлексией, со способностью индивида осознавать социально-нравственный смысл своего поведения, направлен на руководство социальными поступками (*praxis*) самого индивида, является непосредственным способом его нравственного, в том числе и чувственного, самосознания. Применительно к морали *fronesis* или, в нашем понимании, нравственный рассудок — это такая специфическая форма рациональности, где знание не может предшествовать непосредственному опыту, а есть знанием индивидом себя, осмыслением своих собственных чувственных состояний и поэтому, в отличие от демонстративного научного, обладает непосредственной убедительностью, поскольку находит себя согласующимся с самим собой, с чувственным опытом собственной деятельности и восприятия мира. Такое знание не может служить средством (руководством к действию) для получения нового знания. Оно строится по правилам, которые применимы только для него самого. Это знание особого рода. Оно удивительным образом охватывает и цель, и средство, отличаясь в этом смысле от знания рецептурно-технологического и отвлеченно-эпистемологического, ибо эмпирически-непосредственное (чувственное) состояние субъекта, которое разум категоризирует, является для него, одновременно, и средством вхождения в субъективно-значимый мир смыслов культуры, и конечной целью моральной рефлексии. В рассудительности то, что называют мышлением, волей, рефлексией выступает одновременно и средством, и целью, наблюдает все оттенки собственного самочувствия и, тем самым, служит развитию самого себя посредством развития наблюдаемого и категоризируемого им же собственного чувственного состояния. Синкретически объединяя и созерцающий себя разум, и непрерывную оценку, и креативный посыл, и чувственную волю, рассудительность является самодостаточной и неостановимой движущей силой собственного развития. Здесь объект и субъект, причина и следствие неразличимы, все время меняются местами, «оборачиваются».

3. Объяснение нравственных событий в инструментарии теоретического (*theoria*, *episteme*) или технократического (*techne*) мышления совершенно бессмысленно, поскольку такое объяснение безучастно движется по внешней, предметно-сюжетной стороне события и не затрагивает собственно нравственные смыслы человеческих поступков – это все равно, что поверять алгеброй гармонию или объяснять данный текст особенностями бумаги, знаков, краски, печатающего устройства. Теоретико-эпистемологические понятия и принципы

организации отвлеченного мышления настолько безразличны к конкретному содержанию нравственных коллизий, что самоуверенно-безапелляционные попытки их применения к анализу непосредственной нравственной практики всегда были безуспешными и в реальной практике народом никогда не одобрялись. Рассуждающему на темы морали постоянно нужно иметь в виду, что нравственное содержание мышления, как, впрочем, и сама мораль, не существует где-то отдельно, как внешний самостоятельный предмет, вне самого рассуждающего на темы морали человека и поэтому к нему неприменимы привычные дистантные объект-субъектные отношения теоретической эпистемологии или нормативно-технологические рецепты технократического мышления. В отличие от безучастной теоретической этики нравственный рассудок является непосредственным способом рефлексии чувственно постигаемого смысла нравственных образов, типологические формы которых фиксируются в традиционных категориях. В силу этого используемые категории необходимо рассматривать как артикулирование типических смыслов непосредственно переживаемых ценностей или моральных чувственных состояний. Таким образом, структура суждения нравственного рассудка представляет собой суждение о себе, о своем чувственном состоянии по поводу поступков (интересов) других людей.

Десакрализация и дегуманизация современной философской мысли

Волот Н. В.

nikitanikita5551@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются философские явления - десакрализация и дегуманизация, изучается их позиция в контексте концепции «свободы от» (негативной свободы), прослеживается их становление в парадигмальном контексте: десакрализация как «смерть Бога» с помощью рационального мышления в парадигме модерна и дегуманизация как критика гегемонии чистого разума в рамках парадигмы постмодерна. Анализируется влияние процессов десакрализации и дегуманизации философской мысли на человека как ключевой фигуры философского дискурса и на различные виды его идентичности, обнаруживаются эсхатологический и мифологический аспекты данных процессов. Исследуется метафизическая сущность чистой материи в онтологии Аристотеля. Рассматривается последовательность процесса легитимизации трансформации человека как вида на уровне философских рассуждений и прогнозируется антропологическое будущее человека на основании современных философских концепций.

Ключевые слова: современная философия, десакрализация, дегуманизация, премодерн, модерн, постмодерн.

Desacralization and dehumanization of modern philosophical thought.

Volot N. V.

Abstract: The article considers philosophical phenomena - desacralization and dehumanization, studies their position in the context of the concept of «freedom from» (negative freedom), traces their formation in a paradigmatic context: desacralization as «the death of God» with the help of rational thinking in the Modern paradigm and dehumanization as a criticism of hegemony of pure mind within the framework of the Post-modern paradigm. Analyzes the influence of the processes of desacralization and dehumanization of philosophical thought on a human as a main figure in philosophical discourse and on various types of his identity, reveals the eschatological and mythological aspects of these processes. Investigates the metaphysical essence of pure matter in the ontology of Aristotle. Examines the sequence of the process of legitimizing the transformation of human as a species at the level of philosophical reasoning and predicted the anthropological future of man on the basis of modern philosophical concepts.

Keywords: modern philosophy, desacralization, dehumanization, premodern, modern, postmodern.

Философская мысль XXI века ознаменовалась кризисом гуманизма и антропоцентризма, заключающегося во внезапно пришедшем осознании несовершенства человека. Кризис был вызван несколькими причинами: резким развитием научного знания, позволившего раскрыть тайны человеческого интеллекта и тем самым обнаружившего его несовершенство (что получило развитие в трудах Ника Ланда и Сэнди Плант) и открывшимися на пике экологической повестки масштабами вреда, нанесенного человеком природе, обнаружившими взаимную враждебность человека и природы. На идее противостояния человека и природы зародились такие современные философские концепции, как «темная экология» Тимоти Мортон, «темный витализм» Бена Вударда и «мир-без-нас» Юджина Такера. Они описывают картины окружающей действительности языком «хоррора» и пессимистично настроены в отношении будущего человека. Философская мысль, почти полностью преодолев божественное в эпоху Просвещения, сейчас преодолевает человеческое и устремляется в пугающие своей неизвестностью иные сферы бытия. Вопрос десакрализации и дегуманизации философии является наиболее актуальным в наше время, ибо философская мысль не просто описывает действительность, а задает вектор ее развития, влияя на мировоззрение ученых, занимающимися такими противоречивыми с этической

точки зрения научными отраслями, как генная инженерия или ядерная физика, а научная теория, в свою очередь, определяет реальность [1, с. 33]. Чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо исследовать вектор развития философской мысли и понять, где находятся корни ее десакрализации и дегуманизации.

Философская мысль, определяя набор концепций, постулатов и догм, формирует парадигму мышления как совокупность предубеждений и представлений относительно мироустройства, требующую своего пересмотра по мере исчерпания способности адекватно отвечать на возникшие вопросы бытия. Философия знает три основных парадигмы – премодерн (традиционное архаичное общество), модерн, постмодерн (современное информационное общество).

Премодерн – «заколдованный», сакральный мир, философская мысль которого неразрывно связана с религиозной мыслью. В греческом языке термином «философия» обозначался процесс рационального размышления, использовавшийся при трактовке мифов. Премодерн – это царство Бога как центральной фигуры философского дискурса и бытия человека.

В Новое время вместе с Великими географическими открытиями, резким развитием науки и рационализмом пришла идея, что Вселенная познаваема силой человеческого разума как абсолюта. Началась эпоха модерна и постепенное «расколдовывание» (десакрализация) мира – освобождение от божественного как «нерационального». Человек стал центральной фигурой философского дискурса как самоценность. Эпоха модерна ознаменовалась «убийством Бога» и воцарением Человека. Фридрих Ницше писал: «Где Бог? [...] Мы убили его — вы и я...» [2, с. 68]. Позже модерн в своей антропоцентричности нивелировал различия между людьми, признав условными различия по национальным и расовым признакам. Но и модерн постепенно исчерпал себя, и предтечей его краха выступил Иммануил Кант. Он критиковал гегемонию чистого разума, проявил радикальный нигилизм (проявившийся в обнаружении отсутствия онтологических аргументов субъекта и объекта), заложил основы теории либеральной демократии. В кантианстве получил свое начало марксизм, боровшийся за расширение социальной базы за счет «угнетенных» капитализмом и частной собственностью женщин, стараясь вывести их из-под влияния семьи как «пережитка Традиции». Из освободительной волны марксизма родился феминизм, в радикальной своей форме утверждающий, что гендерная и половая идентичность есть «формы угнетения» сами по себе, и предлагающий нивелировать и эти различия, тем более что технически такая процедура возможна. Стоит отметить, что «убийство Бога»—знаковое событие эпохи модерна, так как, по сути, это изгнание Божественной догмы о человеке, «сотворенном по образу и подобию» Бога, что легитимизирует радикальное вмешательство в человеческое естество.

Следующая научная революция второй половины XX - начала XXI века породила сложные компьютерные технологии, вплотную подошла к созданию искусственного интеллекта, своими возможностями обнаружившего несовершенство интеллекта человеческого. Вступила в свою силу эпоха постмодерна. В философских кругах возникла идея, провозгласившая отсутствие в мире объективной системности и отсутствие под всеми нашими понятиями объективного содержания, потому что человек как субъект осмысляет универсум лишь в рамках своей «несовершенной» антропоцентричности. В продолжении концепции модерна «свободы от» пришла мысль, что человечность ограничивает свободу человека и он сможет объективно осмыслить действительность только тогда, когда освободится от человеческой идентичности. Процедура освобождения «человека от человека» (или дегуманизация) метафизически легитимизирована постмодерном, и технически совсем скоро станет возможной.

Но что есть человек? Человек есть материя (тело), подчиненная духу. Дух придает материи образ, форму, облагораживает её. У Аристотеля форма – благое начало, отсутствие у материи формы (определенности) он считает дурным началом, применяя к неоформленной материи термин «лишение». В его трактовке «лишение» – это неупорядоченное,

бесформенное, бурное, титаническое – все те свойства, что приписывают стихии природы [3, с. 14]. Больше всего христианское человечество, наследник Аристотеля, боится утратить индивидуальность и оформленность [4, с. 79].

Такое проявление субъектно-объектных отношений, как подчинение тела духу, трактуется наиболее продвинутыми современными мыслителями постмодерна как неприкрытая форма «фашизма» и угнетения. Они предлагают нивелировать его как безусловное ограничение человеческой свободы. Процесс освобождения предлагается проводить двумя способами: упразднить человеческий дух (разум) и тело (форма тела как диктат к материи) в их привычном понимании. Освободиться от диктата разума, законов и моральных ценностей предлагали французские философы Жиль Делёз и Феликс Гваттари, освобождая «чистое желание» (или внутреннее «шизо») [5, с. 184], взрастив «шизофреника» - ломающего стереотипы новатора, бесконечно свободного от самого себя. Французский философ и семиотик Ролан Барт предлагал освободить человека от языка: он утверждал в радикальной манере, что «язык — это обыкновенный фашист», ибо за его пределы не выйти, он не реакционный, не прогрессивный, но авторитарен в своей модальности [6, с. 549].

Идею освобождения человека от человека как биологического вида (во имя его «свободы») впервые высказала радикальная феминистка Донна Харауэй в «Манифесте киборгов». Борьба против «угнетения» дошла в ее сознании до критической стадии – человек сам есть сам по себе форма «фашизма», и для освобождения необходимо изменить свое тело, сломав барьеры, которые человек воздвиг между собой, животным и машиной [7, с. 21]. Она провозглашает конец антропоцена и начало «ктулхуцена» (термин отсылает к мифологии Говарда Лавкрафта и его «богам-идиотам»: Ктулху, Йог-Сототу и т.д.). Стоит упомянуть, что схожие образы постчеловеческих существ обозначены в античной мифологии титанами (сторукие гекатонхейры, звероподобные титанические боги, низвергнутые солнечными олимпийскими богами в Тартар), а также народами Гога и Магога (одноногие, одноглазые и однорукие, запертые глубоко в недрах земли) в авраамической эсхатологии. И те, и другие стремятся вырваться из своих темниц наружу, в мир людей, и тогда наступит Конец Времен. В своей философии Харроуэй высвобождает монстров пока что на метафизическом уровне, однако воплощение в реальной жизни вполне реально, достаточно взглянуть на успехи человека в генной инженерии, остаются лишь вопросы биоэтики. Однако и биологическое тело, пусть и видоизмененное до неузнаваемости, имеет форму, а ее можно рассматривать как «фашистское угнетение» в виде согласованной иерархии и соподчиненности органов. Логическим завершением процесса «освобождения» человека будет упразднение его тела в принципе. В результате может получиться нечто, обозначенное термином французского психоаналитика Жака Лакана «l'hommelette» (заимствованный и адаптированный им у Зигмунда Фрейда термин «ламелла»), состоящего из двух французских слов *homme* («человек») и *omelette* («омлет»). *L'hommelette* – это «челомлет», плоский и передвигающийся подобно амебе сгусток зародышевой плазмы. Чистый остаток жизни, упорствующий в своем существовании вне биологических рамок организма. По своей сути – чистая живая материя.

Но чистая материя есть бесформенное, безобразное, хаотичное, являющееся (по Аристотелю и Августину) проявлением абсолютного антибожественного зла. Блаженный Августин посредством Богообщения понял, что до того, как Бог придал форму всему живущему, существовала первозданная неоформленная материя, находящаяся в бесформенном хаотическом состоянии [8, с. 198]. Таким образом, по Августину, абсолютная бесформенность есть темная бездна и сама изменчивость, в ней сосредоточен принцип непостоянства, а Бог — это константный, стабильный свет. Следовательно, все неоформленное - суть антибожественное, но не в смысле «адское», а нечто еще более страшное. Если Данте Алигьери вполне конкретно описал девять кругов Ада, если Гомер подробно рассказал об устройстве царства Аида (но мы не видим там неоформленности, даже души усопших имеют пусть и зыбкий, но образ), то можно предположить, что бесформенность есть нечто более страшное, чем сам ад.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что модернистская концепция освобождения человека от Бога, расы и нации, подхваченная постмодерном, стремящимся освободить уже от пола, гендера и человеческой идентичности, в своем логическом завершении легитимизирует существование враждебных человеку сущностей, появление которых, согласно авраамической эсхатологии, предвещает Конец Света. Это делает десакрализацию и дегуманизацию одними из острейших философских вопросов, требующих внимательного осмысления и решения.

Литература

1. Quine W.V. On what there is // Review of Metaphysics. 1948. Vol. 2 No. 5. P. 21–38.
2. Ницше Ф. Веселая наука. Злая мудрость / Пер. с нем. К. А. Свасьяна // М.: Эксмо. 2014. 480 с.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Под ред. В. Ф. Асмус // М.: Мысль. 1976. 550 с.
4. Липавский Л. Исследование ужаса // Логос. 1993. № 4. С. 76-88
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Д.Кралечкина // Екатеринбург: У-Фактория. 2007. 672 с.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. // М.: Прогресс. 1989. 616 с.
7. Харауэй Д. Манифест киборгов / пер. А. Гараджа // М.: Ад Маргинем. 2017. 128 с.
8. Августин Аврелий. Исповедь / Пер. М. Е. Сергеенко // СПб.: Наука. 2013. 372 с.

Качество гуманитарной подготовки студентов технических вузов

Воробьев Е.П.

Московский государственный технический университет гражданской авиации, доцент.

Кандидат исторических наук

vorobyev@bk.ru

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее острые проблемы освоения студентами российских технических вузов гуманитарных дисциплин, их место в эффективной подготовке будущих инженеров. Определяются трудности при организации учебного процесса, связанные с резкими различиями в изначальном уровне знаний первокурсников, усугубляемые ростом в составе учебных групп доли иностранных обучающихся. Автором определяются главные причины снижения качества обучения студентов-технарей гуманитарным наукам, особо выделяя среди них низкую мотивацию, уменьшение аудиторной нагрузки по истории, философии и другим учебным предметам, сложности перехода к компетентностному подходу в российском образовании. Предлагаются способы решения имеющихся проблем: выработка четких критериев оценки знаний, умений, навыков и аттестации по всему блоку гуманитарных дисциплин, дальнейшее углубление межпредметных связей, совершенствование форм оценочных средств.

Ключевые слова: гуманитаризация высшего образования, высшее техническое образование, гуманитарные науки

Quality of humanitarian training of students of technical universities.

Vorobyev E.P.

Moscow state technical University of civil aviation

Abstract: The article deals with the most acute problems of mastering the humanities by students of russian technical universities, their place in the effective training of future engineers. The difficulties in the organization of the educational process associated with sharp differences in the initial level of knowledge of first-year students, aggravated by the growth in the composition of the educational groups of the share of foreign students. The author identifies the main reasons for the decline in the quality of training of technical students in the humanities, highlighting among them low motivation, reduced classroom load in history, philosophy and other academic subjects, the complexity of the transition to a competence-based approach in russian education. The author suggests ways to solve the existing problems: development of clear criteria for assessing knowledge, skills and certification across the entire block of humanitarian disciplines, further deepening of inter-subject relations, improving the forms of evaluation tools.

Keywords: humanitarization of higher education, higher technical education, humanities

Овладение системой знаний, необходимых для выработки профессиональных умений и навыков высококвалифицированных инженеров, эффективно при формировании профессиональных знаний и умений через гуманистические механизмы самоорганизации и саморазвития личности. Это подтверждает необходимость гуманитаризации технического образования и дальнейшего повышения качества преподавания дисциплин гуманитарного цикла. Однако решение данной задачи осложняется комплексом проблем типичных для большинства российских технических вузов.

Значительная часть студентов, поступивших на инженерные специальности, обладает низким уровнем подготовки по истории, обществознанию, русскому языку и литературе. В силу деградации средней школы в России поступившие в вуз юноши и девушки не умеют написать и правильно оформить реферат, вести грамотный конспект, испытывают сложности в публичных выступлениях. Многие из них, по сути, не умеют учиться. В вузе приходится

доучивать за среднюю школу как знаниям по конкретным предметам, так и навыкам учебной деятельности. При этом страдает освоение программы высшей школы.

Студенты, поступившие в технический вуз, ранее уделяли малое внимание гуманитарным дисциплинам, так как готовились к ЕГЭ по предметам естественно-математического цикла, которые требовались для поступления в избранное ими учебное заведение.

Общий уровень подготовки снижается наличием значительного количества студентов из-за рубежа, далеких от проблем истории, тем более истории России. Значительная доля иностранцев выпадает из учебного процесса, не обладая достаточным для участия в обсуждении вопросов, знанием языка и имея весьма смутные представления об исторических событиях, выходящих за рамки своего родного региона. В рамках сократившихся аудиторных часов тратить время на объяснения элементарных вещей нескольким студентам непродуктивно. Поэтому для многих иностранных студентов обучение превращается в самостоятельное изучение учебной литературы и выполнение письменных заданий. А ведь их учеба стоит серьезных денег.

Усугубляет ситуацию периодическое уменьшение количества часов, отводимых на изучение гуманитарных предметов, продолжается исключение гуманитарных дисциплин из учебных планов. Резкое снижение объема работы студентов с преподавателем превращает изучение дисциплины в самостоятельный процесс, а уважаемых коллег превращает в подписывальщиков зачетов. К тому же в учебном процессе наблюдается значительный перекос в сторону лекционных занятий, которых нередко в два раза больше, чем практических занятий. В результате преподавателю, ведущему семинары в лучшем случае у 7-8 групп за 5-6 встреч редко удается даже запомнить всех студентов, не говоря уже о какой-то эффективной оценке их знаний, умений и навыков.

Понижение статуса дисциплины определяется также переходом в промежуточной аттестации по предмету от экзамена к зачету, который не является даже дифференцированным. В ряде вузов страны такой переход коснулся истории и философии. Получается на словах руководство, начиная с президента страны, заявляет о необходимости воспитания патриотизма, гражданственности, а на деле создаются условия для массового производства манкуртов.

Проблемой изучения гуманитарных дисциплин является отсутствие позитивной мотивации части студентов. Они полагают, что знание истории, философии, социологии или других гуманитарных дисциплин в их будущей профессиональной деятельности им не понадобится, потому гуманитарная информация ими воспринимается избирательно [1, с. 112]. Эта избирательность и невнимание к предмету зачастую усиливается скучным наполнением гуманитарных дисциплин, большим объемом предлагаемого к изучению материала.

Среди причин снижения качества постоянное изменение требований стандартов, а также отсутствие выверенного учебника, позволяющего раскрыть их требования.

Цели государственных образовательных стандартов выражены в компетенциях, которые необходимо сформировать у обучающихся. Например, способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально историческом, этическом и философском контекстах. Заданные Министерством образования и науки РФ формулировки расплывчатые, что вызывает проблему оценки качества их формирования.

Для выявления уровня сформированности компетенций предлагается создание ситуаций, в которых студент может их проявить [2, с. 5]. Отдельные компетенции могут проявляться во внеучебной деятельности, значит и оценивать их могут не только преподаватели проводящие занятия, но и кураторы групп, ответственные за воспитательную работу, руководители студенческих научных исследований, руководители учебных и производственных практик. В условиях организованных деловых игр, тренингов, реально-проводимых мероприятий можно через отчеты и самоотчеты установить уровень сформированности конкретной компетенции.

Помимо индивидуальных оценок целесообразно применять групповые и взаимные оценки: рецензирование студентами работ друг друга, оппонирование студентами выступлений, презентаций и др.

Важным способом повышения эффективности учебной деятельности является правильный выбор оценочного средства. Нельзя проводить промежуточную аттестацию только в теоретическом виде, так как каждая дисциплина даже гуманитарная ориентирована на внесение своей доли в формирование компетенций, а компетенции не могут выражаться только через знание. Поэтому необходимо дополнять вопросы к зачету и экзамену практико-ориентированными заданиями, задачами, упражнениями, тестами.

Особое место в подготовке специалистов по гуманитарным предметам отводится круглым столам, научным дискуссиям, конференциям. Эта форма работы позволяет оценить умения и степень владения полученными знаниями и умениями, что немаловажно при подготовке любого специалиста. В идеале каждый студент в течении всех курсов обучения должен работать на несколькими приоритетными темами (проектами), рассматривая их точки зрения как гуманитарных, так и технических наук.

Литература

1. Вишевская М.В. Формирование гуманитарной культуры в условиях профессиональной подготовки студентов-инженеров // Изв. Саратов. ун-та. Т. 11. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. С. 110-113.
2. Оськин С.В. Методические рекомендации по процедуре оценивания знаний, умений, навыков и опыта деятельности, на этапах формирования компетенций: учеб. пос. Краснодар, 2016. 53 с.

К вопросу параллельности возникновения первых государств и цивилизаций

Гаджиев Ровшан Сабир оглы

Институт философии Национальной Академии Наук Азербайджана, ведущий научный сотрудник. Кандидат философских наук

vinodelrovshan1@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема возникновения первых государств и цивилизаций. Основным предметом исследования является вопрос о параллельности возникновения первых государств и цивилизаций. Выясняется, что до сих пор ученым не удалось вразумительно ответить на следующий вопрос – почему первые государства и цивилизации появились в IV тысячелетии до н.э. синхронно и независимо друг от друга в разных регионах земли? В процессе исследования выявляется, что посредством экстерналистского подхода невозможно решить без противоречий выше сформулированный вопрос. Предлагается авторская гипотеза, на основе которой предпринимается новый подход к решению проблемы. На основе конкретных примеров показывается, что посредством гипотезы возрастной периодизации интеллектуальной эволюции человечества удается ответить без противоречий на выше поставленный вопрос.

Keywords: первые государства, первые цивилизации, экстерналистский подход, онтогенез, принцип имманентного изменения, интеллектуальная эволюция человечества.

On the issue of parallelism in the emergence of the first states and civilizations.

Hajiyev R.S.

Azerbaijan National Academy of Sciences, The Institute of Philosophy

Abstract. The article considers the problem of the emergence of the first states and civilizations. The main subject of research is the question of the parallel occurrence of the first states and civilizations. It turns out that so far scientists have not been able to intelligently answer the following question – why the first states and civilizations appeared in the IV millennium BC synchronously and independently from each other in different regions of the earth? In the process of research, it is revealed that through the externalist approach it is impossible to solve the above formulated question without contradictions. An author hypothesis is proposed, on the basis of which a new approach to solving the problem is undertaken. Based on specific examples, it is shown that, using the hypothesis of age-related periodization of the intellectual evolution of mankind, it is possible to answer the above question without contradiction.

Keywords: first states, first civilizations, externalist approach, ontogenesis, principle of immanent change, intellectual evolution of humanity.

Введение

Еще с античных времен и по сей день философы, ученые уделяют большое внимание проблеме возникновения социокультурных систем, являющихся активными субъектами исторического процесса (достаточно вспомнить работы Платона и Аристотеля о государстве). Речь идет о таких типах социокультурных систем, как племя, народ, государство и т.п.

Следует отметить, что в поисках решения рассматриваемой проблемы среди специалистов нет единого мнения. Например, Р. Л. Карнейро считает, что ни одна из выдвинутых теорий по возникновению государств не может считаться удовлетворительной

[5, с. 55]. В частности, не найден удовлетворительный ответ на вопрос – почему первые государства и цивилизации возникли в IV тысячелетии до н.э. параллельно и автономно?

Анализ экстерналистских подходов

Решение проблемы посредством экстерналистского подхода вызывает определенные трудно разрешимые вопросы. Рассмотрим некоторые из них.

Первый проблемный момент рассматриваемого вопроса связан с тем, что в Великой Месопотамии (как на юге, т.е. в Шумере, так и на севере Месопотамии), а также на севере Сирии первые государства появляются постепенно, на основе сменивших друг друга хассунской, самарской, халафской и достаточно развитой убейдской культур (с VII тысячелетия по IV тысячелетие до н.э.). Для возникновения же первых государств Верхнего и Нижнего Египта потребовалось немногим более тысяча лет. Вот что пишет по этому вопросу Ю. Заблоцка: «Начавшись несколько позднее, социально-экономические преобразования в Египте протекали в ускоренном по сравнению с Месопотамией и Сузианой темпе. Процессы, длившиеся в Юго-Западной Азии 4 тысячелетия, в Египте заняли немногим более тысячи лет» [4, с. 83].

Второй момент рассматриваемого вопроса интересен тем, что имена первых исторических личностей, т.е. царей, фараонов Древнего Востока фиксируются лишь в конце IV - начале III тысячелетия до н.э. (например, Нармер, Менес, Мескиагашер). Этот факт требует пояснения. Известно, что первые цари истории человечества были правителями городов. А первые государства и цивилизации формировались на основе городов (поэтому в Месопотамии они называются городами-государствами, а в Египте номами). Однако города появились намного раньше, чем это может показаться. Можно отметить, что на Ближнем Востоке до рассматриваемой эпохи уже существовали поселения городского типа. В частности, это крупные поселения городского типа Хаджилар и Чатал-Хююк на юге Турции (VII- VI до н.э.); в этих поселениях проживали по 6-8 тысяч человек. Это древние города Убейдской культуры V тысячелетия до н.э. (Эриду, Тепе-Гавра, Хамукар и др.), имевшие общественные здания и религиозные сооружения (о городах неолитической эпохи можно подробно узнать в работе Дж. Мелларта: [8]). В целом, приходится удивляться тому, что и в Месопотамии, и в Древнем Египте имена первых государей появляются почти синхронно именно в конце IV тысячелетия до н.э.

Третий момент рассматриваемого вопроса также представляет собой большой интерес, так как государства и цивилизации появляются в разных географических зонах, а значит, на основе природного фактора трудно объяснить их возникновение – синхронно и независимо друг от друга. Как известно, появление государств долгое время связывали с берегами крупных рек, где сложилось ирригационное земледелие. Однако исследования последних десятилетий показывают, что первые государства возникали не только на берегах крупных рек, но и в предгорных районах, а также на островах (крито-микенская культура конца III тысячелетия до н.э.). Исследования Н. В. Козыревой показывают, что на Севере (имеется в виду север Месопотамии и Сирии) города с политической властью возникли не позже, чем в Шумере: «Политические институты Севера, вероятно, очень рано приняли централизованную форму. Правящую верхушку составляла родовая аристократия во главе с царем, власть которого переходил по наследству» [6, с. 21]. При этом возникла власть не на основе коллективного труда территориальных общин, занимающихся ирригационным земледелием, а за счет труда отдельных патриархальных семей [6, с. 21], которые использовали для увлажнения почвы подземные воды. Можно отметить, что даже в Месопотамии (на юге, где жили шумеры, и на севере, где обосновались семиты) общественно-исторические, культурные и природные условия образования государств были кардинально различны. По этому вопросу Н. В. Козырева пишет: «Шумер и Аккад – это две совершенно разные по типу и по принципиальным фундаментальным установкам культурно-исторические системы» [7, с. 35]. В таком случае, что является причиной того, что именно в

конце IV тысячелетия до н.э. в городах Ближнего Востока почти синхронно появляются государи?

Как видно из предыдущих суждений, трудно выявить причины синхронного возникновения первых государств и цивилизаций на основе экстерналистских факторов. Причину их возникновения можно объяснить без противоречий на основе имманентного подхода или же духовного фактора, как говорил об этом К. Ясперс, рассуждая о проявлениях осевой эпохи [11, с. 44, с. 47-48].

Авторский подход к решению проблемы

Известно, что крупный социолог П. Сорокин, рассуждая о причинах развития социокультурных систем, исходил из принципа имманентного изменения [9, с. 797-818]. Исходя из этого же принципа, мы рассматриваем человечество как предельную социокультурную систему, являющееся духовным целым и, опираясь на наши многолетние исследования [12] считаем, что оно интеллектуально развивается (как говорил об этом О. Конт и др.), подобно процессам, происходящим в онтогенезе. Наш подход основывается на авторской гипотезе возрастной периодизации интеллектуальной эволюции человечества. Гипотеза прошла длительную и основательную апробацию на разных форумах – научно-философских конгрессах и конференциях [1 – пленарный доклад], и была обоснована конкретными археологическими, историческими и иными научными фактами в монографии автора [12]. Не вдаваясь в подробности всех этих научных работ и выступлений, мы вкратце выразим свой подход к проблеме.

По нашему мнению, появление государств и цивилизаций в IV тысячелетии до н.э. синхронно и независимо друг от друга можно объяснить тем, что именно в эту эпоху появились первые люди, осознающие свою способность и значимость для управления обществом. Их трудно назвать еще личностями, т.к. для этого следовало мыслить свободно, освободиться от табу, от традиционных норм поведения и мифологического мировоззрения. Вместе с тем, согласно авторской гипотезе [1; 2], и государства, и цивилизации возникают потому, что на исторической арене появляется государь!

Чтобы понять процесс формирования личностного начала в рассматриваемую эпоху, следует обратить внимание на мысли известного востоковеда В. А. Якобсона: «Выработка представления о человеческой личности была очень медленной и заняла основную часть того времени, которое мы именуем древностью. Понятие об индивидуальной вине и индивидуальной ответственности, столь привычное и естественное для нас сегодня, первоначально отсутствовало, поскольку отсутствовало само понятие индивидуальности, и человек рассматривался как неотъемлемая составная часть рода и племени» [10; с. 108]. Именно поэтому за долгие тысячелетия неолита, когда были построены города, произошло социальное расслоение общества, возникли крупные сельские хозяйства, действовали советы старейшин и жрецы древних обществ, все же не происходило становление государства (т.е. трудно объяснить проблему на основе экономического фактора). Человечество еще не созрело интеллектуально, чтобы отдельные его представители смогли проявить себя как лидеры общества, взять ответственность на себя. Но в IV тысячелетии до н.э. положение изменилось. Это был тот период в историческом процессе, когда человечеству в его интеллектуальном развитии исполнилось условных «11» лет [более подробно см.: 1; 2]. Другими словами, появились первые люди – лидеры, выступающие от своего имени (до этого этапа истории все вопросы социальных систем решались коллегиальным способом) как медиумы между богом и народом; т.е. государи – наместники бога на земле, которые, наравне с их экономической и социокультурной деятельностью, формировали мировоззрение своих подданных.

Проявление личностного начала в эту эпоху показывает себя и в возникновении эпосов, посвященных лидерам древнего мира, их героической памяти. Мы считаем, что проявление личностного начала, возникновение письменности, а также наук и образовательных школ [3,

с. 61] имеет одну причину – интеллектуальное развитие человечества, когда появились первые ростки формального или же абстрактного мышления. Очень интересны в этом контексте суждения Н. В. Козыревой, которая отмечает, что в течение двух тысячелетий (VI и V тысячелетия до н.э.) социальные различия относились не к отдельным индивидам, а социальным группам. Далее она пишет: «Эта ситуация начинает постепенно меняться с первых веков IV тыс. до н.э., когда на территории Великой Месопотамии (т.е. Шумера и северной части Месопотамии – прим. Р.Г.) начинается процесс формирования политических структур, который в конце IV – в начале III тыс. до н.э. привел к образованию здесь государственности. Очевидно, не случайно начало процесса совпадает с появлением первых свидетельств языковой, культурной и этнической идентификации населения этого региона» [6, с. 17]. Мы считаем, что совпадение процессов, на которые указывает Н. В. Козырева в своей статье, происходило действительно не случайно и объясняется интеллектуальным возрастом человечества [об этом более подробно см.: 1, с. 271; 2, с. 90].

В заключении хотелось бы отметить, что с помощью авторской гипотезы можно объяснить без противоречий не только параллельность образования первых государств и цивилизаций (IV тыс. до н.э.), но и процессы мезолита (X тыс. до н.э.), неолита (VII тыс. до н.э.), а также верхнего палеолита [12, с. 41-162], происходившие одновременно в разных уголках мира; в том числе, поднятую К. Ясперсом проблему возникновения философских школ (I тыс. до н.э.) в разных регионах земли, синхронно и независимо друг от друга [11, с. 33].

Литература

1. Гаджиев Р.С. К обоснованию гипотезы о возрастной периодизации интеллектуальной эволюции человечества // Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии: материалы Международной научно-образовательной конференции. Казань: Казанский университет. 2012. С. 266-273.
2. Гаджиев Р.С. Философский анализ исторического процесса: в поисках закономерности // Научный журнал «Вестник Калмыцкого Университета». 2016. №3(31). С. 86-92.
3. Дьяконов И. М. Научные представления на древнем Востоке (Шумер, Вавилония, Передняя Азия) // Очерки истории естественных наук в древности / Отв. ред. А. Н. Шамин. М.: Наука, 1982. С. 59-119.
4. Заблоцка Ю. История Ближнего Востока в древности. М.: Наука, 1989. 415 с.
5. Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55-70.
6. Козырева Н. В. Взаимодействие этнических групп в ранней истории Месопотамии // Вестник Древней Истории. 2011. № 3(278). С. 3-30.
7. Козырева Н. В. Шумер и Аккад – две модели архаических обществ // Ассириология и египтология. СПб.: Скифия, 2004. С. 11-49.
8. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982. 149 с.
9. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
10. Якобсон В. А. Введение в историю бюрократии // Вестник древней истории. 2012. № 1. С. 81-125.
11. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.
12. Nəsiyev R.S. Tarixi prosesin inkişaf dinamikası və ya qloballaşmaya aparən intellektual təkamül yolu [Динамика развития исторического процесса или интеллектуально-эволюционный путь, ведущий к глобализации]. Bakı: Xəzər Universiteti, 2015. 352 s. (на азербайджанском)

Социальное пространство и время в контексте формирования искусственного интеллекта

Газизов Р.Р.

Башкирский государственный университет, доцент. Кандидат технических наук

Rael888@mail.ru

Аннотация: Социальное пространство и время не столь прозрачно для понимания как это принято в точных, эмпирических науках. Гуманитарное знание характеризует мысли, доступные, зачастую, не объяснению, а пониманию. В данном отношении искусственный интеллект, означающий выбор наилучших программ среди существующих, связан с дифференциацией рассуждений о реальности и о самой познавательной способности человека. Искусственный интеллект, в связи с этим, имеет отношение к логике доверия к программам (ведь, как известно, робот, в отличие от искусственного интеллекта, работает по строго определённой программе, тогда как искусственный интеллект связан с задачей выбора из существующих программ наилучшей). Искусственный интеллект увеличивает значение и роль социального пространства и времени в контексте ориентации самого знания на гуманитарные науки. Это, в свою очередь, даёт возможность прогнозирования духовных и социальных процессов.

Ключевые слова: социальное пространство и время, искусственный интеллект, гуманитарное знание, сознание и самосознание, основания гуманитарного знания, проблема открытия нового знания в пространственно-временном ключе.

Исследование социального пространства и времени в контексте проблемы формирования искусственного интеллекта выступает проблемой трудно формализуемой в сфере человеческого знания. Формализуемость и неформализуемость гуманитарного знания, сопряжённого с формированием искусственного интеллекта, упирается в наличие огромного количества идей, которые трудноуловимы для познания. Мы часто сталкиваемся не с рассуждениями, а с правдоподобными мифами о реальности с отсутствием контроля за самой «степенью» правдоподобия выводов. Когда мы ведём речь об искусственном интеллекте, который, безусловно, отличен от интеллекта естественного, то весьма трудно говорить о контроле «за степенью правдоподобия выводов» [1, с. 26].

Социальное пространство и время в контексте идеи становления искусственного интеллекта связаны с логикой открытия, которое, безусловно, имеет пространственно-временную составляющую. Информация передаётся от точки к точке пространства-места и искажается. При этом возникает вопрос о самой логике аргументации. Заметим, что сама по себе проблема представления знания в системе искусственного интеллекта связана с применением не только декларативного знания, но и знания понятийного. Информация, которая распространяется от одного места пространства в другое место, искажается. При этом знания могут оказаться упорядоченными по степени истинности. Следствия, которые выводятся из таких знаний, зачастую, не соответствуют культуре обобщённых отражений действительности. Пространство информации, в этом случае, оказывается связанным со стремлением уловить непосредственно-жизненное взаимодействие человека с социальной действительностью. Но действительность не только любит скрываться, но и не поддаётся конструированию. Социальное время является важнейшим аспектом гуманитарного знания. В связи со сказанным возникает проблема разграничения понятий робота и искусственного интеллекта. Если «робот» работает по определённой программе, то искусственный интеллект обладает способностью выбора из существующих программ наилучшей, наиболее оптимальной. Но при этом само представление знания (если вести речь об искусственном интеллекте) становится не только декларативным знанием, но и знанием, которое имеет понятийное, категориальное значение.

Заметим, что в пространстве-времени знания могут быть упорядочены по степеням истинности, тогда как следствия, которые выводятся из них, получаются как «посредством применения правил достоверного, так и посредством применения правил правдоподобного вывода» [1, с.129]. В гуманитарном знании «логическое замыкание» не выступает как чисто дедуктивное. Искусственный интеллект имеет «оболочку» вполне релевантного знания, которая наталкивается на правдоподобные выводы. Искусственный интеллект имеет «оболочку» вполне релевантного знания, которая наталкивается на правдоподобные выводы. Искусственный интеллект (в отличие от естественного, который предполагает воображение, интуицию человека) требует специальной характеристики.

В данном случае, «историческое» вполне совпадает с «логическим». Интеллектуальные системы в этом плане применимы к целому ряду задач социальных, поведенческих наук. Развитие же «ситуационной» логики создаёт возможность применения систем интеллекта для анализа и прогнозирования культурных, социальных процессов, развивающихся в пространстве и времени.

Необходимо заметить, что различные события, разворачивающиеся в пространственно-временном континууме, обладают достаточным сходством. Это возможно по причине того, чтобы социальные механизмы одной культурной эпохи оказались вполне совместимыми с общественными механизмами другой.

Действительно, очень сложно указать на объект большей сложности, чем само общество. Сама личность человека, затем, социальные организации, традиции, эпохи стабильности и периоды общественных потрясений – это далеко не полный перечень понимания тех аспектов, которые необходимы для понимания стохастического социума научными методами. Сегодня на передний план исследований выдвигается искусственный интеллект, который, в отличие от интеллекта естественного, почти не обращает внимания на чувства человека, а чувства есть «энергия», т.е. жизнь. Чувства связаны с «душой» человека; напротив, бездушность составляет предпосылку бездуховности, т.е. «неразвитость в выборе ценностных ориентаций» [2, с.103].

Искусственный интеллект, его становление, хотя и облегчает жизнь человека, тем не менее, он же формирует смысловое пространство и время «Лица», смысловое целое каждого человека. Д.И. Дубровский, в принципе, согласен с Э.В. Ильенковым в главном – с признанием «надличностного» статуса общественного сознания, с признанием «объективности» культурных ценностей» [3, с.46]. Искусственный интеллект в этом плане не в силах обратиться к духовному знанию, которое в истории философии анализируется как некая ступень развития, постоянно возвышающаяся над растительным, животным, душевным миром человека. И в душевном, и в духовном мире искусственный интеллект, как и «робот», как и душевная жизнь первобытного человека, предстаёт в неразвитом виде и он, в принципе, без человека-творца, без самой «продуктивной способности воображения» (И. Кант) сводится к растительному существованию самого индивида.

В молодёжной культуре, в самом шоу-бизнесе, сегодня так много животных и растительных тенденций. Пространство и время становятся «мерцающими», своеобразными «складками» общественного бытия, а сами «ядерные» силы социальности отодвигаются на задний план социальной и духовной жизни. Животные тенденции характеризуются большей энергичностью, чем растительные. Но не следует сетовать на бездуховность молодёжи. Ведь социальное пространство и время её развития производится социальными условиями и общением. Но для этого необходимы развитость души молодого человека и душевная работа, т.е. естественный интеллект.

Так что формирование искусственного интеллекта совершается в борьбе за духовное начало в человеке, а духовное, зачастую, рассматривается как некая ступень развития, возвышающаяся над растительным и душевным состоянием индивида и социума в целом. Искусственный интеллект, в принципе, должен пробиваться к высотам духовного развития путём подавления природных склонностей души, т.е. особенностей психической и чувственной жизни и даже путём подавления любви, привязанности человека к человеку.

Искусственный интеллект, взятый в социальном пространстве и времени, зачастую, отвергается не только в своей материальной и социальной формах, но и в самой жизненной форме души, т.е. мира реальных чувств, свойственных человеку, согласно его природе.

Для молодого человека внешний мир может оказаться лёгким и доступным, хотя и весьма трудным. Пространство и время «сворачиваются» здесь в некую «точку», поскольку само переживание человека оказывается сложным. Молодой человек стремится получить удовольствие от своего мироощущения. Это удовольствие добывается, зачастую, бессознательным образом и обеспечивается непосредственной данностью предмета потребности.

Напротив, животной стадии жизни соответствует реальность, которой соответствует модель трудного и внутренне простого мира. Искусственный интеллект при этом наталкивается на трудный мир, который в сочетании с духовным, внутренним миром, создаёт энергичную устремлённость субъекта к цели своего существования – реализовывать наиболее полным образом свои сущностные силы.

Естественный интеллект (в отличие от искусственного интеллекта) оперирует внутренне сложным миром. Он связан со свободой выбора человека. Но если естественный интеллект сталкивается с «душами» людей, то искусственный сегодня всё более и более отдаляется от чувств. Последние занимают очень малое место в общественном бытии людей, а между тем, чувственная культура порождает именно те ценности, которые связаны с душевной жизнью людей, где социальное пространство всё более и более оказывается связанным с социальным временем, с социальной памятью людей, которую трудно запрограммировать и, тем более, структурировать, соотнося с уровнями чувственной, душевной жизни. Социальное пространство и время, когда речь заходит об искусственном интеллекте, обладают способностью сдвигаться в сторону пространства интеллекта и отдаются от романтического измерения данного интеллекта. Искусственное более соотносится с реальным, чем с романтическим временем событий. Сегодня, когда искусственное стремительным образом подавляет всё естественное, не остаётся времени получать само удовольствие от жизни, которая требует не только размеренности чувств, но и трансцендирования за границы устоявшихся форм быта и повседневного существования человека.

Искусственный интеллект, другими словами, стремительным образом сжимает социальное пространство и время людей, несмотря на свою значимость в деле организации форм их повседневного существования. Напротив, интеллект естественный, основанный на самой продуктивной способности воображения, расширяет и обогащает в содержательном плане время, которое оказывается обусловленным свободой нравственного, духовного выбора человека.

Литература

1. Финн В.К. Искусственный интеллект: методология, применение, философия. М.: Красанд, 2011. 448 с.
2. Федотова В.Г. Практическое и духовное освоение действительности. М.: «Наука», 1991. 142 с.
3. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983. 228 с.

Рецензия философии Авенариуса в России

Гайдабрус Н.В.

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет», г.о. Королёв, доцент. Кандидат философских наук

n.v.gaidabrus@yandex.ru

Аннотация. Философская точка зрения Рихарда Генриха Людвиг Авенариуса (Habermann) (19.11.1843-18.08.1896) до сих пор мало освоена и представлена в философской мысли в современной России. Однако на рубеже XIX-XX веков она вдохновляла многие умы того периода. Исследованием взглядов Авенариуса занимались Лесевич В.В., Тронин В.В., Гуревич А.В., Челпанов Г.И., Филиппов М.М., Викторов Д.В. и другие. В силу исторических обстоятельств время для непредвзятого понимания концепции Рихарда Авенариуса на столетие остановилось. До сих пор издания русских переводов его сочинений существуют только в дореформенной орфографии. Теперь можно снова идти вперед к Авенариусу, поэтому актуальным является рассмотрение того, как в России изначально появлялись и распространялись его философские открытия.

Ключевые слова: Рихард Авенариус, познание, критика чистого опыта, научная философия, эмпириокритицизм.

Avenarius: appearance in the philosophical thought in Russia.

Gaidabrus N.V.

State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region - «Technological University» (Korolev)

Abstract. The philosophical point of view of Richard Heinrich Ludwig Avenarius (Habermann) (19.11.1843-18.08.1896) is still little mastered and represented in philosophical thought in modern Russia. However, at the turn of the 19th and 20th centuries, it inspired many minds of that period. The views of Avenarius were studied by Lesevich V.V., Tronin V.V., Gurevich A.V., Chelpanov G.I., Filippov M.M., Viktorov D.V. and others. Due to historical circumstances, the time for an unbiased understanding of the concept of Richard Avenarius has stopped for a century. Until now, the publications of Russian translations of his works exist only in pre-reform spelling. Now it is possible to go forward again to Avenarius, so it is relevant to consider how his philosophical discoveries originally appeared and spread in Russia.

Keywords: Richard Avenarius, cognition, critique of pure experience, scientific philosophy, empiriocriticism.

Лесевич Владимир Викторович (1837-1905)

В 1877 году в журнале «Отечественные записки» выходит статья Лесевича Владимира Викторовича (1837-1905) «Современная философская литература на Западе», в которой он представляет новый философский журнал в Германии «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie» (Ежеквартальный журнал научной философии). Лесевич подробно излагает содержание статьи редактора Рихарда Авенариуса (1843-1896) и говорит, что «первый по времени научно-философский журнал в Германии обещает быть весьма видным явлением в необширной философской журналистике не только в Германии, но и во всей Европе, и окажет, несомненно, развитию научной философии важные услуги» [1, с. 51]. В своей статье Лесевич упоминает также труд Авенариуса «Philosophie als Denken der Welt gemäß dem Prinzip des kleinsten Kraftmaßes. Prolegomena zu einer Kritik der reinen Erfahrung» (1876), отмечая, что «сочинение Авенариуса, обещающее быть весьма важным вкладом в юную

литературу научной философии в Германии, едва еще начато, и оригинальный принцип его (Princip des kleinsten Kraftmasses) требует еще развития и пояснения» [1, с. 48]. Лесевич продолжает мысли о философии Авенариуса в «Письмах о научной философии» (1878) [2]. В 1891 году Лесевич публикует этюд «Что такое научная философия?», в котором подробно разбирает «Philosophie als Denken der Welt gemäß dem Prinzip des kleinsten Kraftmaßes», упоминает вышедшую «Kritik der reinen Erfahrung», но замечая, что не будет пользоваться ею, рассматривает взгляды ученика, последователя и сотрудника журнала Авенариуса Йозефа Петцольдта (1862-1929), изложившего их в статье «Zu Richard Avenarius' Prinzip des kleinsten Kraftmasses und zum Begriff der Philosophie», помещенной во втором выпуске журнала Авенариуса за 1887 год [3].

В своей статье в журнале «Русское Богатство» за 1896 философию Авенариуса Лесевич называет «наследием XIX-го века» [4, с. 235] и в заключении пишет, «что не иметь понятия о воззрениях Авенариуса в настоящее время, по меньшей мере, неудобно, а игнорировать или же замалчивать их просто-таки позорно» [4, с. 267-268].

В 1898 году Лесевич издает второе пересмотренное и дополненное издание «Введения в «Критику чистого опыта» ученика, биографа и последователя Авенариуса Фридриха Карстаньена. В 1901 году Владимир Лесевич переводит с польского сочинение ученицы Авенариуса Жозефины Эразмовна Кодис (1865—1940) «Эмпириокритицизм (Рихард Авенариус, Эрнст Мах. Критика Вундта)» [5].

В 1903 году в Русской высшей школе общественных наук в Париже Лесевич прочел успешную лекцию, посвященную переходу «от Конта к Авенариусу, который он и сам совершил на своем философском пути» [6, с. 27].

В 1909 году, через 4 года после смерти Лесевича, была опубликована приписываемая ему работа «Эмпириокритицизм как единственная научная точка зрения». Впоследствии выяснилось, что это был перевод Владимира Викторовича статьи ученика Авенариуса Рудольфа Вилли [6, с. 35].

Тронин Вадим В. (прим.1863-1929)

Вадим Тронин приехал в Цюрих в 1893 (ему было около 30 лет), слушал частные лекции Авенариуса у него дома, вошёл в узкую группу учеников. Он эпизодически сотрудничал с журналом Авенариуса, посвящая себя, прежде всего, переводу главного произведения Авенариуса — «Критики чистого опыта». В 1900 году в статье об Авенариусе в Большой энциклопедии Южакова говорилось, что перевод «Критика чистого опыта» по данным Карстаньена и Лесевича подготовлен В.В.Трониным и готовится к печати. Надо заметить, что в данной статье допущена опечатка в названии работы Карстаньена – Введение в критику чистого разума [7, с. 50]. В 1898 году в обзоре статей журнала «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie» за 1897 год Тронин писал, что после смерти профессора Рихарда Авенариуса в 1896 г. журнал перешел к Фр. Карстаньену и О.Кребсу, и издается ими при содействии А.Риля и Э.Маха. Что касается направления журнала, то оно было выражено Авенариусом в следующих словах, которые и новая редакция взяла своим девизом: «исходя из предположения, что наука возможна лишь постольку, поскольку основу её составляет опыт, Vierteljahrsschrift будет служить только той философии, которая будет наукой в смысле этого предположения» [8, с. 238].

Трониным было введена в русский оборот основная часть терминов Авенариуса, которые впервые использовал Лесевич при переводе Карстаньена.

Гуревич Арон Владимирович (1875-1902)

Арон Гуревич в 1891 году поступил на философский факультет Берлинского университета, а затем переехал в Цюрих к Авенариусу. Гуревич хотел написать под руководством Авенариуса докторскую диссертацию, но тот был тогда уже тяжело болен и

порекомендовал молодого учёного профессору Кюльпе. К сожалению, в 1902 году, в возрасте 27 лет Арон Гуревич умер. Свои статьи он публиковал в журнале «Жизнь».

Луначарский Анатолий Васильевич (1875-1933)

В 1895 году Луначарский приехал в Цюрих, став слушателем Авенариуса. В 1904 году Луначарский пишет: «К этому времени созрел совершеннейший плод истинно-научной, т.е. позитивной философии, это был критический реализм, или эмпириокритицизм. Его первоучителями одновременно явились два гениальных мыслителя [Рихард Авенариус и Эрнст Мах]...» [9, с. 58]. Здесь же Луначарский сетует, что переведена на русский язык только диссертация Авенариуса и крайне важное сочинение «Человеческое миропредставление».

«Если г. Тронин отложил свою работу, не будет ли он любезен сообщить об этом в печати, чтобы другие почитатели Авенариуса вместо бесплодного ожидания его перевода могли сами энергично приняться за эту благодарную работу» [9, с. 59]. Через год, в 1905 году, Луначарский публикует книгу «Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского». В Предисловии Луначарский пишет, что «давно сознавал безусловную необходимость появления такого изложения, но решиться самому взяться за эту задачу он считал рискованным, так как задача бережной популяризации идей учителя... чрезвычайно трудна... подобная работа потребует от него гораздо большего количества времени, чем то, какое он мог уделить ей. Но ближайшее знакомство с превосходным изложением «Критики чистого опыта», данным Петцольдтом в его «Введении в философию чистого опыта», устранило все препятствия» [10, с. V]. В работе «Этюды критические и полемические» (1905) в части «Теория познания» Луначарский рассматривает воззрения, «которые кладет в основу научной философии самая молодая, самая многообещающая философская школа», имея в виду эмпириокритицизм [11, с. 368].

Челпанов Георгий Иванович (1862-1936)

В 1898 году Челпанов публикует подробное изложение содержания основных работ Авенариуса и его учеников Фридриха Карстаньена, Йозефа Петцольдта, Жозефины Кодис, Рудольфа Вилли, Карла Гауптманна, отметив, что «философские сочинения Авенариуса представляют из себя самое выдающееся событие в области теории познания за истекшее десятилетие» [12, с. 2], в 1904 году Челпанов при переиздании своей статьи в монографии «Авенариус и его школа» заменяет словосочетание «истекшее десятилетие» на «последнее время» [13]. Челпанов изложил взгляды Авенариуса в Главе VI. «О реальности познания (эмпириокритицизм, критический реализм)» своего «Введения в философию», впервые изданного в 1905 году [14].

Филиппов Михаил Михайлович (1858-1903)

В 1898 году в пятом и шестом номере журнала «Научное обозрение», который был создан М.М.Филипповым в 1894 году, была опубликована его статья «О философии чистого опыта (Сообщение, прочитанное в заседании Философского Общества 16 апреля 1898 года)» [15]. В Приложении первого выпуска журнала «Научное обозрение» за 1899 была напечатана

«Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил. Прологомена к критике чистого опыта» в переводе Ивана П. Федорова (спустя 23 года после оригинальной публикации Авенариуса). В 1913 году эта работа Авенариуса вышла в переводе Гедала Котляра. В том же номере в статье «Русская философия в 1898 году» Филиппов пишет, что «немецкая научная философия только начала приобретать у нас приверженцев [16, с. 156]. Во втором и третьем номере за тот же 1899 год Филиппов помещает свою статью «Психология Авенариуса по неизданным материалам». Сочинение

Авенариуса 1894-1895 гг. «О предмете психологии» выходит в русском переводе Ив.К.Маркова в 1911 году.

В 1901 году в «Научном обозрении» печатается «Человеческое понятие о мире» в переводе И.Федорова (через 10 лет после выхода работы Авенариуса). В 1909 году издаётся в переводе Н.В. Самсонова.

Викторов Давид Викторович (1874-1918)

В журнале «Вопросы философии и психологии» выходят ряд работ Викторовича: в 1899 в № 49 рецензия на книгу Р. Авенариуса «Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил», в 1905 в № 77 «Критика чистого опыта», где автор давал отзыв о переводе работы Авенариуса с немецкого Иваном Федоровым, отмечая удовлетворительность перевода, несмотря на промахи, и ожидал перевод второго тома [17]; в 1907 в № 89 «Закон жизненного ряда», в 1908 в № 92 «Принцип наименьшей меры сил». В 1909 году вышло первое фундаментальное исследование взглядов Авенариуса «Эмпириокритицизм, или философия чистого опыта». В 1910 году Давид Викторович редактирует статью «Авенариус» четвертого переработанного издания «Настольный энциклопедический словарь» (1900) в Энциклопедическом словаре Гранат (1910). В первом издании 1891 года статьи об Авенариусе ещё не было. В 1913 году в трехлетней серии сборников «Новые идеи в философии» была помещена статья Викторовича «Психологические и философские воззрения Рихарда Авенариуса» [18].

Юшкевич Павел Соломонович (1873-1945) построил на основе эмпириокритицизма теорию символизма (эмпириосимволизм). **Чернов Виктор Михайлович** (1873-1952) и **Валентинов** (наст.Вольский) **Николай Владиславович** (1880-1964) видели в эмпириокритицизме научную основу для своих представлений о развития человека и общества.

Базаров (наст.Руднев) **Владимир Александрович** (1874-1939), **Суворов Сергей Александрович** (1869-1918), **Рожков Николай Александрович** (1868-1927) переосмыслили эмпириокритицизм для построения своей точки зрения. **Богданова** (наст.Малиновский) **Александра Александровича** (1873-1928) идеи Авенариуса, критически переосмысленные, привели к концепции эмпириомонизма.

В 1904 году в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона за авторством **Ивана Ивановича Лапина** (1870–1952) размещается статья «Эмпириокритицизм», а через год в дополнительном томе выходит его же статья об Авенариусе [19]. Статьи сопровождаются подробной библиографией.

Таким образом, в течение десятилетия после смерти Авенариуса произошел быстрый и яркий взлет его точки зрения в философской мысли в России.

Литература

1. Лесевич В.В. Современная философская литература на Западе. Новый философский журнал в Германии (Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie) // Отечественные записки. 1877. № 7. С.42-74. С.51.
2. Лесевич В.В. Письма о научной философии. Санкт-Петербург : изд. авт., 1878. VIII, 208 с.
3. Лесевич В.В. Что такое научная философия? Москва: Директ-Медиа, 2011. 458 с.
4. Лесевич В.В. Философское наследие XIX-го века // Русское богатство. 1896. № 12 (дек.). Ежемес. лит. и науч. журн. С.229-268.
5. Лесевич В. В. Эмпириокритицизм (Рихард Авенариус, Эрнст Мах. Критика Вундта. Соч. Ж. Э, Кодис) // Русская мысль. 1901. Кн.: IX. С.1-32.
6. Стейла Д. Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / Пер. с итал. О. Поповой. М.: Академический Проект, 2013. 363 с.
7. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания под редакцией С. Н. Южакова. Первый том. А – Арброс. 1900-1905. Тип. Книгоиздательского Т-ва «Просвещение». 889 с. Том первый. 1900.
8. Тронин В. «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie» №№ 1-4. // Вопросы философии и психологии. 1898. Книга 43. 256 с.

9. Луначарский А.В. Основные идеи эмпириокритицизма // Образование. Журнал литературный, научно-популярный и педагогический. 1904. № 10, Октябрь. 456 с. Отдел II. С.54-64.
10. Р. Авенариус. Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского. Новая теория позитивного идеализма. Критическое изложение А. Луначарского. М., изд. С. Дороватовский и А. Чарушников, 1905. 207 с.
11. Луначарский А.В. Этюды критические и полемические. М., 1905. 410 с.
12. Челпанов Г.И. Обзор новейшей литературы по теории познания. 1890-1898. Киев. 1898. 44 с.
13. Челпанов Г.И. Авенариус и его школа. [Киев], [1904]. 42 с.
14. Челпанов Г.И. Введение в философию. Глава VI. О реальности познания (эмпириокритицизм, критический реализм) / Сочинения: в 4 т. Т. 1.: Киев. 2014. 405 с.
15. Филиппов М.М. О философии чистого опыта // Научное обозрение. 1898. № 5. С. 924-937. №6. С.1054-1069.
16. Филиппов М.М. Русская философия в 1898 году // Научное обозрение. 1899. № 1.
17. Рихард Авенариус. Критика чистого опыта. Т. 1. Перевод с немецкого Ив.Федорова // Вопросы философии и психологии. 1907. Книга 91. С. 136-138.
18. Викторов Д. Психологические и философские воззрения Рихарда Авенариуса // Новые идеи в философии: Непериодическое издание, выходящее под редакцией профессора Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова. Сб. 1 – 17. СПб.: Образование, 1912– 1914. Сборник № 3. Теория познания. I. СПб.: Образование, 1913. 147 с. С.40-73.
19. Лапшин И.И. Авенариус / Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907. Доп. т. 1: Аа - Вяхирь. 1905. 478 с. С.11-15.

Рецепция понятия «мимезис» у Платона в миметической теории Р. Жирара

Гафуров М. В

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет, кафедра истории зарубежной философии, аспирант

max.gafurov@outlook.com

Аннотация. Данный доклад посвящен миметической теории Р. Жирара. Обращаясь к истокам самого понятия «μίμησις» (мимезис) в античной философии, автор рассматривает значение мимезиса у Платона, и прослеживает, как платоновская философия повлияла на миметическую теорию Жирара. У Платона мимезис встречается в диалоге «Государство». Жирар обращает внимание на то, что Платон хотя и не представляет нам какого-либо систематического описания данного феномена, однако он акцентирует внимание на отрицательном характере мимезиса. Безусловно, подобные замечания Платона не могли лечь в основу миметической теории Жирара. Более того Жирар называет платоновскую онтологию как «онтология имитации», хотя подобный взгляд на философию Платона следует рассматривать в качестве неклассической, постмодернистской интерпретации.

Ключевые слова: Р. Жирар, Платон, мимезис, миметическая теория, подражание, соперничество

Reception of the concept of "mimesis" by Plato in the mimetic theory of R. Girard. **Gafurov M.V.**

*Moscow state university named after M. V. Lomonosov, Faculty of philosophy,
History of foreign philosophy department*

Abstract. This report is devoted to the mimetic theory of R. Girard. Turning to the origins of the very concept of "μίμησις" (mimesis) in ancient philosophy, the author examines the meaning of mimesis in Plato, and traces how Plato's philosophy influenced Girard's mimetic theory. In Plato, mimesis is found in the dialogue "The Republic". Girard draws attention to the fact that although Plato does not provide us with any systematic description of this phenomenon, he focuses on the negative nature of mimesis. Of course, such remarks of Plato could not but form the basis of Girard's mimetic theory. Moreover, Girard refers to Plato's ontology as "the ontology of imitation," although this view of Plato's philosophy should be seen as a non-classical, postmodern interpretation.

Keywords: R. Girard, Plato, mimesis, mimetic theory, imitation, rivalry

Прежде чем непосредственно приступить к рассмотрению понятия мимезис у Платона, и его влияние на миметическую теорию Жирара, я кратко обозначу основные ее идеи. Раннее творчество Р. Жирара посвящено анализу литературы и литературной критике. Анализируя труды великих писателей, таких как М. Пруст, Стендаль, Ф. М. Достоевский, Г. Флобер, М. де Сервантес, У. Шекспир, Жирар обнаруживает определенную стратегию поведения героев романов. Жирар указывает на то, что между персонажами возникает соперничество, порожденное желанием другого. Таким образом, объект становится желанным, именно потому что его желает другой. Соответственно, объект желания побуждает к антагонизму двух желающих, и между желающими происходит миметическое взаимоотношение, то есть стремление подражать друг другу. Далее Жирар разделяет миметическое желание на два типа: 1) Присваивающий мимезис 2) Метафизическое желание. Присваивающий мимезис – это желание владеть тем, чем владеет другой, отсюда и появляется желание подражать другому. Метафизическое желание более радикально – это желание быть этим другим. Данную схему Жирар обозначает как «треугольное желание», когда в двух нижних углах располагаются оба соперника и в верхнем углу объект желания, а стороны треугольника